

МАРЧЕНКОВ С.Я.

ЛЮДИ
ТОГДА БЫЛИ
ДРУГИЕ

РОМАН

«НОРДМЕДИЗДАТ » САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2010 Г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	4
ИГОРЁК	8
ПЕРВЫЕ ШАЖКИ.....	8
ЭВАКУАЦИЯ.....	12
ПУТИ-ДОРОГИ	34
ВОЗВРАЩЕНИЕ	56
ЖЕЛЕЗО	94
ИГОРЬ.....	131
СОВХОЗ.....	131
ИНТЕРНАТ	174
СЕВЕР	194
АРМИЯ	236
РОТА.....	256
ИГОРЬ СЕРГЕИЧ	291
ГРАЖДАНКА.....	291
УНИВЕРСИТЕТ	310
НОВЫЕ ЛЮДИ И СОВКИ	338

ОТ АВТОРА

Игорь Сергеич стоит возле проволочной сетки, которой обнесена большая площадка. По площадке бегают нежно-жёлтые пушистые маленькие комочки — это цыплята. Их очень много, сотни цыплят. Площадка находится в центре птичника, который расположен в необычном месте вдали от посёлка — в лесу. Игорь Сергеич, замороженный представшей перед ним необыкновенно красочной картиной, не может оторвать от неё своих глаз. На фоне окружающих площадку тёмно-зелёных елей резкий контраст с ними составляет яркое нежно-жёлтое колышущееся маленькое море. Цыплята всё время в движении: добежав до одного края площадки, застыв на минуту, жёлтая волна откатывается в обратную сторону, а достигнув противоположного края, волна из жёлтых комочков снова откатывается назад. И так без конца — в одну сторону, потом в другую, в одну сторону, потом в другую. Игорь Сергеич стоит долго и любитесь огромным, красивым живым жёлтым пятном, которое, наверное, никогда не остановится. Куда бегут цыплята? Зачем они без конца бегут и бегут? Цыплят гонит инстинкт — они должны бежать за мамкой-курицей. Но курицы нет, и цыплята бегут за тем, кто есть — они бегут друг за дружкой. Каждый цыплёнок бессмысленно бежит за другими — все бегут, и он бежит. Он бежит "как все", бежит никуда и ни зачем.

Эта необычная картина навсегда врезалась в память Игоря Сергеича. И однажды ему пришло на ум дикое сравнение тех бегущих жёлтеньких цыплят с людьми, которые так же

бездумно бегут. Бегут только потому, что другие бегут. Каждый бежит "как все" — все бегут, и он бежит. И становится человек тогда не человеком — он становится цыплёнком, который бежит "как все". И если находится лидер, за которым побегут цыплята-люди "как все", то это очень часто приводит к большим бедам и потрясениям.

Нашёлся Маркс, который сказал: "Пролетарии! На Вашем труде, на Ваших плечах держится весь мир, а за Ваш счёт жируют другие! Идём и отберём у них всё, а управлять будем сами!". И цыплята побежали "как все". А кончилось всё только для одной России большими невосполнимыми людскими потерями — десятков миллионов человеческих жизней.

Потом нашёлся Гитлер, который сказал: "Немцы! Вы особенные! Вы должны управлять другими! Идём! И подчиним себе других!". И цыплята побежали "как все". А кончилось всё опять людскими потерями — опять многими десятками миллионов человеческих жизней.

Люди-цыплята были во все времена, и всегда будут. Но не всех людей можно причислить к цыплятам, которые стремятся быть "как все", бежать "как все". Есть люди, которые всегда и на всё имеют своё собственное мнение. Такие люди, если их много, могут поколебать слепую веру людей-цыплят в "идеи" таких "гениев" как Гитлер, Маркс и прочих.

Автор книги, как, конечно, и многие другие, видит, что изменяется время, изменяются люди, события прошлых лет стираются из памяти. И представление о недалёком прошлом воспринимается людьми, особенно молодёжью, в искажённом виде: часто противоречиво, часто не правдиво, часто преподнесённое предвзято с определённых позиций. Читателю предлагается правда — правда изнутри жизни, воспринятая глазами одного самого обыкновенного, самого простого, самого типичного человека Советского периода от предвоенного времени до развала СССР. Ничто так объективно и точно не передаст дух времени, ничто не покажет жизнь изнутри так, как взгляд именно самого простого современника, не заинтересованного ни в каком бы то ни было искажении.

Всё, что происходит с главным героем, всё то, что он видит, описывается, по мнению автора, беспристрастно, с фотографической точностью. Персонажи все реальные, хотя большинство имён изменены. Центральная фигура — Игорь Сергеич, который гордится тем, что никогда не терял чувства собственного достоинства, никогда не кривил душой, и который считает себя нонконформистом — всегда и обо всём имеет своё собственное мнение, часто отличающееся от общепринятого.

Читателю старшего возраста интересно будет вспомнить свою молодость, полузабытые события прошлых лет, сравнить свою жизнь с жизнью Игоря Сергеича. А если представитель молодого поколения, прочитав книгу, изменит, хотя бы немного, своё отношение к своему деду, к его поколению, то труд автора не напрасен. А если же читатель скажет себе, что не хочет бежать "как все", или не хочет быть цыплёнком, то труд автора не напрасен вдвойне.

Настоящее вырастает из прошлого

Один великий писатель сказал примерно то, что первые пять лет жизни дали ему больше, чем вся остальная жизнь.

Игорь Сергеич делил всю свою прожитую жизнь на три равные по значимости части: детство, армия и "все остальное". Действительно, считал он, что десяток лет после сорока пролетает (и все пожилые люди это прекрасно знают) совсем незаметно, и в памяти от впечатлений, полученных в результате этого прожитого, остается несравнимо меньше, чем от одного года из первых пяти лет жизни человека.

ПЕРВЫЕ ШАЖКИ

Игорёк родился в дороге. Повозка, запряжённая лошадьё, в которой везли роженицу, мать Игорька, в самый последний момент остановилась у первой попавшейся избы в попутной деревне, название которой стерлось из памяти. На счастье хозяйка дома оказалась опытной женщиной, и роды прошли благополучно. Вот только новорождённый не сразу пожелал вдохнуть воздуха нового мира, хотя хозяйка старательно шлепала и щлепала, держа за ножки, малыша, тельце которого уже приобретало синеватый оттенок. И наконец раздался крик, и появился еще один человек на нашей грешной земле. Это было в августе 1938 года.

Валентина Ивановна, мать Игорька, молодая женщина 24 лет следовала из Ленинграда на свою родину на Смоленщине по настоянию своих родных для того, чтобы произвести на свет своего первенца и пожить некоторое время под опекой умудренных опытом родственников.

Отца Валентины Ивановны звали Иван Лаврентьевич. Он родился и вырос в большом селе у реки Вазуза. Его история была не совсем обычной. С малых лет вместе со сверстниками, такими же, как и он, мальчишками, Иван пас на лугах господский скот. В то далёкое время крестьянские дети даром хлеб не ели, работая наравне со взрослыми. Иван отличался

от других своей любознательностью и упорством. Каким-то образом самостоятельно обучился грамоте, много читал, все, что подвернется, и, когда уже подросток, представлял собой вполне грамотного для того времени человека. Односельчане его очень уважали за его помощь при составлении каких-либо бумаг, за помощь советом, да и за написание просто писем (ведь большинство было безграмотным), и ещё уважали его за безотказность, отзывчивость, справедливость и честность.

Когда о грамотном пастушке узнал помещик, то забрал Ивана на услужение в поместье, где тот исполнял роль нечто вроде секретаря. После женитьбы Иван со всей своей многочисленной впоследствии семьей так и жил на территории поместья. Дети росли привольно, свободно гуляли, играя, по территории всего помещичьего хозяйства и могли заходить даже в господские хоромы. Детей было много, но, к сожалению, по разным причинам где-то половина из них умерли. Умерла и мать Валентины Ивановны так рано, что та её не помнила.

Но вот грянула "Великая Октябрьская", и вся жизнь для всех круто изменилась. Помещик вовремя успел сообразить, что надо срочно куда-нибудь подальше исчезать. Собрал всех своих, включая прислугу, позвал Ивана и сказал, что они все на время уезжают за границу, а его одного он оставляет управляющим до своего возвращения. Граф правильно рассчитал: пока здесь такой управляющий, как Иван, грабить не будут, как это уже случилось с некоторыми соседями. Он не ошибался. Среди крестьян Иван был своим и, из уважения к нему усадьбу не трогали. Но это пока.

Однажды в село пришли красные, и началась, как сказали бы сегодня, зачистка. Комиссар поставил Ивана на крыльцо и потребовал сдать все оружие. На что тот спокойно сказал, что оружия нет, а кто не верит — пусть сам ищет. Комиссар хотел уже отдать распоряжение на обыск, пригрозив тут же расстрелять Ивана, если хоть какое-нибудь оружие найдется. Но в это время подошёл, по всему видно, командир, который был из местных, и коротко сказал:

- Ему можно верить! Пошли!

И они все быстрым шагом ушли в село.

Несколько дней спустя Ивану понадобилось за чем-то подняться на чердак господского дома, и ноги его подкосились — там, у слухового окна, был пулемет в полной боевой готовности. Этого он от графа никак не ожидал, будучи полностью уверенный в том, что тот, всегда спокойный, добрый человек, никак не мог взять в руки оружие. Но, в конце концов, все обошлось — и слава богу.

Некоторое время жизнь была спокойной. Но надо было на что-то кормить свою многочисленную семью, да и все помещичье имущество уже реквизировали подчистую, так что и охранять было нечего. Иван устроился работать бухгалтером. Но спокойной жизни не получилось.

Дело в том, что у Ивана был друг, которого тоже звали Иван, и с которым они вместе когда-то пасли коров. А после того, как первый попал на службу к графу, да ещё и стал управляющим, закадычный друг, видимо из зависти, стерпеть не смог такой вопиющей несправедливости, когда "чуждый элемент", бывший управляющий живет себе припеваючи наравне со всем трудовым народом. И друг писал об этом не раз "куда надо". Приезжали люди в кожанках, вызывали Ивана в сельсовет, расспрашивали односельчан и, наконец, разобравшись, уезжали.

В пору раскулачивания многие "чуждые элементы": кулаки, просто не бедные крестьяне, противники коллективизации и прочие недовольные, которые не видели своей жизни на селе, подались в города. Так сделал и дед Игорька Иван, перебравшись в Ленинград.

Пока Игорёк кормился грудью, Валентина Ивановна жила в родном селе у родственников. Об этом времени она вспоминала с теплотой, рассказывая не раз впоследствии сыну о том, как полоскала пеленки в Вазузе, а маленькие серебристые рыбки ловили какашки Игорька, и что погода в том году была постоянно солнечной. А еще, смеясь, говорила ему не раз, что он вскормлен еврейским молоком. А дело всё в том, что за рекой был в те времена еврейский колхоз. Да, да в те времена было и такое. И многие покупали то "еврейское" молоко в том колхозе.

Игорёк подрастал, и пора уже было думать о дальнейшем, и в первую очередь решать вопрос с работой. В Ленинграде Валентина Ивановна училась в ФЗУ (кажется, так это называлось тогда) на токаря и работала по окончании учебы на заводе "Марти". Но вопрос о возвращении туда с маленьким ребенком отпадал. До переезда в Ленинград она работала, начиная ещё со школы, с детьми в роли пионервожатой. Вот это подошло бы. И вот с тех пор мать Игорька всю свою жизнь проработала воспитателем в детских домах, детских садах и яслях.

Сергей Васильевич, отец Игорька, был кадровым военным, после срочной службы оставшийся в армии на сверхсрочную. Поступил в военное училище, будучи уже в офицерском звании. В первые дни войны училище бросили на фронт. Отца Игорёк не помнил. В училище было казарменное положение, и семью ему удавалось навещать редко. Последнее письмо от отца пришло в августе 1941 года. Он погиб, а точнее пропал без вести (тогда вести учет убитых не всегда было возможно).

Перед войной Игорёк со своим дедом Иваном, тётёй Шурой, сестрой матери, её мужем дядей Андреем и, наконец, с матерью жил в Ленинграде на Маклина в коммунальной квартире. Валентина Ивановна в последнее время работала далеко в Стрельне в детском доме номер пять воспитателем. Игорёк большее время находился дома под присмотром деда или тети Шуры. У тетушки с дядей своих детей не было, и они все, включая деда, очень любили малыша и баловали его без меры.

В памяти о том времени у Игорька остались события, как расплывчатые картинки, особо важные чем-то только для него одного.

Самым, пожалуй, ранним из воспоминаний был случай: он находился у кого-то на руках; этот кто-то не мать, скорее тётя Шура; и этот кто-то, видимо в шутку, пугая остальных, наклонял его над огромной бездной, где была вода, много воды. И всё это сопровождалось громкими возгласами и смехом. Вероятнее всего всё это происходило на каком-то мосту. А вода уходила туда далеко подо всё то, на чем все стояли. И Игорёк

очень сильно удивился: все ходят везде по твердому, а оказывается, там ниже, под этим всем твердым, на чём все стоят, везде, везде вода, а он и не знал. Эта "новость" так на него подействовала, что случай врезался в память на всю жизнь. Другой случай: Игорёк сидит на длинной, длинной и широкой деревянной скамье; мать, сидя рядом, что-то на него надевает; а, напротив, через проход, на высоком сплошном столе высоко-высоко светятся ярко-ярко красным светом две красивые-красивые блестящие трубы. Игорёк замороженно, открыв рот, долго смотрит на них. Душно, жарко, хочется пить, так хочется. Конечно же — это было в бане, где на стойке от падающего сзади освещения светились колбы с сиропом для газированной воды.

Ещё один случай навсегда остался в памяти: Игорек сидит на чем-то (возможно небольшой диванчик), что стоит, если войти в комнату, сразу справа; к диванчику вплотную придвинут стол, а на нём стакан с молоком; он пьёт, стоя коленями на диванчике, молоко, а на дне почти опорожненного стакана находит уже подтаявшую шоколадную конфету. Это выводит его из себя — опять его обманывают. Игорёк с шумным возмущением, достав пальцами конфету, шлепает её об пол. Дело в том, что тётя Шура работала на фабрике Крупской и частенько приносила конфеты для племянника (для кого же ещё?). Но племянник конфеты не любил, а его любимыми способами и хитростями старались ими накормить (из великой любви к чаду). В общем, говоря современным языком, чадо этими конфетами достали. А Игорёк любил не конфеты, а молоко и яйца, наверное, потому, что он около года прожил перед этим в деревне у деда по отцу Василя, и привык там к деревенской пище, не признавая никакой другой.

Многое из того времени Игорёк помнить сам не мог, но знал из последующих рассказов матери "о хорошей довоенной жизни". От неё Игорек узнал, как однажды дед Иван, держа спящего внука на руках, уснул и выронил его. А тот скатился на пол, но закутанный в толстое одеяло даже не проснулся. И оба сладко спали: один в кресле, другой на полу. Ох, и досталось же тогда деду. А однажды, когда тётя Шура отлучилась,

наверное, в магазин, случилось то, что перепугало её до обморока. Оставшись один, Игорёк заполз под стол у окна, а там стояла корзинка с клюквой, а в стороне лежал молоток. Положил ягодку — и молотком. Ему это понравилось — он другую, и так увлёкся, что перестукал по яголке почти всю корзину. Возвращаясь, тётя Шура увидела то, что пол под столом весь красный, племянник весь красный, подумала что кровь и в крик.

У деда Василя было четыре дочери и два сына, младший из них был холост, так что внук-наследник был единственным. У деда Ивана тоже был один внук. По этой причине Игорёк был всеобщим любимцем многочисленных родственников с обеих сторон и к началу третьего года своей жизни уже был избалован всеобщим вниманием безмерно. Например, он отказывался ехать на автобусе или троллейбусе, если тот не синего цвета, и устраивал такой скандал на остановке, что Валентина Ивановна пропускала транспорт, ожидая, пока не подойдет синий. Потом нашли выход: кто-нибудь стоял, перед тем как выйти из дома, у окна и ждал, пока не покажется вдали синий автобус, и тогда уже давал команду выходить на улицу.

ЭВАКУАЦИЯ

Игорьку оставалось два месяца до третьего дня его рождения, когда вся его жизнь, его судьба, как жизни и судьбы многих миллионов людей, перевернулась. И более всех злая судьба ударила по детям войны, которым пришлось пережить все тяжести военного времени в пятилетнем возрасте, самом важном для человека, когда происходит формирование, становление личности. Подобно тому, как ребёнок, вскормленный животными, как известно, уже не становится человеком, так и ребёнок из "детей войны" уже не сможет никогда "жить на радость", но живет всю жизнь с глубоко спрятанным в подсознании главным смыслом: "Выжить! Только бы выжить!". Для взрослого человека, какие бы трудности, лишения и беды он ни пережил, война всё-таки должна кончиться. Война —

это плохо, очень плохо, но это временно. Кончится война и будет та жизнь, которая была до того, и будет всё хорошо. Он это знает. Маленький ребёнок этого не знает — он этого "хорошо" ещё не успел увидеть. То первое, всё то, что видит ребёнок вокруг себя — это то, что должно быть. Так есть, так и должно быть, и так будет всегда. И "печать войны", как должное, остаётся на всю оставшуюся жизнь. Дети войны — душевные инвалиды войны.

Когда стало известно, что детский дом, в котором работала Валентина Ивановна, эвакуируется, тётя Шура с дедом постоянно уговаривали мать Игорька не брать ребёнка с собой, а оставить в Ленинграде: "куда ты потащишься с ребенком одна в такую даль; война не продлится долго; а с нами в Ленинграде ребёнку будет лучше". Кроме того, был ещё один довод с их стороны. Дело в том, что Игорёк за два дня до отъезда, забравшись на стул, открыл дверцу буфета (или серванта), а там лежали варёные яйца. А Игорёк их очень любил и, конечно, съел сразу то ли три, то ли пять штук, отчего на завтра покрылся сыпью, как от краснухи или ветрянки. И ему из-за этого могли запретить выезд с детьми, из-за опасения заразить всех остальных. Но никакие доводы на Валентину Ивановну не подействовали, она, наспех собравшись, двинулась в далёкий и, как оказалось потом, долгий и тяжёлый путь.

Валентина Ивановна, забрав Игорька и необходимые вещи, должна была сначала добраться до Стрельны в детский дом, откуда детей уже автобусами доставили бы на вокзал. Война — с транспортом проблемы. Всё, всё, в том числе и городской транспорт, всё работало "на фронт". Какую-то часть пути, до окраин города кое-как удалось добраться. И когда Валентина Ивановна поняла, что дальше транспорта не будет, то пошла пешком с вещами и с Игорьком на себе. Да ещё надо было торопиться, так как можно было опоздать, а сил уже оставалось мало. На счастье, вдруг рядом остановилась легковая машина с офицерами. Расспросили: "кто она и куда?" Поспорили коротко между собой и вопреки всем уставам, на свой страх и риск посадили мать с ребёнком и довезли до места.

Если спросим себя: "А возможен ли такой случай сегодня?" Пожалуй, нет! Не подвезли бы "важные офицеры" какую-то чужую бабу с её ребенком (например, если бы проходили учения) — не положено. Да попросту и не заметили бы. А тогда? Люди тогда были другие. Да, другие.

Этот день Игорёк помнит хорошо. Суматоха, суматоха, взрослые бегают, кричат. Растерянные дети стоят, молча смотрят, притихшие. Идет погрузка в автобусы — дети, бельё, одежда, продукты.

При осмотре Игорька у доктора Валентина Ивановна долго разговаривала с ним, видимо по поводу сыпи на лице и по всему телу, объясняя причину покраснения съеденными сверх меры накануне яйцами, что вызвало простой диатез. Доктор не имел права разрешить отправку Игорька (а вдруг это заразно?). Он серьёзно рисковал (анализов-то не было, не был установлен и диагноз), но поверил Валентине Ивановне и дал добро. Этим он, возможно, спас две жизни. Тогда люди с большим доверием, вниманием и добротой относились друг к другу. Возможно, именно поэтому они вынесли ужасы войны и победили.

Люди тогда были другие.

Наконец погрузка была закончена, и колонна тронулась в дорогу. Автобус, куда посадили Игорька, был большой, синий, с двумя дверьми с одной стороны и большой дверью сзади, которая никогда не открывалась. Но Игорёк этого не знал (на таких ездить не приходилось) и, сидя плотно прижатым к этой двери, думал: "А если вдруг по дороге дверь откроется?" Но сказать о своих подозрениях было некому — вокруг были только мешки, тюки, да между ними торчали детские затылки.

Потом был вокзал. Огромный зал заполнен народом. Высоко наверху деревянные балки крест-накрест, много балок. По всему залу большие скамьи рядами. Но они все заняты, и люди сидят на мешках, чемоданах и на чём придётся прямо в проходах. Игорёк сидит лицом к огромной двери (скорее воротам), через которую видны платформы, куда должен подойти поезд, которого они уже давно ждут. Игорёк ест "палоч-

ное" мясо, отделяя "палочки" от цельного кусочка. Это он так называл "палочное" — отварное, постное мясо с отделяющимися волокнами, "палочками".

Когда, наконец, подошёл поезд, началась посадочная суматоха, крики, толкотня. И над всем этим выделялась одна женщина, наводя порядок в этой суматохе. Это была директор детского дома номер пять. Игорёк, как и все уехавшие (половина этого детского дома) на этом поезде, обязаны жизнью этой женщине. Дело в том, что этот поезд был предназначен для эвакуации колонии малолетних (возможно детей репрессированных), а эвакуация детского дома была запланирована на более поздний срок. Директор детского дома самолично, обойдя все строгости того военного времени, уговорила директора колонии взять хоть какую-то часть её детей. Да, она действительно считала их всех родными. Знала ли она, что будет? Предчувствовала ли? Когда подошёл срок эвакуации детского дома, поезда уже не ходили, город уже был в кольце блокады. Детей отправили на плотках по Ладоге. Немецкие самолёты плоты разбомбили. Погибли, к несчастью, конечно все. И директор со всем персоналом тоже. Когда эта страшная весть дошла до эвакуированных сотрудников детского дома, все воспитатели несколько дней ходили с красными от слёз глазами. Притихшие дети разговаривали шёпотом — все они чувствовали, что случилось что-то страшное.

Поезд с детьми следовал в Ярославскую область. Все полки, проходы в вагонах были забиты так, что пройти было невозможно. На всех трёх полках по несколько человек сидели дети (лежать места уже не было), под нижними местами и в проходах, где только можно, лежали мешки, коробки, тюки с бельём, одеждой и продуктами. Если кто-то из детей просился в туалет, то его туда и обратно передавали на руках "по цепочке". Игорёк помнил только то, что было жарко, очень душно и всю дорогу очень хотелось пить, да ещё этот сахар, такой крепкий огромный кусок, от которого ещё больше захотелось пить. Один из детей случайно обнаружил дырочку в мешке, из которой торчал большой кусок колотого сахара. Он, конеч-

но, тихонько, тайком от взрослых, его достал и стал грызть. Другой увидел — сделал так же. Соседи попросили — достали и им. Другие тоже просили — им тоже передавали потихоньку. Игорьку тоже досталось. А когда кто-то из взрослых заметил, что все дети что-то всё там грызут, то уже почти все в вагоне сидели с куском сахара в кулаке у каждого.

Находясь в эвакуации, детский дом несколько раз переезжал с места на место. Названия этих мест Игорька не интересовали, но он помнил их из разговоров взрослых в более позднее время и, вспоминая место, что осталось в его памяти, он мог ошибиться в его названии или перепутать.

Первый населённый пункт, где находился детдом, была, вероятнее всего, станция Нея. Дети жили в двухэтажном доме. Напротив стоял тоже двухэтажный каменный дом, на котором были солидные таблички с надписями. Возможно, это был сельсовет или почта, или какое-то другое учреждение. Это место запомнилось Игорьку тем, как готовились все к Новому Году. Вечером, когда дети все уже спали, воспитатели до глубокой ночи делали игрушки для ёлки. Клеили, лепили, вырезали, красили, используя вату, бумагу и всё то, что подвернётся. Игорёк помогал, чем мог, и ему это очень нравилось. Особенно нравилось раскладывать для приклеивания раскрашенные фигурки из бумаги на тонкое одеяло. Из фигурок получилась весёлая компания зверушек во главе с дедом Морозом на лесной поляне под синим небом, с луной и звёздами. Это называлось тогда "панно". Не одна ночь ушла на всю эту работу — игрушек на ёлку надо было много.

Помнилось ещё одно место, где Игорёк с матерью жили у хозяйки, которая была трактористкой. Трактор "ночевал" у дома. Это была чудо-машина с огромными колёсами, с огромными зубцами, и от неё так приятно, загадочно пахло керосином. А внутри среди разных железяк находился загадочный стеклянный с трубочками стаканчик, в котором было видно что-то жидкое.

Однажды туда же приехал кукольный театр и расположился на поляне недалеко от дома, где жил Игорёк. Просто натя-

нули какой-то занавес и театр готов. Было очень много детей, сидящих прямо на лугу, и все с восторгом смотрели, как кукольные наши солдаты били кукольных фашистских солдат, потом били Гитлера, а потом куклы плясали и пели песни. Игорёк припев одной из них запомнил:

*Эх, граната, моя граната,
Мы с тобой не пропадём.
Мы с тобой моя граната
В бой за Родину пойдём.*

Тогда все песни и разговоры были только о войне. Дети пели где-то услышанные частушки:

*Эх, тина, тина, упала кирпичина
Убила Тирбилина, заплакал Чиканши*

Дети не знали, что такое "Тирбилина" и "Чиканши", да это их и не интересовало. Намного, много позже, когда Игорёк уже вырос, он догадался, что это, видимо, Чемберлен и Чанкайши.

Ещё одна картина сохранилась в памяти, но ни места, ни когда это было, Игорёк не вспомнил бы даже примерно. Он стоит на крыльце. Справа — глубокий овраг с крутыми склонами. Перед ним через порог большая плита, а в неё вставлен огромный котёл. Пахнет ёлкой. Большая и толстая женщина, сняв крышку, большой белой палкой мешает в этом котле — там еловые лапы. Аромат становится сильнее. Это варится еловый чай, который затем дадут детям в качестве витаминов. Игорьку, как и всем детям, запах нравится, а чай нет — горький. В качестве витаминов там давали также собранные воспитателями в лесу ягоды. Землянику вперемешку с черникой заливали молоком и ели ложками, как суп. Вот это уже нравилось всем, да ещё как!

Игорёк подрастал, развивался, и дальнейшие события укладывались в его памяти уже более по порядку.

Детдом переехал в деревню Кукуево. Дети группами жили по домам, а основное здание детдома было в большом доме. Скорее всего, это была школа. В доме, где жили Игорёк с матерью, была группа малышей, таких примерно, как он. У него с матерью был свой закуток за дощатой перегородкой, где помещалась только кровать. Такой же закуток был и у другой воспитательницы с двумя детьми: Сёмой и его младшей сестрёнкой. Звали воспитательницу Перля Срульевна. Игорёк помнил имя ещё одной воспитательницы, потому что её звали, как мать — Валентина Ивановна. А ещё потому, что у неё обнаружили рак груди и сделали операцию — отрезали одну грудь. Все взрослые об этом много потихоньку перешёптывались и очень её жалели.

В доме постоянно было темно. День зимой короткий и тёмный. А в остальное время света было мало от единственной керосиновой лампы, да к тому же с приспущенным ради экономии фитилём, и ещё от слабенького света топящейся почти всегда плиты, пробивающегося через щели у дверцы и конфорок. Зато было как-то загадочно и уютно, а играть в темноте было даже лучше. Раздобыв где-то черепки от блюда или тарелки, дети, забираясь маленькими кучками в тёмный угол, с любопытством наблюдали за искрами, сыплющимися при чирканьи осколка об осколок, соревнуясь — у кого лучше получится. Была ещё одна забава. Пойманного таракана, а ещё лучше его яйцо (личинку), бросали на горячую плиту. Было интересно смотреть, как он от жару с тихим-тихим хлопком лопался (взрывался). В конце концов, можно было играть в темноте просто в прятки.

Рано-рано каждый день по утрам почти всех будил Сёма одной и той же каждый раз песней:

- Сле-е-е-еба с масла-а-а-ам! — При этом "хл" и "сл" у него получалось одинаково и звучало как одна буква.

- Сле-е-е-еба с масла-а-а-ам! — Так несколько раз подряд. Затем, после паузы — следующая порция:

- Сле-е-е-еба с масла-а-а-ам! — Всё это продолжалось довольно долго. Но, наконец, он замолкал совсем, возможно получив то, что ему было нужно, и все снова засыпали.

Хлеб с маслом? Откуда? Хлеб-то был, но был он невкусный и колючий. И Игорёк перестал его есть, потому что всё время, как ему казалось, от этого хлеба кололось в попку. А ещё невкусной была картошка — она немного пахла какашками, но всё равно приходилось есть. Из разговоров взрослых он слышал, что запах был оттого, что поля удобряли из уборных, так как сажать надо было для фронта так много, что простого навоза на всё не хватало. В основном пища была самой простой, малокалорийной, с недостатком витаминов, однообразной и невкусной, но Игорёк не помнил, чтобы испытывал тогда сильное чувство голода.

А вкусное было на празднике. Праздник был в главном доме, где была огромная комната, которая могла вместить сразу все группы. Сначала был кукольный театр, потом по группам выдали игрушки, а каждому из детей выдали по подарку, в котором было две или три конфеты. Из игрушек Игорька поразил поезд с маленьким деревянным паровозиком и деревянными вагончиками, такими красивыми! А конфеты Игорёк сразу съел и не заметил как, а фантики остались. Все дети их долго хранили, аккуратно сложенными, и время от времени доставали и нюхали. Ох! Какой же это был запах! Игорёк очень удивлялся — как это он мог раньше не любить конфеты.

Однажды случилось происшествие — хозяйская собачка родила щенков. Это было чудо. Все дети несколько дней только об этом и говорили, толпясь на прогулке возле крыльца, под которым лежала собака со щенками. Раньше такого чуда никто из них не видел.

Иногда на прогулке дети группой ходили на горку — самое весёлое развлечение, где постоянно каталась местная детвора. То, на чём катались деревенские дети, Игорёк больше не видел никогда и нигде: бралось большое решето, внутрь помещался навоз, заливалось всё это водой и оставлялось на морозе. Получался ледяной круг, как современная "ватрушка". Другой "транспорт" представлял собой длинную скамейку, которая так и называлась — "скамейка", но только у неё было не две пары ножек, а одна и посередине. Скамейка ста-

вилась вверх ножками, на неё становились, держась друг за друга, впереди и сзади ножек человек до двадцати, и вся эта орава летела неуправляемая каждый раз в сугроб. Получалась огромная куча — мала, с криками, воплями, смехом, часто с шишками и синяками, а то и с переломами. Детям тоже давали "скамейки", только очень маленькие и для маленьких-маленьких горок. Сын хозяйки, почти взрослый парень, с которым дружил Игорёк, сделал специально для него "решето". Игорёк этим гордился безмерно — он мог кататься на горке сам.

Периодически дети группой ходили в баню. Мыли их воспитатели поочерёдно, заводя по несколько человек. Валентина Ивановна, как всегда, с Игорьком мылись последними, когда все дети были перемыты и ложились дома спать. Использовалось тогда жидкое мыло, вонючее и ядовитое. Игорёк не любил баню и постоянно капризничал, и кричал: то щиплет глаза, то чулок ему не на ту ногу. Валентина Ивановна нервничает. Она боится: уже ночь — темно, баня на краю деревни у самого леса, они всеем одни, а он ещё громко кричит. Она уговаривает: "Тише, тише". А он, ни в какую, кричит ещё громче. Ох, и доставалось же бедной матери. Так однажды, выйдя из себя из-за очередного такого концерта, Валентина Ивановна отхлестала Игорька чем подвернулось. А подвернулась еловая лапа, и показались малюсенькие капельки крови от иголок. Мать испугалась и в слёзы. Сын от удивления опешил и молчит, а мать — плачет. И трудно здесь понять: кто кого обижает, кто кого наказывает.

Однажды Игорёк сидел и смотрел в окно на улицу. В это время мимо дома проходил какой-то военный с вещмешком на плече. Стоявшая рядом мать, постоянно думавшая о муже, от которого уже очень давно не было вестей, как бы выражая неосуществимую мечту вслух, бессмысленно сказала: "А вон твой папа идёт". И только она отошла, как Игорёк сорвался с места, на ходу схватив только шапку, и бросился на улицу за военным, крича:

- Папа! Папа! — Но военный был уже далеко и не слышал, а Игорёк все бежал и бежал.

- Папа! Папа!

Спыхватившись, мать с помощниками догнала Игорька уже за деревней и брыкающегося, плачущего, кричащего его принесли домой.

Тогда у каждого хоть кто-нибудь да был на войне. Все постоянно ждали писем с фронта. Письма приходили редко. Иные приносили радость — "живой", иные приносили горе. Тогда были слёзы. Первые слёзы матери Игорька были в конце осени 1941 года. В Ленинграде умер брат Виктор. Его на фронт не отпускали, так как работал на секретном военном заводе. После работы каждый день всех отвозили прямо с завода на рытьё "окопов". Там он простудился, к врачам не обращался (стыдно из-за какой-то простуды, когда рядом идут бои, гибнут люди) и работал с температурой всю осень. Там же на "окопах" и умер от воспаления лёгких. Второе горе пришло с письмом тёти Шуры о смерти деда Ивана от голода. Он умер в конце декабря 1941 года. Особенно горько и страшно было от слов из письма о том, что тело деда Ивана ещё месяц держали на балконе, на морозе, чтобы хоть ненадолго сохранить его хлебные карточки. Следующей была горькая весть о дяде Андрее. Он умер от голода в начале 1942-го. Больше писем из Ленинграда не приходило совсем. Валентина Ивановна поняла, что писать оттуда уже было больше некому — сестры Шуры больше нет, и плакала каждую ночь ещё долго. Как же так? За короткое время потерять почти всех?! Было страшно!

Как ни старались воспитатели ухаживать за детьми, создать хорошие санитарные условия для малышей было невозможно. Дети часто болели. Случались, кроме простуды, и чесотка, и глисты, и даже бывали вши, и другие, не встречавшиеся в мирное время болезни. У одной маленькой девочки, которую, как помнил Игорёк, звали Юля, текло из ушей, и ничего нельзя было сделать. Лечению истощавшие дети поддавались трудно — организмы ослаблены. Воспитатели обратили внимание на то, что дети в разгар зимы вдруг "стали загорать", то есть их кожа становилась смуглой, как от загара. Свои врачи этого

объяснить не могли и написали в Ярославль. Приехала комиссия врачей, а те установили, что изменения в организмах детей вызваны нехваткой витаминов. Учитывая то, что перечень используемых продуктов не может этого допустить, комиссия послала отчёт в "органы". Приехали военные, сделали ревизию и увезли директора. Персонал детдома был ошарашен, когда стало известно, что детям, оказывается, привозили масло и другие продукты, которые никто не видел с мирного времени. Среди воспитателей прошёл слух: "директора сразу же расстреляли". Возможно. Тогда были "законы военного времени". Как бы там ни было, питание детей стало лучше.

С наступлением тепла детей перевели в более просторный высокий дом. У большинства крестьян в этих краях было у каждого по два дома — один зимний, другой летний. Видно неплохо жили люди в этих местах когда-то. Различие между этими домами было только в том, что в летнем доме не было печки, так что зимой в нём жить было нельзя из-за холода. Дома были двухэтажные, но на первом этаже окон не было, а были только одни ворота. Внизу стоял домашний скот. У хозяйина дома был огромный, очень агрессивный бык. Когда его надо было вывести, детей всех загоняли в дом и закрывали накрепко двери. Все дети сразу же собирались у окон, чтобы смотреть на "страшного зверя" с большим железным кольцом в носу. В этот роковой день было так же. Но на этот раз бык вдруг по какой-то причине взбесился, кольцо, за которое держал его хозяин, выскользнуло из рук, и бык пошёл на него. Он поддел своего хозяина рогами, подбросил раз, потом ещё и перекинул его через ворота на улицу. Дети, оцепеневшие от неожиданности и от ужаса, смотрели из окон расширенными глазами на всё это. Видеть, как большой дяденька подлетает как маленький мячик, было страшно. Хозяин через день умер.

Детский дом в очередной раз перевели в большое село Закобякино. Когда-то это было купеческое село с широкой центральной улицей, вдоль которой стояли похожие друг на друга добротные кирпичные двух- или трёхэтажные дома. К каж-

дому из этих домов примыкал длинный склад-лабаз без окон, но с большими окованными железом воротами, в которые мог въехать воз с товаром. Купцы здешние торговали зерном. На некоторых воротах ещё сохранились каким-то чудом огромные, почти с футбольный мяч, висячие замки. В некоторых местах стены лабазов были разрушены, образуя проёмы, в которые можно было пролезть. Там было много мусора, и всё было изгажено. В одном месте главная улица расширялась, образуя нечто вроде площади, посреди которой стояла сколоченная из досок трибуна, используемая по праздникам. В селе была также большая гостиница, в которой и поселили с начала приезда сотрудников детдома. Валентине Ивановне с Игорьком досталась маленькая отдельная комнатка, где могла поместиться только одна кровать. Окно комнатки выходило на противоположную улице сторону. За окном был пустырь, а поближе к дому маленькие огородики. Чьи они, Игорёк не знал, но часто ходил туда. Он очень любил смотреть, как постепенно всё изменяется: морковка, редиска и другое становится всё больше и больше; на длинной травинке появляется вдруг цветок. Больше всего Игорьку нравился запах. Запах морковки, укропа, мака. Цветок мака превратился в шарик, который, сказали ему, называется коробочка. Эта коробочка выросла такой большой, какой Игорёк никогда больше не видел. А самое главное всё, что выросло там, на огороде, из ничего, можно было есть. Но кроме мака — если съесть те маленькие зёрнышки, как сказали ему, то уснёшь, может, насовсем. Игорёк ещё долго-долго верил этому. Под окном была большая куча строительного мусора, заваленная разным хламом. Однажды случилось невероятное. Сёма, который в Кукуево не давал всем спать своим "сле-е-е-ба с масла-а-а-м", каким-то образом, то ли нечаянно, то ли не думая, столкнул свою маленькую сестрёнку с подоконника, и та упала на эту кучу под окном. На истошный крик Перли Срульевны сбежался народ. Девочка молча смотрела перед собой и ни на что не реагировала. Её отнесли в больницу. Но вдруг на следующий день её приводят совершенно здоровой. Бывает же такое?

Напротив двери комнатки Валентины Ивановны была дверь в зал, где устраивали иногда вечерами танцы или крутили кино, когда приезжала кинопередвижка. Вход был платный, но он был внизу на первом этаже, а все, кто проживал в комнатках рядом, ходили куда хотели. Игорьку не нравилось, когда были танцы. Шум, музыка, табачный дым не давали спать почти до утра. Но зато, когда приезжало кино, было очень здорово.

Электричества в селе не было, поэтому для показа кино привозили на лошади маленький движок, который громко та-рахтел, и его ставили на улице внизу. Игорёк с огромным любопытством наблюдал за всеми приготовлениями. До чего же интересно было смотреть, когда, пока натягивали простыню-экран, киномеханик для пробы начинал показ кино на спине своего помощника на белой рубашке, когда заряжал аппарат, когда менял бобины или перематывал киноплёнку. Кино на спине — на маленьком-маленьком экранчике движутся люди, разговаривают. Это же чудо!

Игорёк мог смотреть хоть все сеансы - кино ведь было за соседней дверью. Запомнились только названия фильмов "Профессор Мамлок" и, кажется, "Нашествие", другие названия стёрлись из памяти.

Ещё в Закобякине была большая церковь, очень красивая, особенно внутри, а вокруг церкви — старинное кладбище. Село было купеческое, богатое, и на кладбище было много склепов. Всё кладбище было в тени старинных больших деревьев. Игорьку с другими детьми нравилось бывать там. Они тихо молча бродили среди могил и заглядывали в склепы через отверстие сверху в виде окна. Там на возвышении (на столе) стоял гроб (видимо цинковый). Было страшно. На густой кладбищенской траве кругом было нечто похожее на слюни. Игорёк тогда ещё не знал, что это дело каких-то улиток или гусениц, и верил общему детскому мнению о том, что это мертвецы встают по ночам и плюются, рассерженные тем, что их тревожат. На деревьях там было очень много грачиных гнёзд. В дальнейшей жизни Игорька через много лет, как только он увидит стаю грачей или услышит их крики, или при взгляде на картину "Грачи прилетели", так перед глазами встаёт, как живое, это кладбище, эта красивая церковь,

этот непрерывный гомон, прилетевших весной грачей, а в голове появляются мысли совсем не радужные. Нет, не ностальгия. Современному человеку трудно это представить, но не один склеп на том старинном кладбище не был потревожен, хотя очевидно, что похоронены там люди не бедные. До середины прошлого века не нашлось бы никого, кому пришла бы в голову мысль осквернить могилы. А и пришла бы — не решился бы никто. У людей были страх и совесть.

Люди тогда были другие.

В этой красивой церкви Игорька крестили. Ближе к концу пребывания Валентины Ивановны в Закобякине к ней приезжала старшая сестра Мария (тётка Маня) из-под Вологды, куда она была эвакуирована из Смоленска со стадами коров, будучи зоотехником по профессии. Вот, посоветовавшись, две сестры и решили окрестить Игорька.

Непродолжительное время Игорёк с матерью жили на квартире у хозяйки в деревенском деревянном доме, где пышно росла герань на окнах и маленькие ядовито красные стручки перца, которые с улицы видны были издалека, как маленькие огонёчки. В доме были полати. Это такие дощатые широкие полки вдоль стен, высоко, на уровне русской печки, устроенные для того, чтобы люди на них спали, так как на печке не всегда всем хватало места. Но Игорёк с матерью на полатах не спали из страха упасть. Хозяйка любила пить чай, как и все живущие в этих краях, прозванные за эту любовь к чаепитию "водохлёбами". Пили тогда чай с сушёной свёклой, так как сахар в войну был редкостью и стоил очень дорого. Эта свёкла выглядела как изюм и не была такой сладкой, как сахар. Сахар можно было купить на расположенном невдалеке базаре. Он продавался головками целиком или в расколотом виде. На этом базаре были и другие чудеса: мясо, яйца, сыр и прочие вещи, на которые можно было смотреть сколько захочется. Сыр и яйца Игорьку попробовать пришлось. Валентина Ивановна делала по вечерам из картона марионетки из специально заготовленных картинок из детской книжки типа "сделай сам". Ручки и ножки такой куклы крепились ниточками так, что если дёргать за ниточку, то кукла "пускалась в

пляс". Одну такую куклу можно было обменять на одно яйцо. Особенно пользовался спросом у крестьян старик из "золотой рыбки", в лаптях и с бородой. А сыр, самый настоящий ярославский сыр, Игорёк пробовал, когда детдом водили на экскурсию на сыроваренный завод, расположенный рядом с селом, по специальному разрешению, где дали попробовать каждому "ребёнку из Ленинграда" по кусочку.

Последним местом проживания Игорька в Закобьякине была настоящая комната на втором этаже каменного дома с окном на главную улицу, где кроме кровати была ещё какая-то мебель. В воспоминаниях Игорька об этом жилище осталось очень мало. Только то, как однажды в окно залетел пораненный стриж, задевший на лету натянутый провод. Игорёк тогда узнал, что стрижи не могут садиться на землю и взлетать с неё из-за их коротких лапок и длинных крыльев, но зато они очень быстро летают. Да ещё помнилось, как он там, на столе подолгу занимался арифметикой и писал на брошюре, выполняя школьные домашние работы, заданные ребятам из группы, в которой работала Валентина Ивановна, а Игорёк постоянно там крутился. В войну школьных тетрадей не было (не производили) и приходилось писать на чём придётся. Чаще всего это были старые амбарные книги с графами (расход, приход и прочее). Они были очень толстые, не линованные, и прежде чем на них писать, надо было долго карандашом по линейке чертить строчки, что было очень занудно.

Игорёк очень хотел учиться и давно приставал к матери, чтобы та послала его в школу. Находясь постоянно в группе и присутствуя при организованном совместном выполнении домашних заданий учившихся в школе детей группы, он знал всё, чему их учили, и вполне смог бы успешно учиться и в первом, да и втором классе. Валентина Ивановна, поддавшись на уговоры сына, пошла с соответствующей просьбой в школу, но ей отказали. Сколько было тогда слёз!

Хотя у Валентины Ивановны и было своё жильё, она им почти не пользовалась — они с Игорьком приходили туда только иногда на ночь спать. Практически же вся их жизнь протекала в детском доме среди детей.

Детский дом занимал большущий деревянный двухэтажный дом, который называли "дом милиционера", потому что до войны в нём жил милиционер. Неужели такой огромный дом занимал один человек?

В войну и детская жизнь была "военной". Если дети рисовали, то только самолёты, танки, взрывы, солдат и т.д.; если играли, то только в войну. Любые разговоры касались войны: и о Сталинграде, и о Зое Космодемьянской, и об Олеге Кошевом. Разговоры были детскими, наивными: Олег Кошевой — герой, у него винтовка с железным прикладом и он может уложить сразу сто фашистов; спорили, кто главнее Ленин или Сталин? А ещё была такая игра. Задавался вопрос:

- Ты за луну или за солнце? — незнающий человек сразу отвечал, конечно:

- За солнце! — Оно большое и тёплое, на что следовал ответ:

- За пузатого японца. — Знающий же говорил:

- За луну! — А это означало:

- За советскую страну. Эта игра была интересной до тех пор, пока ещё находились новички — поклонники солнца.

Когда наступил перелом в войне, народ ободрился, у людей появилась надежда, а хитрый Сталин для поднятия патриотического духа в народе смягчился в отношении к церкви, вернул золотые офицерские погоны, ввёл новый гимн. Игорьёк помнил, как на главной улице в каком-то битком набитом людьми подвале, в страшной духоте они разучивали наизусть слова нового государственного гимна. Потом заходила следующая партия людей, как взрослых, так и детей. Все поголовно должны были знать слова гимна наизусть.

Приятным удовольствием для детей были прогулки. Самой интересной из них был поход на речку. Дорога в сторону от села приводила к мосту. Речка была необычной: мелкая — не выше пояса Игорька, с ровным плоским дном, усеянным мелкими камушками, с ровными низкими вертикальными берегами, не выше роста ребёнка. Идеально безопасное место для детей. Все забирались в речку и без конца плескались в воде. В берегах было много-много дыр-норок, в которых жили

раки. Дети из ближайшей деревни ловили их наипростейшим способом. Засовывали руку в нору и, если там оказывался рак, он обязательно хватал клешней за палец и не отпускал, пока не разожмут клешню. Отцепив рака от пальца, его бросали в ведро. Один раз Игорёк, подзуживаемый местными мальчишками, тоже засунул руку в норку. Рак уцепился, но такой огромный и так было больно, что Игорёк орал, пока не разжали клешню. Больше он руку в норку не совал.

Другое хорошее место для прогулок — это поле за кладбищем у церкви. Там было много цветов, бабочек, разных букашек и растений, среди которых дети искали те, которые можно есть. Была, например, такая травка размером с копейку, в виде баранки, только дырка была не насквозь. Она считалась съедобной. Конечно, съедобного на поле ничего не было, но есть хотелось. И дети жевали, выплёвывали и снова выискивали съедобные травинки. В детдоме пища была однообразной. Например, почти каждый день был горох в виде каши. Многие его уже совсем не ели — надоел. А Игорёк горох любил — съедал всё и ещё добавки просил. Его за это хвалили, в пример ставили, а ему это нравилось. Точно так же было и с рыбьим жиром, который обязательно каждый должен был принимать в день по ложке.

Однажды Валентина Ивановна серьёзно заболела — её положили в больницу, что была на противоположном конце села. У неё была малярия. Воспитательница, под присмотром которой остался Игорёк, водила его навещать мать. Лицо Валентины Ивановны было серовато-жёлтого цвета, голова перевязана полотенцем (помогало от боли). Игорёк, увидев, как она принимает жёлтый порошок, сказал:

- Не пей этот жёлтый порошок, ты вся от него пожелтела. — Но мать ответила, что пожелтела она не от порошка, что это такая болезнь, и вылечиться можно только этим порошком, который называется — хина.

Позже Игорёк тоже попал в больницу. Как-то играя в доме милиционера, он вдруг обратил внимание на то, что он дышит "слышно", а когда все остальные дышат — ему этого не слышно. Он долго над этим думал и наконец решил, что каждый

слышит, как дышит он сам, и не слышит, как дышат все другие. То есть другим не слышно то, как дышит он, Игорёк. Но Игорёк ошибся. У него были гланды, которые препятствовали дыханию. Мать давно это знала. Врачи сказали, что обязательно необходима операция, что сейчас для этого самый удобный момент, который нельзя упускать. И Игорька отправили в Ярославль, в тыловой госпиталь. Больниц для гражданских, наверное, тогда и не было. Игорёк удивился чистоте, которая была кругом: и в коридоре, и в палате, всё кругом было белое. У кровати у каждого была своя тумбочка.

Через тридцать лет Игорёк вспомнил этот госпиталь, когда впервые после него он попал в больницу. Это была Куйбышевская больница на Литейном в Ленинграде, причём не из худших. Войдя в отделение, Игорёк опешил: в большом коридоре старинного здания с высокими потолками стояли кровати с большими; кто стонал, кто умирал здесь же под капельницей; одна старушка всё время сбрасывала с себя одеяло на пол; а мимо ходили спокойные и равнодушные ко всему медсестры и практиканты. В голове сразу же повис вопрос: "Тогда там, в Ярославле была война? Или сейчас, здесь в Ленинграде? "

Там, в Ярославле люди думали о людях, здесь же - только о себе, только каждый о своём.

Люди тогда были другие. Все для всех и для каждого были свои.

В Ярославском госпитале, в подавляющем большинстве, лежали раненые. В палате было человек десять. Рядом с Игорьком лежал солдат, у которого было что-то с горлом, и когда ему надо было принимать пищу, он доставал из тумбочки специальную трубочку, вставлял её в дырку прямо в горле и начинал есть. И, похоже, при этом неудобства не испытывал. Аппетит у него был отменный. После операции Игорька заставляли обязательно есть горячий суп, а ему жгло горло, отчего он увиливал от супа. И по общей договорённости они менялись: солдату — суп, Игорьку — компот солдата. Тарелка пустая — вопросов нет. У окна лежал тяжелораненый. Он постоянно стонал и днём, и ночью без перерыва. К нему приходили доктора, что-то делали с головой (долбили, сверлили) прямо

на месте. Он затихал, но ненадолго. Все в палате уже привыкли к его стонам, которые с каждым днём становились всё тише, Однажды ночью вдруг сразу все проснулись от наступившей разом непривычной тишины. Солдат умер и его унесли.

Операция Игорька прошла быстро. Женщина в белом халате постелила на колени клеёнку, посадила на неё Игорька и крепко сжала его руки. Подошёл доктор с круглым зеркальцем на лбу, взял блестящую железяку с хитрыми рычажками, засунул её в рот Игорьку и "чик-чик". Тот орал, но не от боли, а оттого, что его крепко держали, чего он очень не любил. В это время в операционную привели шестнадцатилетнюю девушку, которая еле дышала и не могла уже говорить. Ей не стали вырезать гланды — поздно (кровь будет не остановить). Валентина Ивановна поняла, как им с Игорьком повезло — они вовремя сделали операцию.

В очередной раз Валентина Ивановна переезжала, покидая навсегда детский дом номер пять, уже самостоятельно. Наспех нашла недалеко новое место работы в детской колонии. Это было местечко, то ли городок, то ли станция, под названием Середа. Много лет спустя один знакомый из тех краёв сказал, что это место позже называли Фурманово. Проживали они там в частном доме. У хозяйки было две дочки, которые, к несчастью, ещё до войны заболели менингитом. Старшая умерла, а вторая выжила, но с отклонениями в голове. В то время ей было шестнадцать, но по рассуждениям она была на уровне десятилетней. Почти всё время Игорёк проводил с большой дружной компанией соседских детей. Вечерами они играли у кого-нибудь из них в доме, а днём все вместе гуляли на улице. Недалеко от дома протекала красивая быстрая речка с очень чистой водой, а за дорогой было огромное поле. Наступили первые морозы, снега ещё не было, и всё поле было покрыто сухой травой, торчащей из замёрзшей земли, а канавы и лужи покрывал хрустящий лёд. Было сухо, ветрено и холодно. Но ребята, как угорелые, носились, играя в пятнашки, по полю, раскрасневшиеся от жары. Среди детей тогда было распрост-

ранено одно увлечение. В аптеке продавались медицинские перчатки, используемые хирургами, и стоили они пять рублей. Сначала надувалась целая перчатка — шар с торчащими пальцами. Когда шар лопался, использовались лоскутки от него для маленьких шариков, которые можно щёлкать, ударяя, например, по лбу другого. Игорёк долгое время просил мать купить ему перчатки. И наконец Валентина Ивановна сдалась — купила. Какое это было счастье! В городке был ещё и кинотеатр, куда ходили с родителями. Там Игорёк, как помнится, смотрел новый шедевр "Актриса", который вызывал в то военное время у многих слёзы.

Однажды хозяйская дочка позвала Игорька, когда они остались дома вдвоём, на печку. Там она объяснила и показала на примере, что делают мужчина и женщина, оставаясь наедине. Великий инстинкт проснулся, и Игорьку это так понравилось! Они это не раз повторяли, если только оставались дома одни. А один раз произошёл такой курьёз!

Хозяйской дочке надо было принести воды с реки. Одной ей идти не хотелось, и она позвала с собой Игорька. А погода была плохая, моросил мелкий дождь, и ему идти куда-то там было совсем ни к чему. Тогда она догадалась чем его соблазнить и пообещала, что если он пойдёт, то там они займутся этим. Игорёк сразу сдался, но когда они спустились к реке, и вода была набрана, пошёл большой дождь. Хозяйская дочка заторопилась домой. Игорёк возмутился:

- Ну! Давай! Мы же договорились!

- Но ведь дождь, пойдём лучше домой на печку!

Игорёк, плетясь сзади, сначала канючил, канючил, а потом и совсем разревелся. Да он же остался в дураках! На подходе к крыльцу повстречалась Валентина Ивановна и сразу же с вопросом:

- Чего ты плачешь? — Игорёк не ответил, но продолжал плакать. Удивлённая мать несколько раз спросила ещё, но наконец отстала. Знала бы она, отчего плакал сын!

Иногда Валентина Ивановна брала с собой Игорька на работу в колонию, где она работала с группой девочек разного возраста. В колонии порядки были почти как в лагерях

заключённых. Дети содержались там от самого младшего возраста до достижения совершеннолетия. Мальчики и девочки всегда находились строго отдельно, но всё равно часто случались несчастные случаи, конечно, с девочками. За мальчиками смотрели только мужчины крепкого сложения, которые удерживали порядок с трудом. Один раз Игорьёк был свидетелем такой картины. По улице ехала повозка, управляемая мужичком. На телеге лежала гора свежей капусты с поля. Вдруг неожиданно со всех сторон с визгом и воплями налетела орава малолетних из колонии и набросилась на капусту. Мужичок со всей силы хлестал их кнутом налево и направо, но на это никто не обращал внимания. В один миг телега начисто опустела и наступила опять тишина. Хотя кормили в колонии по тем временам неплохо, даже иногда давали варёные яйца, что в детдоме не случилось, колонисты постоянно ходили голодные, сбегали в город, где занимались воровством и мелкими грабежами к несчастью для жителей Середы, живущих в постоянном страхе от таких соседей.

Почти каждый день в колонии что-нибудь да случалось: побеги, побои, насилия, где больше всех доставалось девочкам и младшим по возрасту. Однажды всех потряс случай. Один мальчик поспорил, что проглотит варёное яйцо целиком. Яйцо, конечно, застряло (ни туда — ни сюда) и мальчик стал задыхаться. Пока это заметили воспитатели, пока прибежали врачи, было уже поздно — мальчик умер.

В памяти Игорька навсегда запечатлелось то, как в окрестности колонии часто распространялся аппетитный запах — это варились щи из свежей капусты (основное блюдо в колонии). Этот манящий запах исходил из столовой, которая представляла собой большое помещение с рядами деревянных, ничем не покрытых столов во всю длину зала. В столовой (так запомнилось Игорьку) всегда стоял туман, и стоящему у входа не было видно противоположной стены с окнами для раздачи на кухню. Во время обеда в помещении стоял такой сплошной монотонный гул, что нельзя даже было уловить смысла отдельного разговора.

Когда руководство колонии решило, наконец, навести дисциплину и порядок, то вызвало бригаду, вероятно существовавшую специально для подобных случаев, состоящую из опытных охранников. В колонии была компания, или шайка, в которой был главарём, или атаманом, один малолетний, можно сказать, бандит, причём не старшего возраста (всего лет 12-14) и не особо большого роста, но довольно крепкого сложения, которого все боялись, видимо, не без основания. Все называли его Мустафой. Имя это (точнее кличку) произносили в колонии, особенно девочки, со страхом. Вот за этим-то атаманом и вызвали бригаду, понимая, — если его не станет, то шайка распадётся. До Мустафы дошёл слух о том, что за ним приедут "волкодавы", и он был готов к ожидаемой встрече. Когда приехавшие "волкодавы", человек 5-6, вошли в столовую, то в них разом полетели табуретки и другие подвернувшиеся предметы при истошном крике (визге) огромной оравы (не менее пятидесяти) малолетних преступников. Но опыт и тренированность победили — Мустафу скрутили и увезли. В колонии (и в городе) стало намного спокойнее.

ПУТИ-ДОРОГИ

К концу осени Валентине Ивановне пришёл вызов (в военное время перемещение по стране разрешалось только по вызову) из недавно освобождённой от оккупации Смоленской области от деда Василя. Он, считая, что внук его достаточно натерпелся за время войны от голода и лишений, звал их к себе, чтобы как следует отъесться и отдохнуть, как писал дед в своём письме. Потеряв в войну двух сынов, дед хотел видеть единственного внука рядом с собой. Были, правда, и другие внуки, но они были от дочерей и носили другие фамилии, а потому не считались наследниками.

Валентина Ивановна собралась быстро и с котомками и Игорьком отправилась на вокзал. Вокзал был небольшой, на-

битый отъезжающими до отказа. Там было душно и основательно накурено. Поезд ожидался не скоро, и Игорёк большее время болтался по путям и возле вокзала, заходя туда только погреться, если ему становилось холодно. Было очень интересно смотреть на рельсы, шпалы, стрелки, еле видный вдали семафор, на разноцветные огоньки фонарей в тёмное время, в которые были вставлены маленькие керосиновые лампы. Раньше Игорёк ничего подобного не видел. Изредка мимо проносились с грохотом воинские эшелоны с танками пушками и солдатами. Особенно запомнился на всю жизнь один. Все, кто на нём ехал, и в теплушках, и на открытых платформах, и мужчины, и женщины в форме пели "Катюшу". Да так громко, что песня перекрывала грохот колёс. Да так слаженно, будто это пели артисты, все — как один. В этом было нечто необычное, нечто, можно сказать, мистическое. Люди ехали на фронт, может быть, на смерть, объединенные одними и теми же общими мыслями, связанными в одно целое, как их песня. Находящиеся на станции люди долго ещё стояли молча, поражённые увиденным.

Возвращаясь с очередной прогулки, подходя к вокзалу, Игорёк заметил какое-то волнение вокруг. Из вокзала вынесли тело какого-то человека и подняли на машину. Игорёк прислушался к тому, что говорили вокруг: "Один человек, видимо очень голодный, стянул у кого-то целую буханку хлеба и тут же на месте съел всю. Этого ему после перенесённого голода делать было нельзя категорически. Это был эвакуированный из блокадного Ленинграда. Он умер от заворота кишок". Игорёк поспешил внутрь вокзала к матери. Валентина Ивановна сидела и плакала. Игорёк ничего не стал спрашивать — так она плакала после писем из Ленинграда.

Поезд пришёл ночью. У вагонов собралось очень много народа с мешками, чемоданами и разными хотулями. Игорёк подумал: "Неужели все они со своими вещами поместятся в поезде?". Валентина Ивановна стояла в растерянности — шансов было мало. И тут она заметила, что недалеко у одного из вагонов никого не было, и бросилась туда. В тамбуре было пусто, но нижняя ступенька вагона была выше головы Игорьь-

ка, а тут ещё и хотули. Слава богу, с помощью проходящего мимо железнодорожника кое-как удалось всё же попасть в тамбур, и поезд сразу тронулся. Вдруг из вагона вышла проводница и стала кричать и выталкивать с площадки тамбура ничего не понимающую, уцепившуюся за поручни Валентину Ивановну. Из слов проводницы следовало, что этот вагон офицерский и что её отдадут под трибунал за то, что она пропустила людей в тамбур. Неизвестно, чем бы кончилось всё, если бы из вагона не вышел офицер с золотыми погонами, который уговорил проводницу разрешить проезд женщины с маленьким ребёнком до следующей остановки и пригласил их в вагон. Внутри было тепло и тихо после шума и гама на платформе; на полу во всю длину вагона была постелена ковровая дорожка; отсеки общего вагона отделялись тяжёлыми бордовыми занавесями от созданного таким образом коридора. В вагоне висел лёгкий синеватый туман от накуренного, запах которого Игорьку понравился. Это был какой-то необыкновенный, совсем другой мир.

На следующей остановке незадачливую мамашу с ребёнком переправили в соседний простой вагон, который был так забит пассажирами, что пройти было просто невозможно. Валентина Ивановна кое-как пристроилась полустоя-полусидя у самого выхода. Тут из глубины вагона передали, что там найдётся местечко для вновь прибывшего ребёнка, то есть Игорька. Там на отдельной полке уже пристроили несколько малышей. Игорька по рукам "по цепочке" переправили к месту и уложили спать. В то тяжёлое военное время помощь совсем незнакомым людям, особенно детям, было делом обычным, само собой разумеющимся. Беды другого — касались каждого.

Люди тогда были другие.

В Москву поезд прибыл утром. Игорёк во все глаза смотрел по сторонам на огромный город. Его в нём всё поражало: трамваи все были красные, тогда как в Ярославле они все были зелёные; а когда ехали на трамвае, Игорёк, помня, как ребяташки, подбирая разные камушки, некоторые с маленькими

блестящими точечками, видимо, гранит, называли драгоценными, заорал во всё горло:

- Мама, мама смотри! Дом из драгоценного камня! — Чем рассмешил всех в трамвае. На улице было очень много разных машин, сколько Игорёк никогда не видел (в Ленинграде он был слишком мал, чтобы помнить).

А когда ехали в метро, он устроил концерт. Спускаясь на эскалаторе, Игорёк обратил внимание на большие, какие были тогда, зубцы, под которые уходили складывающиеся ступеньки эскалатора, и подумал, что они очень опасны — если нога туда попадёт, то её отрежет. Да ещё Валентина Ивановна перед выходом из метро, видимо не подумав, решила предупредить его об опасности, грозящей от страшных зубцов. Вот тут-то Игорёк наотрез отказался идти на эскалатор. С обременёнными котомками руками мать никак не могла справиться с сыном, который упирался и громко орал. Какой-то мужчина, поняв в чём дело, взял Игорька на руки и взошёл с ним на ступени, но держал его так недолго, опустив на ступеньки ещё до половины пути. Успокоившийся было Игорёк, посчитал себя коварно одураченным, чего он больше всего не любил, и завопил с новой силой, да так, что все на эскалаторе повернулись, вытянув шеи, в его сторону: "что там такое страшное случилось?".

В Москве у Валентины Ивановны проживал её дядя Григорий Лаврентьевич, младший брат деда Ивана, который когда-то давно обещал взять племянницу к себе в Москву учиться, как только она закончит школу. Но по каким-то причинам так не случилось — видимо, что-то там не сложилось. Адрес этого дяди Валентина Ивановна помнила. И она решила навестить дядюшку, раз уж довелось быть в Москве. Игорёк помнил, как они позвонили в дверь квартиры, которую нашли не сразу. Открыла незнакомая, немолодая уже женщина, а, узнав, кого им нужно, молча закрыла перед ними дверь. Валентина Ивановна растерялась, но всё же, поразмыслив, решила узнать: "В чём же дело? Может, ошиблась адресом?". После нескольких настойчивых звонков вышла та же женщина и почему-то шёпотом, оглядываясь зачем-то назад, сказала:

- Уходите! Уходите от греха! Нет их больше здесь — увезли. — Валентина Ивановна ничего не поняла, но больше звонить не стала. Они с Игорьком ушли. И только спустя много лет она узнала, кто и куда "увезли" её дядюшку.

Перед войной Григорий Лаврентьевич работал главным бухгалтером большого Московского завода. Началась война, и в столице была неразбериха: через город шли беженцы, гнали колхозные стада коров и др. Находились такие, кто пользовался беспорядком, чтобы пожитья.

Люди тогда были другие, но не все.

Директор завода задумал какие-то махинации (с колхозными коровами и заводскими станками, предназначенными для эвакуации) с большим для себя наваром и предложил участвовать в этом деле Григорию Лаврентьевичу, так как не мог обойтись без подписи главного бухгалтера. Тот отказался участвовать в афёрах. Директор перепугался и прибег, как это было тогда нередко, к помощи "органов", то есть "настучал". Вот так той же ночью Григория Лаврентьевича и "увезли". Его выпустили только в Хрущёвские времена.

Дальнейшее по Москве Игорьку не запомнилось. У него возникли другие проблемы — заболело ухо. И когда они с матерью уже прибыли для отъезда на вокзал, в ухе так стало колоть, что он стал кричать от боли на полную катушку. Кто-то привёл доктора, который отвёл Игорька в привокзальный медпункт. Доктор взял шприц и что-то там проколол в ухе. Было больно, но не очень. Зато сразу всё прошло.

Игорьку и тогда, и позже очень нравилось ездить на поездах, особенно, если доставалось место на верхней полке — с высоты далеко всё видно и при этом больше ощущается качка вагона. А под размеренный стук колёс и убаюкивающее раскачивание становится так спокойно и уютно, а ночью хорошо спать. За монотонным грохотом колёс других звуков не слышно, и получается этакая грохочущая тишина. Мимо проносятся дома, деревья, машины, повозки и люди, такие маленькие, копошащиеся и тихие. Больше всего Игорьку запомни-

лось то, что очень много было разрушенных домов. Вместо деревень стояли одни печки рядами улиц с длинными трубами. И только кое-где медленно передвигались какие-то люди. Иногда из окна были видны разбитые, подчас перевёрнутые машины, пушки, танки, как будто здесь похозяничал громадный, злой и страшный великан. А особенно запомнилась узловая станция Вязьма. С верхней полки Игорёк видел далеко: на всех путях (а их было много на узловой станции) стояли вплотную мёртвые паровозы. Наверное, нигде больше в мире не было собрано так много сразу вместе ржавых паровозов.

Смоленск проезжали ночью, но все пассажиры вагона не спали, а смотрели в окно на город. Там было темно, только лишь кое-где светились отдельные огоньки; а на горе возвышался над всеми остальными один дом-остов похожий на старинный замок из-за неровностей краёв разрушенных его стен. И где-то там, на каком-то верхнем этаже светилось одно единственное окно. Весь город представлял собой одни руины.

От станции до деревни Игорька с матерью привезли уже на санях — пришли первые зимние дни. Было ветрено, шёл мокрый снег, но холодно не было, а было отчего-то радостно — радостно. То ли от чистого воздуха и тишины после душного вагона, то ли душа почуяла землю отцов.

Деревня была небольшая. С середины деревни начинался овраг, по дну которого протекал ручей. Вода этого ручья по какой-то причине была тёплой и зимой замерзала не сразу, а, не найдя свободного прохода по своему руслу, скованному ниже льдом, вытекала наружу наплывами на лёд. Таким образом постепенно наращивался толстый, больше метра, слой льда, и получался внушительных размеров каток на радость деревенским ребятишкам. Игорёк с огромным удовольствием вспоминал то, как он с середины зимы большее время проводил на этом катке, особенно после того, как его двоюродный брат Генка подарил ему один конёк, который называли "дутьш", и научил верёвкой с помощью палочки приторачивать этот конёк к валенку. Таких братьев и сестёр, как двоюродных, так и троюродных, в деревне у Игорька оказалось

много. И, вообще, родственников, далёких и не очень, было почти половина деревни. В дореволюционной России это было делом обычным, и нередко даже случалось, что все жители какой-либо деревни носили одну фамилию. Деревня часто так и называлась по фамилии: Иваново, Сидоровка, Соловьёвка, или как-то там ещё. В этой части Смоленской области большинство фамилий звучат несколько необычно. К украинским фамилиям (Лысенко, Павлюченко, Марченко ...) явно добавлено русское окончание (Лысенков, Павлюченков, Марченков ...). На этот счёт существует предание. Царь Пётр после победы под Полтавой собрал всё воинство Мазепы и сказал им: "Раз Вы такие воинственные и любите повоевать, то отправляйтесь-ка туда, где граница наша слабовата. Там от Вас пользы будет больше". И переселил всех под Смоленск. Наверное, это правда. И возможно поэтому разговаривали люди там, даже уже в послевоенное время, на непонятно каком языке — на смеси и украинских, и белорусских, и русских слов. Игорёк сначала не все слова понимал, но очень быстро привык.

Дед Игорька был высокого роста, крепкого сложения, с немного крупноватым носом и гладкой головой сверху, с забавными кудряшками над ушами. Он не курил, а нюхал табак, который всегда лежал в печурке. Игорёк однажды потихоньку достал кисет, взял щепотку этой мелкой табачной пыли, да и понюхал, отчего долго, долго чихал. Это ему совсем не понравилось. Больше он до кисета не дотрагивался. Иногда дед гнал самогонку, что было целым событием для внука, которому было интересно смотреть на долгие основательные приготовления. Сначала дед устанавливал специальную для этого железную печку посреди избы, затем на ней водружал огромный чугунок и заливал туда то, что давно стояло и "бубнило" в бочке в сенях, а крышку над чугуном плотно замазывал тестом. Дальше оставалось установить длинное (больше роста самого деда) корыто и поместить в него медную трубочку колечками (змеевик). В корыто закладывался лёд, заготовленный на улице, и растапливалась печка. Когда из трубочки потихонь-

ку накапывалась стопка, дед снимал пробу. Игорёк один раз лизнул то, что капало, и испугался — обожгло язык. Из трубочки капало медленно и долго, так что дальше было уже не интересно. Дед выпить любил, но никогда не был пьяным. Все в деревне Василя очень уважали за его постоянное спокойствие и рассудительность. Он был очень молчаливым и всё, что делал, делал молча. Однажды распоясавшийся Игорёк, рассердившийся за что-то на бабушку Прасковью, начал без конца выкрикивать: "Баба - чёрт! Баба - чёрт! Баба - чёрт!" Дед молчал, молчал, потом молча подошёл к Игорьку, молча взял его за ухо и отвёл в угол за печку. Внук сразу притих и больше никогда ни одного плохого слова в адрес бабушки ни разу не сказал.

В колхозе дед Василь заведовал всей живностью. По этой причине весной, когда наступала пора отёлов, ему приходилось держать колхозных коров с их новорождёнными телятами по одной и более, поочередно (в порядке наступления времени их отёлов) у себя на дворе, чтобы, не дай бог, не простудились. Доярки приходили доить этих коров в дом деда и, зная о том, что Игорёк приехал после голодных лет войны, считали нужным его откармливать. Раз в день утром дедова внука заставляли выпивать литр парного молока из хитрой мерной, с делениями, алюминиевой кружки на длинной ручке. Игорёк надувался, замирал на минуту, как бы собираясь с силами, и старательно, одним махом, выпивал всё до дна под одобрительные возгласы доярок. Первые дни коровы давали густое жирное молоко, которое называлось молозиво и годилось только телятам, но его можно было жарить на сковороде. Молоко это тогда сворачивалось и получалось нечто похожее на яичницу без желтков. Сначала Игорьку это не понравилось, но потом оказалось вкусным.

Деревне в войну невероятно повезло, Сначала на постое были итальянцы, которые побросали свои винтовки где придётся и вспомнили о них только при отъезде. Они были весёлыми, вежливыми, беспечными и занимались только тем, что пели песни и ели лягушек, которых собирали для них ребята.

тишки у реки, за что солдаты им платили. Позже, двоюродная сестра рассказала такой случай. Когда один раз деликатеса на всех солдат не хватило, из-за последней лягушки двое итальянцев стали спорить. Спорили, спорили, да и подрались.

Итальянцев сменили немцы. И опять деревне повезло. Главным у немцев был интеллигентный и справедливый педант. Крестьян обижать не позволял и даже однажды, когда один солдат что-то купил и мало заплатил, после жалобы хозяйки комендант заставил его расплатиться по справедливости и посадил виновного на гауптвахту (в сарай под замок). Но не везде было так. Не раз то с одной, то с другой стороны виднелись далёкие зарева. Немцы жгли деревни. Там были партизаны — там были леса. Здесь в округе лесов не было — не было и партизан. А леса здесь выросли только после войны.

Но всё же не миновала беда и деревню деда. Неожиданно, как снег на голову, накатили грузовики, из которых высыпали солдаты особой команды, быстро обошли все дома, собрали всю молодёжь и тут же увезли (угнали) на работу (в рабство) в Германию. Дед Василь больше никогда не увидел младшую дочь Ольгу и одну из своих внучек.

А самой войны деревня так и не увидела. Немцы как пришли тихо и неожиданно, так тихо и неожиданно и ушли. Боёв здесь не было, и даже выстрелов жители деревни почти никогда не слышали. Сгорел только один сарай, да и то от бомбы, упавшей случайно, видимо по оплошности, с нашего самолёта, когда немцев уже не было.

В памяти Игорька остались на всю жизнь, как, наверное, и у любого человека, яркие и светлые воспоминания из раннего детства до мельчайших подробностей, вплоть до того, что он хорошо помнил вкус и запах того, что попробовал когда-то впервые. После скудной пищи в период эвакуации, когда всё время хотелось есть, всё, что он ел в гостях у деда, было для него райской пищей, которой к тому же было в избытке. Дело в том, что когда вошли в деревню немцы, они стали наводить новый порядок (орднунг). Ликвидировали колхозы и распределили землю и колхозный скот между крестьянами. И поче-

му-то, то ли повезло с оккупационными властями, то ли забыли отобрать, но всё или почти всё, что было у крестьян, при них же и осталось. И у деда Василя ко времени, когда приехал Игорёк, тоже было, кроме прочего, сорок кур, огромный бор и корова. Так что сорок яиц в день съесть было просто некому. Каждое утро, помнил Игорёк, к завтраку на столе стояли два больших деревянных блюда: на одном горой лежали "картохи" (так там принято было, как бы поштучно, называть картошку), а на другом - такая же гора очищенных варёных яиц, и каждый мог выбирать из них то, что больше нравится. В другой раз могла быть яичница на большущей сковородке на сале, причём шпиг был нарезан кусками не меньше спичечного коробка. Такую яичницу можно было бы считать национальным блюдом: её ели чаще всего, её брали на работу в поле, её брали с собой в дорогу, её брали, как помнил Игорёк, на поминки при посещении кладбища (как закуску). На стол, конечно же, ставилось и другое, многое из которого Игорёк позже никогда не видел. Хлеб, испечённый в русской печке, имел особенный, с кислинкой, вкус и свой неповторимый аромат. Пироги и пирожки, которые любила печь бабушка, с разными начинками (только с морковкой Игорёк почему-то не любил). Суп с самодельной лапшёнкой, которая делалась из крахмала с большой дозой яиц, щи, имеющие также особый вкус, приготовленные в русской печи. Простое картофельное пюре в чугушке, покрытое невероятно вкусной коричневой хрустящей корочкой, которая всегда доставалась внуку. Солёные огурцы вперемешку с зелёными помидорами. Тогда Игорёк выбирал огурцы, но всю дальнейшую жизнь, видимо вспоминая те далёкие времена детства, он любит зелёные солёные помидоры. Отдельно стоит сказать о картофеле, который был тогда. Во-первых, он был красный. Иногда попадался белый, и его считали кормовым, точно так же, как и морковь: если попадается белая, то отбрасывается в сторону (для скота). Во-вторых, картошка при варке полностью рассыпалась. Бабушка, когда готовила пюре, её не толкла, а залив молоком, брала этакую специальную палочку с рожками и крутила, как древние люди при добывании огня. Получалась наивкуснейшая

кашица, очень похожая на густую сметану. Лет через двенадцать Игорёк снова побывал на родине предков и обратил внимание на то, что, вопреки его ожиданию, картофель был такой же водянистый, как и везде. Видимо ради урожайности туда тоже завезли, как и повсюду, новые сорта заграничного картофеля. Старые сорта постепенно повсеместно выродились и пропали, наверное, навсегда.

У Игорька на всю жизнь остались в воспоминаниях картинки счастливого детства. Раннее утро. Игорёк спит на печи и сквозь сон слышит, как бабушка хлопочет у печки, стараясь не греметь ухватами, чугунками и прочей кухонной утварью. Бабушка встаёт очень рано — часов в пять, чтобы испечь хлеб и приготовить пищу на весь день. В деревне все встают рано и рано ложатся спать. Электричества нет, керосин дорогой и его трудно достать, поэтому для освещения используется лучина. Она крепится на специальной стойке (палке) в зажиме. Пользоваться ею неудобно — быстро сгорает (надо часто менять) и постоянно надо снимать нагар. Толку от лучины мало, света тоже, так что лучше ложиться спать.

Бабушка пользуется светом от топящейся печи. В избе таинственный полумрак, свет от печи мерцает, отражаясь на потолке. На печи тепло и очень уютно, тихо потрескивают поленья в печи. Вдруг откуда-то появляется неприятный запах. Это, как узнал позже Игорёк, от петуха, которого бабушка ощипывает и разделывает для супа. Когда пришло время есть этот суп, Игорёк заупряился, думая, что суп будет пахнуть. Но бабушкин суп оказался таким вкусным, какого капризный внучек больше не ел никогда. Аромат куриного бульона был неповторимым, видимо, как объяснил себе, уже став взрослым, Игорёк, потому, что: готовился (томился) суп в русской печи, это был именно петух (не курица), и был именно старый петух, и кормился старый петух не рыбной мукой, как на птицефермах, а традиционным птичьим кормом, включая и зерно. Однажды Игорёк, лёжа утром, как всегда, на печи, насмотревшись на игру теней и тусклого мерцания света от топящейся печки, снова заснул, как обычно. Его разбудил громкий шум и грохот скамеек. Выглянув с печи, он увидел

неправдоподобную картину: бабушка от страха зажалась в углу, а дед Василь сражается с боровом, норовя оседлать его, с немецким штыком в руке. Оказалось, что произошла удивительная и ничем необъяснимая история. За день или два до этого дед решил заколоть своего раскормленного (в шесть пудов) борова. Тот был спокойным, никогда не выходил, будучи на откорме, из своей загородки и только ел и спал, ел и спал, даже и не хрюкал-то никогда. Последние день или два его, как положено перед убоем, не кормили. И то ли поэтому, то ли он понял, что его собираются заколоть (некоторые считают, что свинья — самое умное из домашних животных и понимает человеческую речь), но, как бы там ни было, хряк вырвался из своей загородки, влетел в избу и бросился прямо на деда, который, как раз в это время, точил свой специальный для этого дела инструмент (тот самый штык). Дед Игорька слыл мастером по забою скотины. Почти все в деревне пользовались этой его услугой забойщика. Не каждый умел мастерским приёмом заколоть свинью прямым ударом в сердце. Это было быстро, без визга и потери крови. И на этот раз дед справился с задачей. Потом для Игорька было много интересного: раньше-то он такого не видел. Сначала борова опаливали зажжённым пучком соломы, скребли и поливали водой, переворачивая туда-сюда огромную тушу, затем свеживали, показывая Игорьку, которое тут сердце, печёнка и многое другое. А кто-то сказал, что у нас, у людей, все то же самое в точности. После разделки туши все стали пробовать деликатес — это уши и хвост поросёнка, которые при опаливании от огня стали не сырыми и не варёными, а, скорее, копчёными, твёрдыми. Их можно было долго, долго жевать — они долго не теряли своего необычного вкуса.

Почти всё время, будучи в деревне, Игорёк проводил на улице, где всегда носилась большая ватага ребятишек, за которыми он постоянно увязывался. Кроме катка в овраге было ещё одно очень интересное место: вдоль крутого обрыва каждую зиму ветром наносило стену сугроба толщиной метра 2-3 и высотой с двухэтажный дом. Разбегаясь, мальчишки прыга-

ли, соревнуясь — кто дальше. Тот, кто прыгал ближе, катился кубарем по склону по мягкому снегу до самого низа. А тот, кто мог как следует оттолкнуться, летел по воздуху очень далеко до места, которое и считалось его достижением. Лететь такое большое расстояние по воздуху было жутко, но очень интересно, особенно то, что самые ловкие уходили в сугроб с головой в рыхлый снег, долго потом выбираясь, иногда не без посторонней помощи. Однажды один прыгун, видимо "абсолютный чемпион", так завяз, что самостоятельно выбраться не смог и его откапывали полдня с помощью перепуганных насмерть взрослых. Но "чемпион", к счастью, не задохнулся и даже не успел замёрзнуть. В самом начале, сразу после приезда в деревню, Игорёк заставил поволноваться всех своих близких. До ребят дошёл слух: в нескольких километрах от деревни, прямо на поле приземлился самолёт. Это была сенсация, и все ребятишки побежали смотреть диковинку. Игорёк, конечно, тоже. Но, так как был самым маленьким из ребят, отстал, путаясь в снегу, от всех настолько, что уже потерял остальных из виду, но продолжал бежать дальше. Валентина Ивановна, узнав от прибежавшей соседки о случившемся, бросилась вдогонку, настигла сына километрах в двух от деревни и упирающегося привела домой.

Всю зиму Игорёк каждый день приходил домой с улицы довольный и счастливый, извалявшийся в снегу, мокрый "до нитки", хоть выжимай, к несчастью бедной матери.

Валентина Ивановна не была такой безмятежно счастливой, как её сын. В деревне она не испытывала особого к себе уважения, видимо оттого, что не была деревенской — была "чужой", из тех, которые ничего (по их понятиям) не умеют делать: ни запрягать, ни косить, ни пахать. А такие люди — по сложившимся веками деревенским старым традициям — пустые люди, к которым относятся пренебрежительно, свысока. В общем, подруг или друзей у Валентины Ивановны не было, кроме, пожалуй, одной женщины, точно такой же вдовы, приехавшей с маленькой дочкой. Её так же недолюбливали и звали не иначе как "трапкой" (тряпкой) за её белорусское произношение, или ещё "трапкой по бруху". В колхозе

надо было работать, и Валентина Ивановна с Трапкой ходила трепать лён. Надо было специальной лопаточкой лупасить со всей силой по зажатому в руке пучку льняной соломы, пока от него не останутся в результате чистые льняные волокна. Бедная Валентина Ивановна постоянно попадала при этом по своему пальцу, который распух и всё время болел, не успевая заживать. Одним словом — жизнь в деревне суровая. Один раз Валентина Ивановна еле осталась в живых, когда ходила в другую деревню за рекой в магазин. Через реку надо было пройти по узенькому, в две доски, мосту. Шёл дождь пополам со снегом — доски были скользкие, а возвращаться надо. Трясь и плача, несчастная Валентина Ивановна перебиралась на четвереньках почти полчаса эти жуткие сто метров.

С приходом весны всё вокруг изменилось. В овраге над ручьём образовался извилистый коридор от растаявшего льда. А по обеим сторонам ручья получились глубокие ниши под оставшимся льдом, в которые ребятишки могли спокойно забираться. По земле и под водой у самой кромки берега стелился ковёр ярко-зелёной травы, успевшей вырасти только в этом месте, в этом царстве льда. Над головой был потолок из тонких, плотно сжатых между собой ледяных стерженьков, которые, если слегка коснуться их, обрушивались с тихим звенящим шорохом, превращаясь в кашицу из мелких льдинок. Но самым необычным был свет. Он шёл ниоткуда. Не было ни лампы, ни огня, но было очень светло, особенно, когда на небе было солнце. Свет лился со всех сторон одновременно, и совсем не было теней. Это было так необычно, так красиво, как в какой-то сказке. Игорёк никогда больше такого нигде не видел

Когда пришли жаркие солнечные дни, и лёд окончательно растаял, ребятишки ловили в ручье маленькую рыбёшку. Взяв огромную корзину, двое ребят постарше перегораживали ею ручей, а остальные с шумом гнали рыбёшку вниз по течению до корзины. Когда корзину вытаскивали на берег, в ней трепыхались маленькие, с детский мизинец, почти прозрачные рыбёшки. Пройдя так весь ручей, можно было наловить этой

рыбёшки достаточно для того, чтобы хватило каждому на сковородку.

И снова пришло время отправляться в путь. Пришёл вызов от старшей сестры Валентины Ивановны, тётки Мани, из Вологодской области, куда она была эвакуирована. На станцию дед Василь вёз внука на телеге. Игорьку было очень тоскливо — очень не хотелось уезжать, а, может быть, передалось настроение деда, подавленного предстоящей разлукой с единственным своим прямым потомком. И когда Игорёк с матерью были уже в вагоне, женщина, приехавшая из деревни попутно на той же телеге, позвала Валентину Ивановну:

- Смотрите! Василь плачет! Надо же?!

Игорёк молча смотрел в окно вагона на лежащего ничком на телеге деда до самого отправления поезда. Стало ещё тоскливее. Женщина, помолчав, добавила: "Когда у него дом горел, ни один мускул не дрогнул. Спокойно смотрел. А тут, видно, сынов сгинувших вспомнил. Не выдержал. Ох, война! Сколько же ты жизнью искалечила? Сколько семей сгубила?"

Видно чувствовал дед Василь, что не увидит больше внука. А бабушка отнеслась к отъезду потомка совсем спокойно. Она в компании других женщин шла на работу в поле с граблями на плече. Кто-то подтолкнул её, чтобы обратить внимание на удаляющуюся по улице телегу. Она весело помахала рукой, не прерывая разговора. А вот спустя много лет, когда Игорёк снова навестил родину отца, бабушка, провожая его на автобус, долго стояла на остановке, махая на прощанье одной рукой и вытирая другой слёзы платочком. Игорёк долго смотрел через заднее стекло автобуса, пока силуэт бабушки с поднятой рукой не превратился в точку. Они тогда виделись в последний раз.

И вот Игорёк снова в Москве. Приехали ближе к ночи, и возник вопрос с ночлегом. В те времена при каждом вокзале была так называемая "комната матери и ребёнка", но там свободных мест не было. Валентина Ивановна была в растерянности, Игорёк капризничал — хотелось спать. Выручила ка-

кая-то женщина. Она отозвала Валентину Ивановну в сторону и сказала, что у неё есть талон или пропуск, или что-то там ещё, что разрешало ей получить место (кровать) в комнате матери и ребёнка, но нет ребёнка. Она предлагала взять на ночь Игорька — хоть ребёнок хорошо с удобством выспится. Валентина Ивановна с радостью согласилась. Они с женщиной научили Игорька называть эту тётеньку мамой, чтобы подлог, чего доброго, не раскрыли и, не дай бог, не выгнали бы обманщиков на улицу. Комната матери и ребёнка находилась на первом этаже. Это было большое помещение с множеством железных кроватей с белоснежным бельём, на каждой из которых расположилась женщина, каждая со своим чадом. Многие уже спали.

Утром выспавшийся Игорёк сидел у раскрытого окна и разглядывал прохожих. И тут он увидел Валентину Ивановну, идущую прямо на него. Забыв со сна о вчерашней договорённости, он радостно заорал во всё горло: "Мама!". Все находящиеся рядом женщины, сразу поняв, в чём дело, набросились на временную "маму" Игорька, совершившую по тем временам неблаговидный поступок. Поднялся скандал, кто-то уже звал милицию. Но с улицы вдруг раздались крики:

- Немцы! Немцы!

- Где немцы?

- Там, на путях!

Валентина Ивановна, таща Игорька за руку, потянулась туда, куда шли все.

Там на путях стояли теплушки. В раскрытых широких дверях товарных вагонов сидели и стояли странного вида люди в одежде тёмного грязно-зелёного цвета с землисто-серыми лицами. Игорька удивило то, что они, эти немцы, хотя и не совсем, но всё же были похожи на людей, и вовсе не такие, как на плакатах, в газетах: с собачьими мордами, с рогами, когтями. Немцы сидели и стояли молча, почти не шевелясь, уставившись в одну точку, каждый в свою, неподвижным взглядом. Люди, собравшиеся вокруг, тоже молчали. Большинство из них, скорее всего проезжие, как и Валентина Ивановна с Игорьком, в первый раз видели живых немцев и подолгу

не отходили, думая каждый о своём, но всё же об одном. Каждый потерял хоть кого-то из близких на войне: Игорёк — отца, Валентина Ивановна и отца, и сестру, и брата и других. Может быть, кто-то из тех, что сейчас в вагоне, и убил родного, близкого, друга, любимого того, кто смотрит сейчас на этих пленных.

И на этот раз в Москве не обошлось без приключений. Никаких дел у Валентины Ивановны здесь не было и, чтобы убить время до отъезда, она с Игорьком бесцельно ходила по городу, волоча его за руку. Игорёк зачем-то подбирал окурки и совал их в карман. Заметив это, мать вытряхивала карманы, но они снова пополнялись. Так они попали на ближайшую толкучку, где продавалось все что угодно. Вдруг Валентина Ивановна резко остановилась — из её дамской сумочки прямо в руку сыпались семечки, которые она только что купила на рынке. Рука провалилась в разрез сумочки снизу. Но ничего взять не успели, только сумочку жалко.

Проходя мимо лотков с разной мелочью, Игорёк заметил мундштук. Он был такой красивый, жёлтый и прозрачный, и так понравился, что Игорёк стал просить Валентину Ивановну купить его. Та очень удивилась такой нелепой прихоти сына и потащила его подальше от этого базара, отчитывая его за глупую просьбу, раздражённая утратой испорченной сумочки. Они оба с плохим настроением шли по улице, ведущей к вокзалу, когда Валентина Ивановна остановилась возле парикмахерской. Эта парикмахерская была очень большой, и к ней вели широченные ступени с большой площадкой, как при входе в кинотеатр. И без того расстроенный Игорёк, подозревая, что его сейчас усадят постригаться, упёрся намертво, готовый на всё. Он смертельно ненавидел стрижку, после которой колосось по всему телу. Валентина Ивановна убедила, наконец, сына, чтобы он только подождал на улице, а она только узнает кое-что и быстро вернётся. Игорёк ждал терпеливо некоторое время, но его не оставляло подозрение на то, что мать всё же собирается его постричь. И он решил пройтись немного по улице.

Игорёк медленно шёл, разглядывая витрины, машины, прохожих, которые все куда-то очень торопились, не обращая никакого внимания на него. Так он долго шёл всё дальше и дальше, совсем позабыв обо всём. Проходя вдоль забора с навесом для пешеходов, Игорёк прямо перед собой вдруг увидел лежащее на тротуаре мороженое, которое, видимо, кто-то потерял. Это было эскимо на палочке. Развернув мороженое, Игорёк принялся есть его на ходу, перепачкав и руки, и лицо изрядно растаявшим эскимо. Когда с мороженым было покончено, стало скучно, разглядывать витрины надоело. И тут он спохватился, что зашёл далеко, надо было возвращаться.

Подходя к парикмахерской, Игорёк увидел несколько человек и двух милиционеров, которые все что-то обсуждали с серьёзными озабоченными лицами. Один милиционер что-то записывал. Валентина Ивановна сидела на ступеньках парикмахерской, громко плача, закрыв лицо руками. Оказалось, что Игорька уже давно ищут. На вопрос матери о том, где он столько пропадал, тот спокойно ответил, что ходил за мороженым. Досталось, конечно, тогда и матери и сыночку от взбуревших женщин и от милиционеров.

На вокзале, как всегда на любом вокзале, было очень много народу. Зал ожидания был такой же огромный, как в Ленинграде, когда уезжали в начале войны: такие же ряды скамеек, такой же высокий потолок с перекрещенными толстыми балками и такой же выход на платформы через огромную дверь-ворота. Люди и сидели, и спали, и тут же ели и пили. Собрались перекусить и Валентина Ивановна с Игорьком тем, что собрали им в дорогу. Это были бабушкины пирожки и толстые ломти сала, того самого борова, с которым воевал дед. Напротив сидел пожилой солдат без одной ноги с костылями, видимо только что выписанный из госпиталя и направляющийся к себе на родину. Он долго пристально смотрел на жующего Игорька, и видно было, что его что-то беспокоит. Наконец, солдат подошёл и, смущаясь, долго что-то говорил, непрерывно прося прощения, о том, что четыре года на фронте, соскучился по деревне, по родным, по деревенской еде. Валентина

Ивановна долго не могла взять в толк, чего хочет сказать солдат. И только когда он стал протягивать большую (килограмма два-три) банку американской тушёнки, она поняла. Солдат до смерти соскучился по родному салу. Они долго спорили. Солдат никак не хотел брать целый ломоть сала, а Валентина Ивановна считала несправедливым брать за ломтик с ладонь такую огромную банку тушёнки. Они разговорились. Солдат рассказывал о фронтовой жизни, а Валентина Ивановна - о своих скитаниях. Обоим было интересно — каждый думал о своих родных, которые, наверное, переносили те же невзгоды. Игорьку было всё это не очень интересно, и он, давно приглядывающийся к выходу на платформы, направился туда. У платформы стояли электрички, которых он раньше не видел. Было очень интересно, особенно то, что в вагон не надо было подниматься: сделал один шаг - и ты сразу в вагоне. Игорёк долго с интересом разглядывал этот необычный поезд, потом вошёл в вагон и вышел. Затем в другой вагон и вышел. Потом в третий. Когда он находился в очередном вагоне, вдруг что-то громко зашипело. Игорёк испугался, выскочил. И вовремя — двери закрылись, и поезд тронулся.

Игорёк спохватился — надо возвращаться. Но когда он подошёл к двери-воротам, она оказалась закрытой. Он стал стучать, кричать, но дверь не открывалась. Он уже хотел заплакать, но догадался обойти вокзал. Мать сидела и опять плакала, увидев сына, заругалась на него, но тут же успокоилась, обрадованная. А народ весь сгрудился плотной толпой к выходу. Оказывается, перед подачей поезда дверь закрывали, а когда подходил поезд — объявлялась посадка, и её открывали. Толпа была плотной — не подойти. Но выручил солдат. Подняв костыль над головой, крича что-то про больного ребёнка — сына героя и про свои заслуги и ранения, он потащил Игорьку с матерью прямо к самой двери. Народ расступался, то ли из уважения к фронтовику, то ли пропуская несчастного контуженного, да пожалуй, так оно и было.

По дороге на Вологду Игорьку ничего не запомнилось. Они с матерью поселились у тётки Мани в большом высоком доб-

ротном доме, в котором тётушка жила с мужем и с недавно родившейся дочкой. Та была совсем маленькой и, как запомнилось Игорьку, постоянно качалась в плетёной люльке, которая закреплялась на конце длинного шеста, другой конец которого был забит под балку на потолке. Такая конструкция, издавна используемая в деревнях, была очень удобна: если даже слегка тронуть люльку, она долго качалась сама собой, освобождая руки на некоторое время для других нескончаемых в хозяйстве дел.

В первый день по приезду Игорёк стоял у распахнутого окна и с интересом разглядывал улицу. По ней то на одной, то на другой ноге скакала смуглая девчонка лет семи. Поравнявшись с окном, она остановилась и, протягивая руку с зажатым в ней пучком большущих перьев зелёного лука, сказала непонятное:

- Эва! — что, видимо, означало: "Смотри, что у меня!"

С этого и началось знакомство с местными ребятами, в компании которых Игорёк проводил всё время до конца лета. Параллельно улице за домами протекала мелкая каменистая речушка, в которой под камнями пряталась какая-то небольшая рыбёшка, и водились раки, вылавливать которых было очень интересно. А ещё увлекательней было играть в прятки в громадном сарае, что на поле за деревней. На этом поле рос горох, который можно есть сколько хочешь. А наевшись, можно и до вечера домой не ходить. До чего же был тогда вкусен тот горох!

Война была окончена, и в деревню стали приезжать демобилизованные. Возвращались победители счастливые, даже если увеченные (увечные?), гордые победой. Рассказывали о войне, о Европе, к которой относились свысока — победители ведь! Не было тогда унижительного, холуйского отношения к загранице.

Люди тогда были другие — с достоинством.

Сколько радости при встречах с вернувшимися с войны было у всех! Никто мимо не проходил. Многие ещё ждали своих. Ждали и те, кому уже некого было ждать: "Ведь были же

случаи, когда получали похоронки, а он вернулся?". На отца Игорька похоронки не было, и Валентина Ивановна надеялась и ждала, ждала, как многие.

Вернувшиеся победители каждый хоть что-нибудь да привозил из трофеев: кто аккордеон, кто часы, кто губную гармошку. Но больше всех ребятишкам нравились финки. Кто-то из ребят, потихоньку от отца стянув этот нож с наборной ручкой, чтобы показать другим, приносил его в укромное местечко. И все долго разглядывали эту красоту с разноцветными отшлифованными кольцами рукоятки.

Но не всегда Игорьку была вольность носиться с ребятами — иногда тогда, когда больше некому было остаться дома, оставался он, чтобы присматривать за маленькой сестрёнкой. Это было тяжкое бремя. Когда сестрёнка спала, было ещё ничего, только было скучно, но в другое время надо было то качать, когда сестрёнка кричала, то менять пелёнки, то давать соску, чтобы успокоить.

Однажды, когда ребёнок спал, Игорёк, услышав, как громко спорят ребята недалеко от дома, выскочил к ним на минуточку и, в спорах-разговорах забыв о своих обязанностях, сам не заметил, как вместе с компанией умчался по ребячьим делам, а там и вовсе забыл обо всём на свете. Когда, всё же спохватившись, вернулся, его встретила разъярённая тётка Маня. Сестрёнка то ли упала из люльки, то ли зашлась в крике, и перепуганная, обозлённая этим тётка лупила племянника крепко, даже ногами пинала, загнав его под кровать. Выручил приход к тому времени Валентины Ивановны. Сёстры крепко тогда поругались.

Вскоре Игорёк получил хорошую трёпку и от матери. Валентина Ивановна часто ходила в лес за грибами с огромным, почти с неё величиной, плетёным коробом, который носили за спиной на лямках. Грибы она собирала с одной целью. За каждый такой короб в близлежащем селе на заготпункте давали на обмен сто граммов сахара, который был тогда на вес золота и нигде за деньги не продавался. А нужен был этот бесценный продукт в качестве драгоценной обменной валюты, очень необходимой для возвращения домой в Ленинград.

Грибов в тех краях было очень много, но ходить по лесу было опасно. Однажды, забредя в густой малинник, Валентина Ивановна заметила, что кто-то громко сопит и ломится через малиновые кусты. Что-то лохматое, меховое. Подумала, что это странный деревенский сторож, который ходил постоянно в шубе мехом наверх. Днём он всегда был в лесу, а всю ночь исполнял свои обязанности сторожа, медленно двигаясь по всем улицам, стуча колотушкой, как в стародавние времена. Валентина Ивановна окликнула его. И когда то самое, что громко сопело, приподнявшись, повернулось в её сторону, она увидела огромную медвежью морду.

Как Валентина Ивановна оказалась в один миг в деревне — она не помнила, а уже сообразив, где она, упала без сил прямо на улице. Но сахар был так нужен! И приходилось всё же ходить в лес, приносить те самые грибы, менять их на сахар, который, принеся очередные сто граммов, она складывала в один матерчатый мешочек. Этот мешочек она прятала, на всякий случай, за балкой под потолком, что не ускользнуло от глаз сына.

Игорёк, когда никого не было дома, подталкиваемый любопытством, залез наверх, чтобы узнать: "Что же там прячет мать?" И, обнаружив сахар, обрадовался — он не помнил, когда последний раз пробовал его. Поразмыслив, что если взять только один кусочек, то мать даже и не заметит, и ничего страшного не случится. На следующий день он опять "поразмыслил", долго крепился, но не выдержал — взял ещё один кусочек. В последующий день всё повторилось. Потом ещё и ещё, до тех пор, пока мешочек не стал таким худым, что не заметить этого было уже невозможно. Обнаружив пропажу половины драгоценного своего запаса, Валентина Ивановна, догадавшись, конечно, чья это работа, основательно поколотила в назидание сына. Игорёк молча снёс наказание, чувствуя свою вину, а мать, расстроенная поступком сына, заплакала.

Кончилось лето, пришло время идти Игорьку в школу. Школа была километрах в пяти от деревни в соседнем селе. Она располагалась в большом одноэтажном доме, у входа в кото-

рый был палисадник с клумбами с буйно растущими яркими цветами. Игорёк давным-давно научился и читать, и писать и, сидя на задней парте, ожидал, когда же начнут задавать вопросы такие, как когда-то в Закобякине, про какие-нибудь правила: "жи, ши пиши через и". Но учительница задавала совсем дурацкие вопросы: "Кого и как зовут? Кто и что делал летом? Как зовут маму или папу?" Все поднимали руки и отвечали, а Игорёк руки не поднимал и не отвечал, а сидел молча и со скукой разглядывал ребят и яркие цветы за окном. Когда он вышел из школы, на улице ждала Валентина Ивановна, провожавшая сына "первый раз в первый класс". Оказывается, она всё это время вместе с другими мамами подглядывала в щелку двери.

- Ты почему ни разу руки не поднял? — первое, что спросила мать. Игорёк с удивлением посмотрел на неё:

- Я ждал, когда урок начнётся.

В школе было не интересно, что разочаровало Игорька, мечтавшего учиться ещё со времён Закобякина. И ничего от той школы, кроме первого дня, в памяти не осталось. Но дорога туда была интересной. На обратном пути ребяташки весёлой гурьбой сворачивали с дороги на поле, где ещё не до конца был убран горох, который был вкуснее, чем летом. Если горох надоедал, то затевалась игра в прятки или другая игра. А однажды произошёл один случай, который запомнился своей необычностью. Подходя к полю, ребята увидели странную картину. На земле ничком лежала старушка, а позади неё неподвижно стоял баран. Оба были неподвижны. Подойдя ближе, ребята услышали жалобные причитания старушки:

- Миленький, родненький, да за что же ты меня? Я ж ничего тебе не сделала! Оставь ты меня в покое! Иди лучше домой. — баран был неподвижен. Но как только старушка начинала вставать, приподнимая, конечно, сначала зад, баран с разбегу ударял прямо в приподнятый этот зад и тут же выходил на исходное место. Старушка утыкалась лицом в землю, заняв прежнее положение, и снова начинала свои слёзные причитания. Из причитаний старушки было ясно, что это повторялось уже много раз. Ребятам было жаль старушку, но они ни-

чего не делали — боялись барана. Но после третьего бараньего “нокаута” решились и все разом подошли к барану, который, к удивлению, повёл себя спокойно и только немного упирался, пока его уводили подальше от “жертвы”. Ребята долго с жаром обсуждали произошедшее. Конец спорам положил один четвероклассник, сказав: “Они все (видимо, имея в виду всех животных), как и мы, лежачего не бьют. Баран и ждал, когда она начнёт подниматься. А напал на неё потому, что побежала”. А вот откуда они оба там взялись?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И вот опять пришло время собираться Игорьку с матерью в дорогу. На этот раз, наконец, домой в Ленинград. Весь путь к дому на этот раз был какой-то необычный, неустроенный. Сначала долго шли пешком по еле заметной дороге то по полю, то через какие-то заросли кустов. Игорьку очень хотелось пить. На счастье среди кустов Валентина Ивановна заметила гроздь красной смороды, которая хорошо помогла от жажды. Наконец, пройдя какое-то село или городишко, путники пришли к железной дороге в место, которое и полустанком-то нельзя было назвать. Там, кроме железнодорожной будки обходчика, сарайчика и навеса, ничего не было. Вокруг толпились люди с котомками, среди которых была одна женщина с двумя детьми, ставшая впоследствии попутчицей до самого Ленинграда, они также возвращались из эвакуации. Все ждали поезда. С наступлением ночи ожидающие пристроились спать прямо под навесом, накрывшись тем, чем придётся, слава богу, хоть было ещё тепло, даже ночью.

Наконец, долгожданный поезд пришёл. Это был длинный состав, собранный из разнотипных вагонов: платформ, цистерн, теплушек и прочего другого, что было на колёсах. До Ленинграда добирались очень долго, с частыми продолжительными остановками, на которых состав всё время пересортировывали — одни вагоны отцепляли, другие прицепляли.

При этом, в то трудное время с целью экономии применяли одну хитрость — в ту сторону, куда был уклон, вагоны пускали как бы самоходом. Маневровый паровозик толкал вагон — тот катился сам, а паровозик спешил уже к другому вагону. Это было очень опасно, так как вагоны, как призраки, носились постоянно по всем колеям бесшумно, и легко было человеку, проходящему по путям, попасть под колёса.

Валентина Ивановна с "попутчицей", новой знакомой с детьми, новыми друзьями Игорька, не без труда поднялись в одну из теплушек, где уже было много народу. Такие теплушки были основным средством перевозки людей по железной дороге из-за нехватки пассажирских вагонов. В них возили солдат на фронт и с фронта, возили пленных и вообще просто людей. Посредине теплушки стояла постоянно топящаяся в холодное время буржуйка, а по обе стороны от неё были нары для пассажиров. Игорьку с ребятами ехать так очень нравилось, только вот гулять на остановках одних не отпускали и постоянно отгоняли от дверей ради безопасности. Когда поезд двигался, смотреть через широкую дверь вагона было интересно, но на остановках надоедала одна и та же картина, и все маялись от ожидания и оттого, что никто не знал, когда поезд снова тронется. А стояли на остановках долго, часто и не одни сутки. Так что, когда прибыли в Ленинград, уже наступили холода.

Попутчица, зная из разговоров с Валентиной Ивановной, что у неё в Ленинграде никого не осталось, и негде было остановиться на ночь, пригласила их с Игорьком с собой к своей сестре. И они все, вконец продрогшие, поздно ночью пришли в комнатку в подвальном помещении, где жила сестра попутчицы. Так как комната была маленькой, пришлось всем расположиться на полу вместе с детьми, а их оказалось шестеро: трое детей хозяйки, двое детей попутчицы и Игорёк, так что стоять уже было попросту негде. Но после теплушки лежать, хотя и на полу, в тёплом нормальном помещении — было счастьем. Все согрелись и уснули. Но ночью пришёл муж хозяйки, не совсем трезвый, и стал громко ругать жену, что, мол, устроила здесь ночлежку, и велел всем убираться. Валентине Ивановне с Игорьком пришлось уйти.

Они стояли на лестнице возле двери под синей, напоминающей о только что ушедшем военном времени лампочкой, которой любовался Игорёк — такой красивой, невиданной им раньше. Наверх вели ступеньки на улицу, а над ними — тёмный и неприветливый дверной проём. Валентина Ивановна была в растерянности: "Что дальше?". Да, неласково их встретил Ленинград. Но делать нечего, идти куда-либо ночью было рано, и, постояв некоторое время на месте, они бесцельно пошли по ночным улицам.

В предрассветном городе было пустынно и холодно, почти на каждой из улиц были руины разбитых бомбами домов с пустыми проёмами окон на еле держащихся остатках стен. Из памяти Валентины Ивановны всплыли те тёплые, шумные, весёлые, многолюдные улицы довоенного города, и стало так тоскливо, что слёзы навернулись на глаза. Наконец, пройдя несколько кварталов, они наткнулись на хоть что-то живое, где можно было, по крайней мере, согреться. Это был ресторан. Внутри него было тихо и немногочленно. Игорёк, продрогший и голодный, хорошо запомнил, как им принесли кофе в больших железных эмалированных кружках какого-то тёмного грязно-фиолетового цвета с мелкими белыми крапинками. Кофе был, как считалось, с молоком, скорее горький, чем сладкий, но зато горячий, и стоил он тогда, как осталось в памяти, пять рублей.

В первую очередь Валентина Ивановна направилась на Маклина в довоенную квартиру. В квартире жили незнакомые люди, которые даже и на порог-то её не пустили, но посоветовали спуститься к дворнику, если интересуют оставшиеся в квартире вещи. Дверь квартиры дворника открыла его жена и позвала мужа. Ждать пришлось почему-то долго. Выйдя, наконец, в маленькую прихожую, дворник остолбенел и, мгновенно побледневший, прислонился к косяку. Но, быстро придя в себя, он стал что-то быстро и сбивчиво говорить. На Валентину Ивановну, видимо, подействовала встреча знакомого, связанного с довоенным безмятежным прошлым, вызвавшая чёткие воспоминания о родных, усиленные ещё тем,

что она увидела за спиной дворника шкаф из их квартиры, такой родной: "Вот он шкаф, целый и невредимый, а их нет".

Встреча с дворником выбила Валентину Ивановну из колеи. Она стала приходить в себя, уже идя по улице, и начала размышлять о такой нервной реакции дворника на встречу с ней: "Почему он так испугался? Возможно, он принял её за сестру Шуру, сёстры были очень похожи, и от неожиданности посчитал, что перед ним привидение. А может быть, дворник испугался оттого, что у него были вещи из чужой квартиры? Да бог с ним, с этим дворником!". И тут Валентина Ивановна вспомнила о бумажке, которую он сунул ей в руку. Там был адрес. В то время в Ленинграде было специальное учреждение, хитрое название которого Игорёк, к сожалению, не запомнил. Это учреждение хранило описи имущества из квартир, в которых никого в живых не осталось, и осуществляло возврат имущества по описи родственникам, если таковые найдутся. Адрес этого учреждения и дал дворник. Это было рядом, и Валентина Ивановна решила зайти с тем, чтобы хоть что-то взять на дорожную память. Но лучше бы она туда не ходила. Опись быстро нашли, но она содержала дешёвые незнакомые предметы. Была, к примеру, какая-то тальянская гармошка. Дядя Андрей перед самой войной купил новый баян, не успев продать старый. Тальянка вместо двух баянов — для Валентины Ивановны это было обидной насмешкой. Ни одной знакомой, так нужной ей вещи в описи не было. С горьким разочарованием и с досадой на пустую трату времени она ушла.

Валентина Ивановна вдруг поняла: "Она осталась одна. Одна с маленьким ребёнком в огромном, пусть и родном, городе. Да что в городе — на всём белом свете одна. Одна без жилья, без работы и почти без денег. Что делать? Надо искать выход". Она вдруг вспомнила о Григории Николаевиче. Но жив ли он? Адрес она помнила.

У деда Ивана был друг детства Гришка, отношения с которым были почти братские и не прерывались никогда за всю их сознательную жизнь. К нему и направилась Валентина

Ивановна, бывавшая раньше с отцом у Григория Николаевича в гостях, с последней и единственной надеждой.

К великому счастью, на звонок дверь открыла Нина Владимировна, жена Григория Николаевича. Вот с этого момента для Валентины Ивановны исчезла пустота одиночества, и жизнь вернулась в свою колею, хотя трудности никуда не делись. Нина Владимировна сразу гостей узнала, засуетилась:

- Гриша! Гриша! Смотри, кто приехал! А это Игорёк? Господи! Какой же уже большой! Как жалко — Иван не видит".

Весь вечер и почти всю ночь они все провели за беседой, рассказывая о своей жизни: Валентина Ивановна о своих с Игорьком мытарствах в эвакуации, а хозяева - о страшных днях блокады. Сравнить одно с другим, как понял даже Игорёк, нельзя. Все беды и лишения в эвакуации по сравнению с жизнью в блокадном городе — беззаботная курортная жизнь, которой ничего не грозит. От смерти Григория Николаевича с женой спас счастливый случай или чудо.

В страшную зиму 1941 года наступили, как поняла Нина Владимировна, их последние дни. Григорий Николаевич, обесиленный и опухший от голода и холода, уже лежал, не имея возможности шевелиться. Нина Владимировна стоять на ногах тоже не могла, но могла передвигаться ползком, что она и сделала, намереваясь в последний раз обшарить каждый метр, каждый сантиметр квартиры, чтобы хоть что-то найти съедобное. И вдруг, рассматривая ящичек, в котором лежали всякие рыболовные снасти и прочий хлам мужа, увидела пузырёк, которого раньше не замечала (муж позже тоже не мог припомнить такого пузырька). В этом пузырьке оказался рыбий жир. Нина Владимировна не помнит, как ей в голову пришла такая умная и единственно правильная мысль: осторожно использовать рыбий жир. Она капала на ложечку себе и мужу сначала по одной капле, потом по две и, наконец, по три. И так они принимали рыбий жир, облизывая ложечку по три раза в день. Наконец они встали на ноги и смогли выйти на улицу, чтобы отovarить хлебные карточки. Вот таким образом они и остались в живых. Игорёк, поразмыслив, подумал: "Так зна-

чит, все кто остался в живых — это те, кто выжили случайно?"

Нина Владимировна, полная и очень добрая женщина, взяла у дорогих гостей их продовольственные карточки, а с ними и всю заботу о них на себя полностью и с большой радостью. Ей с мужем не хватало общения, особенно со старыми доверенными знакомыми. У них в городе до войны было много родственников. В живых из всех остался один племянник — молодой холёный офицер, который иногда заходил к родным. Игорёк помнил, как приходя в гости, он садился вплотную к открытой дверце круглой печки, пуская в неё дым от папиросы, и молчал. Все окружающие его сторонились — может быть из-за его необщительности, а может быть потому, что он работал в "Большом доме". Когда он попытался проявлять внимание к Валентине Ивановне, Нина Владимировна предостерегла её: "У него там на его работе каждый день новая женщина", имея в виду безответных арестованных или подследственных: "Выбирай — не хочу".

Игорьку очень понравилось жить на новом месте. Квартира напоминала уже почти стёртую из памяти довоенную жизнь в квартире на Маклина: такая же мебель с белыми чехлами, такой же большой красный абажур, низко висящий над столом, такой же запах, такой же уют и спокойствие. И откуда-то из глубин памяти здесь возникали полузабытые лица и деда, и тёти, и дяди.

По городской трансляционной сети тогда постоянно звучала скрипка, иногда фортепиано. Радио, чёрный пергаментный круг, называемый "тарелкой", постоянно было включено на полную громкость по военной привычке, чтобы нельзя было прозевать сигнала воздушной тревоги. На кухонном окне, выходящем во двор, ещё остались от войны (руки не дошли) бумажные полоски крест-накрест. Дух войны ещё остался, остался во всём городе, и на улицах, и в квартирах, и в душах людей тоже. Однажды, не в меру разыгравшийся Игорёк, пытаясь встать на голову на диване, падая, задел блюдце, стоящее рядом на пианино. На блюдце лежал кусок хлеба,

который и оказался на полу. Нина Владимировна, добрейшая Нина Владимировна, неожиданно закричала на него так, что Игорёк подумал: "сейчас стукнет". Его поразили глаза Нины Владимировны — всегда такие добрые они вдруг стали какими-то чужими, осуждающими, укоряюще-враждебными. Хлеб для неё — это святое, это бесценное, это жизнь.

Освобождённая от других забот, Валентина Ивановна всё своё время посвятила поиску работы. В городе работы не нашлось, кроме одной — дворником, с обеспечением жилплощади. Но она хотела работать воспитателем, так как ничего другого делать не умела. Сходила в ГОРОНО (городской отдел народного образования). В городе воспитатели не требовались и её отправили в область (ОБЛОНО). Там ей давали вакансии на просмотр, и они с Игорьком разъезжали по предложенным адресам с необычными названиями: Валкъярве, Перкъярве, Териоки (кажется, это Зеленогорск), Красное село и другие. Посмотрев очередной адрес, убедившись, что жить с ребёнком там невозможно, Валентина Ивановна возвращалась за новым адресом. Игорёк помнил, как один раз они вышли на каком-то полустанке среди снежного бесконечного поля и направились туда, куда им указали на станции, по тропинке через сугроб. Повстречавшийся человек, расспросив их, куда и зачем они идут, сказал:

- Милая! Куда же ты с ребёнком? Там же люди мрут как мухи от голода и холода. Возвращайся-ка ты поскорее назад. Валентина Ивановна поверила ему, и они вернулись на станцию, где чуть не замёрзли совсем, ожидая обратного поезда. Поезда ходили тогда очень редко. В другой раз они приехали в Красное село. Посмотрев место для жилья, которое им предложили, где не было дверей и выбиты окна, они вернулись на станцию. И снова ожидание поезда. Игорёк не мог сидеть на месте и бродил по деревянной платформе. Там между путей стояла огромная дальнобойная пушка, наверное, немецкая, из которой обстреливали город. Игорёк сразу же забрался на пушку и, оседлав ствол верхом, упираясь руками, потихоньку стал передвигаться вверх по стволу и оказался на конце его в

три человеческих роста от земли. И только тут он подумал: "А как же назад?". Если просто отталкиваться руками назад — штаны по стволу не скользили, если спрыгнуть — высоко, страшно. Он долго сидел и вконец замёрз. Людей вокруг не было, все прятались в теплом зале ожидания. В отчаянии Игорьёк лёг животом на ствол и стал дёргать ногами. Заметив, что немного сдвинулся вниз, он продолжал брыкаться. Так очень медленно, но всё же потихоньку стал спускаться, пока не оказался, наконец, на земле.

Валентина Ивановна, намаявшись со всеми этими поездками по детским домам, потеряв терпение, взяла, наконец, направление, не глядя, в Шаловский детдом, находящийся в нескольких километрах от Луги. Приехали туда вечером и сразу же пошли смотреть предложенную "квартиру". Это была маленькая комнатка под самой крышей деревянного домика с неработающей печкой и опять же с не застеклённым окном, выходящим на маленький балкончик. Со слезами, чуть ли не с рёвом в голос, Валентина Ивановна вернулась к директору детдома. Та сначала бодро посоветовала всё починить и исправить (правда помощи дать она не сможет), но, поняв нереальность этого, вошла в положение. И они договорились, чтобы Игорька оформить как детдомовца, но, так как группа дошкольная, о школе ему придётся пока забыть; а Валентина Ивановна как-нибудь устроится жить при группе. И сразу же их, изголодавшихся за день, отправили на кухню. Как же был вкусен после целого дня без крошки во рту тот омлет из американского яичного порошка и те американские галеты (сухое печенье)! Вся пища в Шаловском детдоме была американской — фантастика. Правда, мандарины давались лишь по половинке, чай со сгущёнкой был чуть-чуть мутновато-беловатый, печенье по одной штучке. Но еда эта была такой необычной и такой вкусной! А вот уже к празднику "9 мая" каждому из воспитанников детдома выдали по пакету подарков (тоже американских), с которым каждый из детей ходил несколько дней, не выпуская из рук (пока всё не съели). Вот в них были действительно чудеса: круглые плоские картонные коробочки с большими шоколад-

ными кружками с неземным ароматом, не похожим ни на что; какие-то пряники с божественным вкусом и ароматом; необычный такой же аромат имели конфеты, печенье и другие сладости с неизвестным ни для кого названием. И это все после голодных лет войны, когда многие дети ещё и простых-то конфет вообще никогда не видели! Позже для воспитателей распределяли подарки, которые сейчас называют "секонд хенд", собранные простыми американцами для русских, которых тогда боготворили, и не только американцы, из благодарности за победу. Из этих подарков Игорьку достались белые шорты, невысимо узкие и длинные брюки и пуловер, или джемпер, такой узкий, что Игорёк думал: "До чего же все эти американцы такие тощие и длинные". Особенно ему понравились белые шорты, хотя он и не знал, что это такое, но в них было главное — целых пять карманов.

Если посмотреть из сегодняшнего дня на все эти подарки, и конфеты, и тряпки, возникает недоумение — почему не разворовали по дороге, не пустили на перепродажу?

Люди тогда были другие.

Зима в Шалово прошла без каких-либо запоминающихся событий, и в памяти Игорька мало чего осталось, кроме, пожалуй, двух не особо важных. Трое или четверо ребят, в их числе Игорёк, лежали в изоляторе с какими-то незначительными болезнями. Там в закутке стояли большие бутылки с рыбьим жиром, предназначенным для приёма (регулярно, ежедневно всю войну во всех детских домах) детьми по одной ложке. Однажды ребята слышали ночью оттуда какое-то бульканье. Утром увидели — в одной бутылки утонула огромная крыса. Начался большой скандал. Забегали люди: сёстры, воспитатели, врач, директор. Стоял вопрос: "Что делать с бутылью? Выбросить? Но это же ценный продукт — жалко. Выбросить крысу? Но что делать с рыбьим жиром? Прокипятить? Процедить?". Бутылку унесли, и дети не узнали — чем всё кончилось. Но Игорёк, принимающий раньше храбро, не морщась, свою порцию, насмотревшись на эту дохлую крысу, рыбий жир больше никогда не пил.

Среди ребят был один мальчик, такой же сильный крепыш, как Игорёк, отчего между ними было нечто вроде соперничества. Однажды они неслись навстречу друг другу по длинному коридору. И случилась ситуация, которая часто возникает с движущимися навстречу друг другу людьми: один, чтобы не столкнуться, берёт влево, другой, по той же причине, берёт ... и в ту же сторону; один тогда поправляется и берёт вправо, другой ... в ту же сторону. И дальше: оба влево — оба вправо, оба влево — оба вправо. И в результате, со всего разбегу они налетают друг на друга, причём сталкиваются своими левыми бровями. Крови было много — вызвали детдомовского доктора, которая быстро перевязала раны. Но её очень удивила форма и глубина ран. А будучи дотошным специалистом, она стала расспрашивать, как они стукнулись. Оба рассказали всё так, как было. Доктор не поверила: "Ну не может быть таких ран от простого удара. Может быть, вы обо что-нибудь? Может, какими-нибудь железками?". Ребята повторяли всё то же. Затем она, велев обождать её, ушла, видимо, домой (доктор была из местных и жила рядом). Вернулась она с блюдечком в руке, на котором горкой лежал мёд. До чего же вкусным оказался этот мёд, который дети пробовали впервые! Пока ребята уничтожали сладкое чудо, доктор молча, задумчиво, долго смотрела на них, а затем снова начала пытаться расспросами, надеясь на магию лакомства, но, не добившись больше ничего нового, разочарованная ушла.

В конце зимы детдом вдруг настигла эпидемия скарлатины. Длинный коридор перегородили наглухо. В ту половину, что ближе к лесу, переводили заболевших. Общение между обитателями двух половин исключалось. Но всё равно "заболевшая" часть постоянно пополнялась, даже после того, как всех больных увезли в больницу в Лугу. У Игорька долго никак не проявлялись признаки болезни, но его, на всякий случай, всё же отправили в больницу. Там, на его беду, из-за неопределённости диагноза, ему устроили "карантин", то есть поселили в отдельной палате одного, где днём было скучно от одиночества, а ночью страшновато. Дня через три подселили в палату малень-

кую девчонку, что обрадовало, но не очень: "Какая же это компания — с девчонкой". Наконец, ещё через два дня привезли из детдома новых заболевших, сразу четверых друзей. Вот тут и началась весёлая жизнь, даже с песнями:

*Музыка играет, барабаны бьют.
Красные стреляют, белые бегут.
Брошу я подушку, брошу я кровать,
Сяду на лягушку и поеду воевать!*

После этого куплета в кого-нибудь (всё равно в кого) летела подушка — в ответ, конечно, тоже. Включались все, и начиналась "подушечная баталия". Поднимался шум, на который прибегала нянечка, хватала галошу, служащую больничным тапком, и вlepяла от души по мягкому месту нарушителя или всем по очереди. На нежной детской попке от этого оставался след, повторяющий рисунок подошвы, красивый — в клеточку-полосочку. И герой-нарушитель не без гордости показывал всем этот рисунок, сохранявшийся дня два. После обеда все должны были спать — тихий час (или мёртвый час). В это время нянечки особенно следили за порядком. Спать, конечно, никому не хотелось. Кто-то из ребят, видимо от скуки исследуя себя, вдруг заметил:

- А у меня одно яйцо больше другого! — Последовал ответ:
- И у меня тоже! — И следующий:
- И у меня! — Влетела подслушивающая за дверью нянечка:
- Я вам сейчас всем покажу! У кого чего больше! — В ход пошла всё та же галоша. Были и другие, как считалось, более строгие наказания — провинившийся лишался котлеты, а то и всего ужина.

Жизнь Игорька совсем посветлела, когда заметили, что кожа на его пальцах шелушится — скарлатина налицо, и его перевели в общую палату. Там было человек сорок его друзей. Когда он лёг на отведённую ему кровать, то заметил, что все до одного внимательно смотрят в его сторону. А когда он хотел выяснить: "Почему?", и резко приподнялся — кровать рухнула, и он оказался на полу. Игорёк понял — все знали, что кровать ломаная, и

ждали, когда она развалится, чтобы посмеяться над сюрпризом для него. И он смеялся вместе со всеми, пока на поднятый шум и хохот не прибежала нянечка со своей галошей.

Дети не могут спокойно лежать на одном месте. Постоянно придумывались новые игры. Здесь бойко шла торговля, конечно путём обмена, где самым ценным и ходовым товаром были клопы и маленькие жёлтые витаминки, выдаваемые каждому в день по штучке. Врачи заметили, что витаминки не съедаются, а прячутся, и стали следить при выдаче с тем, чтобы витаминка попала в рот. Но врач отходил, а витаминка выплёвывалась и пряталась под подушку. Клопы вылавливались в кровати или на стене и держались в коробочках. Дороже всего стоили такие коробочки — их неоткуда было взять. Клопы ценились своей обученностью. Дикий клоп, только что пойманный, стремящийся всё время убежать, ценился мало. Один натренированный клоп, который следовал постоянно за движущимся по подушке пальцем, куда бы тот ни перемещался, считался учёным и оценивался в пять или десять витаминок. В обмен шли также пуговицы, булавки, открытки и многое другое. По ночам, когда дежурящие нянечки засыпали, устраивались игры и в пятнашки, и в прятки, и всякие другие. Незадолго перед отъездом Игорька затеяли играть в поезд. Отодвинув кровати от стен, держась друг за друга, изображая вагоны с паровозом, ребята носились по периметру вдоль стен, шёпотом издавая "ту-ту" и "чух-чух". Одна доска возле окна сильно прогибалась, а из-под неё брызгала весенняя талая вода, заполнившая всё подполье. Брызги окатывали стену, и каждый старался надавить посильнее, чтобы у него брызги попадали выше, чем у других. Утром мокрую, грязную стену нельзя было не заметить. Наказали всех, лишив и завтрака, и обеда. Это было суровое наказание.

Игорька признали здоровым и отправили в Шалово. Те дни запомнились ему на всю жизнь. Во всём доме, где раньше всегда стоял неутихающий ребячий гвалт, было пустынно — ни души. Все дети были ещё в больнице. Воспитатели работали в главном здании, где были расположены школьные группы, и

Игорёк был предоставлен сам себе. Сначала, конечно, было скучно в непривычной тишине, но скука быстро прошла. Стояла отличная солнечная весенняя погода, и Игорёк весь день слонялся по окрестностям. Разлив реки уже почти спал, после чего остались мелкие заводи, полностью покрытые лягушечьей икрой. Непрерывная, бесконечная лягушачья песня была слышна за километры. Игорёк мог часами наблюдать за жизнью лягушек, многие из которых плавали, сцепившись парами. Верхняя лягушка так крепко сжимала горло нижней, что Игорёк боялся того, что одна другую задушит, и из жалости стал вылавливать их и "спасать". Расцеплять их было не просто, да ещё было их так много, что Игорьку всё это надоело, и он ушёл побродить по лесу. Лес был сухой, сосновый со своим неповторимым сосновым запахом, от которого, если очень глубоко вдохнуть и задержать дыхание, начинала кружиться голова. А если прилечь и долго смотреть на тёмно-голубое небо, на быстро бегущие весенние облака, то забудешь, где находишься, и как будто нет больше ничего, кроме качающихся макушек сосен на фоне облаков и шума ветра среди макушек деревьев, бесконечного, равномерного соснового шума весны. Весь этот мир вокруг: и лягушачьи песни, и сосновый шум, и одиночество, и тёплые солнечные дни после зимы, после замкнутости больничных палат казался Игорьку каким-то сказочным. А выдернутые из земли какие-то разноцветные красивые проводочки, оставшиеся, видимо, от войны, казались ему волшебными.

Наконец привезли из больницы всех ребят, и началась обычная детдомовская ребячья жизнь. Мальчишки шалили и хулиганили, как всегда, а девчонки, как всегда, ябедничали: "Мариванна! Мариванна! А Колька с Сашкой в уборной за девочками подсматривают!"

В то время было модным возиться со всякой живностью. Ловили и держали в коробочках и банках разных жучков, жаб и тритонов и пытались их кормить и ухаживать за ними. Дети узнали тогда, откуда получается шёлк и что такое тутовый шелкопряд. Но в наших краях нет тутовых деревьев, но есть другой шелкопряд — дубовый. Вот и занялись разведением

дубового шелкопряда с целью получения своего шёлка. Это придумали не дети, а, кажется, серьёзные дяденьки — учёные для получения дешёвого отечественного шёлка. Они и прислали каких-то червячков в детдом и, наверное, не только сюда, для участия детей в “великом эксперименте” и с воспитательной целью. Ребята с большим энтузиазмом принимали горячее участие в этом благом деле: под руководством воспитателя на занятиях групп изучали по книжкам, что и когда надо делать; собирали дубовые листья и ветки; обсуждали постоянно все проблемы “шелкопрядства”.

Лето для ребятишек — всегда раздолье. Особенно приятны были походы на озеро Зелёное. Дорога туда шла через деревню, а затем через мост, под которым текла маленькая каменная речушка. В этой речке водились вьюны. Эти вьюны были не такими, как везде, зарывающимися в песок. Они присасывались к камням, да так и жили. Ребятишки, останавливаясь, каждый раз подолгу у моста, вылавливали их, а самые храбрые давали присасываться вьюнам к пальцам, после чего отодрать их было не так-то просто.

В августе Игорёк опять побывал в Ленинграде. На этот раз в городе было хорошо, тепло и многолюдно. Город постепенно оживал. Валентина Ивановна приехала узнать, что можно, о судьбе мужа. Это было не просто, так как он не призывался через военкомат, и пришлось побегать за всякими справками по разным военным учреждениям, чтобы выхлопотать пенсию. Ей это удалось — пенсию начислили и выплачивали по 240 рублей, до тех пор, пока Игорёк учился в школе, откуда надо было постоянно брать справку, подтверждающую то, что он действительно учится.

Тогда по собранным справкам Игорёк и узнал, что его отец учился в пожарном техникуме войск противовоздушной обороны НКВД, откуда и был направлен в 20 стрелковую дивизию войск НКВД и пропал без вести в 1941 году.

И снова в дорогу. Валентину Ивановну перевели, в связи с реформированием детских домов, в Толмачёво, что кило-

метрах в 15 от Луги. Их с Игорьком поселили в двухэтажном деревянном доме на втором этаже. Там сотрудники детдома проживали в маленьких комнатах по несколько семей, где было очень тесно. Семьи отгораживались друг от друга ширмами, занавесками, как могли. Здесь же находились примусы, керосинки, ведра с водой и с помоями. Соседи по комнате часто менялись. Игорёк помнит, что с ними проживала одна воспитательница с матерью — старушкой, которая постоянно лежала, потому что часто болела. Этой старушке пришла посылка от сына, служившего в Германии. В посылке были вещи, совсем не нужные старушке, и среди них сигары и зелёные леденцы в железной коробочке, сладкие и ароматные. Игорёк сигар никогда не видел и, стянув потихоньку одну, принёс её друзьям. Оказалось, сигары это то, что надо было курить. Тут же решили попробовать, найдя для этого укромное местечко. Сначала ничего не получалось — сигара никак не хотела гореть, пока не догадались обрезать концы. Стали затягиваться по очереди, в результате чего все катались по земле, заходясь от кашля. Сигару выбросили и стали заворачивать, подражая взрослым, сигарки из сухих листьев. Это тоже не понравилось — горло жгло и тоже приводило к кашлю. С курением было покончено. В комнате жила ещё одна воспитательница с сыном примерно одного возраста с Игорьком. У мальчика была одна странность: как только он ложился на кровать, сразу же начинал мотать головой до тех пор, пока лежал, и во сне (всю ночь), и бодрствуя. Когда-то он болел менингитом и из-за сильных болей для облегчения мотал головой. Болезнь прошла, а привычка осталась.

В это время жизнь стала тяжелее. Возможно оттого, что настали времена холодной войны, а может потому, что Америка посчитала, что полностью рассчиталась за десятки миллионов погибших русских в войну, но как бы там ни было, американских подарков, яичного порошка, мандаринов и прочего в детские дома больше не поступало. Игорёк помнил всю жизнь это ненавистное слово "ragu". А дело в том, что детдомовские группы по очереди ходили в близлежащие колхоз-

ные поля и собирали морковь (из того, что осталось после уборки). Дети выискивали и выковыривали из мёрзлой земли по морковке, соревнуясь, чья группа больше найдёт и принесёт. Эту морковку варили в детдомовской столовой и на обед, и на ужин, пока поля не покрыло снегом. И называлась эта варёная морковь овощным рагу. Это рагу уже никому "в горло не лезло", но другого ничего не было. Игорьку почему-то навсегда запомнился один случай. Однажды он зашёл за своим другом, жившим на первом этаже в том же доме, с тем, чтобы вместе пойти по своим ребячьим делам. Пришлось ждать, пока тот пообедает. Мать налила другу в миску варёную, гладко очищенную молодую картошку вместе с водой, в которой та варилась. Друг был из местных, а картошка была со своего огородика. Игорёк украдкой, завидуя, наблюдал за торопливой трапезой друга. Такого странного блюда он никогда не видел: " Это первое или второе?". И ему показалось, что это же, наверное, невероятно вкусно. Придя после домой, Игорёк сразу же стал просить мать сварить ему такое же, к большому удивлению Валентины Ивановны.

В то время простая еда казалась лакомством. Иногда, например, Валентина Ивановна пекла драники. Картошка натиралась на тёрке, и эту размешанную массу, как оладьи, пекли на сковороде на постном масле до образования хрустящей корочки. Как же это было вкусно! Но через много лет, однажды будучи в командировке в Минске, Игорёк взял (с воспоминанием о прошлом) в бульбяной драники с мясом и не получил того, что ожидал — кое-как он всё же доел эту липкую массу. А иногда удавалось полакомиться жареной рыбёшкой из одних мелких ершей и окушков, которую привозил дядя Коля. Ох, какой аппетитный запах жарящейся рыбы стоял тогда по всему дому!

Валентина Ивановна была тогда молодой, красивой, цветущей женщиной и жизнь "брала своё". Она познакомилась с детдомовским шофёром, который и стал ходить к ней в их маленькую комнатку. Дядя Коля, вчерашний фронтовик, был общительным, бесхарактерным и добрым человеком, но с од-

ним недостатком — слишком часто прикладывался к бутылке. Но это Игорька особенно и не трогало, даже напротив, ему нравилось, когда, выпив, тот начинал рассказывать про войну. Про то, например, как он, возвращаясь с фронта к родителям в Лугу, до того на радостях допил, что, протрезвевший, очнулся не дома, а на кладбище у церкви в центре города, где на месте кладбища впоследствии был разбит сквер. А, открыв глаза, глядя на небо, дядя Коля увидел там светящуюся несущуюся тройку, везущую гроб под звон множества колокольчиков и под заунывное пение ямщиков. Дядя Коля крикнул им:

- Вы куда? — в ответ услышал:

- За тобой!

Дядя Коля был так этим перепуган, что на рюмку, к радости родителей, даже не смотрел целый месяц.

Игорёк принял дядю Колю в штыки, как и любой бы другой ребёнок в такой ситуации, тем более что спать теперь ему приходилось на полу.

А ребячья беззаботная жизнь шла своим чередом. Образовалась дружная компания человек шесть, которая чаще всего собиралась на крутом склоне горы за детским домом. Одна из забав была уникальная. Кто-нибудь из ребят влезал внутрь покрышки автомобильного колеса, свернувшись калачиком, спрятав руки и ноги, а остальные ребята пускали его с горы. После этого у прокатившегося таким образом так кружилась голова, что не только встать на ноги, но и поднять просто голову от земли "испытатель" не мог минут пять. А ещё у ребят откуда-то была тачка на четырёх колёсах, похожая на те, что используют носильщики на вокзалах. Половина из ребят садились на тачку, а другие с гиканьем катали её по улицам, а потом эти половины ребят менялись местами. Игорьку это особенно нравилось, так как он только катался, а не толкал тачку, потому что был самым младшим из всех. Но самым интересным из всех развлечений была игра в шпионов или диверсантов. У Игорька был фонарик, маленький керосиновый со стёклышками разного цвета: красным, зелёным и простым,

которые можно было менять простым поворотом рычажка, что очень было важным в их игре при подаче сигналов "своим". Откуда взялся фонарик? Этого Игорёк никак не мог вспомнить впоследствии. После этот фонарик пришлось поменять на электрический, с которым не надо было столько возиться — заливать керосин, менять фитиль, да ещё в беготне керосин часто проливался. Электрический был тоже с разноцветными стёклышками, но у него не было батареек. Ребята всей гурьбой ходили на пристань в магазин, чтобы купить эти батарейки. И, действительно, батарейки в магазине оказались. Какая радость была для всей компании — сорвать бумажку, отогнуть длинную и короткую железные пластинки, после долгих споров вставить правильно батарейку! Ведь никто из ребят ничего такого раньше не видел. Иногда все ходили ещё на пристань смотреть кино. Когда денег на билет не было, порой удавалось пробраться через лазейку на сцену и смотреть кино с другой стороны экрана, висевшего по краю сцены. Было не очень удобно — слишком близким и ярким было изображение, а ещё оглушал громкий звук из близко расположенных динамиков. Но смотреть было можно.

Пришла пора идти в школу и снова в первый класс. Сначала Игорёк ходил в школу, расквартированную по небольшим деревенским домам, разбросанным по всему посёлку. В памяти от той школы остался только один запах — приятный запах новой жёлтой деревянной ручки с пером номер 86, запах пенала, резинки и тетрадок в клеточку и "косую" линейку. Всё это хозяйство Игорёк носил в полевой армейской сумке, которой он очень гордился, хотя и была она кирзово́й, а не кожаной, и которая прослужила ему почти до окончания школы.

В середине зимы на детдом обрушилась эпидемия — стригущий лишай. Не миновала эта напасть и некоторых детей сотрудников детдома, в том числе и Игорька. На весь детский дом наложили карантин, и все дети работников стали учиться вместе с детдомовцами на месте. Валентина Ивановна повезла Игорька на излечение в Ленинград. Там в какой-то больни-

це его положили на стол, над которым горели огромные яркие лампы, накрыли глаза и велели не шевелиться. Когда он кашлянул, что-то вверху затрещало, но ничего страшного не случилось и терпеть пришлось совсем не долго. Доктора сказали Валентине Ивановне, что делать дальше. И всё на этом кончилось — они, к радости Игорька, поехали домой.

Ещё в больнице Игорьку завязали тесёмки его зимней шапки намертво и велели не развязывать ни днём, ни ночью. Так он и ходил, не снимая шапки, месяца два, а может и три (в памяти не осталось). Наконец пришло время снимать шапку. Старательная Валентина Ивановна всё делала в точности, как сказали доктора. Сняли шапку и сразу в огонь в печку. Все волосы Игорька остались в шапке, а голова оказалась гладкой, как яйцо. Только тоненькие волоски остались на шее, которые надо было выдёргивать пинцетом. Каждый день Валентина Ивановна мучила сына этой процедурой. Один волосок выдернуть совсем не больно, но когда их много, то кажется, что каждый волосок дёргается с одного и того же места, и в конце концов процедура становится невыносимой, а на глазах выступают слёзы. И обидно было то, что, как узнала Валентина Ивановна позже, не обязательно вовсе было нужно выдёргивать всё полностью. Мать очень беспокоила плешивая голова сына: "А вдруг не вырастут?". В Толмачёве никто не мог ей на это ответить, пришлось специально ехать в Ленинград. А там врачи её не обрадовали: "Скорее всего, через год вырастут, но может быть и нет". И Валентина Ивановна приехала в слезах.

И опять дорога. На этот раз в Елизаветино, что находится между Гатчиной и Волосовым. Валентину Ивановну с Игорьком и с дядей Колей поселили в посёлке в большом добротном деревянном доме, похоже, оставшимся от финнов, которых тогда в Елизаветине жило много. После войны они стали враждебно относиться, особенно к приезжающим русским, получая в ответ такое же отношение. Почти каждый день на станции у чайной возникали шумные драки между каким-нибудь пьяным русским и каким-нибудь пьяным финном. Часто происходили стычки из-

за колодцев, которых там было мало — здешняя вода залегала очень глубоко. Хозяева пускали посторонних к своим колодцам за плату. В основном хозяевами колодцев были финны, пускавшие не каждого и за плату к колодцу и просящие за свою воду дороже других. Кроме того, ходили слухи, что, продавая картофель, который негде больше было брать, они чем-то его обливали (или посыпали), так что от него болели животы, или он быстро гнивал. Но как бы там ни было, финны постепенно покидали обжитые места, оставляя свои дома.

Однажды, неожиданно, среди ночи, когда все уже спали, в их большую, какую-то неудобную, несуразную комнату ворвалась с громким криком женщина. Это была фронтовая жена дяди Коли, очень боевая казачка из-под Ростова, с ней была ещё маленькая девочка. Казачка прямо от порога с ходу налетела на Валентину Ивановну и вцепилась в волосы. Дядя Коля с трудом оттащил её, опасаясь за Валентину Ивановну, которая была тогда в положении. Вся эта драка сопровождалась криком, визгом и такими словами, и крепкими оскорбительными выражениями, которых Игорёк никогда и не слышал. Валентина Ивановна, не зная о существовании жены у дяди Коли, оскорблённая таким его коварством, не стала за него "цепляться", несмотря на то, что ждала ребёнка. И слабохарактерного дядю Колю, склонявшегося скорее к тому, чтобы остаться, боевая жена буквально за шиворот увезла. Игорёк был этим доволен.

Жизнь в детском доме была в то время тяжёлой. Дежурившие по очереди группы детей собирали здесь не морковку, как в Толмачёве, а свежую молодую крапиву. Это было не просто оттого, что крапива жгла руки, но норму надо было набрать обязательно, чтобы не оставить весь детдом голодным. Из крапивы в детдомовской кухне варили щи. Картошки туда совсем не клали — не было, но выручало молоко от коровы, которая была в хозяйстве детского дома. Но корова была всего одна, и молока хватало только на то, чтобы крапивные щи только лишь принимали беловатый цвет. Но всё равно это было вкусно.

Детям воспитателей, по сравнению с детдомовцами, было легче, потому что семьи сотрудников получали, как все, продовольственные карточки, на которые брали продукты в магазине и могли ещё питаться дома, хотя готовить обед сотрудникам было некогда — все постоянно пропадало на работе. Игорёк навсегда запомнил то время: когда постоянно хотелось есть; когда он набирал в карманы сухие макароны или вермишель, полученные по карточкам, и, бегая по улице, жевал как лакомство; когда мать советовалась с ним, что лучше взять по карточкам — печенье или конфеты, и он дипломатично выбирал печенье (оно и сладкое и сытное), хотя хотелось бы конфет; когда он часто бегал в буфет на станцию, где продавали сладкий сироп всего по 5 рублей за пол-литра, с которым можно пить чай (и не надо ни сахара, ни конфет); когда, узнав о прибывшем на станцию составе с "вкуснятиной", ребяташки гурьбой мчались туда и, прокравшись к вагонам (поезда тогда все были с охраной как стратегические объекты), набивали карманы вкусным, горьковатым жмыхом, который грызли потом целый день; когда ребята наткнулись на целое поле с турнепсом за лесом между детдомом и железной дорогой и, прихватив каждый по ножичку для чистки этого турнепса, наедались им до отвала. В магазинах в то время ничего из продуктов нельзя было купить просто за деньги, а только то, что положено было по карточкам — других продуктов не было. Но одна возможность была. Вблизи посёлка был огромный карьер, где добывали известь. Рядом стоял известковый завод. Для сотрудников этого завода, как для работников вредного производства, был специальный магазин, куда иногда завозили любые продукты, даже сахар и сливочное масло, и продавали просто за деньги. Игорёк ранним утром бегал занимать очередь в этот магазин и каждый раз ещё издали видел картину: маленький магазинчик на краю карьера и вокруг него огромная толпа народу. И каждый раз беспокоился: "Такая огромная очередь и такой, по сравнению с ней, маленький магазинчик. Неужели хватит всем?". И действительно, иногда, отстояв несколько часов в очереди, приходилось уходить "ни с чем" — на всех не хватало.

Каждое утро Игорёк, как и другие в детдоме, в завтрак получал хлеб почему-то за целый день (около четверти буханки). То, что оставалось от хлеба после завтрака, ему приходилось нести домой, с тем, чтобы идя потом на обед или ужин, забрать часть и нести обратно в столовую. Это было очень неудобно. Один раз Игорька, идущего так домой со своим хлебом, догнали ребята, направляющиеся купаться в Дылицы (единственное в округе, километрах в пяти, место для купания), и позвали его с собой. По дороге Игорёк понял, что не может полдня таскаться со своим хлебом. Проходя к дороге через лесок, вся компания остановилась, и стала думать: "Как быть?". Наконец, Игорёк придумал сам: "Спрятать хлеб, а уж на обратном пути забрать. Но куда? Да так, чтобы никто не мог взять?". И он, забравшись высоко на сосёнку, довольный своей придумкой, прикрепил там свой кусок хлеба. Но на обратном пути оказалось — хлеба нет. Кто-то, видимо, сожрал: то ли птички, то ли белки, оставив Игорька полуголодным до следующего утра.

После денежной реформы 1947 года жизнь изменилась к лучшему. Мало того, что отменились продовольственные карточки, так ещё и в магазинах появилось всё, чего раньше никогда не было. Кроме того, Валентине Ивановне с реформой очень повезло. Незадолго до того она съездила в Ленинград и выхлопотала там часть пенсии, не полученную за годы войны с момента гибели отца Игорька до времени возвращения из эвакуации. Сумма за это время набежала для неё немалая. Реформой предполагался обмен наличных старых денег у населения на новые в пропорции "десять к одному", но при этом, лежащие в банке деньги по номиналу не заменялись. И оказалось, что фактически на те деньги, которые Валентина Ивановна не успела взять из банка до реформы, после реформы она могла закупить всего в десять раз больше. Она сняла маленький домик, так как ожидалось прибавление в семье, а жить с маленьким ребёнком в той несуразной комнате, где дверь выходила почти прямо на улицу, было невозможно. Ради малыша она также приобрела впоследствии ещё и живность: козу и двух кур.

Реформа круто изменила жизнь. Всем казалось, что всё подешевело, хотя это было не так. Коробок спичек, который стоил рубль, стал стоить 20 копеек, что казалось очень дешёво. Мальчишки бросились покупать спички, конечно, для баловства. Тогда стало модным делать пугачи. Бралась трубочка и толстый стержень (большой гвоздь, например). Они сгибались буквой "Г", затем гвоздь вставлялся в трубочку, в которую предварительно крошилась сера от спичечных головок. На загнутые концы гвоздя и трубочки натягивалась крепкая резинка. Гвоздь оттягивался и удерживался резинкой за счёт перекося. Если потом нажимать резинку, то гвоздь соскакивал в трубочку и ударял накрошенную серу, производя выстрел. Среди мальчишек считалось неприличным не иметь такое устройство. Спички использовались и другими способами, например, просто поджигались целым коробком, чтобы бросаться друг в друга. Все ребята ходили всегда с набитыми спичками карманами.

Однажды с Игорьком случилась неприятная история из-за этих спичек. Прямо в классе с утра возникла спичечная баталия: мальчишки поджигали коробки и бросались ими друг в друга, а девчонки визжали и прятались под парты. В классе стоял оглушительный шум и мгла от дыма. И когда вошла учительница, горящий коробок попал ей прямо в лоб. Все мгновенно утихли и сели. Кроме Игорька. Он коробками не бросался и, не чувствуя от этого вины, стоял из всех один и смеялся. Учительница поняла это по-своему и, рассвирепевшая, повела Игорька в учительскую в соседний дом. Там он, обиженный на несправедливость, повёл себя, скажем, не совсем правильно, чем очень разозлил всех учителей. Его тут же отравили за матерью, для верности и неотвратимости наказания отобрав у него шапку, обещав вернуть её только в руки матери.

Ситуация была тупиковая, если учесть то, что только недавно перед этим он за какую-то провинность был крепко наказан. За матерью идти не хотелось совсем. Игорёк покрутился возле железнодорожной насыпи. Долго размышлял над сво-

ей несчастной судьбой и, наконец, надумал идти, куда глаза глядят, а точнее - в Ленинград. Он долго шёл, размышляя: "Куда ему податься?". В Ленинграде он знал только доброго Григория Николаевича, но не знал, как его найти в огромном городе. Потом пришла мысль: поехать в Вологду к тётке Мане или в Смоленск к деду. Так ни к какому решению Игорёк не пришёл, когда вдалеке уже показался семафор — это ближайшая станция. Впереди показались какие-то люди. По виду — цыгане. Игорёк в раздумье сбавил шаг — не хотелось встречаться с цыганами: "Что там у них на уме?". Он развернулся и пошёл обратно. Оглянулся, и ему показалось, что цыгане прибавили шаг, и он побежал. Обернувшись на бегу, Игорёк увидел, что цыгане тоже бегут. Вот тут уж он пустился, что было сил, и так бежал, уже не оборачиваясь, до самого Елизаветина.

Валентина Ивановна ругалась, но ни разу не стукнула. Игорёк размышлял: "Почему так всегда бывает? Всё самое нехорошее случается, когда не ждёшь. А когда ждёшь чего-то очень плохого — оно случается, но не настолько плохое, как ждёшь?"

Лето сорок седьмого Игорёк проводил большее время с детдомовской компанией. Это было очень интересное для него время. Игрушки тогда у детей были очень серьёзные — было с чем играть в войну. Война совсем недавно кончилась, и кругом валялись и оружие, и боеприпасы прямо в лесу, на дороге, на станции, у домов. В доме, где жили первое время, Игорёк собрал целый арсенал. Гордостью его был ручной пулёмёт, новенький, ещё в смазке, правда, без затвора. Игорёк привязал его к двуколке, оставшейся во дворе от прежних хозяев, и играл в Чапаева. Винтовку, совсем новенькую, он прятал за домом. Было ещё несколько гранат без запалов и каски: две русских — одна зелёная, большая с ярко-красной звездой, а другая маленькая, какие были во времена Финской кампании; немецкая, белая (видно зимняя) с чёрным орлом; да ещё чёрная, невесть откуда взявшаяся, пожарная с гребешком, как положено. Игорёк собирал только то, что было совсем новое, как со склада. Старое не было смысла собирать,

оно валялось под ногами кругом: и каски русские и немецкие, расколотые и с пробоинами, и патроны, и снаряды, и пушечные гильзы с порохом, и миномётные мины, у которых ребята выковыривали пусковой заряд в виде патронов, похожих на охотничьи, и разные гранаты. Немецкие гранаты "колотушки" все были в плохом состоянии — их длинные деревянные ручки от сырости всегда были гнилыми и всегда были забиты муравьями, селившимися в них.

В послевоенное время дети были не по возрасту самостоятельными, взрослые за ними особо не смотрели — было не до них. Ребята гуляли, где хотели и играли, во что хотели.

Иногда ребята ходили в лес, где лежали огромные миномётные мины. Не трогая боеголовку, они доставали из задней части "крыльчатки" порох просто из любопытства посмотреть — порох был разный: и макаронинками, и колбасками, и пуговичками, всё разного цвета. Однажды, наткнувшись в кустах, прямо недалеко от вокзала, на ящики с латунными сверкающими пушечными гильзами с порохом, ребята надумали напугать народ. Они высыпали весь порох из гильз в одну кучу, которая получилась, как если бы высыпали пару мешков картошки, сделали пороховую дорожку до леса, подожгли и бросились подальше. Столб огня был "до неба", на станции началась паника, но ребята были уже далеко. К счастью, ничего не случилось, никто не пострадал.

Но самым интересным была игра с танками. В дорожном тупике на станции, в низинке, стояли пять подбитых в войну танков. Ребята, играя, всё там облазали. Все казённые части с пушек и пулемётов давно были сняты, но в одном месте, куда было не пролезть (не хватало сил разобрать завал), мог оказаться нетронутый пулемёт. Ребята давно собирались добрать его до того места, но боялись: "А вдруг там остался убитый танкист".

И, наконец, однажды собрались, прихватив с собой ломик и Пашку. Пашка — это сын одной воспитательницы, который с рождения был недоразвитым. Он был большой, лет пятнадцати от роду, и, как всегда в таких случаях, очень сильный, но очень пугливый. Стоило только на него прикрикнуть, и он

с плачем убежал к маме. Одному ему было скучно (он не всё понимал из того, что говорили взрослые), и он постоянно увязывался за компанией ребят. Иногда Пашка компании вовсе не мешал, но иногда его прогоняли. Когда ходили играть к танкам, Пашку брали с собой — он спокойно мог открыть поджавевший люк, что сделать им и вчетвером было не под силу. Спустившись через люк в танк, ребята стали обсуждать: "С чего начать". В этот момент Пашка, оставшийся наверху, то ли нечаянно, то ли играя, взял да и захлопнул люк. Заметив это, ребята стали звать Пашку, но он не понимал, чего от него хотят. И когда, выйдя из себя, кто-то закричал на него, Пашка заплакал и убежал к маме. Час или два компания искала способ выбраться. Люк, как ни старались, не поддавался, надежда на то, что вдруг вернётся Пашка, через час рухнула. Отверстие наружу было одно: круглая дыра от выбитого пулемёта, но пролезала в него только голова, а плечи нет. После раздумья Игорёк попробовал просунуть голову одновременно с одной рукой. Хоть с трудом, но это получилось, а дальше оказалось ещё проще — он оказался на воле. Второй — за ним. А третий оказался слишком толстым. Передняя-то часть туловища прошла спокойно, а вот задняя застряла — задница была толстой, как у девчонки. Четвёртому путь на свободу был перекрыт. Как ни пытались все вместе — ни вперёд, ни даже теперь и назад толстяк не проходил, а только орал и, наконец, разревелся, то ли от боли, когда тащили его втроём, то ли от досады, то ли из страха остаться так навсегда. Пришлось двоим бежать в детдом за помощью. А остальные двое были освобождены, наконец, только к ужину.

Игра детей с боевым оружием не могла закончиться добром. Однажды Игорёк, идя по улице к дому, встретил знакомых местных ребят, живущих рядом, и увязался было за ними, но повстречавшаяся по пути Валентина Ивановна, завернула его назад. Вот это и спасло ему жизнь. Игорёк находился у детдомовской столовой, когда землю встряхнул оглушительный удар, заложивший уши. У одного из зданий у леса со звоном вылетели оконные стёкла. Взрослые пошли в лес за детским

домом, где произошёл взрыв, детей туда не пустили. Позже Игорёк узнал, хотя об этом взрослые говорили только тайком, что те ребята все погибли. На месте взрыва была страшная картина: от ребят ничего не осталось, даже хоронить было нечего — только остатки одежды и внутренностей висели на ветках деревьев.

После этого случая детям запрещалось одним ходить в лес, и все дети сотрудников проводили всё своё время на территории детского дома до самой осени. В памяти Игорька об этом времени осталось не так много.

В детский дом привезли диковинку для того времени — подростковые двухколёсные велосипеды, которых на всех, конечно, не хватало. И когда детдомовские дети были заняты другим делом, дети сотрудников могли кататься сколько угодно. Один раз Игорёк чуть было не поломал себе руки-ноги. В основном на велосипедах катались на бетонной площадке с глубокой ремонтной ямой, служившей, видимо, ранее для ремонта автомашин за домом у леса. Игорёк, лихо крутя педалями, выписывая круги по площадке, засмотрелся на голеньких девочек из детдомовской группы, принимающей в это время на полянке рядом с площадкой солнечные ванны, и со всего хода влетел в яму вниз головой. На его счастье, все кости остались целы, но хромать ему пришлось ещё долгое время.

У Игорька были друзья из сотрудников детдома. Это были двое молодых парней, которые жили в маленькой комнатухе небольшого дома у леса. С ними ещё жил очень старый детдомовский сторож, которого звали Пахом. Детдомовские ребяташки его почему-то постоянно в шутку дразнили:

Пахом с котелком, ты куда шагаешь?

В райком за пайком. Разве ты не знаешь?

Дед Пахом был добрый, и никогда на них не обижался — он понимал шутку. Игорёк с друзьями часто заходили в комнатуху — им всем нравилось слушать рассказы, анекдоты и всякие прибаутки старших парней. Комнатка была такой маленькой, что в ней помещались, кроме старой этажерки, только три кровати, на которые и садились приходившие в гости

ребята. Однажды дед Пахом слёг и уже не мог ходить. Парни, его соседи, ухаживали за ним, как за родным дедом, кормили его с ложки и делали всё прочее, что нужно в таких случаях. Сначала дед стал всё тише и тише говорить, потом через неделю он перестал слышать, а ещё через неделю и видеть. Всё это время в комнате сильно пахло. Николай, один из парней, сказал Игорьку, что это пахнет покойником. Пахом тихо умирал от старости. Николай часто приставлял зеркальце к носу Пахома, чтобы узнать, как он объяснил ребятам: "Жив ли ещё старик? Если дышит, то зеркальце затуманивается, а это значит — живой".

Смерть Пахома произвела сильное впечатление не только на детей, но и на взрослых. Тело деда поместили в только что выстроенный и ещё не заселённый длинный дом, и ребята со страхом заглядывали, поднимаясь на цыпочки, в его окна, где установили гроб.

Пахома провозжали на кладбище с оркестром всем детдомом. Всё это произвело на Игорька, не сталкивающегося так близко до сих пор со смертью человека, с этой "Великой тайной Жизни и Смерти", очень сильное гнетущее впечатление. Он несколько дней после этого не мог есть — не хотелось.

Кончалось лето, задули холодные ветры и, видимо поэтому, на детдом навалилась новая напасть — дети один за другим стали болеть коклюшем, и в детдоме ввели карантин. Заболевших детей переводили в отдельный дом. И там их стало так много, что человек, оказавшись на территории детского дома, слышал постоянный, не прекращавшийся ни днём, ни ночью, монотонный, сливающийся в одно целое, звук от детского кашля.

Наконец, пришла пора идти Игорьку в школу во второй класс. Школа находилась за железной дорогой в большом деревянном двухэтажном доме с широченными и очень длинными коридорами на каждом этаже, в которых, когда нужно, могла собираться на собрание или на пионерский сбор вся школа. Один такой сбор Игорьку хорошо запомнился. Дирек-

тор поставил одного четвероклассника перед всем строем и громким суровым голосом спросил:

- Ну! Вот скажи всем, зачем ты куришь?

Директор, видимо, ожидал, что нарушитель дисциплины ступается перед таким количеством людей, но ошибся. Четвероклассник, не моргнув глазом, спокойно ответил:

- Для солидности. — Директор достал папиросу из кармана и сунул её четверокласснику в рот:

- Ну что? Теперь ты солидный?

Директор был наивным, думая, что такой его воспитательный приём что-то изменит — он вызвал только смех.

Этот дом с огромными коридорами был только главным зданием, а другая часть школы располагалась в отдельных небольших домах на разных улицах. Второй класс был через пару улиц от главного здания в отдельной избушке. На дорогу в школу и обратно уходило почти полдня, а иногда и больше, если по пути затевалась какая-нибудь игра или ещё что-то. Самый короткий путь до школы лежал через детдом, через лес, через железнодорожную насыпь и, наконец, по улицам посёлка. Один раз по дороге домой путь преградил остановившийся перед закрытым семафором состав. Ребята догадались забраться на ступеньки вагонов и, доехав до станции, прилично сократили себе дорогу. Это им очень понравилось. Но как остановить поезд, когда закрытым семафор бывает очень редко? Выход нашёлся простой: насыпали кучку пороха прямо между рельсов и с помощью пороховой дорожки её поджигали, когда подъезжал состав. По инструкции машинист не мог не остановиться, если горит огонь на пути. Были и другие забавы: на рельсы укладывались в длинный ряд гвозди, пяточки или пистоны. Из гвоздей и пяточков получались большие лепёшки, а от пистонов получалась очередь выстрелов, как из автомата, что и приводило ребят в восторг. А лучше всего получалась самая настоящая очередь, когда укладывался длинный ряд автоматных патронов, но их надо было чем-то закреплять — они скатывались до того, как на них наедет колесо паровоза. А ещё ребята соревновались на спор, бросая различные предметы между колёс несущегося состава так, что-

бы предмет успел пролететь на другую сторону пути, не задев колеса. Это было не просто. Один раз Игорёк бросил на спор свою зимнюю шапку. А так как шапка была слишком лёгкой для того, чтобы преодолеть силу потока воздуха между колёсами, то пробросить её было делом сложным. В этом-то и заключался спор. Шапка пролетела удачно, но воздухом её тянуло назад под колёса, и краешком она попала на рельс. Все согласились, что Игорёк всё-таки победил. Но на прилипшей к рельсу шапке осталась сплюснутая чёрная полоска, которая, когда Игорёк отлепил шапку, превратилась в дырку, а из неё торчала вата. Радость от победы сразу пропала, когда он представил, как с ним разберётся Валентина Ивановна за порванную новую шапку. Игорёк дотемна околачивался вокруг дома, боясь наказания, но рано или поздно, а домой идти надо. Дома своё он получил, но, к его счастью, не так уж, как ожидал.

До самого снега Игорёк ходил всё ещё с плешивой (после лишая) головой, что приносило ему много неприятностей. Впервые, его постоянно дразнили, а один раз ему из-за голой головы даже досталось. По пути в школу Игорьку с одним другом повстречалась компания каких-то незнакомых ребят, которые начали смеяться над его плешью. Друг, почуяв неладное, убежал, а Игорёк вступил в перебранку. Но противник был в большинстве (человек шесть-семь), да ещё и ребята были постарше и какие-то очень злобные. Досталось Игорьку тогда так, что потом всё его тело, покрытое ссадинами и синяками, сплошь измазали йодом.

Когда выпал первый снег, у Игорька вдруг начали расти волосы, да так быстро, что за месяц голова покрылась очень густой, очень кудрявой, огромной шапкой волос какого-то странного кошачьего пепельно-дымчатого цвета. Это очень радовало Игорька, он гордился своей шевелюрой, берёт её, ходил без шапки и твёрдо решил никогда не стричься. Но когда шевелюра переросла уже все допустимые нормы, ему в школе велели постричься, а после нескольких напоминаний предъявили ультиматум: "Без матери в школу не приходите!".

Валентина Ивановна отвела Игорька прямо за руку в парикмахерскую, где его и оболванили "под ноль". После этого у него стали расти обыкновенные волосы, какие и были до болезни.

Зима сорок седьмого пришла очень рано. У Игорька навсегда отложилось в памяти то, как они с ребятами забирались на сугроб и заглядывали в окно детдомовской столовой. Там шла репетиция концерта к празднику "7 Ноября". А вот в декабре снег растаял, и кругом был лёд, поверх которого стояли лужи талой воды. Лёд был не только на дорогах, но и везде, даже и в лесу. Какое это было раздолье — кататься на коньках там, где вздумается! Тогда среди ребят было модно цепляться за машины на коньках. У каждого был сделан длинный крючок из проволоки, зацепившись которым за проходящую машину, можно было кататься "на дармовщинку" сколько угодно, правда, пока не выскочит водитель. Валентина Ивановна привезла Игорьку из Ленинграда коньки, каких раньше никто и не видел. Это были "снегурки" с загнутыми носами, как хвост у лайки, на пятке у которых были набалдашенки, а на передней части имелись зажимы, регулируемые специальным ключом. На старые ботинки Игорька, в которых он ходил, в сапожной мастерской закрепили специальные накладки, и если вставить набалдашенку в накладку и повернуть, а потом закрепить ключом зажимы, то получались коньки на ботинках, каких ни у кого не было. Коньки легко прикреплялись и отсоединялись от ботинок, в которых Игорёк просто ходил, как в ботинках. Как же все ребята ему завидовали!

Второго декабря родился братик. Игорёк нашёл больницу и нужное окно по записке, присланной Валентиной Ивановной. Она была весёлой и довольной, держа голенького малыша на вытянутых руках, показывая его Игорьку в окно. Братик был малюсенький, какой-то красный, с маленькими кривыми ножками и большущим ватным пупком. Он тараторил и молчал. Приехав с малышом из больницы в их маленький

домик, Валентина Ивановна задумала маленького крестить. Нашла священника, хорошо знакомую женщину с работы в качестве будущей крёстной, и все пошли в какой-то дом, где было достаточно места. Священник развёл руками: "А где же крёстный?". У Валентины Ивановны знакомых мужчин, которые могли бы подойти на роль крёстного отца, просто не было. Вообще мужиков тогда было мало. Она растерянно показала на Игорька: "А ему можно?". Священник подумал и сказал: "Можно". Так Игорёк стал одновременно и братом и крёстным отцом для своего маленького братика. Окрестив, его назвали Вадимом.

Домик, который снимала Валентина Ивановна, очень нравился Игорьку. Он был последним на крайней улице. За ним сразу был лес. Всё в домике было маленьким: маленький коридорчик с тремя входами; маленькая комнатка, в которой из-за холода зимой не жили; маленький чуланчик, из которого по приставной лестнице можно было попасть на чердак; третья дверь вела в сарайчик, где стояла коза. За комнаткой была ещё одна. Её перегораживал большой (до потолка) кирпичный стояк-дымоход, отделяющий "кухню" от закутка, в котором помещалась только кровать, где спал Игорёк с матерью. Валентина Ивановна купила перед самым рождением Вадика козу. Это была очень знаменитая коза. Летом она каждый день давала по пять литров молока, а иногда и больше. Это для козы очень много, а поэтому молоко было не жирным, а как коровье, и имело так же вкус коровьего молока. Хозяйка продала козу только с условием, чтобы козлят, которые должны были быть у неё, вернули назад. Козу звали Муза. И впоследствии, пока была у Валентины Ивановны Муза, за её козлятами каждый год занимали очередь заранее. Кроме всего прочего, Муза была умной и самостоятельной козой, что приносило Игорьку много хлопот. Это было в другом месте, куда в очередной раз переехал детский дом. Пастух собирал стадо где-нибудь на лужке, куда хозяйки и приводили свою скотину каждый день. На зависть другим хозяйкам сообразительную Музу водить было не надо — она дорогу знала сама. Но иногда пастух

менял место сбора, чего Муза знать, конечно, не могла, и её должен был отводить Игорёк. Вот тут и начиналась война Игорька с козой. Муза, видимо возмущённая таким неуважением к себе "сама, мол, знаю, куда мне идти", упиралась, а Игорёк тащил её за рога. Когда коза вырывалась и неслась на старое место сбора, то ему приходилось её ловить. Наконец, они с большим опозданием, к неудовольствию пастуха, добрались до нового места. Этого было достаточно для того, чтобы Муза ходила дальше самостоятельно на новое место, пока пастух снова не изменял его, и вся эта история повторялась сначала. Такой же выдающейся, необыкновенной, как и коза, у Валентины Ивановны была одна из двух куриц, купленных ею для того, чтобы хотя бы младший её сын уже не испытал бы никогда чувство голода. Вторая курица была самой обыкновенной глупой птицей. У первой было имя, на которое она отзывалась. Звали её Нана. Нана несла яйца против всяких куриных правил, то есть без выходных, все 365 дней в году. Но её надо было каждое утро, пока не снесётся, запирать в чуланчике, иначе снесённое яйцо трудно будет найти. Нана прятала свои яйца. На Игорьке лежала обязанность: выпускать каждый день Нану из чуланчика, когда она снесётся. Иногда он, забегавшись, забывал сделать это. И вот тогда курица несла, правда не каждый раз, второе яйцо, которое было самым обыкновенным, но без скорлупы (просто в плёнке).

Однажды, придя с работы, Валентина Ивановна издали увидела, что в огороде на снегу стоит Нана. Вблизи стало ясно, что Нана стоит на другой курице, которая утопла в мокром, мягком снегу. Видимо, стояла она так очень давно, потому что снесла второе яйцо, без скорлупы, прямо на свою подругу. А та была уже дохлой — замёрзла. Оказалось, что это Игорёк, уходя к друзьям, решил загнать кур в чулан, как это всегда делал, отлучаясь надолго, чтобы кур не утащили. На этот раз он очень долго гонялся за второй курицей и, обозлённый этим, с досадой швырнул её в снег, махнул рукой и ушёл. А влипшая в снег курица выбраться сама не смогла.

Валентина Ивановна крепко побила тогда Игорька. А курицу она сварила и, так как дохлую есть было нельзя, скорми-

ла щенку. Этого щенка дали в придачу к купленной козе. Валентина Ивановна была против щенка, но её уговорил Игорёк, соблазнённый тем, что щенок был от знаменитой (по мнению Елизаветинских мальчишек) овчарки с кирпичного завода, которая побила без труда даже Егорку, лишив его славы непобедимого. Егорка — это детдомовский пёс, гроза всех Елизаветинских собак. Он был очень лохматый, с густой бело-жёлтой шерстью, благодаря которой другие собаки ничего с ним сделать не могли.

Щенка взяли очень маленьким. Игорёк кормил его, а точнее её, молоком из бутылочки с соской. Назвал он её Ладой. Лада была забавной: с толстыми, крепкими лапками и с тупой мордочкой, как у волчонка. У Игорька никогда не было животных, и он не знал, как за щенком ухаживать. Наверное поэтому, а возможно и оттого, что была такой маленькой и без мамы, Лада постоянно скулила и всё время мёрзла. Она забиралась в поддувало печки, где было тепло. Валентина Ивановна затапливала печь, и не один раз с визгом вдруг из поддувала вылетал щенок, когда на него начинали сыпаться горячие угольки. На боках у Лады от этого были подпалины. За одну неделю, когда закончилась злосчастная варёная курица, Лада выросла вдвое и превратилась в весёлого игривого щенка, неотрывно бегающего за Игорьком, что ему очень нравилось.

Весной Лада неожиданно пропала. Игорёк ходил, искал по всем улицам, даже на дальних улицах за железной дорогой. Валентина Ивановна, не выдержав, тоже приняла участие в поиске. Всё было без толку. Одно ясно, что кто-то щеночка украл. Делались разные предположения. Фёдке, лучшему другу Игорька, даже пришлось в голову, что Ладу украли пленные немцы, чтобы съесть. Они тогда появлялись в посёлке, обходя дома и прося милостыню. Некоторых из них, отработавших на строительстве домов, уже в 1948 году отпустили на все четыре стороны — “идите куда хотите”. Многие из них, не имея совершенно никаких средств, шли в Германию пешком. Пленные заходили во все дома, тихие, замёрзшие, голодные и оборванные, молча протягивали руки, прося хоть что-нибудь. Большин-

ство, Валентина Ивановна тоже, их прогоняли, помня, сколько горя принесли захватчики. Они молча, покорно уходили.

Неожиданно Валентина Ивановна увидела совсем не так далеко от дома Ладу, с которой играли мальчишки, называя уже её Жучкой. Как только Валентина Ивановна крикнула ей: "Лада!" — она тут же бросилась под ноги и побежала за ней домой. Как же был обрадован этому Игорёк! Но как ни следил теперь Игорёк за щенком, не отпуская от себя ни на шаг и закрывая на ночь Ладу. В день отъезда их из Елизаветина её всё же украли в суматохе сборов в дорогу (видимо знали об отъезде). Искать уже было некогда.

Самым интересным местом в доме был чердак. Там было много старинных вещей и какие-то книги с непонятными красивыми буквами и словами. Одна была понятной и интересной. Называлась она "Лечебник", где было написано: "если болит то-то и то-то, то надо лечить тем-то и тем-то". Для примера приводились разные истории. В одной, например, рассказывалось, как в одной семье трактирщика все поочерёдно стали умирать. А оказалось, они мыли бутылки с дробью и наглотались постепенно свинца, чем и отравились. Кроме того, там были разные вещички, непонятные для чего, пузырьёчки и баночки. Только на одной Игорёк смог разобрать: "Коровье масло". В ней было что-то вонючее, а может быть и правда — масло, пролежавшее сто лет. Но один раз, поднявшись на чердак, Игорёк вдруг увидел большой таз, которого раньше не было. В нём было что-то жидкое, красное. В голове мелькнуло: "Кровь!". Игорёк кубарем скатился по лестнице от страха. Когда он, рассказав об этом матери, спросил её: "Что это там?",, Валентина Ивановна не знала что, но удивилась и полезла посмотреть, Игорёк тоже. Но там ничего не было — это так навсегда и осталось для Игорька загадкой. У него пропал интерес к чердаку. Всё это: и чердак с необычными, загадочными вещами, и близость глухого леса, в котором, как думал Игорёк, водились волки, было таким таинственным, волшебным, колдовским. Это всё было ему очень интересно и немного боязно.

В то время Игорёк сильно увлёкся чтением книг, которые брал у Феды. Тот со своей матерью жил на той же улице в комнатке под крышей, куда надо было подниматься по наружной лестнице, такой крутой, что взобраться по ней можно было только крепко держась за перила. Книг у Феды было много, его мать сумела сберечь их несмотря на трудности скитаний в эвакуации. Кроме книг, было много всяких игр, что и привлекало Игорька. И он, если не надо было сидеть с маленьким братиком, сразу же бежал к Феде, где, чаще всего, они занимались игрой с передвижением фишек и с вбрасыванием кубика с точками. Однажды он вернулся домой поздно, неся, как всегда, солдатский (наследство дяди Коли) котелок с кашей — свой детдомовский обед (который он теперь съедал дома, разогретым и с маслом). Дома никого не было. А в это время как раз Игорёк читал про Тома Сойера и остановился в том месте, где Том с Гекком крались тёмной ночью по кладбищу. А в доме темно — идти туда (в темноту) не хотелось. И Игорёк, спрятав котелок за домом в снегу под крепким настом (чтоб не мешался), отправился к Феде до прихода матери.

Ночью за домом был какой-то шум и возня, и в замёрзшее окошко были видны метающиеся тени. Коза и куры тоже подняли шум. Валентине Ивановне с Игорьком было не до сна от страха. Утром они хватились котелка, чтобы помыть его и взять с собой на работу. И только тут Игорёк вспомнил, что запрягал его за домом. Снег там, за домом, был разбросан, котелок валялся чистый в стороне.

- "Это волки!" — мелькнуло сразу у Игорька. Только много позже он усомнился в этом: "Нужна волкам каша!?"

В то время с Игорьком происходили странные вещи. Он вставал среди ночи, ходил по кухне, открывал и закрывал крышки кастрюль, проснувшуюся, обеспокоенную Валентину Ивановну не видел и не слышал, глядя пустыми глазами в "никуда", затем шёл за дверь. После того, как запоздавшая мать один раз догнала Игорька уже на улице, она пошла за советом к детдомовскому доктору. Та, выслушав её, сказала,

что это, скорее всего лунатизм, что нередко бывает в таком возрасте, и посоветовала: "У кровати положить под ноги мокрую тряпку на пол, а если в окно ночью ярко светит луна (а это действительно так и было), то завесить окно". Валентина Ивановна всё так и сделала, и то ли поэтому, то ли прошло само собой, но Игорёк со временем лунатиком быть перестал.

В сороковые и пятидесятые годы в народе было модно меняться вещами, и даже на базаре не только продавали и покупали, но и менялись товаром. Игорёк, когда кататься на коньках стало неудобно из-за сугробов, уступил, наконец, просьбам постоянно выманивавшим у него коньки. Он обменял коньки на лыжи. Лыжи были белые, солдатские, немецкие, очень крепкие и ужасно тяжёлые, да с такими тугими пружинами крепления, что Игорёк еле справлялся с ними. Он катался на них с трудом, смешно размахивая растопыренными руками, так как не было палок. Лыжи ему быстро надоели, и он поменял их на финки, широко распространённые в те времена. Финки — это стоящий на длинных железных полосках-полозьях стульчик, на котором один ехал сидя, а второй, одной ногой стоя на полозе, другой отталкивался, как на самокате. Всё это было удобно, когда кавалер катал свою даму. Валентина Ивановна, чрезвычайно довольная финками, возила на них воду: она — кавалер, а ведро — дама. Куда эти финки девались впоследствии — ни у кого в памяти не осталось.

Случившаяся в Вологде история с сахаром, к стыду Игорька, повторилась снова, но на этот раз с деньгами. Случайно он наткнулся на коробку под кроватью. В коробке, среди разных вещей, тряпок и бумаг, были деньги, которые Валентина Ивановна получила из банка (пенсию за мужа). И как в тот раз (в Вологде) Игорёк подумал, что если взять одну зелёную трёхрублёвку из пачки, никто же не заметит. Он умудрился достать из плотной упаковки одну бумажку, пошёл и купил конфет. Прошло время, и он, думая, что одна, или две — разницы нет, взял ещё одну и купил конфет. Думая так каждый раз, он всё брал и брал, покупал и покупал конфеты, ел их сам и угощал всех ребят, которые были этим очень довольны. Слад-

кое Игорьку уже так надоело, что захотелось чего-нибудь другого (солёного, что ли). Игорёк решил купить селёдку, но селёдки в магазине не оказалось, колбасы тоже. Пришлось ему купить, что было. И он купил копчёный язык. Язык этот оказался очень твёрдым. Игорёк погрыз, погрыз его и, когда надоело, остальное отдал ребятам. Те, кому он отдал, тоже не смогли до конца справиться с языком и отдали остатки собакам, которые уже и покончили с подарком без затруднений.

Хватилась Валентина Ивановна пропажи, когда в пачке оставалось денег уже меньше половины. Она набросилась на Игорька, схватила подвернувшуюся под руку палку и ею начала бить его. Машинально, защищаясь от палки рукой, Игорёк отдёргивал её в момент удара, и снова подставлял руку для защиты. Получалось так, что удары почти каждый раз проходились мимо. А сильно и точно ударить мать боялась, жалея сына. Чувствуя нелепость всей этой картины, Валентина Ивановна отшвырнула палку, села и разревелась, причитая: "Кого же я ращу? Кого же я воспитала?". Игорёк стоял в растерянности и молчал. После этого случая он никогда больше и ничего не брал у матери без спроса.

ЖЕЛЕЗО

Весна сорок восьмого была поздняя. У Игорька осталось в памяти то, как в конце апреля он бежал в школу по улице с крепко замёрзшими лужами на дороге. А в начале мая детский дом снова переезжал на новое место. Местечко это, находящееся в 12 километрах от хорошо знакомого Игорьку Толмачёва, называлось Железо. Название такое, видимо, происходило от присутствующей там, по слухам, в недрах железной руды. Возможно, это и так, потому что было там много ручейков, дно которых покрывал толстый слой рыжей кашицы из ржавчины.

Эти красивейшие места всем приехавшим показались раем после унылого, ровного как стол, Елизаветинского ландшафт-

та — этого начала Прибалтийского края, где много сланца, горючего камня и мало воды. Здесь же места были высокие, покрытые сосновыми лесами. Между крутых высоких берегов протекала река Луга. Пойма Луги была очень широкой — в весенний разлив ширина реки увеличивалась в десять и более раз. После схода воды оставались большие и маленькие заводи, и, когда маленькие уже совсем высохли, ребята иногда вылавливали, лазая по колено в грязи, небольших щучек. По реке в те времена ходили большие плоскодонные баржи. Интересно было смотреть на них, особенно издали, когда самой реки ещё не видно, — казалось, что огромная машина медленно движется прямо по полю. И действительно, у крутого берега баржа проходила так близко, что можно было спрыгнуть с борта прямо на землю. Река местами была такой мелкой, что ребяташки, лавируя по наносам песка, иногда умудрялись переходить её вброд, а баржи часто садились на мель. Русло углубляли взрывами, а ребятня тогда собирала оглушённую рыбу. От Толмачёва до Красных гор ходил ещё и пассажирский пароходик раз в сутки. Ходил он по расписанию и с билетами, как “всамделишный”. Если нужно было попасть в Толмачёво (в цивилизацию) в магазин или по иным делам, то единственным транспортом был этот пароходик.

Когда-то, видимо, это место представляло собой ухоженную барскую усадьбу в глухомани, от которой осталось несколько домов. Один — большой, двухэтажный, где предполагалось разместить детей; добротная бывшая конюшня, сложенная из громадных валунов, где разместили детдомовских коров, и гараж для детдомовской полуторки. Ещё один каменный дом, где был склад, и в котором было место для показа кино, и два деревянных дома — бывшее, вероятно, жилище прислуги. По дороге к реке, перед самым долгим спуском в низину был когда-то расположен сам господский дом, но после войны от него ничего не осталось. В войну в нём, судя по валявшимся вокруг во множестве обломкам кроватей, был госпиталь. От прежних времён на месте дома остались многочисленные ряды кустов шиповника, аромат которых разносился далеко по всей округе. До войны здесь был элитный дом

отдыха. Ходила молва, что каждый год здесь проводил свой отпуск Киров, отчего это место иногда называли "дачей Кирова".

Сразу, как только приехали, семьи сотрудников детдома поселили в деревянном доме, в котором всем вместе было очень тесно, и готовить пищу приходилось на большой плите, наспех сложенной прямо на улице. Но неудобства никого не беспокоили — настолько все были довольны новым местом. Но не всё хорошо оказалось на новом месте — здесь было много комаров. Первые две или три недели все приехавшие ходили с опухшими лицами и оплывшими веками от укусов комаров и мошек. От них некуда было деваться, и ни сода, ни солёная вода — ничего не помогало. Но, удивительное дело, позже, особенно на следующее лето, комары уже перестали так беспокоить — никто на них и внимания- то не обращал. То ли выработалась привычка, то ли появился иммунитет.

Лето в том году выдалось солнечное, жаркое, и компания ребят постоянно бегала на речку купаться. Но Игорьку это удавалось не всегда — надо было сидеть с Вадиком, так как оставлять его было больше не с кем. Если Вадик крепко спал, то Игорёк успевал быстренько сбежать на речку и быстренько вернуться. Валентина Ивановна делать это запрещала, а узнав, что Игорёк опять бегал купаться, ругала его. А один раз, когда Вадика, видимо, что-то беспокоило, и он кричал вместо того, чтобы засыпать, а компания ребят ушла на реку, Игорёк совершил проступок. Он закрыл братика подушкой, думая, что так он быстрее уснёт, и чтобы не слышно было крика, и убежал на речку. На счастье, Валентина Ивановна, словно почувствовав неладное, пришла посмотреть: "Как дела с малышом?". Когда вернулся Игорёк, его ожидал такой скандал с тумаками, какого ещё не было. Мать была настолько напугана этим случаем, что даже спустя много лет помнила о нём.

Когда Валентина Ивановна была свободна от работы, Игорёк был тоже свободен и мог играть со своей компанией. Она состояла не более чем из десятка ребят разного возраста.

Как все дети, они занимались, конечно, играми. Это были прятки, пятнашки, лапта, которая была тогда популярной, забытая давно игра "штандер" и другие, в том числе, многим неизвестная игра "крокет" с проволочными воротками, деревянными шарами с деревянными молотками. Интереснее всего было играть в казаки-разбойники. Места для этого было много: и конюшня, и ещё ремонтирующийся большой дом, где должны были поселиться дети. Когда пошли грибы, тогда можно было ходить не только на речку, но и в лес.

Как только кто-то принёс первый найденный гриб, соседи Валентины Ивановны сразу же направились в лес. Вернулись они, к удивлению других, минут через пятнадцать с полными корзинками. Грибники тут же, взяв у старожилов большие короба, которые носят за плечами, не мешкая отправились в лес. Они вернулись вскоре с полными коробами, набитыми всем, что попадалось. Там были в основном сыроежки, козлята и свинухи. В Елизаветино, откуда приехали новосёлы, попадались в лесу только сыроежки и опята, так что принесённый урожай радовал грибников. Несколько дней от плиты, стоящей на улице у дома, шел запах варёных сыроежек: их отваривали, жарили, готовили впрок. Вскоре опомнились, поняв, что всех сыроежек не собрать, и впредь, идя в лес по грибы, коробов уже не брали, а собирали только грибы белые и красные. Игорёк брал только белые. Да, грибов здесь было очень много. Позже было примерно так. Валентина Ивановна, придя с работы, говорила Игорьку: "А, может быть, грибов к ужину поджарить? Сходи-ка, принеси". Игорёк шёл за пару десятков метров от сарая, как в свой погреб, и минут через десять приносил штук пять крупных, крепких подосиновиков, чего и хватало на ужин. Один раз в своей пионерской газете "Ленские искры", выписанной для сына Валентиной Ивановной, Игорёк увидел снимок, на котором мальчик держал в руке большой белый гриб величиной с тарелку. Надпись гласила: "Смотрите, какие чудеса бывают". Игорька это удивило: "Какое же это чудо?". Такие грибы, да ещё и больше, ребята находили нередко.

Примерно через месяц после приезда случилось несчастье. К ватаге приехавших ребят примкнули две местные девочки. Одна из них, Катя, была тихой, молчаливой и всегда грустной. А другая, Валя, наоборот, очень бойкой, и всюду совалась со своей инициативой, что не очень нравилось всем это её желание — быть всюду первой, например, стремление показать, что она лучше всех умеет плавать. И однажды на пути к реке ребятам встретила Катя, и спокойно, как бы невзначай, тихо сказала:

- А там ваша Валя утонула. — Ребята сначала не поняли:

- Какая Валя? Почему "ваша"? — Валя была одна, и она была местная, так же, как и сама Катя. Но по её растерянному просящему виду поняли: случилось что-то ужасное. Все побежали к реке. Тело девочки зацепилось за бревно, торчащее под водой из крутого берега метрах в ста от того места, где обычно купались ребята. Тело находилось в положении "стоя", руки и волосы шевелило быстрое течение. На крики сбегались люди, тело достали из воды и начали откачивать. Но, как ни старались, ничего не помогло — слишком много прошло времени. Два дня ребята ходили тихие, словно побитые, неделю никто не ходил купаться. Но прошло время, и всё постепенно стало забываться.

К концу лета привезли, наконец, детей и поселили в отремонтированном доме. Бывшие жители, населявшие Железо, уехали, освободив, наконец, место для сотрудников детдома, которые и переехали в освобождённый дом. Идти к нему от усадьбы надо было по дороге, которая спускалась в большой непроходимый овраг, густо заросший малинником. По дну оврага протекал ручей, который был перегорожен запрудой, образующей большой пруд с чёрной болотной водой, которая годилась только для полива огородов, находящихся по берегам пруда. Над запрудой был крепкий мост, под которым постоянно шумел маленький водопад высотой метра два-три. Говорили, что здесь когда-то была мельница. После моста дорога снова поднималась в гору и приводила к дому. Рядом с домом был большой сарай, где было место и для козы Вален-

тины Ивановны. Тропинка в сторону реки вела под гору к большому двухэтажному деревянному дому, в котором на первом этаже была школа и жила учительница, а на втором жили две семьи из старожилов. Вся школа, если так это можно было назвать, состояла из одной большой комнаты, в которой учились вместе восемь человек, по два в каждом "классе". Пока учительница проводила занятие с одним "классом", то есть с двумя учениками, остальные шесть человек, три "класса", выполняли какое-нибудь своё задание. Но в результате обучения в этой школе оказалось, что все ученики (выпускники школы) получили высокий уровень знаний.

В доме, куда переселили приезжих, из прежних жильцов осталась только одна семья лесника с женой, матерью, маленькой горбатенькой старушкой, и сыном Славкой, с которым больше всех других дружил Игорёк. Двое из ребят в этом доме были постарше (лет по 14 — 16): Мишка, живущий с матерью в маленькой комнатке, и Вовка, у которого была ещё сестра лет двенадцати. Самым младшим из всех был Вовочка, как звала его мать, маленькая пухлая молодая женщина чрез меру интеллигентного вида. Вовочка был такой же, как мать, ни к чему не приспособленный. Он носил странную шапку с нелепым козырьком и такими же нелепыми ушами. Немного постарше Вовочки был Валерка, который жил с матерью в большой комнате напротив. В отличие от Вовочки, которому постоянно надо было что-то объяснять, Валерка был нормальным бойким фантазёром, и с ним было интересно. В одной комнате с Валеркой жила ещё Наташка, молодая девушка, работающая нянечкой в детдоме. К этой Наташке по ночам приходил Костя, один из парней, что жили в Елизаветино в комнатке с Пахомом. На следующий день Валерка рассказывал ребятам о том, что слышал оттуда, из-за занавески, где была кровать Наташки. А рассказывал он такие небылицы, каждый раз добавляя всё новые детали, что ребята, совершенно не разбирающиеся в делах любовных, и то понимали, что это Валеркины фантазии, не знающие никаких границ.

Валентина Ивановна купила Игорьку проектор для диафильмов, и он устраивал зимой, когда было достаточно тем-

но, почти настоящее кино. Валерка садился у входа на табурет и продавал "билеты". Все, многие взрослые тоже, приходили со своими стульями и рассаживались поудобнее. Начался показ с громким чтением надписей на кадрах. Чаще всего читал сам Игорёк. Взрослые предложили платить за билеты не бумажками, а настоящими деньгами, на которые можно было покупать потом новые диафильмы. Так и сделали, и всем такая игра очень нравилась. Приходили в "кино" даже "зрители" из двухэтажного дома, что под горой.

Вадик подрос, и хлопот с ним у Игорька становилось всё меньше и меньше с каждым днём. Его можно было оставлять одного. Но когда Игорьку пришло время идти в школу, то встал, казалось, неразрешимый вопрос: Кто теперь будет присматривать за Вадиком. Тут кто-то посоветовал взять в няньки свою знакомую, или родственницу, которая только что освободилась из заключения, и жить ей негде. А платить ей почти ничего не надо. Положение было безвыходное, и Валентина Ивановна согласилась. Сначала все были очень довольны. Валентина Ивановна называла няньку в шутку боной, на европейский манер. Бона очень любила Вадика и ни на шаг от него не отходила. Она была толстой женщиной с грубым мужским голосом, с большим жизненным опытом, любящей поговорить и умеющей находить подход к людям. Всё это Валентине Ивановне в ней нравилось. Не нравилось только одно — бона много и непрерывно курила папиросы, на которые и тратила все те жалкие деньги, что давала ей мать Вадика. А он постоянно дышал вредным дымом. А позже Валентина Ивановна обратила внимание на то, что Вадик постоянно хотел есть. Эту загадку помог ей разрешить Игорёк, сказав, что не раз видел, по случайности, как бона, дав пару ложек Вадиду, остальное тут же съедала сама. Валентина Ивановна понимала — бона была женщина крупная и того, что хватало самой хозяйке с Игорьком, той, конечно, было мало. Что ж поделаешь? И она, ничего не говоря, старалась, как можно чаще подкармливать Вадика, когда сама была дома. Но весной её терпение лопнуло, когда к боне приехала погостить племянница,

или подруга, молодая девица лет девятнадцати, по всей видимости, тоже из недавнего заключения. Приехала, погостила, и уезжать, кажется, вовсе и не собиралась. Теперь надо было содержать их двоих. А когда пропали деньги, Валентина Ивановна не стала искать, или разбираться, а просто прогнала бону вместе с племянницей.

Жизнь была бы тяжёлой, если бы не коза Муза с её молоком. В одну весну она принесла четырёх козлят, на которых уже заранее была очередь покупателей. Но оказалось, что среди них только одна козочка, а другие козлы. Одного козла удалось отдать впридачу к козочке, а двух козчиков Валентине Ивановне пришлось оставить себе. Новорождённых козлят надо было держать в доме, чтобы, не дай бог, не заболели, и пока не окрепнут. Едва обсохнув, встав на ножки, они без конца носились по комнате: по кроватям, по столу и едва ли не по потолку. Игорьку нравилось играть с козлятами, которые любили пососать что-нибудь, особенно мочки ушей, которые он подставлял им, со смехом ёжась от щекотки. Возиться с козлятами (кормить, убирать за ними) приходилось, в основном, Игорьку. На нём лежала большая часть забот о козьем хозяйстве. А один раз ему пришлось даже быть козьем акушером. Когда пришло время Катьке, дочке Музы, принести первое потомство. Валентине Ивановне понадобилось уехать на день из дома. И хотя она рассчитывала вернуться до Катькиных родов, всё же, на всякий случай, проинструктировала Игорьку подробнейшим образом: что надо делать, если случатся роды. Кроме того, она заручилась обещанием Славкиной бабушки помочь неопытному Игорьку, если она сама не успеет вернуться ко времени. Но Катька Валентину Ивановну ждать не стала. Услышав козий вопль, Игорёк бросился в сарай. Катька с воплем бегала кругами. Сзади у неё показалось что-то похожее на какой-то цветок из плоти. Это, как оказалось позже, были губы и язык козлёнка. Катька всё бегала кругами, пытаясь увидеть: "Что это там у неё случилось?". Так это делают собаки, гоняясь за своим хвостом. Испуганный Игорёк стоял в растерянности, не зная, что делать, чем помочь бед-

ной козе. Для него это дело было впервые. Для Катьки — тоже впервые. А Муза стояла в углу сарая и спокойно жевала сено, не обращая внимания на всё происходящее. Наконец появилась голова козлёнка. Игорёк вытер тряпкой его мордочку. Вдруг головка новорождённого подала голос: "Ме-е-е!". Катька даже перестала орать, закрутилась с новой силой, пытаясь поближе дотянуться до этой головки. Когда козлёнок, наконец, выпал, малолетний ветеринар (или козий акушер) делал всё так, как научила его мать, уделяя особое внимание тому, чтобы коза ничего не съела и не лизала козлёнка. В противном случае молоко, как говорят знатоки, будет горчить и пахнуть козой. Игорёк ждал, когда появится ещё то, (он не знал что — ему не сказали), что следует закопать, чтобы козы не съели. И тут вдруг показался прозрачный мешок, наполненный красной жидкостью. Игорёк очень перепугался. "Целый мешок крови! Это конец!" — пришло ему на ум. И теперь уже не Катька, а он заорал и выбежал из сарая. Как раз в этот момент, на счастье, мимо проходила бабушка Славки. К удивлению нервного акушера, она очень спокойно повела себя: подошла, внимательно всё осмотрела и спокойно ушла, ничего не сказав. Игорёк постепенно успокоился, сделал всё, как сказала мать, и снёс новорождённого в дом. А первенец был один, но, на горе бедной, ещё неопытной Катьки, необыкновенно большой, с очень длинными ножками, на которые он долго не мог встать. Некоторое время он всё же бегал, но постепенно ножки подводили его: козлёнок часто спотыкался и падал, а потом и вовсе перестал стоять на ногах. Но это было уже на новом месте, куда переехали Валентина Ивановна с Игорьком. Ветеринар тогда сказал, что козлёнок бегать больше не сможет, и что его надо зарезать.

Возни с этим козьем стадом было много: за лето надо было наломать целый чердак веников, которыми кормились зимой козы, да ещё надо было покупать сено — ни Игорёк, ни Валентина Ивановна косить сено не умели. Козы были и у других обитателей дома. У лесника была одна коза особенная: чёрная, с огромными рогами, кроме того, она бодалась. Ребята её часто дразнили, тогда обозлённая коза начинала гонять-

ся за всеми подряд, в том числе и за хозяйкой, горбатенькой бабушкой Славки. Говорят, что можно узнать по расстоянию между рогами козы — сколько она даёт молока: сколько пальцев поместится между рогов — столько литров и даёт коза в день. Это вполне возможно. У Музы влезало пять пальцев, и она давала пять литров. А у чёрной козы ни один палец не помещался, и у неё вовсе не было молока, потому что у неё никогда не было козлят. А козлята получают не без помощи козлов, а её все козлы боялись — она сама как козёл. Славкину бабушку кто-то надоумил раздаивать козу, и она всё лето доила её, выдавливая по капельки молоко из малюсенького вымени. И, на самом деле, к концу лета в день получался уже стакан молока. Бабушка подумала, подумала, и бросила всю эту затею — зачем ей стакан молока?

Мишка с Вовкой откуда-то привезли несколько кроликов, и через совсем короткое время появилась большая куча маленьких крольчат. Кролики были очень красивые: белые, мягкие, пушистые с красными глазами. Их поместили под большое, больше любой комнаты в доме, общее крыльцо, или террасу, с крышей, сделав загородку из проволочной сетки. Кролики часто убежали в лес через норы, которые они делали очень быстро. Беглецов особенно не искали — кроликов стало так много, что некуда было девать. Мишка с Вовкой дали по паре крольчат Игорьку со Славкой.хлопот с этой живностью было немного: нарвать им травы, да напоить, и Игорёк с удовольствием занимался этой своей собственной "скотиной"

Шло время, и Вадик вырос уже настолько, что с ним можно было играть. У него, как у многих малышей в его возрасте, был свой собственный язык, и было любимое занятие — это забивание гвоздей в пол. Если он капризничал, то, чтобы успокоить его на долгое время, надо было просто дать молоток и гвозди. Молоток он называл — мунук, гвозди — дёги, а карандаш — янаки. А когда Вадик хотел забивать гвозди, он тянул за рукав и канючил: "Дёгу да-да, дёгу да-да!". Братик мог уже самостоятельно ходить, и Валентина Ивановна могла иногда брать его с собой на работу, но и нередко Вадик всё же оста-

вался на попечении Игорька, который не всегда справлялся с этой задачей. У Вовки была собака. Пёсик, которого звали Шарик, был очень добрым. Вадик любил с ним играть: и пытался забраться верхом, и таскал его за хвост — Шарик всё это терпел. И вот один раз, когда Шарик ел из своей миски, Вадик, проходя мимо, дёрнул его за хвост, а тот, не глядя, инстинктивно цапнул его прямо за нос, оставив две метки у Вадика на всю жизнь на переносице. Детдомовский доктор, видимо для страховки, выписал направление в больницу в Лугу. А там, как положено, прописали сорок уколов от бешенства, да ещё в живот. Так жалко было Вадика! Игорёк с матерью несколько раз ездили в больницу. Каждый раз Валентина Ивановна плакала, жалея малыша. Живот у него, от множества уколов в одно и то же место, стал большим и твёрдым. Досталось же ему, бедному. А в другой раз Игорёк, заигравшись, совсем забыл про Вадика и убежал со Славкой в лес за сарай. Когда они вернулись, Вадика нигде не было. Стали искать. Через полчаса к поиску подключились все, кто был у дома. Обходили по несколько раз и за сараем, и у дома, где школа. Спускались к оврагу и к реке — Вадика нигде не было. Валентина Ивановна, вся в слезах, беспомощно стояла у крыльца, люди молча стояли рядом, не зная, где ещё можно искать. Вдруг кто-то крикнул: "Да вот он"! Игорёк запомнил эту картину на всю жизнь: из кустов, из-за баньки-полуземлянки, в которой все мылись, устраивая банный день, выходил Вадик вперевалочку на своих ножках колесом. В вытянутой руке он держал огромный подосиновик с ярко-красной шляпкой размером больше собственной головы. Да такой красавец, что Вадик не смог, вероятно, пройти мимо него. У Валентины Ивановны было столько радости, что она даже забыла наказать Игорька.

Мишка с Вовкой познакомились с одной пожилой образованной женщиной, приезжающей на лето в Железо, которая любила книги. Книги у неё были старые, дореволюционные, как она сама. И она, видимо решив приобщить молодое поколение к истинной культуре, давала ребятам почитать, но с обязательным возвратом в срок. Большинство её книг были, для

того времени, под запретом, как и их авторы. Прочитав их сами, ребята давали почитать Игорьку. Большое впечатление произвела на него тогда "Семья вурдалаков" Константина Толстого, о котором никто тогда и не слышал. Поражало название: "Князь серебряный". Очень тронула история о замёрзшем во льдах заполярья паруснике с погибшем полностью экипажем. Вот только Игорёк долго ломал голову: "А кто же так подробно знал о последних минутах людей, если никто из них не выжил"? Автора он, к сожалению, не запомнил — кажется, Леонид Андреев. Но больше всех понравились сказки Гауфа с великолепными иллюстрациями на отличной бумаге, с красочными изображениями людей в восточных одеждах. И через много лет мнение маленького Игорька об "умных" сказках не изменилось: "Ну разве, например, не прав был Гауф с позиций прошлого, настоящего и будущего, осмеивая сущность бюргеров маленького немецкого городка в своей сказке "Молодой англичанин". Эти бюргеры всегда были, и всегда будут. И Гауф прав, особенно касательно начала двадцать первого века, когда эти самые бюргеры взяли верх в обществе на всей планете под надёжным прикрытием своего повелителя — золотого тельца".

Однажды Валентина Ивановна привезла, к радости Игорька, радиоприёмник с батареями, которые вместе были тяжелее самого приёмника раза в два-три: две батареи анодные большие, и две поменьше — катодные. Но никто не видел ранее вблизи такое чудо, и никто не знал, как оживить его. На счастье, в это время недалеко стояли летним лагерем солдаты. По просьбе Валентины Ивановны пришли двое солдат и быстро всё наладили: между берёзами высоко натянули проволоку и от её середины отвели блестящий медный проводок прямо к дырочке в приёмнике, подсоединили батареи, научив тому же Игорька. И приёмник заработал. Для Игорька открылся новый мир. Ему очень нравилось крутить ручки настройки и через хрипы, свист и писк отыскивать станции и слушать всё то, что попадалось в безбрежном эфире. Игорьку нравилась музыка. Ему было всё равно: "Кто её написал? Как называется песня, или ария"? Он её просто слушал, не думая запо-

минать. Она сама влезала в память, а потом, ни с того ни с сего, всплывала. И, позже, научившись свистеть, он часто насвистывал какую-нибудь арию, где-нибудь в лесу, или на речке.

Зимой всё время уходило на школу, а летом Игорёк, чаще всего со Славкой, пропадали на речке. Ловить рыбу на удочку смысла было мало. За день редко удавалось поймать больше пяти плотвичек, окушков, или пескариков. Но, поймав маленькую рыбку, можно было использовать её как живца на щуку, а их здесь было много. Большим мастером по ловле больших щук был детдомовский шофёр. Ловил он их всегда ночью, а на что и где ловил — держал в тайне. Ребята гадали и фантазировали: кто говорил, что на зелёных лягушек, а кто — на змей. Приходя утром с уловом, шофёр подвешивал щук на ворота гаража и молча, гордо ухмылялся, когда все, проходящие мимо, восторженно ахали и охали. Игорёк со Славкой один раз, пытаясь оценить размер такой щуки, подняли её за голову вверх на вытянутых руках. И хотя они вставали на цыпочки, хвост оставался на земле. Один раз Валентина Ивановна с Вовкиной матерью вскладчину купили для интереса у шофёра одну такую большую щуку. Когда её потрошили, внутри оказались три больших окуня, два из которых были совсем свежими, один даже ещё живой. Подумав, решили их не выбрасывать, а пустить в дело. Нажарили гору щучьего мяса большими кусками. Но вдруг оказалось, что есть щуку нельзя — мясо было жёстким, как сырое осиновое полено. Пришлось всё нажаренное выбросить и, в утешение, довольствоваться только теми двумя окунями. А шофёр, как после стало известно, своих щук отвозил домой и кормил ими поросёнка. То же самое он делал зимой и с зайцами, будучи не только мастером рыбалки, но и охоты, но только на зайцев. Ходил шофёр на зайцев со своей необыкновенной собачкой, которая вызывала недоумение даже у Славкиного отца — охотника, большого профессионала. Собачка была маленькая, беленькая, как болонка, с лохматой мордочкой. И, удивительно, как она могла так быстро бегать по глубокому снегу, что успевала за быстроногими зайцами. Но её хозяин зайцев приносил, да не

по одному, а по два, и по три. Иногда шофёр брал с собой кого-нибудь из ребят. А дело в том, что он, кроме ружья, брал с собой почему-то ещё и какую-то маленькую малокалиберную винтовку, видимо, на всякий случай. А два ружья одному таскать тяжело, вот он и брал помощников, а за помощь давал разок, другой выстрельнуть. И все были довольны. Когда шофёра раз спросили, куда, мол, ты деваешь столько зайцев? Он ответил, что копит шкурки жене на шубу, а зайчатиной откармливает поросёнка.

Но был ещё и другой мастер — “мастер наоборот”. Это был чей-то родственник, приехавший на отдых — немолодой человек интеллигентного вида, за что за глаза его звали “учёный”. Придя на реку, он располагался там, куда подошёл, преимущественно на песочке у мелкого места, и начинал распаковывать свой немалый багаж: раскладной стульчик, две-три удочки, два спиннинга, жерлицы и какие-то капканы на щук, каких Игорёк ни до, ни после того не видел. В его мешке оставалось ещё много всякой всячины. Закинув удочки, установив жерлицы и капканы с насаженными кусочками мяса или хлеба, он усаживался на свой стульчик и терпеливо ждал, совсем не принимая во внимание, что на мелководье в воде на обозримом расстоянии не видно ни одного живого существа. Горе-рыбак, конечно, понимал, что сидеть часами без каких-либо результатов довольно глупо и неприлично. И однажды, он остановил проходивших мимо ребят, у которых в банке плавали несколько пескариков, предназначенных для наживки. “Учёный” напрямую спросил: “Почему у него так плохо всегда с уловом, а они всегда с добычей?”. Ребята всё ему объяснили так, как понимали сами. Он сразу же предложил сделку: ребята покажут ему место, а он даст им капроновую леску (самая обычная капроновая нить — редкая новинка того времени). Ребята сразу согласились и показали ему, хотя и не самое лучшее, но сносное и удобное место, откуда “учёный” стал хоть какую-то рыбёшку приносить. А того, чем снабдил их этот чудаки, - и леска, и поплавки, и крючки, - хватило бы ребятам на много лет.

В Луге и в заводах водились, конечно, не только щуки. Были также и крупные окуни, и налимы, которых ловили на вьюнов. И делалось это не совсем обычным способом. Вьюнов здесь было предостаточно. Чтобы поймать их, достаточно было запустить ладони почти в любом мелком месте на границе воды и суши, где был илистый мелкий песочек. В вывороченной таким образом кучке песка извивались сразу несколько вьюнов. Игорьку врезался в память почему-то один случай из зимней ловли налимов. Славка, его отец и Игорёк, взяв ведро, лопату с длинным черенком и согнутой железной частью, и крючки с короткими поводками, пошли на ручей за рекой. Этот ручей был незамерзающий, с толстым слоем ила на дне, где и было очень много вьюнов. С помощью лопаты доставали большие комки ила и выбирали из него вьюнов, которых бросали в ведро с водой. Быстро справившись с этим делом, пошли обратно на реку, нарубив по ходу длинных жердей. К тонким концам жердей привязали крючки с поводками и с насаженными на них вьюнами. Жерди через прорубленные тут же лунки тонкими концами воткнули в дно. И всё. Пошли домой. Игорёк, довольный всем проделанным и немного уставший, остановился передохнуть и оглянулся. Шёл снежок, было тихо и тепло, а по всей реке торчали концы установленных ими жердей. Жерди под воздействием течения беспрерывно качались и, как бы махая на прощанье, говорили: "Идите, идите. Всё будет в порядке"! Утром почти на каждом из крючков сидел налим. Весной, когда весеннее половодье ещё не спало, Игорёк со Славкой ловили налимов на перемёт. Так они называли своё приспособление: к куску проволоки привязывали груз, другой же конец проволоки закрепляли колышком к земле, а возле груза был закреплён крючок с насаженным на него вьюном. Груз забрасывался подальше в воду. Так на крючок попадались налимы или крупные окуни. Один раз Игорёк плохо воткнул колышек, и вместе с грузом далеко улетело всё вместе с колышком. Через месяц Игорёк бродил по тому обмелевшему уже месту в поисках шитиков (так называли там личинки ручейников) для наживки и наткнулся ногой на что-то острое — это была его же железная скоба, которую он заб-

росил весной в качестве груза, улетевшего тогда вместе с колышком. Вытащив перемёт, Игорёк был поражён — на крючке трепыхался большой окунь. Поражало то, что прошло много времени, а рыба была полна жизненных сил. Размышляя об этом со Славкой, они пришли к выводу, что окунь попался недавно, а вьюн всё это время спокойно жил с крючком, а это возможно — вьюны очень живучи, и даже, как и угри, могут долго жить на воздухе, пока их кожа влажная. Как-то раз отец Славки позвал ребят с собой, обещая показать чудо, какого никто никогда не видел. Они на челне переплыли реку и по узкому мелкому ручейку вошли в большую заводь. По пути Славкин отец рассказал, что в половодье гигантская щука зашла в заводь и не может из неё выйти после спада воды из-за обмелевшего ручейка-выхода. Вся заводь была в зарослях травы, тины и мелких кустов по берегу. Чёлн долго описывал круги между кувшинок и, наконец, остановился. Отец Славки показал веслом: в небольшой просвет между водорослями:

- Вот она! — И ткнул веслом в какое-то бревно.

- Где? Вот это? Вот это бревно?

А бревно, покрытое чем-то зелёным, вроде мха, вдруг медленно поплыло, отчего стало как-то не по себе, как-то жутко. Славка, глядя на отца вытаращенными глазами, спросил:

- А вдруг это чудовище махнёт хвостом? — И тут же добавил:

- А какой же длины оно? — Отец задумался:

- А чёрт его знает. Может метра четыре. А может пять. Да она такая старая, что ей и хвост-то не поднять. А рыбу ей, пожалуй, и не поймать — питается, наверное, только травой. А что ей остаётся?

Игорёк потом, вспоминая всё это, и сам себе не верил: "Было это или не было? Может быть, Славкин отец так над ними посмеялся? Но ведь что-то же там двигалось"!

А ещё Славкин отец рассказал легенду, которую слышал, когда ещё был мальчишкой. Это случилось в соседней деревне. Там был глубокий закоряженный омут, в котором, как было всем известно, водился гигантский сом. Жителей такое соседство не радовало: то утка на реке сгинет, то гусь. А ребяташки

не решались купаться вблизи омута. Один из жителей, считающий себя ловким рыбаком, заколов однажды барашка, оставил его голову тухнуть на солнце. А сынишке пояснил, что когда голова протухнет, он насадит её на специально изготовленный кузнецом крюк и пойдёт ловить сома. И вот, рыбак, уезжая однажды по делам, сказал сынишке, что уже можно идти на сома — для этого всё готово, и что, как только он вернётся, они пойдут на рыбалку. А сынишке не терпелось. Он, решив прослыть героем на всю округу, пошёл один. Накрепко привязав один конец каната к лодке, другой с крюком и с насаженной головой барашка, как было сказано отцом, бросил в омут. Тут же канат рвануло, натянуло, и лодка понеслась. Мальчишка, чуть не вывалившийся от первого рывка, уцепился за борта, распластавшись на дне лодки, и стал громко кричать. Сначала лодка с парнишкой унеслась на несколько километров вниз по течению, потом обратно к омуту. Потом — то туда, то сюда, то крутилась на месте. Мальчишка всё время кричал, призывая на помощь. Люди на берегу столпились, не понимая — что происходит, и ничего не предпринимали, пока не вернулся отец мальчика, и не стало ясно — в чём всё дело. Сообща собравшийся народ вытащил громадного сома. Правда это или нет? Многие верили, ребята тоже.

Железо — место глухое. Лес был полон крупным и мелким зверьём. Чаше других можно было в лесу встретить белку. Трудно было провести полдня в лесу, не встретив ни одной. Зимой голодные волки часто бродили вокруг дома — утром под окнами были их следы. В первое лето, как только приехали, ребята компанией иногда забирались в овраг, чтобы лакомиться малиной. Овраг был труднопроходимый, заваленный буреломом. Чтобы попасть туда, надо было долго, где перелезая, где подлезая под разные коряги и упавшие деревья, пробираться к малине. А малины там было много настолько, что, не вставая с одного места, можно было наедаться до упора. А малина такая ягода, что есть её можно без конца. Один раз, сидя так и молча и тихо уплетая сладкие ягоды, ребята услышали, что кто-то шумно, с треском, но очень медленно при-

ближается к ним. Тихо подобравшись поближе, тайком выглянув через заросли малинника, обомлели от страха. Там сидел медведь и, загребая лапами сразу охапку веток с ягодами, жевал их вместе с листьями. В один миг вся компания вылетела наверх из оврага, не замечая ни бурелома, ни валежника. Сначала удивились, что за ними никто и не гонится, а потом, уже придя в себя, сообразили: "Зачем они ему нужны? Медведь — зверь и, наверняка, знал, что рядом люди, и не обращал на них внимания. Медведю они не мешали, медведю нужны сладкие ягоды". Этот случай не единственный, когда людям приходилось сталкиваться с дикими зверями в лесу "нос к носу". Чаще всего, почти каждый день, в лесу встречались белки. А один случай встречи с дятлом навсегда запомнился Игорьку. Когда идёшь по лесу, часто попадаются кучи шелухи от шишек под деревом — это "кузницы" дятлов. Дятел выдалбливает углубление в дереве. Затем приносит шишку, закрепляет её в этом углублении для удобства и достаёт из шишки семена, которыми и питается. Игорёк, заметив, что большой чёрный дятел с красивой красной головой долбит шишку в своей кузнице очень низко, в метре от земли, решил его поймать. Подойдя с противоположной стороны "от дичи", горе-охотник обхватил руками с двух сторон сосну вместе с дятлом. Удар клюва дятла — это удар молотка с гвоздём. Игорёк с криком отлетел от сосны навзничь на землю. Клюв почти насквозь пробил руку.

Однажды ребята построили себе шалаш из веток у сарая, метрах в двадцати от собачьей будки. Вдруг Славка незаметно толкнул Игорька в бок, показывая взглядом в окошко, проделанное в стенке шалаша. В нескольких шагах от них сидел большой заяц. Они, как загипнотизированные, несколько минут смотрели друг на друга. Заяц стоял на задних лапах, и, наверное, поэтому казался огромным, с большими неподвижными глазами. Первым не вытерпел Славка и крикнул. Заяц высоко подпрыгнул вверх и пропал. А вот в какую сторону он убежал, не мог бы сказать ни Игорёк, ни Славка — его как ветром сдуло. Но больше зайца ребят поразил Тузик — этот опытный охотник. Тузик, спиной к которому совсем близко

стоял заяц, за всё это время спокойно смотрел, не подняв даже головы, которая лежала на лапах. Он был на цепи и, видимо поэтому понимал: раз он беспомощен, то зачем зря дёргаться. Что он, зайцев не видел?

А в другой раз в погожий летний день ребята играли на крыльце. Вдруг кто-то из них заметил, что у леса на конце большого картофельного поля, что напротив дома, происходит нечто непонятное — кто-то там возится, и картофельная ботва летит по сторонам. Расстояние до того места было большое, но всё же, правда, с большим напряжением удалось разглядеть — там бесились (то ли играли, то ли дрались) зайцы. Славка побежал за отцом, которого пришлось уговаривать взять ружьё — ещё было далеко до открытия сезона. Но наглость зайцев, портящих урожай картофеля прямо на глазах, перевесила. Славкин отец отцепил Тузика и, взяв ружьё, стал тихо подбираться поближе к зайцам. Но, на его беду, за ними увязались две собаки: Шарик и маленькая собачка из двухэтажного дома. Они, бестолковые, были далеки от хитростей охоты и, как только почуяли зайцев, тут же бросились с громким лаем и, конечно, спугнули добычу. Славкиному отцу пришлось выстрелить второпях. Он промахнулся, только ранив зайцев, которые бросились в лес, а все собаки за ними с громким лаем. Дворняжки быстро вернулись, а позже прибежал и Тузик с виноватым видом за такую позорную охоту.

Славкин отец, как лесник, промышлял охотой. У него в доме на длинных шестах, закреплённых под потолком, сушились десятки беличьих шкурок и шкурки куниц. Немалая заслуга в этом принадлежала Тузику. Тузик — это рыжая настоящая лайка. Отец Славки говорил, что лучше Тузика собак не бывает. Есть много отличных собак лучше Тузика, но все они специалисты в каком-нибудь одном деле: кто по волкам и медведям, кто по зайцам, кто по уткам, кто по норам. Лайка универсальна. И для охотника-профессионала, живущего охотой, незаменима. С Тузиком Славкин отец охотился удачно не только на белок, но и на уток, зайцев и хищных зверей. Два случая из его охоты особенно запомнились Игорьку.

В одну зиму отец Славки задался целью выследить рысь. Охотник и зверь, как будто по какой-то причине собираясь сводить личные счёты, вступили в единоборство. Отец Славки почти всю зиму шёл по следу зверя, но застать его врасплох ему не удавалось. И вот, когда охотник, потеряв след зверя, думая, что он ушёл в другой лес, стал забывать о преследовании, случилось неожиданное. Рысь и охотник столкнулись. Зверь первым обнаружил охотника, возможно теперь уже он превратился в преследователя. На своё счастье, Славкин отец успел в последний момент увидеть рысь и, когда она бросилась на него с дерева, подставил для защиты ружьё, ударившись о которое рысь отлетела на землю. Охотник нанёс удар ружьём как дубиной, но удар пришёлся о землю, и ружьё разбилось пополам. Зверь сбил человека с ног. И вот тут выручил Тузик, вцепившись в зверя, что дало возможность его хозяину выхватить нож. Победа была за охотником с его собакой. Отец Славки вернулся, еле держась на ногах, с запёкшейся кровью от ран на шее, лице и руках, с разорванной в клочья одеждой, но довольный своей добычей — огромной рысью за спиной. Другой случай был не менее интересен.

Мать Славки была больна туберкулёзом. Врачи сказали, что лучшим средством для лечения является барсучье сало. Заранее проведя нужную подготовку, лесник, взяв себе в помощники сына и Игорька, и прихватив с собой только лопату, отправился на поимку барсука. Помощников он оставил у одного из выходов норы. Ребята должны были просто ждать, а когда появится барсук, то стукнуть его лопатой. Остальные выходы из норы охотник заранее наглухо забил, кроме ещё одного, у которого он стал разводить огонь для того, чтобы дымом выкурить зверя. Прошло достаточно много времени, а барсук всё не появлялся. Тузик всё это время метался и скулил, чувствуя зверя. А когда погас разведённый для дыма огонь, Тузик вдруг бросился в нору. Игорёк удивился: "Как в такой узкий проход мог пролезать Тузик?". Барсук появился быстро, и стоявший наготове отец Славки огрел его лопатой. А Тузик долго не появлялся. Стали звать его у норы. В ответ был еле-еле слышен его лай, который временами и совсем

пропадал. Стали слушать, выбирая то место на поверхности, откуда было слышнее. Слышно было то в одном месте, то в другом — Тузик метался, плутая по лабиринту норы. Возникло опасение, что он задохнется. Наконец догадались звать его с одного места, не мечась, как Тузик, от места к месту. А он был умной собакой и тоже сообразил, что от беготни толку мало, и тоже подавал голос с одного места. Тут и стали копать. И наконец невольник оказался на свободе, визжа и облизывая всех от радости. Барсук был меньше Тузика, но такой тяжёлый, что Игорёк со Славкой выбились из сил, неся его вдвоём на палке через плечи. И ещё больше они удивились, когда с барсука была снята шкура, и он оказался чуть больше кошки. А ещё удивительным было его сало: оно было не таким твёрдым, как у поросёнка, и было оно слоями, разделяемыми красной плёнкой, прямо такой же, какой бывает покрыт сыр. Славкин отец сказал, что каждый такой слой — это год жизни барсука.

Время шло. Война уходила из памяти людей. Но о ней всё ещё напоминали, валяющиеся в лесу патроны, гранаты и прочие боеприпасы и оружие. Здесь было всего этого не так много, как в Елизаветино, но всё же порядочно. По пути от основной дороги к детдому было огромное песчаное поле, изрытое окопами. Видно, на этом месте был большой бой. У леса валялись куски искорёженного металла и обломки больших снарядов, в которых находился тол. Если просто идти по дороге, то нельзя было пройти и ста метров, чтобы из-под ноги не выкатился целый патрон. Но ребята игрой с оружием, как в Елизаветино, особенно не увлекались — было достаточно других более интересных дел. Один раз наковыряли из снарядов кучу тола. Но он горел плохо. Кому-то пришлось в голову глушить толлом рыбу. Но оказалось, для этого нужны запалы, или детонаторы, которых не было. Оставалось только жечь порох из патронов или бросать патроны в костёр, что было не очень-то интересно. Одно время увлеклись копанием печек в твёрдом песчаном десятиметровом обрыве над рекой, где ласточки-береговушки гнездились в своих норах. В печках разводили

огонь. А когда на реке показывалась баржа, то бросали в огонь патроны и прятались. Матросы с баржи смешно таращились по сторонам: "Откуда и почему идёт стрельба"? Ребята смеялись, наблюдая из укрытия. Но всё это быстро наскучило. Мишка с Вовкой пытались глушить рыбу гранатами, бросая их в омут, но из этого ничего не получилось — гранаты под водой не взрывались. Оказалось, что гранаты заржавели и отсырели, и взорвать их можно было только, если бросить в костёр.

Игорёк считал себя опытным в деле со всяким оружием, которого достаточно повидал в Елизаветино, и думал, что уж с ним-то ничего не может случиться. Но однажды сделал такую глупость, о которой потом стыдно было вспоминать. Недалеко от дома, за сараем, они со Славкой наткнулись на старый разрушенный окоп. Споткнувшись о какую-то железку, Игорёк потянул её, и из песка выкатились автоматные патроны. Стали копать — патронов там оказалось много, и почему-то россыпью. Не зная, что делать с этой находкой, Игорёк бездумно, сидя прямо па земле посреди тропинки, выворачивал пули и сыпал порох в подвернувшийся откуда-то большой стеклянный пузырёк. Славка спросил: "если поджечь порох в пузырьке, то он просто сгорит, или получится взрыв?" Игорёк не знал, и Славка побежал за спичками. Пузырёк уже был почти полный. Игорьку надоело отковыривать пули, и он решил опустить в пузырёк несколько патронов целиком. Патрон почти пролез через горлышко, но оно оказалось сужающимся книзу, так что патрон в самом конце застрял, и оказалось, что "ни туда, ни сюда". Зная, что стекло не может раздвинуться, Игорёк всё же решил протолкнуть патрон — а вдруг проскочит? Он стукнул по наставленному в горлышко другому патрону, совершенно не подумав, что бьёт прямо по капсюлю. Взрыв грохнул неожиданно для Игорька. Ему невероятно повезло. Осколки от пузырька только поцарапали руки. Но обожжённые кисти рук приняли серовато-синий цвет. Очень жгло. Пальцы не гнулись. Но вопреки опасению Игорька, что это останется навсегда, постепенно всё прошло.

Через месяц ребята вернулись к тому окопу и, покопав немного, наткнулись на вконец поржавевшую винтовку. Все деревянные части совсем сгнили и отвалились, пока доставали винтовку из земли. Она была странная. Ребята долго крутили находку, пытаясь разобраться, что там к чему. Наконец, догадались, что это русская «самозарядная» винтовка с магазином, которая работала примерно как автомат. Сначала ребята хотели выбросить ржавую находку, но потом передумали и тайком перенесли винтовку в подвал. В доме в каждой комнате был люк, под которым находилась вырытая яма, служившая погребом, где хозяева хранили всевозможные продукты. Однажды ребята сделали открытие — если протиснуться через бруствер из земли от выкопанной ямы, то можно попасть под любую комнату по всему дому. И не раз, вооружившись огарками свечи, юные «правонарушители» лазали по всему дому по погребам, пробуя по ходу варенье соседей. Это было очень интересно. Это был тёмный таинственный мир, где было даже немного страшно — а вдруг какая-нибудь крыса схватит за ногу. Вот в этом подвале и спрятали Славка с Игорёком свою винтовку. Но не одни они лазали по подвалу. Когда Игорёк обнаружил, что винтовка пропала, они со Славкой стали прикидывать: «кто же мог взять их находку?». Догадались — Мишка с Вовкой, а больше было и некому. Те и не отпирались, а сказали, что так лучше, что они опытнее, и больше разбираются в технике. Все вчетвером они сидели у Мишки дома. Вовка показывал то, что они сделали с винтовкой. А её, вычищенную и смазанную, было не узнать. Игорёк согласился: «Конечно, им одним было бы так не сделать». И стал расспрашивать: «Что и как тут работает?». Дошёл до вопроса: «Что это за собачка сзади курка?». Мишка объяснил, что это предохранитель и стал показывать: «Чтобы случайно винтовка не выстрелила, собачка ставится вот так». И он нажал для наглядности на курок: «А если надо стрелять, то надо так». И опять нажал курок, забыв, что перед этим показывал, как патрон попадает в патронник. Раздался выстрел. Пуля врезалась в потолок. В коридоре забегали люди, дёрнулись в дверь. Ребята все замерли, не шевелясь, до тех пор, пока всё не за-

тихло. Случайный выстрел не убедил в надёжности винтовки, и ребята решили испытать её как следует. Уйдя далеко в лес, закрепили между пнями винтовку, и протянули длинную бечёвку от курка в укрытие. Дёргая за бечёвку, все выстрелили по одному разу. Всё было нормально. Можно было стрелять, если сделать хоть какой-то приклад, чтобы можно было держать оружие в руках. Винтовку снова спрятали.

Дня через три учительница прямо с утра сказала, глядя почему-то на Игорька:

- Я знаю, что у вас есть винтовка, из которой вы стреляете в лесу. Уроки не начнутся до тех пор, пока не принесёте её сюда! — Игорёк понял, что кто-то их выследил и выдал. Отдавать винтовку не хотелось, и было неудобно перед Мишкой и Вовкой: "Что они им скажут?". Учительница вернулась через полчаса и, увидев, что ничего не изменилось, пообещала собрать вечером родительское собрание. Игорёк хорошо знал, что их учительница от слов своих никогда не отказывалась, и пошёл за винтовкой. Так же, как и винтовку, учительница позже конфисковала и штыки. Игорёк нашёл в лесу немецкий штык в ножнах, который использовался ещё и как кинжал. А носили его на поясе. Штык Игорька был необычно больших размеров, и для маленького Игорька был как меч. Славка вспомнил, что у отца в сарае под стрехой спрятан такой же штык, но обыкновенный, небольшой. Ребята, нацепив свои "мечи", довольные шли в лес играть, изображая из себя древних ратников, пока штыки не отобрали.

Вовка с Мишкой были почти взрослыми ребятами и курили как взрослые. Зимой они учились в интернате и приезжали домой только на выходной. При них всегда было курево. Игорёк со Славкой только иногда покуривали, когда им давали закурить большие ребята. Иногда они и сами пробовали найти то, что можно было бы курить. У Славкиного отца на чердаке сушился табак, который он сам выращивал. Иногда ребята таскали его потихоньку. Но, то ли он был недосушенный, то ли с ним надо ещё было что-то делать, табак был не совсем нормальный, как трава. Летом Мишке с Вовкой дос-

тать папиросы было негде. И когда долгое время никто не выезжал в Толмачёво, с кем можно было бы заказать курево, они маялись без табака. И один раз ребята всей гурьбой собрались, да и отправились (делать то всё равно нечего) за куревом в Толмачёво. А это — двенадцать километров туда и двенадцать обратно. Все очень устали. Но как же было приятно всей компанией на обратном пути остановится на перекур! И даже несмотря на то, что им не повезло (папирос не оказалось и пришлось купить сигарет), все были довольны этим путешествием.

Один знаменитый француз сказал: "Если у меня есть желание, значит, я живу". В десятилетнем возрасте у человека желаний больше, чем чего-либо другого. Всё хочется увидеть, всё хочется узнать, потрогать, попробовать, испытать. Хочется событий, приключений каждый день. И каждый день всегда находится что-то интересное.

Возле большого дома (где была школа) был огород. Кто-то из хозяев пожаловался на кротов, перекапывающих весь огород и портящих грядки. Славка с Игорьком решили помочь. Перерыли весь огород (больше кротов), перегораживая ходы норки, чтобы загнать крота в западню, а потом схватить. Но из этого, конечно, ничего не получалось, пока Славкин отец не научил ребят делать специальные капканы из проволоки. Тогда каждое утро ребята оказывались с добычей. С кротов они снимали шкурки, как это делал со своими белками Славкин отец. Ему же ребята и отдавали эти шкурки, которые тот сдавал вместе с беличьими на заготовительный пункт. Шкурка крота стоила тогда один рубль.

Возвращаясь с рыбалки, ребята шли однажды по тропинке вдоль реки. Утомлённые за день, они присели для отдыха на лужайке со скошенной травой. Вдруг Славка заметил пчелиный домик-улей в траве. Он был малюсенький, всего три или четыре соты. Такие ульи строят луговые пчёлы. Славка подобрал соломинку, с помощью которой втянул в себя капельку мёда. Игорёк сделал то же. Мёд был очень сладкий и очень ароматный, но его было очень мало. Ребята стали искать в тра-

ве и нашли ещё несколько этих малюсеньких гнёздышек. Не видя никакого толку от этого бортничества, они плюнули на такую затею и пошли домой. Шагая по тропинке, Игорёк обратил внимание на маленькую дырочку на голой земле тропинки, из которой выползло насекомое. Славка вспомнил, что бывают ещё и земляные пчёлы. А тогда под землёй у них должно быть много мёду. Стали копать. Вокруг собралось много пчёл (а может быть ос), видимо, возвращающихся домой с добычей. А домой им было не попасть — мешали ребята, разоряющие их дом. Пчёл становилось всё больше и больше, и, наконец, они неожиданно бросились на грабителей. Игорёк со Славкой скатились с крутого обрыва прямо в реку. Когда нападающие улетели, ребята вылезли из воды и стали решать, что делать дальше. Порешили: пока пчёлы не ? успокоятся, идти домой пообедать. Часа через два Славка с Игорьком, взяв с собой кружки (для мёда), отправились за добычей. Придя на место, обнаружили, что пчёлы спокойно улетали и прилетали, справляя свои пчелиные дела. На месте разрушенного входа в пчелиный дом появилась аккуратная дырочка — вход в подземный улей. Снова копать было бесполезно, так как уже пробовали. Славка предложил залить норку водой. И, только немного расширив вход, ребята стали лить туда воду, которую таскали кружками из реки. Когда посчитали, что воды достаточно для того, чтобы все пчёлы утонули, пошли домой. Через день "добытки" снова отправились за мёдом, взяв и кружки, и лопату. На месте оказалось, что никаких изменений не произошло. Пчёлы как летали, так и летают через свою аккуратно восстановленную дырочку-вход. Тут уже ребята вышли из себя и решили сжечь этих пчёл. Развели костёр прямо на месте гнезда. Славка заметил, что подлетающие с "работы" пчёлы попадают в огонь и замертво падают. Он подумал, что это хорошо — их никого не останется, и некому будет восстанавливать гнездо. И в этот момент его в руку ужалила пчела. Славка долго рассматривал место укуса и вдруг закричал Игорьку:

- Смотри! Это не пчёлы! Пчёлы оставляют жало, а жала-то нет!

- Ну! А кто это тогда?

- Да осы! Они просто такие, что похожи на пчёл. А если это осы, то мёду там нет.

Расстроенные тем, что потеряли столько времени, ребята, оставив костёр догорать, отправились прочь. Много позже, проходя мимо того места, где они занимались, так сказать, бортничеством, ребята увидели, что те самые пчёлы, или осы, как их там, летали, как ни в чём не бывало.

Напротив школы, через огороды, у дорожки вдоль заводи были развалины в виде фундамента, которые старожилы звали "кирпичный завод". Это было удивительным потому, что "завод" занимал в том виде площадь меньше небольшого дома. Там всегда было много змей, греющихся на обломках кирпича на солнышке, как стражи сокровищ, закопанных под фундаментом. Каждый, проходящий мимо этого фундамента, в любое время, хотя бы одну змею, да встречал. Ребята, каждый раз проходя мимо, заворачивали к этому фундаменту: "А сейчас встретится змея — или нет?". Вот и на этот раз Игорёк со Славкой зашли на развалины и сразу же увидели большую гадюку. Пока Славка держал змею, прижав её подвернувшейся палкой, чтобы не убежала, Игорёк нашёл толстый прут, расщепил один конец и вставил тонкий длинный прут между расщеплёнными концами. Затем прижал змею концом прута так, чтобы голова змеи попала в расщеп, и выдернул тонкий прут. Змею теперь можно было спокойно носить на вытянутом пруте сколько угодно. Таким способом они всегда ловили змей. Заметив валявшуюся рядом бутылку, вдруг вспомнили о том, что от кого-то слышали: если змею поместить в бутылку, и повесить бутылку на солнце, то змея растопится, и получится полезное ценное народное лекарство. Решили попробовать: "Так ли это?". Гадюка старательно, как того только и ждала, полезла в бутылку. Наверное, отсюда и пошло выражение "лезть в бутылку". Змея так старалась, что стала сама себе сдирать кожу, так как середина у неё была толще и пролезть не могла, а она всё лезла и лезла. В это время подошла учительница со своей маленькой кошкой Пуськой, которая неотступно, как собачка, бегала за хозяйкой по пятам посто-

янно. Пуську часто принимали за котёнка — такой она была маленькой. Но это была взрослая кошка, приносящая исправно, как положено, котят, которых топить приходилось, конечно, ученикам школы. А ещё Пуська была мастером в деле ловли мышей. Учительница, оценив сложившуюся ситуацию, сказала: "Сидите здесь, ждите меня, я молочную бутылку принесу". Игорьёк со Славкой спокойно сидели и болтали, забыв про змею в бутылке: "Никуда не денется". Вдруг раздался голос вернувшейся учительницы: "А где же змея?". Осмотрели всё вокруг — змеи нигде не было. И тут обратили внимание на Пуську, которая сидела и облизывалась, а перед ней ещё шевелился кончик змеиного хвоста. Все сразу поняли — Пуська змею сожрала. Глаза учительницы так округлились, что, казалось, чуть ли не вышли за границу оправ очков: "Фу! Пуська! Как я теперь тебя в дом пущу?".

Особо запомнилась Игорьку на всю жизнь история с детдомовским быком. Среди детдомовских коров был один бык. Первое лето в Железе, когда среди забав детей сотрудников детдома была игра с маленьким, недавно рождённым бычком, который, в отличие от коров, чаще бродил по территории. Бычок был очень забавным, спокойным и послушным, но становился упрямым и яростно упирался, если его начинали толкать в лоб, "учить бодаться". Интересно было наблюдать, как быстро рос и крепчал бычок. Если сначала его мог "перебодать" любой малыш, то в скором времени помериться силами с ним могли только большие ребята, соревнующиеся тем самым в этом ещё и между собой. А уже на следующее лето никто бы не решился "пободаться" с выросшим бычком, ставшим настоящим хозяином стада. Бык вырос очень злым, и ребята думали, что это их уроки по "боданию" не прошли даром. Он близко никого не подпускал к своему стаду, и его боялись все, кроме двух человек — это были доярка и пастух. Последний был инвалидом с деревянной ногой и ходил с палочкой. А стадо за него пасла его собака. Она была очень умная (прямо профессионал) и сама знала — что и когда надо делать: когда подогнать стадо, когда остановить, когда подогнать отбившую-

ся корову. Рано утром стадо уходило на пастбище, а возвращалось поздно вечером, поэтому то, что бык бодливый, никому не мешало, за исключением, конечно, редких случаев. Вот такой случай и свёл Игорька с быком. Пастух на время уехал домой в соседнюю деревню по какому-то неотложному делу. А присмотреть за стадом с огромным трудом уговорили Костю с Николаем. В то утро Игорёк возвращался с котелком домой из детдома (сотрудники с домочадцами все "столовались" в детском доме, как и в Елизаветино). Перейдя мостик в овраге, он увидел двух коров. Игорька это очень удивило, пока он не вспомнил, что пастуха сегодня не будет. А в голове его мелькнуло: "А почему первым идёт не бык, как это положено?". Затем тут же пришла тревожная мысль: "Куда деваться? На дерево?". Из-за поворота показался бык, сразу же увидел Игорька, заревел и прибавил шаг. Игорёк выбрал самое большое из близстоящих деревьев — это была берёзка. Но она была мокрой и скользкой от ночного дождя. Игорёк, безуспешно по-лягушачьи поёрзав ногами по скользкому стволу берёзки, переметнулся на соседнюю сосёнку и в один миг оказался у вершины. Ему пришлось поджать ноги, чтобы не касаться быка. А тот ревел как паровоз и, встав на колени, рыл землю почему-то тем местом, что у людей зовётся подбородком. Несчастный Игорёк трясся от страха и для удержания равновесия на качающейся сосёнке. Он понимал, что если бык догадается толкнуть сосёнку, или даже случайно заденет её, его постигнет судьба того хозяина дома из Кукуева. Тут он услышал спасительный голос: "Кто там?". С горы со стороны детдома бежала доярка, издавая на бегу прерывающимся от страха голосом свой дурацкий, не к месту, вопрос. Игорёк дрожащим, неузнаваемо тоненьким голоском так же по-дурачки отвечал: "Это я-а-а-а!". Доярка успела вовремя и увела быка. Игорёк с большим трудом спустился со спасительной сосёнки — свело руки и ноги от страха и напряжения.

Вторая встреча была в лесу, когда Игорёк вместе с большой компанией девчонок и мальчишек возвращались с грибами домой. Он, услышав ещё издали приближающееся стадо, как самый опытный в таком деле, скомандовал: "Всем в

лес! Всем по деревьям!". Со страхом все бросились спасаться. Страху натерпелись все, особенно девчонки — по деревьям то они лазать не умели. Но, на счастье, стадо прошло мимо, а бык, видимо, за деревьями их не заметил. В третью встречу с быком Игорёк оказался победителем, отомстив за позор и унижение от предыдущих встреч. Он надумал отомстить, когда они со Славкой повстречали стадо, пасущееся у реки. На самом краю крутого берега стоял пенёк от огромной сосны с оставшейся на нём очень толстой веткой, растущей над обрывом. Чтобы привлечь внимание быка, ребята стали кричать, подпрыгивать и размахивать руками. Бык не заставил себя долго ждать и с рёвом бросился в атаку. Новоявленные тореро отступили по сосновой ветке, нависшей над обрывом. Достигнув обрыва, бык остановился в двух метрах от ребят. Его не учили ходить по буму, но он просто с рёвом бросился на врага и оказался внизу у реки прямо под ребятами. Некоторое время он просто ревел, а затем поднялся на обрыв. И тут опять увидел нос к носу ненавистных обидчиков. И опять с рёвом бросился в атаку. И опять оказался внизу у воды. Это повторялось много раз. Когда бык оказывался прямо перед ребятами, они радостно, победно кричали и кидали шишки, стараясь попасть по носу несчастному противнику. Бедная жертва маленьких тореро рассвирепела уже до безумия. Пена, капающая с морды быка, стала кроваво-розовой, рёв стал сильным и не таким уже громким. Пастуху стало жаль своего подопечного. Он вмешался: отругал ребят за "издевательства над бедной животинкой" и увёл быка подальше. Ребята, гордясь своей победой, пошли довольные домой.

Пришло время, когда и Игорьку тоже пришлось пожалеть быка. К концу пребывания детского дома в Железе по решению директора бык был приговорён. Но возник вопрос: "Кто займётся забоем?". Для пастуха бык был как родной, а все остальные боялись даже приблизиться к нему. После долгих уговоров, наконец, согласились всё те же неразлучные Николай с Костей, но только за водку — по бутылке каждому. Наметили план: Костя оглушает жертву ударом в лоб кувалдой из гаража, а когда бык упадёт, Николай быстро перерезает ему

горло. Пастух подвел жертву к забору, за которым стояли собравшиеся зеваки (ребята тоже). Предварительно было постелено рядом с приговорённым большое брезентовое полотно, куда бык должен был упасть. Костя с занесённой кувалдой медленно, осторожно приблизился к привязанному за жерди забора быку, спокойно жуящему жвачку. Удар кувалдой в лоб быка был сильным настолько, насколько хватило сил у Кости. Бык перестал жевать и молча смотрел в упор на Костю. Тот тоже смотрел на быка. А бык не падал, как ожидалось. Так они стояли и молча, не двигаясь, смотрели друг на друга. Первым пришёл в себя Костя и вмиг оказался за забором. Бык, постояв некоторое время, снова стал жевать, как и прежде. Костя с Николаем, заявив, что не надо им никакой водки, ушли. После долгих уговоров, пастух, наконец, согласился, но только на то, чтобы сделать выстрел быку в ухо, а остальное пусть закончат ребята. Пастух приставил ружьё к уху, отвернувшись в сторону от быка, выстрелил и, так же глядя в сторону, ушёл. Бык упал. К нему поспешили Николай с Костей. Вот таким образом, наконец, и завершилось бычье дело.

Игорьку со Славкой приходилось наблюдать, как Славкин отец резал своих корову, поросёнка и другую скотину, как разделывал их туши, и как он снимал шкуры с животных и зверей, принесённых с охоты. Ребята, наблюдая за работой лесника и помогая ему, научились этому, и сами резали своих кроликов. Особенно нравилось снимать шкурки "чулком" с пойманных кротов и кроликов. У Валентины Ивановны к тому времени было целое стадо коз: сама Муза, её дочь Катька и два козла. Козлы выросли, и Валентина Ивановна надумала их зарезать. Игорёк, считавший себя достаточно взрослым и опытным для такого дела, решил зарезать козлов сам. Жалости к ним он не питал — много нервов они ему попортили, когда приходилось, исполняя свою обязанность, выгонять их в поле и пригонять домой вечером. Умная Муза, а за ней и Катька, дорогу знали сами, и их можно было и вовсе не сопровождать. А вот козлы, а их, к тому же, ещё было двое, так и норовили куда-нибудь убежать — то один, то другой. Каждый день беготни за ними прибавлял Игорьку порцию злости, и к кон-

цу лета он прямо-таки ненавидел этих козлов. Игорёк видел, как лесник резал своих коз. Он сначала необыкновенно остро оттачивал нож. Затем зажимал между колен, как бы садясь верхом, свою жертву и, задирая за рога вверх голову этой козы, резко проводил ножом по горлу. Так же стал делать и Игорёк. Но роста и силы у него было меньше, чем у Славкиного отца, и ноги, хотя и доставали до земли, но держались на ней недостаточно твёрдо. И когда Игорёк полоснул козла по горлу, да ещё и не до конца отточенным ножом, то несчастный взбесился и стал вырываться с громким козлиным воплем. Игорёк не отпускал жертву, держа за рога. И они оба упали на землю в этой борьбе, залитые хлещущей из козла кровью, пока тот не затих. Картина была ужасной. Славкин отец второго козла зарезал сам. Позднее, когда Игорёк жил с матерью уже в другом месте, ему пришлось зарезать ещё двух животных: козлёнка, которого принесла их коза Катька и у которого не действовали ноги; и маленького поросёнка, у которого оказалась грыжа. Ветеринар сказал Валентине Ивановне: "Выход один — надо резать". Игорёк за это дело взялся сам — и опять оплошал. Козлёнку ему было жалко, он нервничал, и от этого, видимо, сначала стал резать не по тому месту. Пришлось повторять. Стало жаль козлёнка ещё больше, но дело надо заканчивать, и Игорёк снимал шкуру и свеживал тушку, чуть не плача. А с поросёнком всё было нормально, пока ему не пришло в голову зачем-то снимать шкуру, чтобы не надо было опаливать. Он сразу понял, что это делать невозможно, но упрямо всё же, как смог, закончил дело, затратив на него целый день. Каждый раз, когда Игорёк резал животное, мясо его он есть не мог. Одно дело, когда мясо куплено — это продукт: как хлеб, или овощ, или макаронны. А другое дело, когда животное, которая, вот только что мычащая, или хрюкающая, превратилась твоими руками в кусок мяса — это не продукт, а что-то другое. И есть его тут же самому — это как-то противоестественно.

О школе, в которой Игорёк закончил третий и четвёртый классы, и об учительнице остались у него хорошие, тёплые

воспоминания. Учительница была одинокой немолодой женщиной старой закалки, видимо, из старой интеллигентской среды. Она была сухощавой, высокой и носила очки. Одетая была всегда, как запомнилось Игорьку, в плюшевое старое пальто со странными огромными пуговицами. Учительница была очень терпеливой и доброй, но с твёрдым характером. Хотя они с Игорьком часто между собой скандалили, вплоть до рукопашной, но относились друг к другу с уважением.

Началась учёба в школе с желудей. По всей стране шла очередная кампания, наподобие той, что проходила в 1946 году с поголовным участием "всех и вся" в выращивании шелкопрядов. На этот раз шла кампания по сбору семян деревьев для посадки лесозащитных полос в степях с целью повышения урожая в стране. Годились при этом семена всех деревьев и кустов, но особенно ценными были жёлуди, а их было много в "Дубках", что на берегу Луги, там, где причаливал пароходик. Ребята собрали желудей там так много, что отличились в соревновании школ района, за что учительницу начальство похвалило и даже чем-то там наградило.

У учительницы, кроме школьных, других дел не было, и она часто собирала всех учеников после уроков, чтобы занять ребят чем-нибудь полезным. В памяти надолго осталось то, как все вместе садились в кружок на пригорке возле школы и читали книжки вслух поочередно. Запомнилось только одно название книжки — "Стожары", потому что для наглядного объяснения этого красивого слова учительница специально собрала всех вместе поздно, при свете звёзд, чтобы найти на небе это созвездие.

Игорьку учиться было легко и интересно. Осталось ещё то желание ходить в школу, которое появилось в пятилетнем возрасте ещё в Закобякине. Он просто внимательно слушал всё на уроке и запоминал. Но заданное на дом делал редко: то ленился, то забывал. Учительница долго воевала с Игорьком (так же нельзя), но потом, в конце концов, отстала — главное то, что он знал всё, чему она учила. Когда всё внимание учительницы на уроке переходило на другие "классы", а это должно было занимать три четверти времени всего урока, Игорьку

становилось скучно, и он повадился устраивать свой "театр". Однажды он, долго глядя в окно от нечего делать, так задумался, что начисто забыл, где находится, и, подумав о чём-то очень смешном, рассмеялся довольно громко. Сначала кто-то из ребят хихикнул, глядя на Игорька, затем второй рассмеялся. Смех всегда заразителен. Включились все, не зная причины смеха — смеялись просто так, глядя друг на друга. Игорёк смотрел на ребят и удивлялся:

- Чего они-то смеются? — и их беспричинный смех вызывал у него самого ещё больше веселья. И он смеялся над ними, над их беспричинным смехом. Это всё повторялось уже чуть ли не каждый день. Стоило Игорьку представить, как ребята все начинали смеяться только лишь потому, что засмеялся он, и ему от этого в самом деле становилось смешно. И он не мог удержаться — он смеялся. Смеялись все, кроме учительницы — у неё срывался урок. Она стучала по столу, она кричала, ругалась, но не знала, что делать — как остановить это безобразия. Понимая, что причина его — это Игорёк, весь свой гнев учительница обратила на него. Однажды она схватила его, собираясь выдворить из класса. Игорёк упирался, и завязалась борьба, в результате которой большая пуговица учительницы отлетела и покатила по полу. Когда во все эти дела вмешалась Валентина Ивановна, Игорёк твёрдо обещал прекратить весь этот "театр". Он честно держал своё обещание, сдерживая себя несколько дней. Но всё же один раз сорвался. За окном на огорожке торчала засохшая крапива. Игорёк наблюдал за толстым красивым ярко-красным снегирём. Тот садился на стебель крапивы и пытался клевать её семена. Это ему никак не удавалось — стебель под тяжестью птицы раскачивался и нагибался так, что ей приходилось повисать на крапиве вверх ногами. И снегирь, чтобы не упасть, отлетал в сторону. Но птица была настойчива: снова и снова садилась на стебель. Там она замирала — стебель переставал раскачиваться. Но как только снегирь отводил головку, чтобы клюнуть, крапива под его тяжестью снова начинала качаться. Игорёк долго наблюдал эту картину, поражаясь терпению и настойчивости птицы, с желанием узнать: "Когда и чем всё это

кончится?". Кончилось тем, что в очередной попытке толстой птицы стебель не выдержал тяжести и сломался. Красивый, ярко-красный, круглый упрямый снегирь оказался в сугробе вверх ножками. Игорёк от всей души, на этот раз без задней мысли, громко рассмеялся. Двое ребят, также наблюдавшие за незадачливой птицей, тоже рассмеялись. Остальные ребята присоединились к веселью. Обещание было нарушено. И Валентине Ивановне пришлось упрашивать учительницу простить сына, и не ставить плохую оценку по поведению, которая не позволила бы допустить Игорька к предстоящему экзамену за начальную школу.

Экзамены надо было сдавать в школе, которая находилась в деревне недалеко от Толмачёва. Идти до неё надо было пешком километров семь-восемь. На первый экзамен учительница повела двух своих выпускников: Игорька и девочку, которая жила не в Железе, а в деревне Кемке, находящейся на противоположном берегу Луги. На остальные экзамены выпускники ходили вдвоём. Игорёк сдавал экзамены впервые и очень волновался, особенно в первый день. Валентина Ивановна переживала не меньше. Относясь со всей серьёзностью к первому экзамену в жизни сына, она одела его во всё чистое и отглаженное, как на праздник. Ожидая начала экзамена, все дети собрались вокруг школы. Несколько мальчишек затеяли игру в ножички. Игорёк подумал: "Они нисколько не волнуются, наверное, всё хорошо знают. Что им — играют себе беззаботно". Оказалось всё не так — Игорёк сдал все экзамены на пятёрки, и отвечал, как определила, по словам учительницы, экзаменационная комиссия, лучше всех за этот год.

В пятый класс Игорёк пошёл в Толмачёвскую школу. К тому времени она теперь находилась в новом огромном деревянном здании. В этой школе-десятилетке учились дети со всей округи, из тех деревень, где были только начальные или семилетние классы. Ученики, дома которых были расположены далеко, жили в интернате. Дети маленькими группками были

расселены по частным домам, где жили совершенно самостоятельно, готовя себе пищу из того, чем их снабжали на неделю родители при посещении дома каждое воскресенье. Игорёк жил вместе с пятью такими же пятиклассниками в доме за рекой. Чтобы попасть в школу, магазин или на станцию, надо было переправляться на лодке, которая курсировала постоянно, но отплывала только лишь тогда, когда собиралось достаточное количество пассажиров. Перевоз стоил 15 копеек, которые всегда должны были быть в кармане, о чём забывать было нельзя. Всё это было неудобно, но другой переправы не было — шоссейный мост был очень далеко, а по железнодорожному мосту проходить было нельзя — он строго охранялся солдатами.

Каждый понедельник рано утром Игорёк с мешочком за плечами с продуктами, собранными Валентиной Ивановной на всю неделю для пропитания сыну, шёл в школу в Толмачёво вместе с двумя ребятами, которые жили в Кемке, что была за рекой. Шли они по правому берегу Луги, для чего Игорьку надо было сначала переправиться через реку, чтобы встретиться с попутчиками — вместе идти было веселее. Новая жизнь Игорьку совсем не понравилась. Ребята, с которыми он жил, были незнакомыми. Они, как ему показалось, были какими-то непонятными, какими-то недружелюбными, хитрыми и жадными. Один из ребят как-то раз принёс и стал, хвастаясь, показывать всем спички, которые были с красивыми розовыми головками — таких никто раньше не видел. Всем, конечно, захотелось иметь такую "новинку". И он, этот коммерсант, стал их продавать, хитро улыбаясь, за цену в три раза большую. Позже Игорёк видел эти спички в магазине — это были обыкновенные спички по обычной цене. Он понял, что это была шутка над простаками, но она Игорьку не понравилась.

Пищу ребята готовили себе сами из того, что приносили с собой из дома. Это у всех получалось, конечно, плохо — никто из ребят ничем подобным раньше не занимался. Один раз Игорёк принёс с собой двух выращенных и забитых им же кроликов в отваренном виде прямо в кастрюльке в собственном бульоне. Когда дня через два он открыл крышку, то уви-

дел своих кроликов в густом желе. Не сообразив сразу, что у него получился студень, или заливное, Игорёк решил, что весь провиант его испортился, и выбросил всё. До конца недели пришлось питаться кое-как всухомятку, хорошо ещё, что были деньги.

С учёбой в школе было совсем плохо. Игорёк не привык к тому, что надо прикладывать усилия в учении не только на уроке, но и дома. Прошла коту масленица. Да ещё появились совсем незнакомые предметы. Никак в голову не лезло — как это можно складывать и умножать не числа, а буквы? Что за чушь? И зачем это? Никак не держались в голове все эти *der Rabe* и *der Tisch*. Таланта к языкам у Игорька не было никакого и никогда. Уже много лет спустя госэкзамен по немецкому в университете он сдал только с пятого раза, тупо задолбив себе в голову полторы сотни слов с помощью использования специально нарезанных бумажек. А заниматься здесь в интернате вне уроков возможности не было. Не было времени. Надо было готовить себе обед. Да и условий не было: кто-то ходил тут с кастрюльками, кто-то играл в карты, кто-то пел, спорил, ругался. Какая тут учёба? Валентина Ивановна всё это понимала, конечно, и приняла меры. Надо было переселяться туда, где была школа.

СОВХОЗ

Грузовик едет по мосту. В кузове разместились Игорь, две козы, козлёнок и всякий домашний скарб — всё имущество Валентины Ивановны с её семейством. Сама она в кабине с Вадиком на коленях. Игорь смотрит на речку под мостом. Его удивляет чистая, прозрачная вода в реке — не то, что в Луге. С высокого моста хорошо видны даже мелкие камешки и снующие мальки. Они подъезжают к новому месту жительства. Грузовик километра два проезжает по дубовой аллее, затем сворачивает налево, поднимается в гору и въезжает в высокие деревянные, как будто наспех сооружённые, ворота, на которых красуется какой-то плакат, или лозунг.

Эти ворота отделяют совхоз от колхоза. То, что до ворот — называют деревней, а за воротами — совхоз, хотя это всё вместе можно было бы считать одним посёлком. Но всё же различия были существенными. В совхозе было несколько каменных двухэтажных домов с водопроводом. Правда, вода подводилась в каждом доме на лестницу, или в коридор, так как квартир, как таковых, не было. Семьи, населяющие дом, занимали по одной комнате, в редком случае, большие семьи селились в двух. Воду набирали из ржавых кранов над буры-

ми от ржавчины раковинами в вёдра и несли по своим комнатам.

В совхозе жили рабочие, в основном, люди приезжие, а в деревне жили колхозники — местные жители. Различия между собой в отношениях ни те, ни другие совсем не видели, но жили по-разному. Рабочие совхоза жили, как рабочие. На работу, например, нельзя было опаздывать, а тем более, прогуливать — это тогда считалось серьёзным проступком, если не преступлением. Ещё свежи были в памяти порядки военного времени. Рабочие получали твёрдую заработную плату. А вот колхозники работали за трудодни, как они говорили: “за палочки”. День работы — это палочка в таблице. По количеству палочек каждому начислялась его часть от собранного за год урожая, точнее от всего того, что останется после сдачи колхозом урожая государству по заранее спущенному плану. А оставалось мало. Среди крестьян популярен был тогда анекдот.

Учитель на уроке биологии спрашивает мальчика, показывая на макет человеческого скелета:

- Ваня, что это?

- Это колхозник.

- Как же это, колхозник?

- Мясо сдал, молоко сдал, яйца сдал, шкуру сдал. Вот и остался один скелет.

Кроме всего прочего, колхозник, в отличие от рабочего, не был вольным — он не имел паспорта, следовательно, не мог никуда уехать, поменять место жительства, устроиться где-либо на работу. Молодые ещё могли, например, уехать на учёбу или не вернуться со службы в армии. Так колхозники и относились к работе в колхозе — жили только за счёт своего домашнего хозяйства. Люди из совхоза, проходя через деревню утром, со смехом и жалостью могли наблюдать такую картину.

На улице в деревне была специальная лавочка, где колхозники собирались на ежедневный утренний развод, где должно быть определено: кому и куда следует идти работать сегодня. Время одиннадцатый час. На лавочке сидят несколько женщин. Подходит бригадир:

- Ох, бабы, задержалась малость. А где же Варвара?
- А ей ждать надоело. Пошла корову кормить. Сейчас придёт.
- А Валентины чего нет?
- Так она ж вчера сказала, что на базар сегодня поедет. —
Встаёт краснощёкая, дородная женщина, которая всё утро молча грызла семечки:
- Ой! Подружки! Я ж забыла дочке деньги на хлеб оставить!
Сейчас вернусь!

Такая картина повторяется каждый день примерно до полудня. Развод всё же завершается. Все расходятся, но не все доходят до места работы, некоторые, махнув рукой, идут на свой огород. За своё отношение к себе колхозники платили той же монетой. Они с усердием работали только на своих огородах и жили, в основном, приусадебным хозяйством. Результаты всего этого можно было видеть, идя вдоль дороги, ведущей из посёлка. С левой стороны были поля колхозные, справа — земли совхоза. Одно лето на тех и на других полях рос овёс. Справа всходы уже достигали пояса, а слева были по колено. Это всякому сразу бросалось в глаза. Когда Игорь был на службе в армии, Хрущёв ликвидировал колхозы в области. Деревню присоединили к совхозу.

В зимнее время в колхозе работы очень мало. И всё мужское население деревни занималось ловлей рыбы на озере. Дело было поставлено на широкую ногу. Это был серьёзный промысел со своими правилами и традициями. У деревенских мужиков была общая рыболовная сеть. Никто уже не помнил, когда и откуда она взялась. Сеть была такая большая, что везти её до озера надо было уложенной своими частями на нескольких санях. Рыбу ловили этой самой сетью так. Сначала вырубались лунки во льду, цепью охватывающие большой круг диаметром не менее полукилометра. К одному концу сети крепился длинный, около десятка метров, шест. Этот шест проталкивался подо льдом, направляемый, благодаря вырубленным лункам, несколькими людьми специальными для этого шестами. На конце такого шеста были особые железные рогаины с острыми зубцами. Весь этот процесс лова требовал немалой сноровки.

Таким образом, в конечном результате оба конца сети выводились в прорубь размерами два на два метра. Вручную такую большую сеть вытащить из воды было бы невозможно. Поэтому использовался большой ворот, на который медленно, но верно наматывалась сеть, иногда с помощью лошади. Этот способ ловли рыбы назывался "тоня", или "зимняя тоня". Вытащить такую большую сеть одним рыбакам было бы очень тяжело — тут нужны были помощники. Поэтому существовало негласное правило: помогать в работе мог каждый желающий, а за помощь он имел право брать рыбу себе, но только ту, которая находилась на крыльях сети. Вся же рыба, попавшая в матку, была добычей самих рыбаков. Но это правило нарушалось, иногда со скандалом, если вдруг на крыльях оказывалась, что бывает редко, рыба покрупнее. Работающий рядом рыбак крупную рыбу отбирал, да ещё награждал "нахала" по шапке тягухой — резиновой рыбацкой перчаткой. Когда была тоня — все были с рыбой. Игорь приносил с тони до полведра, а то и больше свежей рыбы, которую любила Валентина Ивановна. Колхозные мужики, выловив рыбу в одном месте, переходили к следующему, перемещаясь по озеру, пока не доходили до его конца, а это был путь в восемнадцать километров. Затем перемещались в обратном направлении, а когда таким образом возвращались к своей деревне, тут и зима кончалась. Рыбу деревенские мужики продавали. Деньги пропивали. Получалось, что вся зима у них — праздник. Валентина Ивановна не раз покупала рыбу у жён рыбаков, разносящих свой товар по домам. Это была селёдка, вкусная селёдка домашнего засола. Вообще, селёдка в озёрах не водится, а здесь, и только здесь, она в то время ещё была, и особо охранялась рыбнадзором, а если попадалась в сети селёдка, её рыбаки должны были сами отпускать в озеро. Когда наезжал рыбнадзор к нашим рыбакам, селёдку, попавшую в сети, заставляли выпускать, а рыбаков ещё и штрафовали. Но за всем не уследишь. А в озере водилась не только селёдка. Но это уже отдельная история.

Совхоз был расположен на месте бывшей усадьбы не последнего человека в дореволюционной России. Это был граф,

а может и князь, Половцев, который являлся личным секретарём Николая II. Хозяин здесь почти не бывал, а жил постоянно в Париже или в Петербурге, находясь на службе при дворе. Но внимания своему поместью граф уделял много. Фасад самого дворца был обращён к озеру. Игорь видел фотоснимок дворца, который был великолепен, хотя и не очень большой. От дворца вела к озеру широкая лестница парадного входа из гранита, по сторонам которой были пандусы с гранитным ограждением. Перед лестницей располагалась большая площадка с футбольное поле, где росли цветы. Ниже был большой фонтан, а между ним и озером находился каскад искусственных прудов, соединённых протоками с переброшенными через них каменными мостиками с гранитными перилами. После войны от всего этого остались только развалины. Остальные (целые) каменные дома были вспомогательными строениями усадьбы. Дом в два этажа, например, в котором поселили сразу Валентину Ивановну с семьёй, был когда-то кухней дворца, сообщающейся с самим дворцом, по слухам, ходом под землёй. Ходили слухи о том, что от дворца идёт много подземных ходов. И даже есть ход под озером, соединяющий дворец с другим дворцом князя Львова, что находится на противоположной стороне озера километрах в трёх, четырёх, если по прямой. Любопытные мальчишки постоянно пытались найти эти подземные ходы.

Граф Половцев имел пристрастие разводить всякую живность (не своими руками, конечно). Одно место в стороне от дворца называлось фазанник — там когда-то разводились фазаны. Разводил он и огромных водяных крыс, то ли это нутрии, то ли ондатры, которые после революции разбежались по округе, да и прижились в этих местах. Игорь помнит один весёлый случай, когда один из ребяташек, ловя карасей в прудке, вдруг вытащил на крючке такую крысу. Испугавшись, парнишка сразу бросил удочку, а крыса от страха и от боли с пронзительным громким писком бегала кругами на вытянутой леске. Мальчишка, обалдев от страха и от неожиданности, тоже бегал кругами с воплем. Со стороны было непонятно — кто за кем бегают, и кто кого больше испугался. Это и

вызвало безудержный смех у всех, наблюдавших эту картину. Наконец парнишка, придя в чувство, наконец догадался отбежать прямо — в одну сторону. Впоследствии, иногда, ребята, ловившие в норах под берегом налимов руками, натыкались на этих крыс. Крысы кусались очень больно — зубы их, как иголки.

Но самым любимым делом графа было разводить различную рыбу. Вот тогда-то и появилась в озере селёдка, а кроме неё ещё и снеток, а также форель и другие. Но вся эта рыба сейчас уже исчезла, а вслед за ней и прочая, широко здесь издавна распространённая: угри, крупные налимы, миноги, да и раки измельчали и стали большой редкостью.

Половцев считал, что всё озеро его. Вокруг озера ходили его егеря — вооружённые здоровые парни. Ловить рыбу было нельзя и на удочку. Были графом установленные правила: если егеря ловили кого-нибудь на озере с удочкой, сначала, слегка помяв бока, давали десять рублей, для того времени деньги бешеные, и брали слово с пойманного рыболова, что он никогда больше к озеру не подойдёт. Если кого-то ловили во второй раз, то били так, что человек часто становился калекой, или вовсе не выживал.

Дворец был для ребятшек совхоза самым излюбленным местом для игр: это и дуэли на шпагах (палках), и игра в карты (часто на деньги), и в пристенок (тоже на деньги). Особенно интересно было позже вспоминать, как весной на первой появившейся голой земле среди снега, который уже растаял только здесь, на высоком месте, собиралась большая компания ребят для игры на деньги "в битку". Проходящие мимо праздные отдыхающие из дома отдыха с того берега озера часто, подзадориваемые друг другом, вступали в игру и много проигрывали, то ли из-за неопытности, то ли нарочно, чтобы дать ребятishкам заработать. Для ребят это было праздником. Сразу после игры шли в магазин за куревом или лимонадом. На дворце почти всегда был кто-нибудь из ребят. Здесь можно было курить без утайки — своя вотчина.

Иногда на дворце собирались вся ребятня совхоза. Так было, когда компания ребят с другого конца совхоза раз-

воротили в лесу окоп. Там оказалось много различных патронов. Среди них патроны для ракетниц, которые, если поджечь умело, можно использовать как ракеты. Потроша патроны, ребята брали содержимое кусками, поджигали эти куски и запускали, кто как мог, стараясь сделать это покрасивее: кто бросал в небо, а кто в воду, любуясь разноцветным зрелищем. Игорь обратил внимание на то, что на кирпичной трёхметровой тумбе, оставшейся от развалившегося свода парадного входа дворца, что-то горит. На свою беду он решил посмотреть. Цепляясь за обломки кирпичей, взобравшись наверх, Игорь увидел, что горит спичечный коробок, в котором что-то лежит. Вдруг перед глазами вспыхнуло солнце — это была начинка ракетницы. Игорь не видел ничего. Осторожно, чтобы не сорваться, он спустился с тумбы. Но надо было ещё добраться до дома в полной темноте. Ощупывая руками путь, на четвереньках Игорь полз домой, благо это было рядом. Зрение вернулось только часа через три. И он пропустил всё то, что было в это время на дворце.

А на дворце царило веселье. В небо то и дело взлетали разноцветные ракеты и раздавались выстрелы. Кроме патронов для ракетниц из лесу были принесены винтовочные патроны. Трассирующие пули из патронов ребята приспособились поджигать, накрошив предварительно серы от спичек "на попку" пули, чтобы можно было поджечь. Подождённую пулю следовало тут же немедленно бросать. Она очень красиво летела в небо с крутящимся горящим хвостом. Разрывные пули, которые раньше выбрасывались из-за неумения их использования, нашли здесь применение благодаря одному местному умельцу. К длинному, метра два, стальному пруту крепились эта пуля, и ударялась кончиком о камень — получался маленький взрыв, сопровождаемый красивой вспышкой малюсенького солнца.

Вдруг, неожиданно, в разгар всего этого веселья с салютом раздался крик совхозного милиционера: "Всем стоять! Руки вверх! Стрелять буду"! Раздался выстрел. Милиционер стрелял в воздух. Все бросились врассыпную. Один, над которым потом долго ещё смеялись, с высоко поднятыми вверх

руками, нелепо и смешно перепрыгивая через канавы и кусты, улепётывал со всех ног, забыв опустить поднятые руки. Высокий тощий, но жилистый участковый всё же умудрился поймать троих ребят, отвёл их в контору совхоза и вызвал тут же родителей. Чуть ли не всю ночь там разбирались — досталось тогда ребятам.

В зимнее время у ребят тоже находились дела на дворце, хотя и реже. Вошло в моду прыгать с пандуса лестницы с высоты метров восьми в сугроб. Первым решился спрыгнуть Игорь, и долго гордился этим своим геройством: "А вот попробуйте так"! И, как это бывает обычно у ребят, никто не хотел отставать. Сначала один повторил этот прыжок, потом второй, третий .... Для геройства нужно было что-нибудь новое. И вот один из ребят объявил, что он спрыгнул с этой стенки на лыжах. Свидетель был. Но очень быстро смельчака-прыгуна вместе со свидетелем разоблачили. Оказалось, что этот хитрец задним ходом прошёл на лыжах под стену, примял снег, изображая падение тела, и по следу, проложенному ранее задним ходом, выехал из-под стены. А поначалу все и поверили — ведь лыжный след-то был один. И всё же, в конце концов, прыжок был совершён. После шутки с липовым прыжком вокруг него поднялся ажиотаж. Каждому хотелось прослыть героем, но всем было страшно. Однажды Мишка рыжий, громко крикнув: "Смотри". Разогнался и .... Все замерли, открыв рты, а Мишка в самый последний момент резко упёрся палками у самого края стены. Шутка очень ребятам понравилась, так что все бросились повторять этот трюк друг за другом, соревнуясь: у кого палки окажутся ближе к краю. И вдруг, неожиданно, тот же самый Мишка разом, то ли палки соскользнули, то ли просто растерялся в последний миг, улетел в пропасть. Сняв лыжи, все гурьбой бросились вниз. Мишка лежал, охая. Руки, ноги были целы. У него болела голова, и он медленно побрёл домой. Воодушевлённые примером ребята догадались набросать побольше рыхлого снега на место приземления, и несколько человек тут же повторили прыжок. Чего только не сделают ребяташки, соревнуясь друг с другом.

Однажды в начале зимы заботливая мать купила Игорю лыжи. Игорь тут же, не глядя на позднее время, стал мастерить крепления. Ему не терпелось опробовать покупку и, смазав новенькие лыжи, он отправился на ночь кататься. Утром компания ребят отправилась кататься на трамплин. Гора в том месте была очень крутой. Трамплинчик построили совсем маленький, но, благодаря большому разгону, он подбрасывал на длину в полтора десятка метров. Игорь не был мастером кататься на лыжах. Было страшно. В первый спуск он упал, не достигнув трамплина. На втором спуске страха не было — были только решимость и злость. Нельзя же было ударить лицом в грязь. Игорь сжался в пружину, чтобы сделать толчок на самом трамплине, но перед самым трамплином лыжа сломалась в углублении. Острый конец обломка врезался в трамплин, и бедный Игорь пролетел метров двадцать, но только кубарем. До чего же было обидно возвращаться домой на одной лыжине, орудуя сломанным обломком, как веслом.

В это время появилась как раз новая мода кататься на коротеньких лыжах, на которых можно было поворачивать быстро, резко и хоть на девяносто градусов. На них катались по дорогам, на укатанных горках, и прыгали с ледников, с крыш сараев и с разных обрывов. Делали короткие лыжи ребята сами: из обрубков сломанных лыж, как Игорь, или из загнутых досок от деревянных бочек. И тут Игорю с лыжами не везло. Один раз он спускался с безобидной горки. А перед ним дерево. В характере Игоря глубоко заложено правило — решение должно быть одно. И он всегда терялся, когда можно сделать и так и по-другому, и нет в этом никакой разницы совершенно. Справа объехать дерево, или слева? Слева, или справа? Правая лыжа пошла справа, а левая лыжа — слева. А лоб Игоря встретился с деревом. Шишка на лбу получилась большая. Другая неприятность случилась, когда Игорь прыгал с крыши ледника. Короткая лыжа при приземлении встала стоймя и воткнулась прямо в живот, но кожа на животе всё же выдержала только благодаря зимней одежде.

Сразу, как только приехали в совхоз, Игорю новое место очень понравилось. Здесь было столько всего интересного,

всего нового, особенно электричество. В тёмное время было светло как днём не только дома, но и на улице. Комната их была на втором этаже. Под окном был ледник, который зимой заполняли льдом с озера, таким красивыми зелёно-голубыми и прозрачными метровыми кубами. Лёд хранился до следующей зимы и использовался в совхозе всё лето для охлаждения молока и мяса, что производил совхоз.

Как только приехали, первым делом надо было срочно строить сарай, какие были здесь у каждого, этакий целый сарайный городок строений из горбылей, покрытых толем недалеко от дома. В сарай поселили коз. Летом, как многие мальчишки, Игорь часто там ночевал на сене и хранил свои тайные личные вещи, например, гранату, найденную на речке. А в яме для хранения картошки в зимнее время Игорь с ребятами летом устроили бутылочный склад. Пустые бутылки приносили из-за озера. Там был дом отдыха, и летом прямо у берега ставили маленький ларёк, такой маленький, что пустую тару (бутылки) приходилось держать на улице. Этим ребята пользовались, потихоньку таская бутылки, которые сдавали в совхозных магазинах, чтобы иметь деньги на папиросы. Все магазины в совхозе ребята завалили пустой тарой. И приходилось ждать — пока лишнюю тару в очередной раз увезут. Для этого-то и нужен был, как база, подвальчик в сарайчике Игоря. Но всему хорошему всегда приходит конец. За озером заметили, что бутылки постоянно пропадают, и перестали оставлять тару на улице. Пришлось ребятам искать другие способы добывания денег на курево. Самыми доступными по цене были папиросы "Ракета" за 64 копейки, которые ребята называли "гвоздиками" из-за их толщины. А ещё о них говорили: "Ракета для каждого шкета". На пачке из толстой серой бумаги с этими папиросами была изображена в грязно-коричневом цвете ракета, устремлённая к коричневому кружочку, видимо, луне. Дальше шли папиросы: "Спорт" за 80 копеек, "Красная звезда" за рубль двадцать, "Nord" (переименованный позже в "Север") за рубль сорок и "Беломорканал" за два двадцать. Ребятам приходилось, конечно, покупать чаще всего, и если она была, "Ракету", а вот "Беломор" — почти никогда.

Валентина Ивановна работала в совхозном детском саду. Там же с ней был и Вадик. Игорь иногда заходил в садик, там его всегда чем-нибудь угощали. Чаще всего это были макароны со сметаной и сахарным песком, хрустящим на зубах. Такого блюда Игорь больше нигде не видел. Валентина Ивановна с Вадиком питались в садике, а Игорю надо было готовить дома, на что не всегда было время — в летнюю пору особенно, когда рабочие часто заканчивали работу поздно, а их дети допоздна были в детском саду с воспитателями.

Через пару месяцев проживания в совхозе вдруг неожиданно приехал дядя Коля, к неудовольствию Игоря, хотя тот и привёз ему отличный подарок — перочинный ножик с множеством лезвий. Дядя Коля чуть было не устроился уже на работу в совхоз, но не успел — ворвалась неожиданно, как и в первый раз, с большим скандалом, казачка и, чуть ли не за шиворот, увезла своего фронтового мужа. И остались от дяди Коли только перочинный ножик, да ещё наручные часы "Кировские" большого размера, но очень надёжные. Один раз, года через два, Игорь, во время ссоры с матерью, стгоряча швырнул эти часы о железную плиту. Корпус часов был смят, стекло разбилось, но часы ходили ещё много, много лет.

Игорю нравилась их новое жилище. Он стал привыкать делать дома школьные домашние задания. Когда приходили к нему друзья, то можно было заниматься чем угодно целый день. Даже можно было курить прямо дома — до вечера всё выветривалось, да ещё можно было курить в открытую дверцу печки при открытой задвижке. Запах табака всё же какой-то оставался, а мать была очень чувствительна к табачному дыму. Почуввав запах, бывало, она сразу подступала к Игорю: "Ты опять накурился?". И тут же начинала исследовать все его карманы. Но у Игоря был хороший тайник для хранения спичек и папирос. Он случайно открыл такое место, куда, кроме него, никто бы залезть не догадался. Упираясь в противоположные стенки коридора руками, подтягивал ноги, и упирался ими так же в стенки, переносил руки выше. Так упиравшись поочерёдно ногами и руками, можно подняться до потоло-

ка очень просто. А там был дымоход, на котором и был его тайник.

Дома было тем хорошо, что никто не мог помешать делать уроки и, особенно, прочие ребячьи дела. В школе он узнал принцип работы электромотора и решил проверить: "Неужели действительно может заработать такая конструкция?". Используя жесть консервной банки, провод и магнит, Игорь возился, много раз переделывая, очень долго. Забросив все остальные дела, включая школьные домашние работы, отхватив по этой причине несколько двоек, он всё же добился того, что его моторчик мог два-три раза крутнуться, но потом срывался и отлетал далеко под кровать. Но этого было достаточно для того, чтобы самому убедиться, что моторчик может работать, как ему и положено по книжке. Сколько же было радости! Только почему-то его радость никто не разделял — ни мать, ни друзья.

Иногда Игорю приходилось оставаться дома с младшим братом. Ему нравилось заниматься воспитанием братика. Он долго и терпеливо учил Вадика играть в шахматы. Братик был ещё мал для такой игры, поэтому учение давалось нелегко. Но в конечном результате, научившись, Вадик уважал шахматы всю жизнь, хотя сам "учитель" шахматы не любил. В общении младший брат был послушен старшему, но иногда упрямялся. Тогда Игорь прибегал к "страшилке", чем была тоненькая паутинка, которая медленно, почти незаметно, шевелилась от воздуха на потолке в углу, чего маленький братишка панически боялся. Эту паутину Вадик помнил, будучи даже уже взрослым, вспоминая о ней с теплотой, как о частичке счастливого детства. Однажды Игорь, видимо, допёк брата своей строгостью и настойчивостью, когда учили азбуку. Неожиданно вдруг Вадик сказал: "Сука, ты! Сука! Вот!". Сказал с особым ударением на "С", шепелявя, с каким-то английским произношением. Игорь сначала опешил, открыв рот, поражённый такой дерзостью братика и тем, какими словами было сказано (откуда такие слова?), а потом рассмеялся, глядя на вызывающе самодовольную мордашку братика.

Откуда-то в доме объявилась мышка. Она была необычная — белая с красными глазками и совсем не пугливая, наверное, была ручная, сбежавшая от хозяев. Игорь хотел поймать её, чтобы показать Вадику поближе и дать ему её потрогать. Но мышь оказалась такой поразительно юркой, что понять это невозможно. Игорь сидит на подоконнике, мышка на расстоянии полуметра от шапки в его руках, он быстро накрывает шапкой добычу: "Всё! Попалась!". Не видно было, чтобы она бежала. Шапка осторожно поднимается — никого! Игорь долго охотился на мышку, но так ничего и не добился. Какая же нечеловеческая реакция у животных? А если ещё учесть то, что кошка же ловит юрких мышей? Видимо, человек для них такой же медлительный, как для нас черепаха.

Ещё в Железо Вовка с Мишкой задумали сделать себе по поджоге, но не по обычной, в виде пистолета, а по большой, в виде ружья с прикладом, каких никто не делал. Игорь тоже стал делать себе такую же. Но не успел закончить из-за переезда, и потихоньку от матери спрятал при переезде заготовки в грузовике среди вещей. Теперь Игорь решил доделать это ружьё и показать Вадику. Закончив работу, он решил сразу испытать поджогу. И опять опростоволосился. Когда Игорь накрошил серы от спичек в ствол, забил накрепко бумажный пыж и стал поджигать, то оказалось, что дырочка очутилась слишком далеко от начала ствола, и сера провалилась ниже её, а там, где надо было поджигать, оказался пыж — огонь не мог поджечь заряд. Игорь не знал, что делать. И тут кто-то из ребят посоветовал выжечь раскалённым шомполом бумагу. Не подумав, как следует, он вставил раскалённый на керогазе шомпол в ствол. И вдруг раздался выстрел. По коридору забегали, зашумели люди, кто-то дёрнулся в закрытую дверь в комнату. Игорь притих. Когда всё улеглось, он обернулся, увидел на полу кровь, много крови. Шомпол попал в рукав рубашки и, пробив её, врезался в потолок, по пути задев большой палец правой руки. Испуганный Игорь побежал в амбулаторию. Кончик пальца был разворочен. Рана зажила. Шрам остался на всю жизнь.

Школа в совхозе располагалась по нескольким деревенским домам. Учились в две смены. Игорь ходил в первую смену в дом, который называли баней. По слухам раньше там была баня, хотя ничто на это не указывало. Это был обыкновенный дом из двух комнат для пятого и четвёртого классов. Ученики были разных возрастов. Здесь в войну были немцы, и школы не было, поэтому почти все деревенские были переростками. Одного из них прямо из шестого класса забрали на срочную службу в армию, так как ему стукнуло девятнадцать.

Учёба в школе у Игоря здесь наладилась, особенно после того, как математичка оставила его после уроков в школе, сказав: "Не уйдёшь отсюда до тех пор, пока не запомнишь сумму квадратов и квадрат разностей". Игорь запомнил и, наконец, понял то, почему складываются и умножаются не цифры, а буквы. Главное в математике — это постижение правил и законов. Законы эти не придуманы человеком, они существуют и без него. Это и вызвало интерес Игоря. Он с большим уважением стал относиться к математике. Математичка сказала, что у него есть способности к абстрактному мышлению и у него есть математические наклонности. Игорь хорошо запомнил на будущее её слова.

Игорь хорошо учился по двум предметам, по русскому и математике, которые давались ему совсем легко. Когда сдавали экзамен за шестой класс, он, решив свой вариант за несколько минут, видя, как мучаются в задумчивости бедные его одноклассники, не сдавая свою работу, решил второй вариант, а потом и третий. Тихонько передав все решённые им варианты ребятам, сдал свою работу и вышел. Все ученики его класса получили пятёрки, кроме двух, которые не смогли правильно переписать. Учителя, конечно же, поняли, — в чём дело. Сначала хотели отменить результаты экзамена, но, поразмыслив, решили, что лучше оставить всё, — как есть. На том всё и завершилось. Остальные школьные предметы Игорю были безразличны, а по двум из них он совсем ничего не знал. По ботанике, после провала экзамена за шестой класс, ему пришлось пересдавать осенью.

Ботаник, пожилой, добродушный учитель, рассказывал на уроке то, что ему нравилось, часто отступая от своего предмета, переходил на истории из своей жизни. Они были интересны и надолго застряли в памяти Игоря.

В молодости ботаник в числе энтузиастов — учителей на заре Советской власти, по призыву на борьбу с общей безграмотностью, поехал создавать школы на Крайнем Севере. Там, в тундре, люди жили в стойбищах, расположенных друг от друга в сотнях километров. Построили школу-интернат, куда свезли всех детей со всех стойбищ. Школу открывали с банкета, куда был приглашён сам председатель колхоза — главный хозяин огромного края. Стол был накрыт по тем временам по царски: хлеб, чай, сахар и масло. Председатель сразу же начал есть ложечкой одно голое масло. Ему стали показывать, как надо намазать масло на хлеб, как положить сахар в чай. Председатель кивал головой с широкой улыбкой: "Хоросо! Хоросо! Засем? Так хоросо!". Всё повторилось, когда председатель, покончив с маслом, принялся за сахар, не обращая внимания на заботливые советы. Затем в дело пошёл хлеб, а уж потом и чай. С обучением детей дело обстояло хуже — их приходилось учить элементарнейшим вещам с нуля. Особенно сложно было с умыванием по утрам. Интернат был оснащён, по тем временам, конечно, по высшему разряду — у каждого было полотенце и полочка с мылом, зубной щёткой и заграничным чудом — тюбиком пасты. Дети никогда не умывались и не понимали, чего от них хотят, особенно упорно они не признавали пасты, которая лежала десять дней не тронутой. Вдруг паста вся пропала. Тюбики лежали тщательно выжатые. Оказалось, один из детей попробовал сделать то, чему так настойчиво учили, и ему понравилось — это оказалось сладко. Пасту съели. Другую историю ботаник поведал, когда угощали уже их. Угощали японцы, это уже было на Дальнем Востоке. Одна учительница заинтересовалась: чем это их угощали, по виду похожим на макароны. Японец сказал название, которое ничего не говорило. Просили показать. Японец принёс нечто извивающееся, очень похожее на глиста. Половину гостей с выпученными глазами и зажатыми ртами

как ветром сдуло. Уроки ботаника нравились, и его, если не любили, то уважали, точно.

Немецкий язык преподавала седая старушка странного вида: её лоб выдавался вперёд верхней частью, как нос корабля. Немка была доброй и плохих оценок почти никогда не ставила. Если кто-нибудь, отвечая на вопрос, немного задумывался, то она, кивая головой в такт своим словам, опережая ученика, отвечала на свой же вопрос сама: "Так. Хорошо. Правильно. Садись!". И ставила хорошую отметку. Старушка никогда, никому даже замечаний не делала. Хотя однажды она пожаловалась-таки на Игоря.

В совхозе иногда гас свет. На этот случай в классе, как и везде в посёлке, была всегда под рукой керосиновая лампа. Лампа зажигалась, и урок продолжался. Вот и в этот раз на уроке немецкого погас свет. Немка зажгла лампу и продолжала рассказывать что-то там своё. Все ученики занимались — "кто, чем хотел". Игорь, не помня уже зачем, пополз на четвереньках по проходу. У немки перед носом светила лампа — она не видела того, что делается внизу. Ребята развеселились. И Игорь, поощрённый вниманием, стал так гулять на четвереньках по всему классу. Осмелев, он дополз до самых ног старушки и начал кривляться, копируя движения учительницы. Обратив внимание на смех в классе, немка остановилась, пытаясь понять — что происходит. И в этот момент зажёгся свет. Застигнутый врасплох Игорь сидел с глупой физиономией, да ещё с измазанной чёрной копиркой щекой (кто-то провёл ею по ходу следования его на четвереньках) Учительница испуганно вскрикнула от неожиданности при виде такого чуда у своих ног. Но тут же успокоилась и, как ни в чём ни бывало, произнесла: "Игорь! Что ты тут делаешь? Иди на своё место". Она всё же пожаловалась. Игорю пошла ещё одна галочка в актив его прегрешений. Список провинностей у него был большой, а к нему предъявлялся, почему-то, весьма повышенный спрос. За шестой класс у Игоря, и ещё у одного, у Вареника, была годовая двойка по поведению. Хотя у других были проступки более тяжкие.

Например, некоторые из тех, кто сидел на задних партах, прямо на уроке потихоньку курили, разгоняя дым рукой — чтобы запаха не было. Ещё был один такой, который издевался над математичкой, пожалуй, целую четверть. Откуда-то он узнал, что к учительнице приезжает в гости ухажёр, и что зовут его Вася. Ребята не понимали: “Какой смысл и зачем надо было их однокласснику изводить этим Васей математичку”? А делал он это мастерски. Если только математичка оказывалась вблизи, Ключ, как звали его ребята, тихо, почти шёпотом, нагло заглядывая в глаза учительнице, ехидно хихикая, начинал задавать вопросы:

- А Васенька сегодня приедет? — Или:

- А Васенька хорошо целуется? — Или уже совсем без всяких рамок приличия:

- А у Васеньки вот такой!

И показывал, как показывают расстояние ладонями, уточняя — какой именно. Бедная учительница и бледнеет, и краснеет, но не знает, что можно сделать. Она не может ответить, она не может пожаловаться — ведь тогда надо будет разбираться, упоминать имя Васеньки, выносить на люди личное. Это-то Ключ и учитывал, этим-то и пользовался безнаказанно.

Шалости Игоря были безобидными. Посадили его в пятом классе на первую парту, чтобы всегда был на виду — не очень-то и пошалишь. Но шалости были мелкие. Например, они с другом из соседнего класса проделали дырочку в стене между классами и через неё передавали друг другу записки во время урока. Кто-то из учителей перехватил записку и прочитал. Этому учителю не понравилось то, что было там написано, и какими словами. Началось разбирательство. Тогда Игорь с другом придумали свой шифр, чтобы никто не смог прочитать, и не было бы причин устраивать разбирательства. Но это не помогло и не спасло от следующего наказания.

Учителем истории была дочь старенькой немки. А муж её работал учителем физкультуры, нормальный, тихий и добрый человек, которого школьники уважали. А вот историчка была строгая и крикливая, за что её ребята не любили. Соседа Иго-

ря по парте звали почему-то Сенькой, хотя имя его было другое, а Семёном звали его старшего, уже взрослого брата. Однажды Игорь с Сенькой обсуждали на уроке мощную фигуру исторички, которая, рассказывая о важнейших исторических датах, постоянно крутилась прямо у них перед самым носом. Самым широким местом, как полагается, у исторички был зад. Ребята заспорили о размере этой величины: "Будет ли метр?" Игорь предложил:

- Как она только остановится, ты заметь по моей команде какой-нибудь сучок, или царапину, на стене с левого бока, точно по краю, а я сделаю то же самое с правого бока. И не отрывай глаз от этой точки, пока урок не закончится. А как только она уйдёт, тут мы и измерим линейкой расстояние между твоей и моей метками.

Так и сделали. Расстояние оказалось больше метра. Историчка каким-то образом узнала о том, что её измерили, — Игорь опять получил неприятности.

На большой перемене многие ребята бегали обедать домой. Время на всё было в обрез, и почти всегда они опаздывали. А опоздавшие, по негласному правилу, шли сразу к доске. Однажды Игорь с Сенькой бежали с обеда, чувствуя, что опоздают. Сенька беспокоился. Он даже не знал: "Что было задано?". Игорь стал рассказывать ему, что надо пересказать отрывок из "Белеет парус одинокий", то место, где Гаврик с Петькой носили патроны для рабочих, отстреливающих от полицейских, а их остановила полиция. Игорь рассказал всё коротко и своими словами. Сеньку предчувствие не обмануло — он сразу пошёл к доске и начал рассказывать так, как поведал ему Игорь. Дойдя до того места в рассказе, где полицейский, проверив Петьку, отпустил его, пнув напоследок под зад ногой, Сенька вдруг зашнулся: "Полицейский дал ему ногой под ..., под ...". Сенька замолчал, посмотрел на Игоря, потом на учительницу в растерянности. Учительница обернулась к Сеньке удивлённо и только сказала: "Ну-у-у?". Сенька, глядя как-то виновато на неё, не подобрав, видимо, другого слова, тихо, коротко и как-то обречённо выдавил: "Под жо..". Класс, конечно, взорвался весёлым смехом, и не над нелите-

ратурным выражением, а, скорее, над смешным, растерянным видом Сеньки. Игорь, вспомнив, с каким вниманием слушал его Сенька на бегу во время перемены, хохотал громче всех. Опять ему записали в журнале: "Срыв урока".

Когда школа переехала в новое здание с огромными окнами, где уже были собраны все классы, то все стали учиться в одну смену. Классы переформировали, надеясь улучшить дисциплину в школе. Но, кажется, это не помогло. Тогда появилась у ребят новая забава с тонкими резинками "от трусов". Из них, в первую очередь, делали нечто вроде маленьких рогаток, с помощью которых стреляли пулями из бумаги, а то и из тетрадных скрепок, по отвечающим у доски. Были случаи, когда попадали по учителям, что оканчивалось большим скандалом. Один умелец, используя резинки и спичечный коробок, умудрился мастерить миниатюрные балалайки, которые не только "играли", но даже и "настраивались" путём различного натяжения её струн (резинок).

Совхозное начальство очень внимательно заботилось о рабочих. Был, например, маленький специальный магазинчик, где для рабочих, только по списку и по норме на каждую семью, продавали продукты, произведённые в совхозе. Продукты были дешёвые и очень свежие — это молоко, мясо и ранние овощи. Для детей рабочих открыли нечто вроде городского лагеря, который называли "детской площадкой", или просто "площадкой", как называли ребята. Это всё было бесплатно. Там тех, кто должен пересдавать экзамен осенью, заставляли учиться. Дети собирались к завтраку, затем шли в классы "в баню", где учились. Был ещё и обед. Ребята были свободны — могли приходиться только на завтрак и обед. Но никто не расходился. Площадка всем детям нравилась. Кормили хорошо. Не в каждой семье могли позволить себе такие обеды. Игорю особенно нравился завтрак: кофе или какао и намазанный сливочным маслом большой кусок свежего белого хлеба из местной пекарни, который был здесь очень вкусным. За ним, за этим хлебом, порой специально приезжали издалека, например, из Луги. В "бане", куда все

собирались, было много очень разных игр. В основном, все увлеклись шахматами, даже устраивали турниры. Всем вместе ребятам было весело. Особенно всем понравились экскурсии. Сначала была экскурсия в пещеры, довольно знаменитые, на другой стороне озера. Потом была экскурсия в Царское село. Туда всей оравой ехали на поезде, и сразу пошли с экскурсоводом. Тут произошёл незначительный, но забавный случай. Экскурсовод подвёл всю большую детскую компанию, к которой примкнули и несколько любопытных взрослых, к лестнице, ведущей на Камеронову галерею, и громко рассказывал о том, о чём ему положено в этом случае рассказывать. Когда, говоря о Геракле, показывая на его статую, украшающую лестницу, экскурсовод, переводя дух между фразами, сделал паузу, в этот момент в наступившей внезапно тишине раздался девчоночий разочарованно-удивлённый тоненький голосок какой-то пятиклассницы: "Ой! А какой же у него маленький?!" . Какая-то старушка, стоящая рядом с девочкой, сказала протяжно, качая головой: "Да-а-а!". И было непонятно: то ли в знак согласия с девочкой, то ли от удивления небывалой прыткостью худенькой школьницы.

В совхозе было много детворы. Дети дружили между собой небольшими компаниями. Сначала Игорь сдружился с Жиганом и Доходом. Они жили вместе в одном доме на втором этаже. Жиган и Доход — это клички, или прозвища, которыми все ребята называли друг друга, порой не помня, или даже не зная настоящего имени. Никто не помнил и не интересовался, откуда и отчего произошло прозвище того или другого. Просто звали так — и всё. Доход с матерью и сестрёнкой приехал с юга. Он был смуглый и очень худой. Мать Дохода звали в совхозе Красногубкой — она, пожалуй, была единственной в совхозе, кто красил губы, что в те времена было предосудительным. Относились к ней по этой причине как к гулящей. И не без оснований. А ей бедной жилось тяжело одной с двумя детьми без мужа, сгинувшего на войне, и хотелось ей создать семью — вот она и выбирала себе жениха, в основном, среди солдат из близлежащей воинс-

кой части, которые приходили в увольнение на танцы в совхоз. Выбирать среди многих, оказалось, рискованно — претенденты на "благодарность" дамы могут нечаянно встретиться. Однажды, (но это по слухам) так, видимо, и случилось. Шедший очень рано по своим делам человек, вдруг наткнулся на дворце на Красногубку, бывшую в совершенно беспомощном состоянии: подол платья у неё был натянут на голову и крепко там завязан, а пустая бутылка была у неё в том месте, где её быть никак не должно. За что уж там человек, освободивший её, поклялся молчать об этом случае? — он не рассказывал. Но слух всё же прошёл. А может быть, это, вообще, и был только слух? Игорь помнил о Доходе только то, как он научился плавать. Люди там, где раньше жил Доход, не знали того, что человек может влезть в воду полностью и плыть. Когда компания ребят на большущей лодке, которая была ничейной рухлядью, а, значит, считалась общей, поплыли к середине озера, оказалось, что ребят набралось слишком много, и поэтому они не успевают отчерпывать воду из лодки, чтобы не тонула. Быстро решили: "Надо избавиться от лишних"! И тут же решили: "Надо выбросить Дохода. Заодно и плавать научиться". Доход очень долго барахтался — как мог. До берега было очень далеко, вполовину озера. Он цеплялся за лодку, но его отталкивали. А когда он вдруг понял, что ещё не утонул, что держится на поверхности воды, Доход поплыл к берегу. А в дальнейшем, он стал лучше всех плавать, и его стали уважать. А Красногубка, на её счастье, всё ж вышла замуж за солдата. И Доход уехал со своей семьёй.

Жиган был соседом Игоря по коридору. У него был ещё старший брат и две сестрёнки помладше. Все они жили в двух комнатах. Но, главное, у них был отец, который работал в совхозе шофёром на громадной трофейной немецкой машине без тормозов марки MAN. Семья Жигана через год переехала в Ленинград, но дружба их продолжалась долго — Игорь ездил к другу на каникулы, а тот, в свою очередь, приезжал летом, уже в качестве дачника, в совхоз, и жили они тогда в сарае. Коз Валентина Ивановна продала в первый же год.

Игорь дружбы ни с кем не искал, относясь ко всем примерно одинаково, исключая Жигана, которому можно было доверять всегда и во всём.

Однажды Игоря позвал к себе домой Пиня. У Пини прозвища не было — само имя для ребят звучало как прозвище. Дома у него было много игр и каких-то странных книжек, у которых картинки были вверх ногами, а вместо букв какие-то загогулины. Но Пиня пояснил, что всё правильно — это еврейские буквы, а пишутся они наоборот — снизу вверх и справа налево. Поиграв в игры, ребята каждый раз делали уроки по математике. Потом Игорь понял, зачем Пиня приглашал его к себе — отметки по математике у Пини стали улучшаться. Игорю постепенно надоело ходить к Пине — скучно. На одном из уроков ботаники произошёл странный случай. После вызова к доске Пиня пошёл на место, ворча что-то под нос, видимо, недовольный оценкой. Ботаник сказал: "Вот опять будешь жаловаться, что тебя, бедного еврея, учителя обижают"? Произошло неожиданное. Пиня подскочил, издавая какой-то сиплый звук, ударив со всего маху двумя кулаками по парте: "Ы-ы-ы ...! Ещё учитель, а ещё дразнится"! И, сев на место, закрыв голову руками, разрыдался. Игорь ничего не понимал: "Ну, если бы ботаник назвал бы, например, Вареника хохлом, то тот, наверное, просто и не заметил бы. В чём здесь дело? Непонятно". Но такие вопросы Игоря не трогали, и он забыл о них, но сам случай в памяти остался. Ребята пускали в адрес Пини разные шуточки, и вот по какому поводу. Отец Пини упросил директора открыть маленький ларёчек для торговли ранними совхозными овощами. До ребят дошёл слух, что директор наказал отца Пини за то, что он отпускал овощи учителям бесплатно, надеясь на улучшение отметок сына. Ребята изгалялись (кто лучше) при составлении вопросов Пине, которые должны были содержать обязательно два слова: овощи и отметки. Отец Пини работал в совхозе снабженцем-экспедитором. Часто разъезжал на грузовике — покупал, продавал, сдавал и перевозил товары, чаще продукты. С ним ездили грузчики: грузчики в кузове, а экспедитор в кабине. Грузчики заметили, что снабженец всегда

ездил с мешком. Забрасывал, не глядя, мешок в кузов, садился в кабине и — в путь. Один грузчик со словами: "Да что же, всё-таки, он там возит", развязал мешок. Все так и ахнули — там были деньги и накладные, причём довольно много денег. Отец Пини был хитрым: "Кому же нужен грязный мешок"? Мать Пини, в отличие от мужа, маленького и худенького, была крупной, толстой женщиной. Она не работала. Приехали родители Пини, видимо, откуда-то из Польши — мать говорила с маленьким акцентом: "Пиня! Пиня! Вома Пивехав"! Она кричала с таким видом, будто Пиня ждал Вому много лет. Пиня, заметив вопросительный взгляд Игоря, сказал: "Это двоюродный брат, А ну его — этого Рому". Игорь с Пиней рассорились совсем. Как-то раз Игорь заметил, как Пиня смотрел на одну девчонку из младших классов, которую, как ему казалось, раньше вовсе не видел. В этом возрасте мальчики и девочки, почти все, имеют тайные симпатии друг к дружке, которые, чаще всего, так и остаются тайными. А если мальчишки замечают за кем-то из друзей такую "слабость", то начинают подтрунивать или смеяться над "глупостью" того друга. Но Игорь не смеялся, а только спросил: "Как её зовут"? А когда Пиня сказал, что её зовут Люся, Игорь просто выразил своё мнение: "Замухрышка какая-то". Она и в самом деле была маленькой и худенькой с какими-то растрёпанными волосами на голове. Игорь быстро забыл об этом разговоре и, наверное, никогда бы и не вспомнил, если бы не Геша Гитлер. Геша как-то подошёл к Игорю и вдруг неожиданно спросил: "Зачем Игорь говорит нехорошо о Люське?". Люська — это сестра Окорока, который учился классом старше. А странное его прозвище, скорее всего, появилось благодаря большому шраму на его щеке. Окорок выделялся из всех тем, что очень много читал, и читал очень быстро, да так, что взяв любую толстую книгу вечером — утром отдавал уже прочитанной. Благодаря этому он много знал, интересно и с остроумием рассказывал ребятам разные истории и анекдоты, за что его все уважали, хотя он и держался как-то особняком от всех ребячьих компаний. Геша Гитлер был равнодушен к сестре Окорока и всегда крутился вокруг него. Сам Геша был по

характеру лидером — вокруг него всегда крутилась ребятня помладше, которыми ему нравилось командовать. Характер у Геши был прямой, он всегда поступал прямо, не откладывая. Игорь очень удивился вопросу Геши, он никак не мог понять: "О чём речь? С какой стати он мог что-то говорить о сестре Окорока, если их компании никак не общались?". И когда, наконец, в долгом разговоре он выяснил, что сказанные слова про Люську Геша узнал от Пини, Игорь всё понял: "Пиня слов не забыл, Пиня обиделся, Пиня решил отомстить". Сам Пиня боялся и не мог что-либо сделать, и решил поступить хитро — сказать Геше Гитлеру про обидные слова Игоря о Люське, а не сказать о какой Люське, и тем самым рассорить Гешу и Игоря. Но его тонко задуманная хитрая месть не прошла — Игорь поделился с Гешей своими выводами. Тот возмутился и при удобном случае поговорил с Пиней, как всегда, прямо. Друзья Геши из младших классов Пиню побили.

Ни сам Генка, и никто другой, конечно, не помнили — когда и отчего прилипло к нему это прозвище. Причём отдельно части его "двойного" имени не произносились. Только очень редко его могли позвать: Генка, или Геша, но Гитлер — никогда. Говорили Геша Гитлер — и всё. Однажды Игорь встретил Генку на озере при ловле налимов острогой (вилкой). Геша предложил: "Пойдёшь завтра? Зайди за мной.... Всё равно по пути". Игорь согласился. Так они почти каждый день половину лета ходили на рыбалку с вилками в руках. Надо было выходить утром рано — кто пошёл вторым, тот уже ничего не принесёт. Рыба пряталась под затонувшими досками, брёвнами, камнями и т.д. Надо только тихонечко приподнять предмет на дне — там стоит сонная рыба после своей ночной охоты. Это налимы, угри, бычки, иногда маленькие раки. Очень осторожно, чтобы не вспугнуть рыбу, надо только ткнуть её вилкой. И всё. В основном рыба была мелкая, но иногда попадалась и крупная. Один раз Игорь увидел на песчаной отмели нечто похожее на большую змею. Подойдя совсем вплотную, он увидел огромного, около полутора метров угля — даже стало страшно. Игорь угрей не брал и поэтому спросил у Геши — что, мол, делать. Тот сказал: "Коли! Ничего

ж не потеряем". Проткнутый вилкой угорь немного пошевелился, показалось немного крови — Генка его забрал, посчитав, после некоторого раздумья, его всё же живым.

Игорь угрей не брал — змея змеёй, особенно после одного случая. Возвращаясь со связками рыбы, ребята зашли по пути к Генке домой. Мать его тут же стала резать угря, как колбасу, на сковородку. Игорь долго смотрел, как один отрезанный "обрубок" угря размером с толстую сардельку стал изгибаться на сковороде: влево — вправо, влево — вправо. Стало противно. Игорь с тех пор ни разу не ел, ни угрей, ни миног, ни кальмаров — противно. Налимов и бычков ребята делили поровну, а всех угрей Геша забирал себе. Рыбы хватало. Когда сын приносил улов каждый день, рыба надоедала, и Валентина Ивановна отдавала её соседям — не выбрасывать же. Один раз Игорь предложил Генке просто так: давай, мол, за моих угрей ты будешь давать своих налимов, чтобы было поровну. Геша подумал, подумал — и не согласился. Когда Игорь заметил, что и в других делах друг его проявлял свою жадность, то ему с другом этим стало как-то всё скучнее и скучнее, и постепенно они разошлись.

В летнюю пору Игорь днями пропадал на речке. Особой гордостью было — поймать язя. Самым интересным было — ловить "на глаз". Это такой способ, когда видно твой крючок, а вокруг него снующую рыбу — с замиранием сердца ты ждёшь того момента, когда рыба открывает рот, нацелившись на твой крючок. Вот он — момент истины. Как хорошо было сидеть под мостом на сваях и смотреть в окошко между свай на то, как язь с толстыми белыми губами тихо приближается к твоей наживке. Но таким способом поймать рыбу было сложно, особенно язя, очень осторожную и хитрую рыбу. Легче было наловить рыбы в ямах или около них, которые были по всей речке. Ещё проще ловить рыбу на озере, но там ребята ловили только в начале лета. На озере ловить не так интересно. Один раз Игоря, идущего с речки с уловом в пятнадцать засохших на солнце рыбёшек, догнал Окорок с мешком рыбы за плечом. Окорок не был романтиком и никогда

не ловил рыбу удочкой. Он был практичным человеком. А рыбы, что за спиной, наловил он так. Идя вдоль берега озера с вилкой на налимов и угрей, Окорок обратил внимание на то, что из-под самого берега вылетает плотва в больших количествах. Плотва нерестилась. Окорок стал её ловить сначала руками, но видя, что толку в этом мало, снял рубашку. И, наконец, нашёл верный способ: зайдя сначала поглубже, шёл затем к берегу навстречу вылетающей оттуда на него стая и бросался всем телом в воду, накрывая рубашкой рыбу. Так он и наловил столько, сколько мог унести в рубашке с завязанными рукавами. Рассказывал он это, смеясь: "Что вы ловите своими удочками? Ну, десять, ну двадцать окушков за весь день. А я за три часа. ... Вот. ... Смотри"! Окорок не был романтиком: "Смотреть на поплавок и ждать, когда кто-то там клюнет — глупо!" Его интересовала рыба. Однажды, узнав случайно, что будут рано утром спускать прудки, чтобы их почистить, чего не делалось уже полвека, Окорок взял большой мешок из-под картошки и отправился на "рыбалку". Когда спустили воду, там, в грязи, оказалось столько карасей, сколько никто не ожидал. Окорок еле дотащил свой мешок до дома.

В начале лета, почти каждый год, наступала такая пора, когда тёплый юго-восточный ветер дул постоянно в одном направлении. Погода была жаркой, вода — тёплой, но быстро согреться после купанья было нельзя из-за сильного ветра, поэтому ребята жгли костры целый день. Вся детвора совхоза, от мала до велика, с утра до вечера была на берегу. Было весело, никому не хотелось уходить, а к обеду есть хотелось, и некоторые, чтобы не идти домой, надумали есть речные ракушки, вырывая у неё ножку, которую поджаривали на костре. К концу лета появлялись яблоки. У совхоза был старый сад, вокруг которого стайками ходили ребята, выжидая момента, когда сторож уйдёт далеко, тогда и совершали налёт. Игорь никогда яблоки не любил, другие ребята, набив сразу оскомину, тоже таскали яблоки не для еды, а просто было интересно. У Игоря была большая коробка под кроватью, наполненная яблоками. Позже он придумал, как можно их ис-

пользовать: колотил по яблоку чем-нибудь деревянным, чтобы не повредить кожицу, колотил до тех пор, пока яблоко не становилось совсем мягким, а потом прокалывал кожицу и выдавливал сок. Сок был вкусный, да ещё можно было его подсластить. Позже совхоз заложил большой молодой сад — огромное поле с маленькими яблоньками без яблок, но между ними была клубника. Если проползти на животе в глубину поля и не подниматься — сторожу издали не видно, и есть лёжа можно хоть целый день.

Летом появлялись дачники из Ленинграда, которые из года в год снимали дачи у одних и тех же хозяев, а некоторые приезжали к родственникам на лето. Ребята завидовали дачникам: они ходили постоянно в шёлковых бобочках и в белых тапочках, которые, если потереть мелом, становились как новые, и в них можно было ходить на танцы в клуб. Но, главное, у них у всех были велосипеды. В совхозе у нескольких человек, у кого были отцы, тоже были велосипеды, но у нихто (у дачников) — у каждого. С дачниками быстро знакомились и находили общие дела: лазали вместе по садам, играли в волейбол. А звали их с приставкой "дачник", чтобы не путать со своими: Колька дачник, Витька дачник ... Молодёжь из совхоза, как и из всей области, стремилась жить в Ленинграде. Глядя на дачников, которые в будни одевались лучше, чем совхозные на праздники, они полагали, что жизнь в Ленинграде лёгкая и красивая, с широкими перспективами на будущее. В общем-то, они понимали правильно. После окончания семилетки молодой человек, девушки тоже, ехал устраиваться в ремесленное училище (в "ремеслуху", или "в ремесло"), и пополнял армию городского приезжего населения, которых после стали называть "лимитчиками". Устроившись в ремеслуху, через год-два такой парень считал себя уже городским, а лет через пять-семь — коренным ленинградцем. В ремесленном училище, которые позже были переименованы в ПТУ — профессионально технические училища, снабжали форменной одеждой. В парадную форму, кроме всего прочего, входила чёрная суконная шинель и форменная фуражка с

кокардой в виде перекрещенных молоточков. Приезжая на каждый выходной в совхоз, старшие ребята, закончившие семилетку, ходили на зависть младшим с поднятой головой — они городские. Когда в моде появились белые кашне (как у моряков) и "лондонки", которые приобрести было не так просто, то те, кто носил кашне и лондонки, задирали нос ещё выше — мы блатные. Блатные имели тогда большой авторитет среди дворовых ребяташек. Лондонки — это мягкие, как бы шерстяные, кепи бежевого цвета с пропущенными цветными нитями и с очень маленьким козырьком. Первыми их стали носить элементы дворовой приблатнённой элиты. В первое время, когда лондонки негде было достать, за ними охотились те, кто желал быть "на высоте" — их (лондонки) могли просто сорвать с головы, отобрать, при этом и побить. Так что носить лондонку — значит иметь некоторое мужество. Вот этим-то они и ценились в первое время, пока те не появились в широкой продаже.

В зимнюю пору почти всё время уходило на школу. Но для своих забав и проказ всё же время находилось. Один раз собралась небольшая компания у ледника, что был под окном у Игоря. Ледник очищался от остатков прошлогоднего льда и опилок, но загружать его новым запасом льда было рано — лёд ещё не был готов, не имея пока нужной толщины. Ледник был открыт. Воспользовавшись открытым ледником, ребята решили поискать подземные ходы, о которых давно шла молва, если и не под озеро, то хотя бы под дворец. Сразу от ледника шёл широкий проход. Через несколько метров было ответвление налево, образующее острый угол с самим ходом. Ответвление почти сразу закончилось тупиком. Ход дальше был накрепко замурован. Прикинув по расстоянию, ребята догадались, что это ход под дом — ведь это же была когда-то кухня для дворца. Оставалось только идти дальше по прямому ходу: "Куда приведёт — туда и приведёт". Но тут обнаружилось, что спички, которыми без конца чиркали, кончились, чей-то огарок свечи тоже сгорел — темно. Игорь вспомнил: "У меня есть фонарик, но батарейки нет". Геша Гитлер тоже

вспомнил, что у него дома есть батареи, но они не для фонарика, а большие и тяжёлые. Решили подождать, пока Геша сбегает домой за батареями. Когда он принёс, нашли два длинных проводка и попробовали соединить ими батареи с фонариком — горит. Набралось ребятни, пока ждали Гешу, человек пятнадцать.

Игорь шёл первым с фонариком в руках, за ним с батареями в мешочке — Геша. Между ними — проводки от фонарика у Игоря к батареям в мешочке у Геши. Дальше шли ребята поменьше и помладше, дальше ещё меньше. И кончалась процессия пятилетним малышом. Ход сужался. Шли гуськом. Ход становился ниже — пришлось ползти на четвереньках. Игорь комментировал то, что видит. Остальные, кроме, может быть, Геши, ничего не видели — там у них было темно. Игорь выкрикивал: "Котелок!... Патроны!... Каска!". Слова его передавались по цепочке. В одном месте было прямоугольное небольшое расширение, и там, в углу, лежал человеческий череп, один только череп. Игорь и крикнул: "Череп"! Лучше бы он этого не делал. Через минуту погас фонарик — это Геша развернулся, и проводки отсоединились. Напрасно Игорь торопил Гешу, толкая его головой в зад. Геша почти не двигался. Были слышны спереди крики и вой. Поднялась паника. Впереди всей цепочки был теперь пятилетний малыш, а он быстро двигаться не умел. Весь ужас положения был в обречённости, в том, что нельзя было бежать. Игорю было несравнимо хуже всех — за ним никого не было. Он тыкался головой в зад Геши и от страха брыкался ногами, как бы отбиваясь от кого-то на всякий случай — а вдруг кто-нибудь схватит. Наконец пришла свобода. Игорь выскочил пулей, никуда не глядя. И в темноте налетел на угол между ходом под дом и выходом в ледник. Он отлетел от каменной стенки как мячик. В голове помутилось. Выбраться наверх ему помогли спустившиеся за ним ребята, обеспокоенные его задержкой. Лицо Игоря было в крови от раны на лбу, но всё, в конце концов, обошлось.

Шалости ребят не всегда были хорошими. Например, шутки над жильцами своего же дома, которые уже без шуток

выходили из себя. Называлась забава: "Ставить колотушку". Бралась длинная нить. Недалеко от одного из концов её привязывался гвоздь. Короткий конец нитки крепился к чьему-нибудь окну. Если потянуть за длинный конец из укрытия, где прятались шутники, гвоздь оттягивался, а если отпустить нить — то гвоздь ударял по стеклу, производя стук. Когда стучали в окно, хозяин выглядывал наружу и, не видя никого, успокаивался. После повторного стука он начинал охоту, то, прячась за занавеску, то, выбегая на улицу, то, долго выслеживая из-за угла. Пошли слухи о появлении невидимки, или домового, или привидения. Но ребят всё же, наконец, разоблачили, и шутка закончилась.

От бывшего фазанника графа Половцева остался один каменный дом, где была тогда размещена пекарня, баня, да ещё там были жилые помещения. Баня там была отличной, работала два дня в неделю: женский и мужской день. Вот как-то раз в женский день и отправилась компания подглядывать в окна бани со стороны огородов. Окна были закрашены, и только самая верхняя часть окон была свободной. И для того, чтобы смотреть через незакрашенное место, надо было вставать по очереди друг на друга. Вдруг у Жигана, когда пришла его очередь смотреть, прихватило живот, и он отбежал в кусты — было совсем, видно, невтерпёж. Кто-то крикнул: "Жиган! Жиган! Ты где? Вон тут Митрофаниха на полок лезет. Прозеваешь!". И тут неожиданно раздался громкий женский голос из-за угла: "Это что здесь такое! Марш отсюда!". Все бросились через огороды в сторону озера. Когда Жиган пришёл домой, мать сразу же к нему: "Что Жиган, запоносил? И Митрофаниху голую прозевал?". Этак ехидно сказала. Так это там была его мать?! Жиган готов был сквозь землю провалиться.

А одно время вошло у ребят в моду отключать друг друга от сознания, конечно с согласия подопытного. Предложили и Игорю: "Попробуй!... Не бойся... Не больно!" Игорь запрокинул голову и, как научили, задержал дыхание. Кто-то из добровольцев в это время придавил пальцами сонные артерии на шее Игоря. Он быстро отключился, и пришёл в созна-

ние, уже сидя на полу, когда испуганные ребята шлёпали его по щекам. Ощущение было очень неприятное — Игорь больше не повторял таких опытов.

Но самой весёлой у ребят была одна злая шутка. Какому-нибудь новичку предлагалось испытание силы воли — кто кого переглядит. Двоим из ребят надо было встать близко друг напротив друга и смотреть, не моргая, глаза в глаза. Проигрывал тот, кто первый моргнёт, или первым отведёт взгляд. И вот тут, тот, который не новичок, расстёгивал свои штаны и начинал мочиться на штаны противника. Когда обиженный, обратив внимание на то, что его противник почему-то хохочет, окружающие тоже хохочут, или замечал то, что по нему что-то течёт, он отскакивал. Поняв, как его безжалостно разыграли, новичок, конечно, кидался в драку, но хохочущая компания его успокаивала. А если так случалось, что в шутке этой участвовали оба не новички, которые не знали об осведомлённости своего противника, то смех тогда был почти безумным. Получалась невероятная картина. Два мальчика стоят носом к носу, мочатся прямо друг на друга и весело от души хохочут. Каждый из них думает, что именно он, и все с ним, смеются над тем, над другим, а не над ним. А все зрители смеются над обоими, видя всю нелепость ситуации, смеются вдвойне. Некоторые падают, корчась от смеха.

Очень популярной среди мальчишек была простая борьба. Правил и приёмов ребята по-настоящему не знали. Это походило больше на вольную борьбу. Никаких соревнований не проходило, но все мальчишки уверенно знали — кто кого может положить на лопатки. Были признанные лидеры, как бы негласные чемпионы. Долгое время лидировал весёлый и жизнерадостный Коля Левашов, который был на год старше Игоря. Года два лидировал Игорь. Два раза ему пришлось бороться со старшими ребятами, которые значительно превосходили его не только по годам и по весовой категории, но и по подготовке. Но друзья подзадоривали: "Покажи им, этим хвастунам!". Оба раза боролись до изнеможения больше полутора часа. Когда все поняли, что результата не будет — Игорь лег-

ко каждый раз выходил снизу, но ему не хватало веса, чтобы положить окончательно на лопатки противника, - признали ничью. Следующим лидером надолго стал закадычный друг Барчука Хеткиус, который был на год моложе Игоря. Хеткиус вырос с силищей невероятной. Лет через шесть, посетив на выходные Валентину Ивановну, Игорь с Жиганом встретились с Хеткиусом, приехавшим в отпуск к родителям из Таллинна. Все были рады встрече, вспомнили детство. Вдруг Хеткиус предложил: "А давайте поборемся! Как тогда". Предложение одобрения не встретило — ребята были изрядно навеселе. Тогда старый друг взял Игоря и Жигана, который весил около сотни килограмм, в охапку и спокойно занёс их в дом.

Вечерами, особенно зимой, любого человека, проживающего в совхозе, можно было обязательно, хотя бы один раз за вечер, встретить у клуба. Ближе к вечеру в клубе шло кино, а позже начинались танцы. На танцы приходило много людей из близлежащих селений. На танцах играла одна и та же музыка: "Брызги шампанского", "Танго соловья", "Риорита" и другие популярные мелодии того времени. В фойе стоял стол, на котором мужики играли в домино "навывает", если только клуб был открыт. Здесь всегда было много народу. Все окружающие: ждущие своей очереди игроки и просто зеваки старались комментировать игру, советовать свои ходы, создавая шум и гам. Ребяшня ошивались у клуба постоянно, и не только вечером, придумывая себе какие-нибудь развлечения, наподобие того — с отключением сознания с прижимом сонных артерий друг другу. Если двое прощались, то так: "Ну, ладно,... до вечера! У клуба увидимся". Постоянно околачивались здесь не только ребята, а и другие. А чаще всех местные клубные "завсегдатаи".

Один из них — Женька тракторист, тихий, рассудительный и непьющий молодой парень, который жил одиноко и от скуки околачивался у клуба. Через несколько лет, как слышал Игорь, он всё-таки женился и стал ударником труда, а потом депутатом.

Другая фигура — Ванька-кузнец, постоянно пьяный, не пропускающий никого из прохожих, чтобы "поговорить". Говорил он всегда одно и то же бессвязное: "Ванька! ... Ванька ещё так, ... если кто Ваньку ... ". Говоря так, он скрипел зубами, медленно сжимал кулаки так многозначительно, как будто они у него были пудовые и очень могучие. Но Ванька был совершенно безобидным — никто не видел, чтобы он когда-нибудь кого-нибудь стукнул, или просто обидел. Один раз ребята шли вдоль забора, с другой стороны забора шёл Ванька. Пиня, непонятно зачем, вдруг позвал его. Когда Ванька подошёл, Пиня пошутил: "А теперь х.. тебе, Ванька!". Пине было интересно, что будет делать Ванька, ведь между ними забор. Но тот взревел и бросился к ребятам со страшным выражением лица вдоль забора. Пиня испугался и побежал, побежали и другие вдоль забора, с другой его стороны, Игорь, поневоле, за ними. И вдруг сообразили, что забор-то кончается. Остановились у калитки — со страхом стали ждать. Запыхавшийся Ванька подбежал, остановился и вдруг спокойно попросил: "Ребятки, дайте закурить"! Все от неожиданности такого поворота и от облегчения громко расхохотались и дали Ваньке закурить.

Но самой колоритной фигурой — это был Коля. Коля — местный дурачок. Он доучился в школе до четвёртого класса, после чего учителя заявили, что дальнейшее продвижение его в постижении знаний бессмысленно и невозможно. Он стал просто болтаться по улице. Коля всегда улыбался тихой стеснительной улыбкой. Игорь никогда не видел лица Коли без улыбки. Он был очень добродушный и никогда ни на что не обижался. А стеснялся он очень забавно. Многие над ним часто подтрунивали, чтобы увидеть его стеснительную улыбку — он же не обидится. Его спрашивали: "Коля, а не пора ль тебе жениться? Невесту-то себе нашёл"? Коля краснел, поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, как бы пряча глаза, сияя стеснительной, неповторимой улыбкой. Не рассмеяться, было невозможно, Коля тоже издавал нечто, похожее на смех: "Гы! Гы"! Ему нравились подобные вопросы.

Кто-то из совхозного начальства решил: пускай, мол, по-работает — чего парню болтаться. Устроили Колю кочегаром. А работать он обучился, и работал нормально. И вот пришло время первой зарплаты. Получив деньги, Коля сразу куда-то заторопился. Как раз подошёл автобус на Лугу, и он бегом на него. Женщины, работающие рядом с ним, забеспокоились: "Как же он один поехал? Он же, как ребёнок". Но беспокоились зря. Коля приехал. Он гордо вышел из автобуса в новой фетровой шляпе. Женщины потом рассказывали то, что попытались спросить у Коли. Шляпу он купил ту, о которой давно мечтал. Шляпа была, как у директора, только у директора. Директор — главный, его возят на машине, его все слушают. Коля хочет быть директором.

Через много лет Игорь вспомнил того Колю, когда совсем уже надоели все эти вывески и слова, режущие русское ухо: "Бутик", "Шоп", "Офис", "Менеджер", "О кэй", "Вау!" и много, много других. А ещё мода петь на именины: "Хепи бёст ду ту ю", причём, именно вот с таким русским звучанием и без понимания слов. Причём тут Коля? Да, притом, что все поклонники этих модных наборов слов — это те же самые "Коли". Коля купил и надел шляпу, чем и приблизился к мечте быть директором (директор живёт хорошо). Эти самые "Коли" освоили американские словечки, чем "приблизили" себя к "Хепи", к мечте быть американцами (американцы живут хорошо). Но различие между ними всё же есть: у "Колей" нет доброй, застенчивой улыбки, какая есть у Коли. Но зато у них есть неуважение к своему языку — языку своих отцов, а значит неуважение к самим же себе. А вот таких людей во все времена называли холуями, или быдлом.

Кроме Коли была ещё одна женщина, страдающая слабоумием, и более серьёзно. Звали её Поля, а жила она в деревне в нескольких километрах от совхоза. Она совсем не умела считать и плохо говорила. Встретив как-то ребят в лесу с корзинками под грибы и с пойманным ёжиком, она, как-то ни к кому не обращаясь, произнесла: "Ебятки ёика исут". Это, видимо, означало: "Ребятки ёжика несут". Она выходила из дома только в магазин. Продавцы её знали, и когда она что-нибудь

покупала, ей давали сдачу, собрав всю мелочь, какая была в наличии. Поля шла домой счастливая, останавливая всех встречных и рассказывая им о своём счастье: Она дала одну бумажку, а ей дали то, что она хотела купить и ещё много, много денег. "Вот, смотрите, сколько". А вот когда в магазине не было достаточно мелочи, ей давали сдачу бумажками, а это для неё было "мало", и она расстраивалась, она была несчастна, даже иногда плакала.

У Валентины Ивановны официального документа дошкольного воспитателя не было, и она училась заочно, для чего ей иногда приходилось ездить в Зеленогорск. Одну такую поездку Игорь запомнил. В последние дни апреля стояла отличная тёплая погода, все ходили раздетыми, и мать поехала в Зеленогорск налегке, в одном платье. А в первых числах мая, когда она возвращалась, вдруг погода испортилась — пошёл снег, да ещё с лёгкой метелью. Дорога не близкая — почти целый день в пути. Но всё же Валентина Ивановна добралась до дому, слегка только простудившись. Такова Ленинградская погода. Снег в первых числах мая после жаркой погоды в последних числах апреля бывает нередко. Это Игорь заметил, следя непроизвольно за погодой в это время года после слуха с Валентиной Ивановной.

Уезжая в командировку, мать оставляла Игорю деньги на продукты, которые он экономил, как мог. В основном сэкономленные деньги шли на папиросы. На этот раз перед приездом Валентины Ивановны у Игоря осталось целых десять рублей, которые можно было потратить на что угодно. Они с Жиганом думали не долго — пошли в магазин и купили бутылку вина. Выбрали, конечно, самое дешёвое. Это было вино "Фруктовое" за девять рублей с пробкой, залитой сургучом, и с различными фруктами, изображёнными на наклейке. Вино выпили в комнате у Игоря, закрывшись предварительно на ключ. Вино было приятное, сладкое, чуть, чуть щиплющее язык. По телу разлилось тепло. Стало спокойно и приятно. Они долго сидели и разговаривали, довольные собой. Они постепенно всё больше и больше уважали себя. Они гордились собой.

Вкус этого первого вина запомнился Игорю надолго. И вспомнил он его через четверть века, благодаря одному случаю. Будучи в Москве в командировке, Игорю понадобилось навестить одного хорошо знакомого москвича по служебным делам. Тот пригласил его к себе в дом. Идти в гости с пустыми руками не принято. Игорь стал искать подарок, и после долгого мучительного поиска остановился на португальском портвейне в большой пузатой плетёной бутылке. Он сам или его друзья такое дорогое и бесполезное вино никогда бы не купили. А здесь — в самый раз. Презент оказался удачным — всем в доме друга вино очень понравилось. И тут, как только Игорь пригубил бокал, его как током ударило — такой знакомый, такой родной вкус: "Да это же то самое, знакомое с детства фруктовое вино — один к одному"! Видимо, технология изготовления была, если не такой же, то весьма близкой. Перед глазами Игоря с первым глотком португальского портвейна сразу же возникла, как живая, сосредоточенная и очень довольная физиономия Жигана, ковыряющего сургуч на горлышке зелёной бутылки. Но разница была. И была она в том, что "Фруктовое" было самое дешёвое из всех тогдашних отечественных вин, а цена португальского портвейна была на уровне изысканных дорогих вин. Качество продуктов в те времена было хорошее при невысокой цене. Главное — продукты были все натуральными. Игорь помнил вкус водки того времени. С шестидесятих годов вкус всего спиртного начал приобретать горечь, горечь желчную, неприятную, какую-то деревянную, цена при этом постоянно повышалась. А в те времена бутылка водки стоила: "Ленинградская", которую в народе звали "сучок" — двадцать один двадцать, а "Московская" — двадцать четыре пятьдесят. После выпитой впервые водки у Игоря не было такого приятного впечатления, как от вина. Угостил его друг на какой-то праздник, позвав Игоря, проходящего мимо, к себе в дом. Там родители друга посадили его за праздничный стол и налили ребятам по стакану водки. Ребятам стало хорошо, и, когда родители ушли, они выпили ещё. Стало совсем хорошо и весело, захотелось куда-нибудь идти — они пошли в клуб в кино. Там, в темноте, Игорю стало плохо — нечем было ды-

шать, раздражал громкий звук, на экране что-то там мельтешило. Он перестал что-либо понимать: "Где он? Что происходит? Что там мелькает на экране? Почему и зачем там так громко орут? Скорее! Скорее! Куда-нибудь! На свет! На воздух!". Кое-как Игорь пробрался к двойным дверям, выходящим прямо из зала на улицу. Обессиленный, он сел между дверьми. Голова не соображала: "Куда идти? Ага, звук! Где звук — там кино. Значит не туда, а в другую сторону. Но звук навис со всех сторон. Где же выход?" И тут Игорь заметил спасительный свет из тоненькой щелочки между створками двери: "Туда!" Вдохнув свежего воздуха, он пришёл в себя. Игорь пошёл домой и лёг там спать. Но эти мерзкие ощущения, к сожалению, не вызвали отвращения к водке, от которой Игорь в дальнейшем не отказывался, когда, конечно, ему предлагали.

Позже произошёл случай, который нельзя забыть. Игорь находился дома. Читая книжку, он задремал, лёжа на кровати, когда неожиданно вбежала запыхавшаяся соседка со словами:

- Валентина Ивановна, идите скорей. Там Ваш сын пьяный!
- Что ты говоришь? Вон он спит на кровати!
- Да не этот, а другой! — сказала соседка и ушла.

Валентина Ивановна ничего не понимала — Вадику было тогда пять лет. Она пошла разбираться. Игорь за ней следом.

На лестнице в доме Вадик и его друг Колька дрались. Они делали это точно так, как взрослые мужики — размахивали руками и поливали друг друга матом, такими же словами, какие употребляют все пьяные мужики. Третьего друга, завёрнутого в простыню, носила на руках его мать вокруг дома, качая его, как младенца. Он был очень бледный и почти не дышал. А случилось так, что троицу неразлучных друзей вместе с другими пригласили на день рождения к двум ровесникам, братьям. Все они были из одной группы детского сада. А там все сели за стол вместе со взрослыми. Ну, а какой праздник без выпивки? Кто-то из взрослых из любопытства налил детям бражки, мол, сладкая, как лимонад. Детям бражка очень понравилась — захотелось ещё. Вот так и упилась вся детсадовская группа.

Игорь очень часто ссорился с матерью на протяжении всей жизни, иногда ссора кончалась тем, что сын "убегал из дома". Уже через неделю, как правило, ни один из них уже не помнил причину ссоры. Причина, видимо, была в разнице характеров, а, возможно, в воспитании сына, избалованного с раннего детства, да, вероятно, была в какой-то мере и их психологическая несовместимость. Валентина Ивановна относилась к сыну покровительственно свысока, как к вечному ребёнку, часто говоря: "Я же тебя выродила. Ты же моя кашка". Игорь же считал такое отношение неуважением к себе и злился, когда мать его не понимала и никогда не слушала, и не пыталась понять то, что он говорил. Они были очень разные. Игорь позже, думая об их отношениях, пришёл к выводу для себя, что они с матерью такие разные оттого, что он пошёл в отца, и что без него пришлось заниматься воспитанием сына одной матери — это их большая трагедия. Игорь представлял их ситуацию в отношениях с матерью на примере, случающемся в природе. Курице, высиживающей яйца, подложили утиное яйцо, из которого вылупился, разумеется, утёнок. Утёнку необходимо плавать, и он рвётся к воде. Куриным же деткам, среди которых утёнок, вода — смерть. Курица не пускает утёнка к воде, постоянно отгоняет его, а утёнок всё время рвётся плавать. Это их беда — курицы и утёнка. Валентина Ивановна оценивала слова и поступки сына, глядя на них своими собственными глазами, исходя из своих понятий. Даже хорошие дела сына она не всегда одобряла. Например, когда Игорь поступил в университет на матмех, мать не была рада, но, понимая чисто механически, что это хорошо, только сказала: "Ой! Зачем же математика? Я так всегда её не понимала, так не любила". Хотя Игорь и не слушал никогда мать, что и приводило к скандалам, но на характере его влияние матери всё же сказывалось. Ведь обоюдное влияние подспудно на характеры друг друга при тесном общении двух людей неизбежно всегда. Валентина Ивановна была нерешительной, неуверенной в себе. Это, как считал Игорь, передавалось и ему. Ведь все родственники по отцу выделялись чувством собственного достоинства и спокойной уверенностью

в характере всегда. Игорь же выделялся двойственностью характера — то очень твёрдый, то слишком мягкий и нерешительный.

В первый же день, как только приехали в совхоз, произошла ссора Валентины Ивановны с сыном, как обычно, из-за какого-то пустяка. Взбешённый Игорь бросился "в бега". Он вылетел раздетый на улицу и через дворец побежал к озеру. Валентина Ивановна следом за ним с рёвом. Догнав Игоря, мать со слезами пыталась что-то толковать, корить, обвинять. Сын стоял молча, насупившись: "Всё одно и то же, всегда одно и то же. Сколько можно?". Валентина Ивановна, наконец, обессилив от уговоров, легла прямо на траву и просто плакала. Игорь, немного постояв, тронул мать за плечо: "Пошли домой, а то холодно. Простудишься". Они медленно пошли домой, но каждый остался, как всегда, при своём мнении.

Каждый раз, когда Игорь пускался в бега, он не удалялся дальше Луги. Два раза его возвращала домой милиция. В первый раз Игорь ждал на вокзале поезда до Новгорода, где жила тётка Маня, думая остановиться пока у неё, а потом уже решать: что делать дальше. Было тоскливо и холодно, и очень хотелось есть. Напротив, на скамье в зале ожидания деревенская женщина достала солёный огурец и протянула парнишке, видимо сыну. Огурец был огромный. Мальчишка аппетитно хрустнул сочным огурцом, зажатым в кулаке. У Игоря потекли слюнки — так захотелось хрустнуть таким же большим, таким же сочным солёным огурцом. Тут и подошёл к нему милиционер с вопросами: "Кто такой? Куда едешь?". Он отвёл Игоря на второй этаж в маленькую комнатку. Отвечая на вопросы, Игорь врал, как мог. Его данные, с его слов, передали куда-то по телефону. Когда по телефону, где-то уже через час, ответили по данным на него, милиционер лениво с усталым видом сказал Игорю: "Ну что? Наговорил нам тут? Да мы уже знаем — кто ты. Тебя тут давно ищут. Ночь посидишь здесь, утром за тобой приедут". Игоря оставили одного под присмотром дежурного. Это был молоденький милиционер, чуть старше Игоря. Мальчишка-милиционер, важничая, стал красоваться перед

“охраняемым преступником”, вытаскивая поминутно наполовину саблю из ножен без всякой надобности. Тогда милиция ходила с саблями. Потом, решив, наверное, вызвать окончательно зависть у Игоря, достал из кобуры свой табельный пистолет и начал его разбирать и чистить, косясь при этом в сторону Игоря. А Игорь вовсе и не завидовал — ему хотелось спать. Он скрючился на короткой скамеечке, и, несмотря на большое неудобство, всё же, наконец, заснул.

Утром за ним приехала почему-то не Валентина Ивановна, а её заведующая из детсада, и почему-то на мотоцикле с коляской. И уже через несколько минут беглец оказался дома. Пришла мать, держа в руках купленные, к большому удивлению Игоря, солёные огурцы. Он тут же взял самый большой из них, и с великим наслаждением стал хрустеть им как тот мальчишка на вокзале.

В другой раз милиция остановила Игоря в Луге ещё далеко до вокзала, как будто его там только и ждали. Видимо, Валентина Ивановна уже успела позвонить по телефону, и он сразу же попался на глаза. На этот раз беглеца отвели в городское отделение милиции, где он просидел весь вечер. Рядом с Игорем сидел очень странный тип с лицом землистого цвета, и со странной фамилией — Каргу Ерго Эдуардович. Он был грязный, невытый, плохо пахнувший на всё помещение, очень плохо говорил по-русски, отчего с ним долго возились, устанавливая личность. Оказалось — это молдаванин, не знающий, где он находится и куда путь держит. Когда приехала Валентина Ивановна за Игорем, пожилой милиционер, отпуская его, кивнув в сторону молдаванина, сказал: “Ты таким хочешь быть? А?”.

Оставалось несколько дней до экзаменов в школе. Но Игорю было не до экзаменов. Он шёл, куда глаза глядят, только бы подальше от дома. Шёл он по шпалам в сторону Луги по ветке, ведущей из Новгорода. Стояла жаркая погода, очень хотелось пить, с утра Игорь вышел натошак — очень хотелось есть. Подходя к Луге, он заметил маленький, закрытый на замок ларёк. Мелькнула мысль: “А что, если забраться в ларёк? Никого кругом нет. А там, наверное, есть лимонад и что-ни-

будь поесть?". Игорь отогнал эту мысль, и, не решаясь идти на вокзал, стал слоняться по путям, а потом пошёл в город. К обеду стало очень тоскливо от нечего делать, хотелось и есть, и пить. Встал вопрос: "Ну! И что дальше?". И Игорь направился назад, в совхоз. В совхоз он заходить не стал, чтобы его никто не увидел, но надо было встретить хоть кого-нибудь из ребят — очень хотелось есть. Первым Игорю попался Вареник. Отозвав того в сторонку, Игорь договорился с ним, чтобы он принёс что-нибудь поесть на речку к большому мосту. В ожидании Вареника Игорь принялся за постройку шалаша на островке рядом с мостом из кустов ольхи, заросли которых делали островок непроходимым. Шалаш получился отличный, плотный, и даже с дверкой, держащейся на петлях из лыка. Вареник пришёл поздно, когда Игорь потерял уже надежду. Он принёс хлеба, соли, три сырых яйца, а главное, папирос и спичек. Предупредив Игоря, что яйца сырые, Вареник посоветовал: сварить яйца можно, закопав их в земле под костром. Хорошо Игорь догадался завернуть яйца до запекания в лопухи — они все полопались, и есть было неудобно, но можно. На месте чьего-то старого костра, прямо у воды Игорь развёл костерок, сварил яйца и наконец наелся. Наступила пасмурная, тёмная ночь. Насытившийся Игорь закурил, открыв на время свою дверцу, чтобы выгнать на ночь всех комаров. Было тоскливо одному и немного страшновато в непроглядной темноте. Но усталость от тяжёлого дня дала себя знать. Игорь быстро уснул, замурованный в своём шалаше. Разбудил его ужасный грохот. Он догадался — гроза. Грозы Игорь никогда не боялся, но грохот раздавался, оглушая его, прямо, как ему казалось, над самой головой. Наконец раскаты стали удаляться, и пошёл дождь, перешедший в сильный ливень. Под монотонный, убаюкивающий шум дождя Игорь уснул. Вдруг раздался ужасный крик прямо над ним. Игорь оцепенел, волосы встали дыбом, он не мог шевельнуться от ужаса. Крик повторился. Когда крик повторился снова, перепуганный бедняга догадался — это сова, или филин. Успокоившись понемногу, не обращая больше внимания на эти крики, Игорь опять продолжил прерванный сон. Проснулся он

от укусов комаров. В шалаше стоял сплошной, монотонный комариный писк. Бедняга стал открывать свою дверцу, но дверца не находилась. В темноте он стал тыкаться головой во все стороны — дверцы нигде не было. Игорь запаниковал, хоть плачь, комары всё кусались. И, наконец, дверца открылась, он выбрался наружу и поразился: светило яркое солнце, вокруг пели птички на все голоса, но главное — вокруг ни одного комара. Все комары с острова собрались в его шалаше.

Днём пришли ребята, нанесли продуктов, кто что смог. Рассказали, что его кто-то видел, или кто-нибудь проболтался из своих. Директор школы велела передать ему, что ждёт его завтра в школе для разговора, потому что послезавтра начнутся экзамены, а на экзаменах он должен быть. Весь день Игорь провёл на острове в компании друзей, рассказывая про свои ночные кошмары, а вторая ночь на острове прошла тихо и спокойно.

Поутру Игорь решил, что к директору надо идти. К директору можно. Его тяготила только встреча с матерью — на этот раз в ссоре с ней он чувствовал свою вину. У директора его ждала Валентина Ивановна. Разговор для него был тяжёлый. Но всё, наконец, закончилось.

С этой поры Игорь считал остров своим. Все соглашались, никто не спорил. На следующее лето, бродя с удочкой по речке, Игорь зашёл на остров. Он сидел и курил у старого кострища, глядя на развалившийся высохший шалаш. Взгляд его упал на торчащее что-то из земли среди золы кострища. Когда Игорь, поддев, выковырнул то, что торчало, он был поражён. Это была граната. Граната в костре, горевшем не один раз на этом месте? Как она не взорвалась? Как он не заметил её, когда варил яйца? Дома Игорь очистил гранату от ржавчины. Проверил боёк. Боёк исправно работал. Уйдя подальше в лес, накрошив для верности спичечных головок на то место, куда ударял боёк, он стал бросать гранату, прячась в укрытии. Ничего не получалось. Игорь подумал, что сгнил запал. Но когда в разведённый ребятами костерок на сухом дне старого фонтана перед дворцом бросили этот запал от грана-

ты, запал взорвался, разметав костерок по сторонам. А сама граната осталась валяться в сарае Игоря.

Важные события в стране Игорь почти не заметил — они его мало трогали. Сына разбудил плач матери. Она плакала громко. Встревоженный сначала Игорь успокоился, когда Валентина Ивановна сказала: "Сталин умер! Что же теперь будет? Что будет?". Игорь очень удивился тому, что мать так уж переживает. Потом подумал: "Да за компанию! Весь народ скорбит — и она скорбит". А Валентина Ивановна сказала: "Какой же ты бесчувственный".

После смерти "Великого" ничего не изменилось — ни войны, ни революции не случилось. Но только наблюдательный Игорь отметил один факт. Только один факт.

После денежной реформы сорок седьмого года каждый раз 1 марта объявлялось снижение цен безо всяких предварительных обещаний, газетных статей и лозунгов. Народ к этому привык — каждый уже знал и был уверен в том, что 1 марта будет снижение цен, и станет народ немножечко жить лучше. В 53 году снижения не было. Игорь обратил на это внимание и подумал, что о снижении цен просто забыли, что было не до того: "За три дня до смерти «Отца народов», — какие уж тут снижения цен?". Но ни в следующем году, ни в последующие десятилетия вопрос о ежегодном снижении цен был забыт навсегда и народом и всеми генсеками. Иногда всё же о снижении цен объявлялось громогласно, например, на синтетику, которую некуда стало девать, и в то же время "мелким шрифтом", как бы исподтишка, объявлялось о маленьком повышении цен "по просьбе трудящихся" на товары первой необходимости.

Этот факт говорил о том, что злой "тиран" Сталин всё же больше уделял внимания нуждам людей, чем все остальные добрые и демократичные правители страны после него.

По сравнению с теми ребятами, у которых отцы вернулись с войны, дети погибших на фронте солдат жили в бедности. Пенсия, которую ещё и не все получали, за погибшего на фронте воина была мала. Например, Игорю платили ежемесячно за отца

240 рублей (цена десяти бутылок водки). За рядового солдата было ещё меньше. А детей солдат, не вернувшихся с войны, было много, и жили они в нужде, а из одежды носили резиновые сапоги да фуфайки, какие носили люди на работе, солдаты и заключённые. Для Игоря было в радость, когда мать купила ему кирзовые сапоги, чтобы ходить в интернат. Уже в десятом классе Валентина Ивановна купила сыну зимнее суконное полупальто с меховым воротником, которое Игорь окрестил "скобаркой", потому что их приобретали небогатые сельские жители, — они стоили очень дёшево. Мать всегда и всё покупала "на вырост", а сын после шестнадцати взяда и перестал расти, и скобарка была ему великовата даже после Армии.

Дети — есть дети. А в этом возрасте совершенно безразлично — кто во что одет. Но один раз Игорь застеснялся, когда приехал в Ленинград на каникулы в своей фуфайке к Жигану, а его позвали к какому-то дальнему родственнику — генералу. Там они натаскали дров со двора в квартиру, и их посадили за стол пообедать. За большим богато накрытым столом, в шикарной квартире, в компании генерала с двумя молоденькими дочками Игорь в своей одежде выглядел нелепо, и чувствовал себя очень неудобно.

К Жигану в Ленинград Игорь нередко приезжал на каникулы. Жиган был очень деловой, и никогда не сидел без дела. В очередной раз приехав к нему, Игорь узнал, что Жиган работает. На немой вопрос Игоря мать сказала: "Да на почте он подрабатывает. Сейчас придёт". В канун Нового года почтовые отделения всегда завалены поздравительными телеграммами. Для своевременной доставки этих поздравлений почта вынуждена привлекать дополнительные силы. Этим и занимался Жиган. Забежав домой на минутку, только перекусить, он потащил Игоря за собой на почту за новой порцией телеграмм. На почте платили немного, но разносчикам перепало "на чай" от благодарных адресатов. Обрадованные поздравлением радушные хозяева всегда что-нибудь совали ребятам — кто трёшку, кто пятёрку, кто тащил за праздничный стол, а чаще просто наливали стакан. Жиган заметил, что в богатых квартирах, где жили профессора или генералы, давали мень-

ше, или совсем ничего, а вот в квартирах, где жили работяги, наоборот, люди были радушнее и веселее, могли и силком заставить за стол — праздник же. Насобирав достаточно "чаевых", друзья шли в магазин, где традиционно покупали любимую крепкую водку "старку".

Чем только не занимался предприимчивый сообразительный Жиган. На Московском вокзале, где сейчас выход из метро прямо на вокзал, стояло много ларьков. Он, раздобыв что-нибудь вроде швабры, шарил ею под ларьками. Там, оказывается, всегда была какая-то мелочь, оброненная покупателями, а иногда и рубли. Один раз им повезло — набралось целых двадцать пять рублей, на которые тут же была куплена бутылка водки.

Утром Жиган уходил на работу, а Игорь целый день болтался по городу. С утра он покупал самые дешёвые билеты в кино на вечерние сеансы в несколько кинотеатров. Вечером перед началом сеансов друзья билеты продавали, увеличивая цену раза в три, а то и в десять, если кино было интересным. Тогда люди активно посещали кинотеатры — телевизора-то не было. Спекуляцией на билетах занимались многие. Занимались постоянно и профессионально, а называли они себя "бакланами", у которых была и конкуренция, были и "свои территории". Один раз друзья чуть не нарвались на неприятности. В кинотеатре "Родина" в подвальчике около пустующих касс кинотеатра их окружила толпа бакланов. Они были для них конкурентами на чужой территории и заслуживали наказания. Один, особенно активный, всё крутил ножичком перед носом Жигана. Но всё обошлось — в подвальчик спустились люди, и друзья не мешкая вышли наверх.

ИНТЕРНАТ

В совхозе была школа семилетка. Обязательным всеобщим образованием тогда ещё было семь классов. В десятилетку шли учиться те, кто желал получить аттестат зрелости и идти

учиться дальше. В совхозе таких почти не было. Большинство выпускников школы сразу же уезжали в Ленинград в ремесленное училище и становились, в основном, малярами, штукатурами, сантехниками и другими рабочими, живя многие годы в общежитиях. Но вот в соседнем совхозе создали десятилетку, а при ней интернат, куда записались в восьмой класс ученики, живущие по разным близлежащим деревням. Из совхоза изъявили желание учиться в интернате несколько мальчиков и девочек. Школьникам обеспечивалось только проживание, а питаться они должны были самостоятельно. Мать Игоря решила — сын должен получить аттестат. У Валентины Ивановны сразу возникла проблема — у Игоря была годовая двойка по поведению за шестой класс, отчего ей отказали в зачислении сына в школу. Взяв Игоря с собой, заручившись какими-то бумагами от школы и от директора совхоза, мать пошла повторно со слезами с просьбой к директору школы. Тот, после долгих разговоров, взяв с Игоря обещание — вести себя хорошо, зачислил, наконец, его в восьмой класс.

Большинство восьмиклассников новой школы были местные и, знакомые между собой много лет, чувствовали себя, как дома. А вот бедные интернатские чувствовали себя, в отличие от местных, скованно — всё для них было новым, чуждым и незнакомым. А порой они выглядели довольно глупо. Это приводило, иногда, к весёлым, забавным ситуациям. Когда учитель на первой переключке в классе произнёс: "Петров!" — встали двое, учитель добавил: "Петров Евгений!" — оба остались стоять, и учителю пришлось продолжить: "Петров Евгений Иванович?" — оба Петровых стояли, поглядывая друг на друга. Когда всем стало понятно, в чём дело, посыпались весёлые предложения называть тёзок: "Петров белый и Петров чёрный, Петров первый и Петров второй". А вопрос решался просто: одного из Петровых сразу отправили в параллельный класс "Б". Одного новичка по фамилии Уткин вызвал к доске в первый раз директор. А Уткин строгого директора, видно, уж очень боялся — урок выучил, похоже, аж наизусть. Директор вёл предмет "Анатомия и физиология человека". Уткин весь какой-то негнувшийся, как деревянный, вы-

шел к доске и начал громкими, не своим голосом, словами: "Автономия и физиономия человека — это... ". В классе, конечно, поднялось веселье, которое, в конечном итоге, снимало скованность, довлеющую над новичками.

Вначале интернат размещался по частным домам, это уже позже всех учащихся интерната поселили непосредственно в школе: девочек на первом этаже, мальчиков на втором. В частном доме, куда распределили Игоря с его друзьями, хозяином был весёлый старик, который развлекал ребят интересными рассказами. Революция застала его в Финляндии. Новое правительство финнов, получившее, благодаря Ленину, право на самоопределение, не знало, как поступить с русскими солдатами, ставшими теперь чужими. И решили считать их пленными. Но рачительные финны, не желая кормить даром ораву пленных, поступили просто: распределили всю эту ораву по бесчисленным своим хуторам. Хозяева были очень довольны таким большим количеством батраков, а солдаты и того больше. Ведь батрак в Финляндии, совсем не то, что в России, а как член семьи, и обедает со всеми за одним столом, если только, конечно, работает честно. Особенно поражал русских быт хуторян. Живя семьями обособленно на своих далеко затерянных хуторах, хуторяне не особенно-то стеснялись друг друга — не краснели, представая нагишом перед противоположным полом, и мылись в бане все вместе. Наш юный, в те годы, рассказчик никогда не забудет, как молодая дочь хозяина буквально издевалась над ним, самым молодым из пленных чужаков. Она заходила в баню мыться раздетая и сразу же приставала с хохотом к нашему молодому батраку, предлагая то попарить веником, то спинку потереть. А тот, бедный, пряча своё возбуждённое естество, забивался на верхнюю полку парилки под общее веселье.

Дом, куда поселили ребят, находился прямо на берегу озера в деревеньке, прилегающей вплотную к совхозу, а школа находилась на противоположном конце. Из школы возвращались в сумерки. Свободного времени у ребят совсем не было — всё уходило на приготовление уроков и пищи для себя.

В эту осень Игорь надумал закаляться. Он поставил себе задачу: каждый день утром умываться на озере до тех пор, пока это возможно. Интересно было знать: "До морозов? До первого снега? Или до весны?". Сначала получалось здорово. Каждое утро Игорь, гордый и важный собой, шёл, растёртый докрасна полотенцем, совсем не чувствуя холода даже тогда, когда приходилось разламывать ногами корочку льда на озере, преодолевая болезненные уколы льдинок. Он смотрел в это время с удивлением на прохожих, жмущихся от холода в свои уже зимние воротники. Но закаливание его завершилось неудачно. По вечерам Игоря стал одолевать кашель, а внутри что-то хрипело и булькало. Пришлось обратиться к врачу. Врач определил: плеврит. Когда Игорь, уступив настойчивости доктора, признался по секрету, что он курит, тот сказал: "Брось курить, и всё пройдёт". Так и вышло: через месяц, как только Игорь забыл о папиросах, кашель прекратился.

Валентина Ивановна всегда была внимательна к интересам сына. В то время коньки с ботинками были не у каждого — дорого. Мать сама, как когда-то в Елизаветино, решила купить сыну коньки, и дала ему на них деньги. Игорь был рад подарку, не терпелось обновить новые коньки, и он взял их с собой в интернат, ожидая морозов. Пришёл первый по-настоящему морозный день, и ребята, вернувшиеся из школы, не заходя в дом, побежали опробовать лёд. Игорь задержался, чтобы обуть коньки. Встретив возвращающихся с озера друзей, он спросил: "Как лёд?". Кто-то сказал: "Там дальше хороший, и много места". Из-за построенной недавно плотины озеро разлилось, образовав две береговые линии — старую и новую, между которыми торчали коряги и отмирающие кусты, так что разогнаться было негде. Тот, кто сказал "там дальше", имел в виду открытое чистое место дальше по берегу. Игорь этого не понял и понёсся радостный на своих новых коньках подальше от берега. Вдруг неожиданно он увидел, что буквально в пяти метрах от него идут круги по воде, покрытой ледком кристаллической формы. В доли секунды Игорь соображает: "Он держится только за счёт большой скорости. Если повернуть, то от нажима он сразу провалится, а если ...". Игорь повернул и

плашмя распластался по воде. Со страху он не помнил, как, работая руками и всем, чем мог, оказался на поверхности льда. Прополз для верности уже по льду ещё метров десять, а, уже почувствовав, что лёд крепкий, встал и оглянулся: дорожка ломаного льда — его след, была метров двадцать. Придя в дом весь мокрый, Игорь рассказал друзьям о случившемся. Те сначала поверили, но потом кто-то заметил: "Ты что заливаешь? У тебя задница сухая". Ребята заспорили. Двое из них даже пошли посмотреть на место, чтобы проверить. Они вернулись вскоре со смехом, выражая удивление: "С какой же это скоростью надо было плыть, чтобы зад не замочить?".

Каждую субботу интернатские отправлялись по своим домам, чтобы повидать родных, пополнить запасы провизии и отдохнуть. Питание на неделю каждый приносил то, что мог. Готовили ребята себе сами. Валентина Ивановна собирала на неделю сыну котомку, наподобие солдатского вещмешка, которая содержала только самое необходимое. Это были: две буханки хлеба, чёрного и белого, картошка, макароны, небольшой кусок мяса для супа, килограмм сахара, большую банку клубнично варенья из магазина, комбиджир или маргарин, иногда дешёвая полукопчёная колбаса. Большинство ребят чаще всего варили суп с макаронами и картошку или макароны на второе. Воду брали из колодца, и держали её в огромном баке. Вода здесь была очень плохая, какая-то пресная и мыльная на вкус. Она содержала очень много солей, и к ней надо было долго привыкать. Игорь не мог пить просто воду — противно. Он пил только чай, крепко заваренный, и с вареньем, для чего и брал его из дома постоянно.

На ребятах лежали ещё общие обязанности, которые они исполняли по очереди, установив дежурство. Дежурные приносили дрова для плиты, где готовили пищу, и для печки, которая топилась для тепла, делали уборку помещения, таскали воду из колодца и выносили отходы (помои).

Дорога в субботу домой казалась быстрой и лёгкой, а вот в школу была тяжёлой и неприятной. Несколько раз ребят от-

возил на машине совхозный шофёр, отец одной девочки. Но такой способ почему-то не прижился. От него отказались, особенно после одного раза, когда поехали в мороз в двадцать пять градусов при очень большой влажности. Хотя все и спрятались за кабину грузовика, прижимаясь друг к другу, накрытые чем-то с головой, но когда приехали, то не могли самостоятельно выбраться из кузова, так окоченели руки и ноги, что не разгибались. Так что ходили ребята на выходной из школы и обратно пешком.

Если отправляться в дорогу утром в понедельник, то вставать надо было очень рано — дорога занимала в зимнее время чуть ли не два часа. А вечером было трудно оторваться от друзей, от дома, да и кино хотелось посмотреть. И в первом, и во втором случае было неудобно, да и боязно идти по лесу в тёмное время зимой. Так что в школу ходили, кто, когда и как мог: кто вечером, а кто утром; когда вместе, а когда и врозь. Собраться всем сразу вместе было очень сложно. Часто, особенно первый год, Игорь ходил один. Одному идти по лесу, особенно выходя вечером, было страшновато. Неприятным было одно место, где лес был густой, и кроны деревьев, смыкаясь сверху, образовывали тёмный коридор.

Однажды перед входом в этот коридор Игорь вдруг краем глаза увидел нечто, отчего вздрогнул. Посмотрев на то, что его так испугало, он успокоился, увидев двухметровый остаток сваленной бурей огромной ели с острыми концами-пиками на сломе. Игорь подумал: "Какого чёрта он испугался? А-а! Похоже на медведя?". После этого, каждый раз проходя мимо этого "медведя", Игорь невольно внимательно смотрел на него. Он старался на него не смотреть, но глаза не слушались. Он убеждал себя каждый раз: "Ну, пень это. Просто пень!". Но Игорю казалось, что этот пень-медведь смотрит ему вслед. И приходилось делать усилие, чтобы сохранять спокойствие, не оглядываться и не ускорять шаг.

Один раз, уже пройдя "тёмный коридор", Игорь полностью расслабился, повеселел — дальше дорога шла по открытой светлой местности до конца пути. Вдруг ему показалось, что кто-то сзади как будто смотрит на него. Ощущение это не

проходило, и Игорь оглянулся: вдалеке, где-то в сотне метров, мелькнули зелёные огоньки. Пройдя несколько шагов, он оглянулся снова, стал пристально смотреть и опять увидел зелёные огоньки, а в стороне ещё и ещё. Теперь Игорь не сомневался — это волки. Он волков не боялся. Ещё в Железо от Славкиного отца он знал, что волки всегда сопровождают человека в лесу, но никогда на него не нападают. Конечно, бывают исключительные случаи, но тогда волки не будут сопровождать человека — они нападут внезапно. Игорь только жалел, что нет ружья: "Тогда бы совсем было спокойно". Но, когда он узнал, что волки растерзали пса, который жил на птичнике, что был в лесу по дороге в школу, он перестал ходить в тёмное время. Пёс тот был огромный и умный, никогда не брехал попусту, хотя и сидел большее время на цепи. Когда его отпускали с цепи, на людей он не нападал, за исключением велосипедистов, которых пёс не мог переносить и немедленно сбивал с налёту велосипед, не трогая самого человека. Все это знали, и ребята, которые часто ходили по грибы с велосипедом, проходя через птичник, спешили и шли спокойно своей дорогой. Хозяин пса рассказал, как трагедия произошла на его глазах. Волки на птичник зимними ночами приходили часто. Каждый раз они крутились вокруг будки пса, пытались достать своего злейшего врага. Понимая, что силы не на его стороне, пес из будки не вылезал. На шум выходил хозяин с ружьём, стрелял в воздух, и волки уходили. А в этот злополучный день волки применили хитрость. Перед будкой появилась одна волчица, как бы миролюбиво настроенная, приглашая пса к общению, долго крутилась у будки, в то время как остальные волки тихо ждали за будкой. Увидев такую картину, почуввав недоброе, хозяин бросился за ружьём, но он опоздал. Пёс, видно, поверил ласковой волчице и вылез из будки — мгновений хватило на расплату, и от него остался только ошейник.

К весне дни становились длиннее. Идти одному в школу после выходного — было одно удовольствие. Вот так один раз Игорь вышел в сырое туманное тихое утро. Озеро разлилось, выйдя из берегов, лёд почти весь сошёл. Вдруг он увидел не-

далеко от берега рыбу, плавающую вверх брюхом. Это было время, когда щук стреляют из ружей. Игорь подумал, что это кем-то подбитая щука, и решил её достать, используя подвернувшуюся палку. Как только он касался палкой рыбьего брюха, та начинала медленно плыть, удаляясь от берега. Незадачливый рыболов в азарте не заметил, как зашёл почти по пояс в воду. Рыбу он всё же достал, и поразился — это был огромный окунь, да такой, какого нельзя было себе представить. Пришлось всю дальнейшую дорогу двигаться почти бегом, чтобы не замёрзнуть в мокрых штанах. Слава богу, что нашли ещё у кого-то из друзей сухие штаны, в чём можно было бы идти на уроки. Но на этом ещё не всё закончилось. Выловленный окунь оказался с икрой. Игорь решил сначала поджарить икру, которой оказалось на большую сковороду, а так как растительного масла не было, он использовал то, что было. А был комбижир. От съеденной этой икры, зажаренной на комбижире, у бедного Игоря вспучило живот, мучила отрыжка, и дня три ничего не хотелось есть. Окуня же съели ребята — хватило на всех. Крупный окунь намного вкуснее, чем мелочь, а ребята не поленились сходить в магазин за подсолнечным маслом.

Каждую осень школьники должны были месяц отработать на уборке картошки. Каждый мог работать там, где проживал, только нужно было в конце принести справку от своего директора совхоза. Это было приятно — работать в поле вместе было весело, и получались дополнительные каникулы. Один год был необыкновенно урожайным на яблоки, что, говорят, бывает раз в четыре года, и все работали не на картошке, как всегда, а на сборе яблок в плодоводческом совхозе, где была школа. Интернатских в этот раз не распустили по домам, а, живя в школе, они работали целый месяц, собирая яблоки. Это было необычно и очень интересно. Ребята объедались яблоками, выискивая самые необычные, незнакомые, самые сладкие сорта. Яблоки можно было есть только в саду, при выходе из сада всех обыскивали — ни одного яблока нельзя было унести. Через три дня все школьники набили оскотину,

перепробовав все сорта, и не могли уже смотреть ни на какие фрукты, кроме одного сорта — это была зимняя антоновка. Эти жёлтые крепкие яблоки, которые не откусывались, а откалывались под зубами, почему-то не надоели никому до конца месяца.

У живущих в интернате ребят кроме учёбы были ещё и их хозяйственные заботы, поэтому времени на что-нибудь другое оставалось мало. Ребята уставали так, что часто засыпали среди бела дня на ходу на своих койках, на которых постоянно сидели и лежали, не обращая внимания на посторонний шум, производимый остальными. Но ребята — есть ребята. На ребячьи забавы время всегда находилось.

Между двумя из ребят завязалась какая-то трогательная дружба. Обоих звали Николаями. Один из них был худенький, небольшого роста, а другой был выше всех из ребят. Большой Колька был из колхоза "имени Сталина", колхоза-миллионера. Он часто с грустью пополам и со смехом говорил: "Колхоз-то миллионер, а мы-то нищие! Как все!". Миллионер — это было понятие условное, просто определяемое так в газетах. Название обязывало. Не может же быть "имени Сталина", и какой-то там самый обыкновенный колхоз — он должен быть особый. Вот и сделали приставку — "миллионер". Кольки постоянно были вместе, и часто о них говорили, как об одном: "Кольки". Однажды Кольки, читая что-то, лёжа рядышком на кровати, заснули. А двое из ребят спать не хотели — они хотели веселиться, они хотели шутить. Как бы соревнуясь между собой, шутники начали свои проделки. Сначала щекотали в носу. Кольки просыпались с бранью и снова тут же засыпали. Затем шутники аккуратно, кропотливо, потихоньку, на лбу одного Кольки, потом и у другого, углём из печки написали крупно неприличные слова. Смех зашедших в комнату ребят разбудил Колек. Их сонный, растерянный вид, их злость (неизвестно на кого) и яростная ругань только добавили веселья.

На следующий день Кольки опять так же заснули. Воодушевлённые вчерашними успехами шутники опять принялись

за своё дело. Сначала они зачем-то аккуратно стянули штаны у Кольки, который был поменьше. Потом с ювелирной осторожностью привязали шнурок от ботинка к его мальчишечьему хозяйству. А ботинок, привязанный к шнурку, аккуратно положили на грудь большому Кольке. Шутники выбежали за дверь и стали наблюдать в щёлочку: "Сработает?". Сработало! Большой Колька, почувствовав, наконец, на себе посторонний предмет, швырнул в сердцах ботинок в сторону. Колька маленький взвыл. А так как перед ним больше никого не было, кроме Кольки большого, он врезал, как только мог, кулаком в нос ему. Между друзьями началась драка.

На втором году интернатского существования, когда из совхоза стали ходить в школу в восьмой класс много старых знакомых, жизнь Игоря стала веселее. На выходные ходили домой уже большой компанией, а жили в школе все интернатские мальчики вместе в большой комнате — человек двадцать. Шутки и розыгрыши здесь происходили почти ежедневно, чаще тогда, когда многие, отходя ко сну, уже засыпали окончательно. Большинство шуток было навеяно книгой "Очерки бурсы", которую читал Окорок, известный всем книголюб, и с которой-то всё и началось. Самыми активными из шутников были Крестик и Барчук, а Игорь и флегматичный Ваня сами непосредственно участвовали редко, но поддерживали шутки, отпуская колкости в адрес пострадавших или успокаивая чрезмерно обидевшихся. Первой злой шуткой было "крещение ложкой". К спящей жертве на цыпочках подходили двое. Один из шутников держал кружку с водой, другой ложку, принесённую кем-то из дома, большую и очень тяжёлую. Когда один ударял спящего беднягу ложкой по лбу, другой тут же лил на это место воду. Жертва вскакивала с гневным возмущением: "Что за идиотскую шутку придумали? Как же я спать буду, мокрым!". Ни один из бедолаг удара ложкой не замечал. Всё внимание его сосредоточивалось на воде. На это-то и был рассчитан весь смысл проделки. Утром в адрес "крещёного", когда он обнаруживал вдруг невесть откуда взявшуюся шишку на лбу, сыпались шуточки: "Ты ночью к

девчонкам спускался — там тебе шишку и поставили! — Или, — ты ночью к директорской дочке ломился, а директор тебя вытолкал. Теперь тебя из школы выгонят!". Квартира директора была в этом же доме на первом этаже. Когда же "не крещённых", или непосвященных в тайну "крещения" уже не осталось, шутка, о которой теперь знали все, потеряла смысл.

Много различных шуток, розыгрышей и проделок было в то время придумано и самими ребятами, но одна старинная шутка многим, пожалуй, запомнилась надолго — это "велосипед" и "балалайка". Сонной жертве розыгрыша между пальцев его рук ("балалайка") или ног ("велосипед") вставлялся кусочек бумажки и поджигался, а шутник быстро бежал на свою кровать. Когда огонь начинал обжигать руку жертвы розыгрыша, то несчастный начинал трясти рукой, как при игре на балалайке. Если это была нога, то движение её были похожи, как при езде на велосипеде.

У Игоря была привычка спать среди бела дня. Выспавшийся днём, он с трудом засыпал вечером. Оттого, видимо, ему долгое время балалаек и не делали — он сам был частым участником проделок. Но вот однажды, когда Игорь днём, по обыкновению лёжа на животе, крепко спал, уткнувшись в раскрытую книжку, свесив руку с кровати, ему сделали "балалайку". Ещё не проснувшись, он, почувствовав огонь, махнул рукой. Горящая бумажка попала на волосы, которые загорелись. Ребята, стоящие вокруг, испугались и начали тушить огонь, накрыв погорельца одеялом. Рассвирепевший Игорь, не до конца понявший спросонок — в чём дело, вскочил с криком: "Признавайтесь! Кто это сделал?". Конечно, все молчали. Он пообещал расплату всем до одного. Успокоившись, Игорь понял, что хватил лишку, но раз обещал — надо выполнять.

Он долго ждал, когда все уснут. Теперь надо было решить — с кого начать. Начинать надо было, конечно, с самых спокойных, чтобы раньше времени не разбудить остальных, и Игорь сделал велосипед Барчуку. Следующим был Крестик. Но как только спичка была поднесена к бумажке между пальцев руки Крестика, тот спрятал руку под одеяло, и бумажка выпала. Игорь сунул бумажку между пальцев его ноги. Но то

ли от холода, то ли от щекотавшей пальцы бумажки, Крестик опять дёрнул ногой — опять неудача. Это повторилось несколько раз. Игорь уже подумал, что Крестик не спит и просто издевается над ним. Тут вдруг Барчуку, внимательно наблюдавшему за этим процессом, пришла в голову отличная идея. Он сказал Игорю, что у него есть нашатырь. Они оба сразу поняли друг друга без слов. Игорь поднёс зажатый пальцем открытый пузырёк с нашатырём под нос Крестику и, пождав, когда тот сделает выдох, отобрал палец. Сделав глубокий вдох, бедняга подскочил как пружина. Он ничего не понял: "Что случилось!?". Запах нашатыря в мгновение улетучивался, не оставляя ни малейшего следа. И что подбросило Крестика с места вверх? Он долго ошалело смотрел округлёнными глазами и молчал. Барчук беззвучно давился от смеха.

Игорь стал обходить всех подряд, повторяя свою злую проделку с каждым. Тот, кто уже получил вдох нашатыря, постепенно приходил в себя и, поняв в чём дело, начинал смеяться над следующим беднягой, над его растерянным глуповатым видом. Кто-то включил свет. Многие из ребят, обалдевшие от нашатыря, так и не проснувшись, ложились и засыпали снова. Тогда Игорь подносил такому к носу пузырёк ещё раз. А флегматичного Ваню пришлось под общий смех пять раз поднимать с помощью пузырька, пока он не проснулся окончательно.

Через много лет, когда Игорь уже учился в университете, он пришёл к выводу, что учителя, возможно, порой и сами того не ведая, очень существенно влияют на становление характеров своих подопечных, особенно на отношение учеников к предмету, преподаваемому тем или иным учителем. Игорю пришлось учиться во многих школах. И, странное дело, учителей, преподающих одну и ту же дисциплину, объединяло нечто общее. Например, все "немки", у которых учился Игорь, были флегматичными, безразличными и к ученикам, и к своему немецкому. А вот "математички", наоборот, все, у кого учился Игорь, относились к своей математике с уважением и прививали своим ученикам это уважение. В результате, пос-

ле окончания школы у Игоря сложились к школьным предметам устойчивые отношения: любовь к математике, тяга к литературе и русскому языку, и нелюбовь к прочим предметам. Больше всего он ненавидел физику и особенно химию, учебник по которой после получения аттестата запустил со злорадством подальше, поклявшись никогда впредь химией не заниматься.

Директор школы был строгим, но не злым. Он никогда не улыбался, и его все боялись. Между собой старшеклассники, когда бегали курить за дальний угол школы, часто над директором тихонько подтрунивали, имитируя его голосом его любимые словечки, которые тот повторял на уроке без меры часто. Некоторые ученики забавлялись тем, что считали: сколько таких словечек получится за урок. Это были слова: "очевидно" и "вероятно".

Однажды в субботу ребят оставили работать на пришкольном огорожке. Интернатские были раздосадованы — время было идти домой. Особенно был недоволен Окорок, который болтал, не умолкая, вставляя при разговоре любимые словечки директора прямо в его присутствии: "Мы, вероятно, будем работать здесь до вечера и, очевидно, попадём домой к утру". И так без конца. Ребята тихонько хихикали. Директор молчал. Наконец он не выдержал. Подозвал Окорока и сказал: "Подъярский, в понедельник ты, очевидно и по всей вероятности, в школу не придёшь, а придут твои родители, если хотят, чтобы ты дальше учился в школе. А сейчас иди домой". Матери Окорока пришлось идти за десять километров, чтобы просить прощения за сына. У директора, как оказалось, был серьёзный грешок — он злоупотреблял алкоголем. Его уволили, когда Игорь учился уже в десятом. Об остальных учителях в памяти Игоря мало чего осталось. Он помнил только о "физичке" и "химичке". Обе они попали, видимо, в школу "по распределению", когда, не спрашивая выпускника ВУЗА, его направляли на работу по конкретному адресу, как было тогда. Место это могло быть где угодно, не исключая и Крайний Север. Может быть поэтому, обе эти учительницы не любили свою работу и ненавидели учеников, постоянно конфликтуя

с большинством из них. Обе они были крикливыми, всегда готовыми к ссоре с кем угодно. Физичка была щупленькой и чернявой. Химичка была рыжей, толстой, в очках, с лоснящимся красным лицом. К концу второй четверти в десятом классе у Игоря произошла ссора сначала с одной из них, а потом и с другой. Из-за чего произошёл конфликт, Игорь не помнил. Помнил только то, что обе учительницы не допускали его на свои уроки, пока он не извинится перед ними. Возмущённый Игорь, считая, что он прав и что приносить извинения должны ему, отказался извиняться наотрез. Собрали школьный педсовет, где вынесли решение: "Игорю извиниться!". Так Игорь бросил школу, не доучившись полгода.

Сначала Игорь делал попытки перевестись в какую-нибудь школу в Лугу. Но там никто не хотел с ним даже говорить: кому нужен ученик с подозрительной репутацией, да ещё всего за полгода до экзаменов на аттестат зрелости. Со школой было окончательно покончено.

В совхозе был один сверстник, окончивший за год до этого десятилетку в Луге. Этот Валерка долгое время шатался без дела. Отец купил ему ружьё, с которым он ходил охотиться на ворон. Всякий в совхозе уже знал от Валерки, что ворону подстрелить нельзя: "Какого-нибудь воробья, или синичку, то, пожалуйста, а ворону — никогда". Увидев издали ворон на деревьях, Валерка шёл туда, но когда подходил к тому месту, то ворон там уже не было. Так он долго бегал из конца в конец совхоза — результат был тот же. Валерка прятал ружьё под пальто — безрезультатно, чистил ружьё, чтоб не было запаха — безрезультатно. Но когда он шёл без ружья под деревьями, вороны спокойно смотрели на него с высоты. Валерка, бросив охоту на ворон, сделал вывод: "До чего же они умные". Он, наконец, нашёл для себя серьёзное дело — устроился на курсы вождения автомобиля в Луге. Игорь, глядя на него, тоже хотел туда устроиться. Но ему сказали, что он опоздал, и посоветовали сдать экзамены экстерном. В то время, чтобы получить права на вождение, надо было знать не только правила движения и вождение, но и устройство автомобиля так, что-

бы самостоятельно починить любую поломку. СТО в те времена не было совсем — каждый шофёр полностью всё делал сам. Игорь, вооружившись толстой книгой, начал с изучения четырёх тактов двигателя внутреннего сгорания, но вовремя узнав, что нужна ещё практика разборки, сборки двигателя и вождения, которой неоткуда было взяться, забросил всё это дело.

Проболтавшись без дела до весны, Игорь ничего лучше не мог придумать, как только устроиться на работу в совхоз. Его послали работать на парники долбить ломом мёрзлую землю, которую бригада женщин тут же грузила и развозила по парникам. С женщинами работать было весело. На работе они, оказывается, были другими: особенно не стеснялись в выражениях — могли и матом припустить. Особенно одна немолодая уже женщина рассказывала постоянно разные байки, анекдоты и всё, подвернувшееся ей на язык, развлекая остальных, что очень помогало в работе. Один её рассказ запомнился Игорю.

Как-то поехала Макаровна, как все звали эту женщину, в Лугу по хозяйственным нуждам. У рынка она зашла в туалет и, выйдя, пошла дальше по своим делам. Вдруг навстречу ей идёт мужчина и как-то внимательно смотрит, не отрываясь, прямо на неё. Макаровна подумала: "Что это он уставился? Может знакомый?". Она его не помнила, но на всякий случай поздоровалась: "Здрасьте!". Мужчина тоже кивнул в ответ. Следующий встречный тоже был мужчина, и тоже внимательно смотрел на неё. Макаровна так же с ним поздоровалась, и он так же ответил ей: "Здрасьте!". Когда с третьим встречным мужчиной всё повторилось в точности, Макаровна забеспокоилась: "Что за чертовщина! Что это сегодня всё попадают знакомые, которых она не помнит ни одного? Что-то тут не то". Всё разрешилось, когда навстречу попала женщина, которая остановила её и сказала: "Милая! У тебя там сзади не совсем всё в порядке". Макаровна посмотрела и ахнула. Она после туалета в спешке своё платье заправила в трусы. Ноги бедняги ослабли в коленках, когда Макаровна представила картину, как она, светя своими тёплыми зимними трусами

салатного цвета, шла по городской улице, вежливо здороваясь подряд со всеми встречными мужчинами. Желание у неё было одно — как бы добраться только до автобуса и не встретиться с мужчинами, теми, с которыми она так вежливо здоровалась. Когда смех над незадачливой Макаровой начал утихать, вдруг заговорила маленькая толстая Верка: "Ой! Девки! Я тоже расскажу вам хохму про туалет. Можете сами съездить в Лугу посмотреть — что там написано". Верка имела в виду криво сколоченный наспех маленький туалет, одиноко стоящий на пустыре, служивший, видимо, жителям близлежащих домиков. Пустырь этот был расположен за кинотеатром, где позже было настроено много больших, нормальных домов — целая улица. Верка свернула на тропинку через бурьян к туалету. Из туалета вышел мужичок. Он громко смеялся. Это насторожило Верку — она на время задержалась. Но мужичок оказался ей совершенно нормальным, увидев её, смутился, перестал смеяться и спокойно ушёл. В туалете прямо перед её носом на двери было крупно написано: "Посмотри налево!". Конечно, Верка посмотрела налево: "Каждый посмотрит. Глаза-то ничем не заняты". Слева было написано тоже крупными буквами: "Посмотри направо!". Справа было написано: "Посмотри назад!". Смотреть назад было неудобно, но любопытство взяло верх. И тут Верка прочитала концовку: "Сел ср..ть — так нех .. вертеться!". Верка, как, наверное, и любой бы на её месте, тоже не удержалась от смеха.

Начав работать, Игорь сделал для себя открытие. Если встретить рабочего на улице, то он какой-то незаметный, чужой и далёкий. А на работе, оказывается, рабочие общительные, отзывчивые и весёлые люди.

Игоря перебрали на другую работу. Считалось, что он должен работать кочегаром — отапливать теплицу. Но несмотря на то, что весна была поздняя, и в апреле по ночам доходило до минус двадцати, отапливать не требовалось — в теплице от солнца было тепло. Игорь работал под стеклянным потолком, привязывая верёвочки для огурцов, и ему в одной рубашке было жарко. Это было очень интересно: выходить на мороз покурить и возвращаться в настоящее лето. Здесь лето, и

растёт зелень, а там, в полуметре за стеклом - зима. Правда, из зелени рос здесь пока только лук, да и тот был тепличный, невкусный.

Неожиданно, в начале лета пришло письмо. У Игоря объявилась тётушка, самая младшая сестра отца, о которой племянник ничего не знал. Это та самая тётя, которая вместе со своей племянницей, двоюродной сестрой Игоря, были угнаны в Германию в конце войны. Западная пропаганда работала так мастерски, так мощно, что они были твёрдо уверены в том, что в СССР их ждут только для того, чтобы загнать в лагерь или расстрелять. Родных они не искали, опасаясь за их судьбу. Сестра вышла замуж за иностранца и уехала жить в Аргентину. Осмелилась она искать родных только уже в шестидесятых. О её письме из Аргентины Игорь узнал от мужа одной из кузин. Тот возмущался глупостью и тёмной дремучестью тех, кто оставил письмо из Аргентины без ответа из страха иметь "связи с иностранцами", которое (это письмо) к тому времени уже то ли выбросили, то ли затеряли — связь оборвалась. Тётя вышла замуж за советского капитана. Но и она поначалу боялась писать родным, напуганная слухами о репрессиях, она не верила даже своему мужу. Вскоре часть, где служил муж тётки, перебазировали в Китай. Оттуда писать было нельзя — там шла война, в которой СССР официально не участвовал. Когда тётя собралась, наконец, связаться с родственниками, прошёл десяток лет. Получив приглашение от тётушки, Игорь, конечно, сразу же решил поехать в гости. Но в те времена сам работник не мог уволиться с работы по своей воле. По воле, или по прихоти руководителя предприятия, где оформился на работу человек, он мог остаться привязанным к этому месту навсегда. В паспорте стоял обязательный штамп предприятия — "место работы", а на предприятии хранилась сопровождающая всю жизнь работника "трудова́я книжка", которая была необходима при приёме на любую другую работу. Игоря с работы в совхозе не отпустили, и он плюнул на все эти "книжки" и "штампы" и уехал в гости под Ярославль.

Игоря встретили в Ярославле тётушка со своим мужем, тихим, спокойным и рассудительным. У них были две дочери: старшая, девяти лет, светленькая и спокойная, и младшая, чёрненькая, стриженная непоседа. Увидев их уже взрослыми, Игорь был поражён: "Может ли быть такое в природе?" Девочки как будто, поменялись местами: младшая стала светловолосой и спокойной, а старшая, наоборот, темноволосой и очень деловой. Аэродром, где служил муж тётушки, находился на крутом берегу Волги в двадцати километрах от Ярославля. Военная часть недавно прибыла из Китая, и в каждом доме было полно китайских вещей. Китайские юани валялись повсюду, чуть ли не на полу. Маленькие, жёлтые, они ничего не стоили. Зарплата нашего офицера составляла, как сказали Игорю, три миллиона. В каждом доме обязательно были китайские ковры и вазы, знаменитые китайские термосы, и особенно хороши были высококачественные кожаные лётные куртки с множеством отличных молний — мечта Игоря. Все отпрыски лётчиков щеголяли в таких куртках.

Новые друзья Игоря, сыновья лётчиков, рассказывали много историй о жизни в Китае. Нашим лётчикам разрешалось летать только над своей территорией. Американцы знали это, и, определив по полёту прошедших войну и более опытных наших истребителей, в спешке скрывались за линию фронта. Особенно досаждал китайцам один бомбардировщик "летающая крепость", который каким-то чутьём угадывал, когда наших истребителей нет, и наносил безнаказанно очень большие потери своими бомбовыми ударами. Один наш полковник был очень обозлён таким обстоятельством, и, нарушая запрет, однажды догнал этот бомбардировщик, но за линией фронта, и сбил его. За нарушение приказа полковник попал под трибунал, и его увезли. Позже дошли слухи до сослуживцев, что через год этот полковник был награждён за сбитую "летающую крепость", и служит в Белоруссии в том же звании.

Китайцы очень ценили головы наших лётчиков. Когда лётчики выходили в город, за каждым из них неотступно тайно

ходил телохранитель, отвечающий головой за подопечного. Лётчики это узнали только тогда, когда, бывало, разгулявшись в ресторане, "перебирали лишку". Вот тогда и появлялся китаец, который начинал канючить: "Не пейте больше! Вам хватит! Будете пьяным — упадёте! Меня накажут! Меня выгонят с работы! А у меня семья, дети!". Часто кончалось тем, что два маленьких китайца приводили, или приносили своего подвыпившего подопечного до самого дома.

Соседка по домику на две семьи, в котором гостил Игорь, рассказала случай. Она проходила мимо очереди китайцев в магазин. Вдруг здоровый детина вышел из очереди, подошёл к длинному, тощему молодому китайцу, выдернул его из толпы за руку и через колено с силой переломил молодому эту руку. Сделал это здоровяк молча. Все вокруг тоже молчали. В тишине слышно было только, как страшно хрустнула рука тощего, как тихо он заскулил, бледный, как покойник, и то ли пошёл, то ли пополз в сторону, волоча болтающуюся руку. Соседка узнала потом, что этот молодой тощий просто залез в чей-то карман.

Новые знакомые Игоря оказались нормальными ребятами, не папенькиными сынками и не белоручками, какими вначале ему показались. Чтобы летом не терять времени даром, они пристроились работать в артель на кирпичный заводик — там хорошо платили. Игорь тоже увязался с ними за компанию, да и заработать немного было бы очень кстати. Заводик стоял на самом берегу Волги. Рядом в Волгу впадала речушка. Однажды ребята решили сократить путь до дома, переплыв эту речку. Бельё своё, чтобы не замочить в воде, держали над головой. Игорь, не глядя перед собой, заплыл в кусты, и, решив, что уже приплыл, он опустил ноги. Дна не было. От неожиданности он нахлебался воды и чуть не утонул. Выбравшись на берег, Игорь подивился обрывистости берегов и неожиданной глубине речки. Он спросил ребят: "Что это за речка такая?". Ребята не знали и спросили у сидящего невдалеке рыбака:

- Что это за река?

- Как что? Волга!

- Да не Волга, а вот эта!

- А-а! Эта? Это ручей какой-то, — сказал с удивлением рыбак.

Двое других встречных тоже не сказали названия речки, называя её пренебрежительно ручьём. Игорь подумал: "Как интересно! Когда едешь где-нибудь, например, по Прибалтике, там часто по дороге попадаются ручьи и речки, и обязательно стоит указатель: "Река такая-то". Это для них "река", потому, что у них нет "Волги". А там, где есть Волга, то вот Волга — это река. А вот всё остальное — это речушки и ручьи, и давать им ещё и названия незачем".

С малых лет Игорь мечтал стать военным: "Как папа". Но здесь, в гостях, эта мечта пошатнулась и стала какой-то тусклой. Конечно, офицеры — мужественные люди, защитники отечества. Да и в мирное время иногда необходимо проявление героизма, особенно у лётчиков. Это всё, разумеется, осталось. Но Игорь увидел другую сторону офицерской жизни, жизни в мирное время, незаметной для постороннего. Взрослого человека, отца семейства, могут отчитать, как мальчишку, за плохо отпаренные брюки перед строем, а тот, в свою очередь, как пацан, украдкой "восстанавливает" расчёской "стрелки" на плохо отпаренных брюках. Семьи офицеров живут, как говорят, "на чемоданах" — в любой момент готовые отправиться по приказу куда угодно. В таких условиях хозяйство не заведёшь, а от питания семьи через армейский магазинчик здоровья не прибавится. Игорь заметил, что самым популярным блюдом здесь были голубцы в жестяных банках из Болгарии. Незавидна жизнь в военных городках у офицерских жён. На работу устроиться здесь могут лишь единицы. И основное занятие у большинства жён — сплетни и интриги, порой с вмешательством в служебные дела мужей. Игорь наблюдал такую картину. На волейбольной площадке играли несколько жён лейтенантов "на вылет", когда появилась жена майора. Она сразу же бесцеремонно прогнала с площадки одну жену лейтенанта, иди мол, милочка, отдохни, заняла её место и расставила всех по местам по своему усмотрению. Весёлая, азартная игра расклеилась — майорша

играла плохо. Все были недовольны, но никто не смел пере-
чить "старшему по званию". Субординация среди жён соблю-
далась неукоснительно.

СЕВЕР

Игорь уезжал из Ярославля одновременно с тётушкой и её семьёй. Семья их отправилась в отпуск на Украину к родным капитана, а Игорь поехал на родину отца, где ещё была жива бабушка. Жизнь в деревне, где он был в пятилетнем возрасте, его поразила. Время там как будто остановилось. В деревнях ещё не было электричества, молодёжь ходила на посиделки, как в дедовские времена, а танцы устраивали при керосиновых лампах и под гармошку. Гармонист был один на несколько деревень. Это был двоюродный брат Игоря Николай. Как он бедный выдерживал, играя без перерыва весь вечер? Николай с детства плохо слышал, но играл виртуозно, но непонятно что. Это было нечто среднее между "светит месяц" и "выйду ль я на реченьку". Игорь встретил там своё совершенное лето и навестил всех своих тётушек. Бабушку свою он видел в последний раз.

По возвращении домой перед Игорем встал очень серьёзный вопрос в его жизни: "Что делать дальше?". В совхозе работать он, конечно, не собирался. Поступить на учёбу куда-нибудь не было возможности — не закончена десятилетка. Выход был только один — уехать. Но куда?

Однажды Игорь повстречал одну знакомую по школе, которую та закончила раньше него, и пристроилась на комсомольскую работу в качестве секретаря комсомольской организации совхоза. Они разговорились и поделились друг с другом своими жизненными проблемами. Её, комсомольского вожака, отправляли на "целину" распахивать в Казахстане целинные земли по известной инициативе Хрущёва. Комсомольскому вожаку ехать совсем было не с руки, но перед ней

поставили вопрос ребром: или "целина", или комсомольский билет на стол. Вдруг собеседница предложила Игорю, а не хочет ли он тоже отправиться, нет, не на "целину", а на "комсомольскую стройку", как это тогда называлось "по комсомольской путёвке". Это намного лучше, чем "целина". В Лужском райкоме комсомола как раз сейчас набирают желающих. Игорь обещал подумать.

Одно время в стране были серьёзные проблемы с мясом. Тогда родился анекдот:

- Почему в стране нет мяса?

- Откуда ему быть, если коровы вышли замуж за офицеров, свиньи вышли в люди, бараны пишут диссертации, а телята уехали на целину.

Под телятами подразумевалась молодёжь, которую посылали на "комсомольские стройки", каковых тогда было много по стране: заводы, ГЭС, ЛЭП и "целина" в том числе, а едущим на стройку вручались с почётом "путёвки комсомола". Но брали на работу, конечно же, всех без исключений. Игорю и предлагалось стать одним из таких телят.

Подумав пару дней, Игорь отправился в райком. Встретили его там с радостью — видно не частым был подобный гость. Работа предлагалась на строительстве железной дороги в Архангельской области в СМП (строительно-монтажном поезде). Условия были хорошие. Дополнительно к заработанному в СМП полагалось 20 процентов так называемых "колёсных", за то, что человек был обязан переезжать вместе с СМП, если потребуется, в любую точку СССР и в любое время, то есть он всегда "сидел на чемоданах", то бишь "на колёсах". Выплачивались при отправке 800 рублей "подъёмных", которые погашались через год. А по прошествии года начинали выплачиваться ещё и "северные" — растущий ежегодно дополнительный определённый процент к зарплате за трудности в работе в условиях севера.

В назначенное время Игорь должен был прибыть к отправке специального поезда.

При посадке в вагон человек из райкома, к удивлению Игоря, уделял ему почему-то излишнее внимание — самолично проводил до места, указал ему нижнюю полку и познакомил с компанией. Эта компания из трёх мужчин и четырёх женщин, с которой предстояло общаться, возможно, долго, не походила ни на комсомольцев, ни на колхозных ребят из окрестных деревень, ни на шустрых городских ребят. Игорь сначала смотрел на них даже несколько свысока: "Тюхи какие-то недоразвитые". Позже он узнал — как же далёк он был от истины.

В Ленинграде их сразу отвезли в Смольный. Там в огромном зале перед отбывающими "комсомольцами" на "стройку комсомола" торжественно произносили напутственные речи. Потом выдали всем "комсомольские путёвки", подъёмные и талоны в ДЛТ (дом Ленинградской торговли) на дефицитные в то время валенки. Время до отправления поезда было мало, хватило только на поездку за валенками в ДЛТ, и Игорь даже не заехал к Жигану. Да ещё задержал Будённый. Выйдя из метро на Восстания, Игорь попал в огромную толпу, которая стояла вдоль всего Невского. Невский нельзя было перейти. Ленинград встречал гостя. Игорь поднялся на возвышение у метро, тогда стало видно: на открытой машине ехал по Невскому Будённый с громадными усами.

В пути Игорь постепенно познакомился со своими попутчиками — новыми друзьями, с которыми предстояло прожить вместе, по меньшей мере, один год.

Позже, уже во времена Брежнева, появился анекдот. Отправился Леонид Ильич на БАМ (Байкало-Амурская магистраль) посмотреть, как люди на Великих стройках коммунизма живут. И начал он говорить речь на митинге, собранном в честь его приезда:

- Товарищи матросики!

- Леонид Ильич, это же не матросы! — тихонько толкает его в бок помощник.

- Матросы, видишь у них одежда в полоску!

- Так у матросов же полоски поперёк, а у этих вдоль!
- А кто же тогда это?
- А это заключённые.
- А-а! Так бы и сказал!

Во все времена, и в 56 году тоже, на "комсомольских стройках" работало много бывших заключённых (ЗК, или ЗЭКИ).

Новые друзья Игоря были со 101 километра, за чертой (и не ближе) которого разрешалась прописка людям, отбывшим сроки в заключении. Вот они и работали здесь на дорожных работах, имея запрет на проживание дома в Ленинграде. К ним приехал человек из райкома комсомола и предложил сделку. Им предложили поехать на год по "комсомольской путёвке", после чего им обещали прописку в Ленинграде. Только так, видимо, Лужский райком смог выполнить план по поставке комсомольцев на "комсомольские стройки". Настоящий (с билетом на руках) комсомолец нашёлся только один — Игорь. А семь человек (четыре девушки и трое молодых парней) были только недавно освободившиеся из заключения — ЗЭКИ. Так и сложилась своя Лужская компания.

Самым старшим из всей компании был Юрка, которого свои чаще звали Мотылём. Мотылю было за тридцать. Смолodu он успел отсидеть не один срок, в том числе и за убийство. Но его по малолетству судили не строго, и не один раз освобождали досрочно. Про одно убийство он рассказывал. Оно было случайным. Мотыль убежал по какой-то вертикальной лестнице. За ним гнался автоматчик из охраны, и, догнав, хватал его за ноги, а тот отбивался. Автоматчик сорвался и разбился. В обычном состоянии Мотыль был спокойным, но когда выходил из себя, то становился бешеным, с безумными глазами и бледным, как покойник. Один раз, это уже зимой, в вагончик, куда зашли Мотыль с Володькой и Игорем в гости к девушкам из своей же компании с водкой, зная, что у девушек всегда найдётся закуска, вошёл малознакомый им парень и повёл себя очень нагло. Он произнёс, казалось бы, не самые обидные слова "пьяные рожи". Но они, к удивлению Игоря, привели Мотыля в бешенство. Он схватил полено у печки

и начал дубасить нахала по голове. Перепуганный страшным видом друга Володька стоял в бездействии. Лицо и голова несчастного полностью покрылись кровью, как облитые из ведра. Игорь, опасаясь, что произойдёт убийство, зажал сзади руки Мотыля своими руками "в замок", но не почувствовал скованности движений бешеного друга — сила у того была нечеловеческой. Тут пришёл в себя Володька и вырвал жертву, вытолкав несчастного на улицу.

Володька был старше Игоря на год. Он имел всегда большой успех у женщин, и любил изображать из себя такого интеллектуала-интеллигента с запросами. Попал на зону Володька по глупости. На Кировском заводе, где он работал, была специальная бригада, которая временами по необходимости работала по спецзаданию по учёту и сортировке неучтённых нигде товаров из трофейных запломбированных контейнеров с неизвестной никому продукцией. Бригада занималась в специальном закрытом дворике вскрытием этих контейнеров, пригнанных в 1945 году сразу после победы из Германии. Там внутри могло быть, что угодно: и станки, и пустая тара, и одежда, и часы, и многое другое. Володька по молодости и по глупости соблазнился и перебросил корешу часы через стену дворика. Они попались, и Володьку посадили.

Коля после последней отсидки посмотрел в Ленинграде старое немое кино "Красные дьяволята". Он был восхищён картиной, и при разговоре с каждым тут же спрашивал, смотрел ли тот это кино? И, не дожидаясь ответа, тут же начинал рассказывать про Махно. Он боготворил Махно за то, что тот расстреливал всех, не задумываясь: "Шарах, бабах! И только!". Коля так часто повторял эти слова своего кумира Махно, что его стали звать Коля-шарахбабах. Шарахбабах был просто очень зол на весь мир за то, что почти всю жизнь провёл в заключении, и кроме нар, от рождения вообще ничего в жизни не видел. У Игоря при общении с Колей порой закрадывались сомнения: "А умеет ли он, вообще, хотя бы читать и писать?".

То, чем запаслись в дорогу новые друзья, не вызвало у Игоря одобрения и не добавило уважения к ним. Они взяли с со-

бой не консервы, не водку, не пиво, а взяли по несколько килограмм луку и по несколько килограмм сухариков "детских". Потом Игорь узнал, что его друзья просто имеют большой жизненный опыт — всё, что взяли они, очень даже пригодилось.

В дороге время шло быстро. Все пили за знакомство, за новую жизнь, и пели песни:

По тундре, по широкой дороге,
Где мчится поезд Воркута-Ленинград.

Песня была кстати — они не только ехали по этой самой дороге, они ехали строить её. Точнее, строить второй путь (вторую колею) дороги Ленинград-Воркута. Ехали без каких-либо приключений, хотя в вагоне и было много пьяных. Только один тип, которого все звали Федя, шлялся по всем вагонам и просил у всех хлеба, а когда он выпросил буханку, то сел и тут же съел её всю на месте. Кто-то заметил, что Федя уже съел такую буханку в соседнем вагоне. Володька пояснил Игорю, что Федя накурился плану, а наркоманов всегда тянет на что-нибудь: кто без причин смеётся, кто плачет, а кто, как этот, жрёт без меры. Игорь первый раз видел живого наркомана — наркотики тогда, и ещё лет двадцать спустя, были не в моде. Водку - да, водку пили, а наркоту не уважали.

Станция, где выгрузилась внушительная толпа обладателей комсомольских путёвок, называлась Кизима. Дождя не было, но воздух был очень влажный, совершенно неподвижный и тёплый. Сильно пахло паровозной гарью и креозотом от шпал — запах железной дороги, который был здесь постоянно. Запах, который врезался в память Игоря на всю жизнь, как запах его молодости и начала самостоятельной жизни. Стояли долго, пока всех пересчитывали, переписывали, чтобы распределить по местам для проживания. Наконец, развели всех по своим вагончикам. В каждом таком вагончике стояли четыре железные кровати с тумбочками, плита, стол и табуретки. Вагончики стояли очень высоко на рельсах, которые были временно просто брошены на землю и, скреплённые только шпалами, местами не доставали до земли. К двери

такого вагончика было пристроено высокое крыльцо с перилами.

Определившись с жильём, большинство приехавших, не стовариваясь, отправились в магазин — надо же отпраздновать новоселье. Когда, проходя мимо строящихся дом местных, приезжие спросили: "где здесь магазин?", мужички, стучащие наверху топорами, ничего не ответили. На повторные вопросы ни один из них даже не повернул головы. Они молча продолжали стучать топорами. Игорь подумал, что это, наверное, глухие работают. Но оказалось — нет. Когда ребята повернулись идти дальше, один из мужичков громко, спокойно сказал: "Опять русских понавозили!". Эти слова очень удивили Игоря: "А кто они тогда?".

В войну, когда немцы оккупировали богатую углём Украину, Сталин решил использовать уголь Воркуты, так нужный для военной промышленности. Но для этого была нужна дорога. И её построили. Построили дорогу в невиданно короткие сроки с использованием заключённых. Но сначала надо было построить для эков лагеря. Когда ещё не было дороги — станции Кизима, конечно, не было, а был только лагерь. После холодного вагончика Игорь стал жить в бараке для заключённых, в которых жила основная масса строителей-комсомольцев. Сразу бросалось в глаза, что здесь бывший лагерь. Ещё крепки были ненужные уже вышки для часовых. Остался и высокий забор колючей проволоки по периметру. И так до самой Воркуты. Станция — это лагерь. Следующая — это лагерь. Из окон вагонов проходящих мимо поездов видны разваливающиеся вышки и остатки колючей проволоки. И многие пожилые пассажиры поезда, глядя из окон, вздыхают, повторяя Некрасовские слова: "Э-эх! А по бокам-то всё косточки русские!". А то, что это так, Игорь убедился, когда ездил один раз в деревню местных жителей (там наши комсомольцы затеяли тогда игру в футбол с местными). Так вот там, рядом с деревней было кладбище. И почти на всех могилах стоят красные столбики со звёздами — это солдаты, конечно, из охраны лагеря. Даты смерти — в один год. Игорь стал при-

кидывать. Солдаты, по сравнению с зэками, были тепло одеты и накормлены. Жизнь их ценилась, как жизнь солдат на фронте. И всё же они умирали. Сколько бы на каждого солдата с красным столбиком на могилке приходилось умерших зэков, жизнь которых была несравнимо тяжелее и не ценилась ни во что? Несравнимо больше, возможно, в сотни раз. Они умирали от холода, голода и болезней. Кладбище должно было бы быть в сотни раз больше. Значит, умерших зэков на кладбище не возили — где умер, там и закапывали.

В лагерях часто случались побеги, хотя бежать было некуда — вокруг непроходимые болота. Беглецы рано или поздно выходили к жилищам местных жителей — пищу и тепло можно было найти только там. Сложилась смертельно-враждебные отношения между местными жителями и зэками. Беглецы грабили и убивали, попадая в селения, а жители их ловили. Как только случался в каком-то лагере побег, власти оповещали об этом всё население, и жители, в основном охотники, выходили на охоту ловить сбежавших. За каждого пойманного беглеца им платили по пятьсот рублей. Плотники, у которых ребята спрашивали о магазине, как и все местные, враждебно относились ко всем приезжим, которые для них были как зэки. Действительно, привезли огромную толпу людей, которые так же, как и зэки, строят дорогу, там же живут в бараках, с той лишь разницей, что нет солдат охраны.

Некоторые в те времена называли жителей Архангельской области, скорее в шутку, трескоедами, так же как Псковичей - скобарями, а Ярославцев - водохлёбами. Говор их был забавным: "Поедим тресоцьки (тресочки), да попьём цаёцьку (чаёчку)". Или ещё так, например, когда Игорь попал первый раз в столовую у вокзала, он услышал диалог:

- Настенька-то!

- Чегой-то?

- Котлеты-то кончились-то!

Сначала Игорь подумал: "Взрослые! А на работе балуются как дети". Но они не баловались, не все, но многие, говорили так постоянно.

Новоселье в первый день приезда компания отметила "как следует". Игорь помнил всё смутно, как в тумане. Было весело — друзья чудили. Юрка стал делать своё "фирменное блюдо" — "лучшую в мире закуску": нарезал целую миску луку и нажарил с большущим куском сливочного масла. Всем очень понравилось. Володька стал экспериментировать: залил водкой миску сухариков "детских", и пригласил всех "на тюрю". Игорь попробовал и есть не стал — противно. Наутро голова болела и ничего не соображала.

Утром из вагончиков высыпала большая толпа. Прибывших вчера новичков распределяли по бригадам. Этим занимались бригадиры. Мотыля с Володькой забрал в свою бригаду Баран — они были побольше ростом. Баран (его фамилия Баранов) был весёлым, разговорчивым, злым на язык человеком, никогда не умолкающим. Игорь с Колей попали в бригаду к Грише, который хвастал, что они бригада специалистов, и работа их требует большого мастерства и ответственная — установка стрелок. Позже Игорь узнал, что работа-то была ответственная, да бригадир был безответственный и законченный алкоголик. За время, пока Игорь работал в этой бригаде, произошло два серьёзных ЧП. Стрелок требовалось установить много — станция строилась узловая с множеством путей и со своим депо. Самой ответственной задачей бригады была установка стрелок для отводов от главного пути на второстепенные (запасные). Для этого необходимо было на время разбирать главный путь, по которому постоянно ходили составы, и за короткое время, называемое "окном", быстро устанавливать стрелку. Однажды бригада, закончив работу, установив стрелку, отошла на перекур. Вдруг дежурный по вокзалу, вышедший встречать поезд, на счастье заметил беду, и рванул к вновь установленной стрелке. Она была переключена на боковой путь, которого ещё и не было. Там была огромная яма. Дежурный, сделав последний рывок, чуть не попав под поезд, рванул рычаг стрелки, не удержался в броске, упал, да так и остался лежать, наверное в шоке. На разбирательство приехал начальник СМП. Виноват, конечно, был Гриша — он был "с большого бодуна" со вчераш-

него и плохо соображал. Гришу решено было выгнать. Но его надо было кем-то заменить. Кандидатуру долго искали. Пока искали, случай забылся, и Гриша продолжал работать. Следующее ЧП прошло незамеченным посторонними. Придя утром на работу, Гриша сам вдруг увидел, что один рельс на главном пути не был закреплён костылями. Он просто лежал на шпалах, держащийся только накладками на стыках. Вчера был день аванса, и все торопились домой, забыв про всё на свете. Всю ночь ходили поезда, и ни один состав не свалился. Как это случилось — одному богу известно. А Гриша пил, и продолжал пить. После первой полочки, как только пришли в бригаду Игорь с Колей, Гриша пришёл на работу, как говорят, "никакой", и сразу предложил всем "перекурить для начала". Он аккуратно положил свои рукавицы на шпалу, видимо, готовясь на них присесть и, качаясь, медленно разворачиваясь, чтобы сесть на эти рукавицы, стал садиться. Шпала с рукавицами, куда он намеревался садиться, осталась справа в метре от Гриши. Кто-то крикнул: "Куда ты? Смотри!". Но бригадир уже перекувырнулся два раза через голову. Сзади его оказалась не шпала, а яма. Гриша, вылезая из ямы на четвереньках, наконец с трудом поднялся на ноги. И тут помощник бригадира вдалеке заметил идущего к ним прораба. Прораба, отчество которого было Вениаминыч, все звали просто Миныч. Помощник предупредил Гришу:

- Гриша, держись! Вон Миныч идёт!

- Где Миныч?

- Да вон он! У того зелёного вагончика!

- Мины-ы-ч! Мины-ы-ыч! Я не пьяны-ы-й! — во всё горло заорал Гриша, размахивая поднятой рукой. Прорабу издали тоже пришлось кричать громко:

- Вижу, вижу, что ты не пьяный!

Подошёл Миныч, и без крику и ругани сказал, что день он актирует без оплаты, а всю бригаду отправил по домам, обещая разобраться потом. Миныча, в отличие от других прорабов, все уважали. Он ещё на зоне, будучи зэком, работал прорабом, и имел большой опыт, как в работе, так и в общении с людьми, находя общий язык с кем угодно.

Коля с Игорем работали в бригаде Гриши недолго. Их перевели в бригаду Барана, после того, как Мотыль переговорил с бригадиром. Бригада эта, как и все другие бригады, состояла из "коренных рабочих СМП", которые приехали вместе с СМП из Великих Лук, и "комсомольцев", тех, что приехали по путёвкам в основном из Ленинградской области. "Коренные", или Великолукские, в бригаде Барана были все семейные и уже немолодые.

Игорю, как и всем молодым, трудно было привыкать к тяжёлой работе, и не только к работе. Весь народ СМП жил по принципу "от аванса до получки". После аванса или получки весь народ гулял, выходя работать с чутунными головами после похмелья. Через неделю деньги кончались, и народ работал теперь неделю в большинстве на пустой желудок. Занять денег не у кого — все в одинаковом положении. Спасало только то, что в магазинах не всегда была водка. Выход из тяжёлого положения во второй неделе каждый находил, как мог. У кого была своя девушка, тому было легче — любимая всегда подкормит, хотя бы вечером. Многие умудрялись выпросить аванс, хотя это было сложно, но можно. У начальника строительства с главным инженером была традиция подходить каждый день к Московскому поезду. Они заходили в вагон-ресторан, брали по "двести" хорошей водки с дорогими бутербродами, и выходили в настроении счастливыми и добрыми. Вот тут-то и надо было, как научили "коренные", подходить к ним с заявлением на аванс. Но при этом нельзя было просить "на хлеб" — откажут. Надо прямо и просто сказать: "Выпить хочется". Отказать им будет как-то неудобно — сами-то только что выпили.

А проблему с питанием на фоне общей пьянки решило начальство. Часть зарплаты каждому стали выдавать талонами в столовую — возражения не воспринимались. И голодающих не стало, кроме тех, которые продавали свои талоны с целью купить потом на деньги водку.

С питанием вообще здесь было плохо. В магазинах были в основном консервы, чёрствый хлеб, папиросы и спиртное. Спиртное завозили часто, но помалу. А то, что завозили, тут же всё разбирали, не глядя на то, что это: водка, спирт, на-

стойка, наливка, коньяк, вино, или шампанское. Покупатель не спрашивал — ему было всё равно. Один раз в столовую на станции завезли пиво — туда сбежалось всё население. Мужики, те, что поопытнее, брали ведро на троих-четверых, и пили тут же за столом, черпая прямо кружками из ведра.

Большинство строителей питались в столовых, в которых продукты всегда были не первой свежести. Как ни старались повара (отмачивали, перчили без меры и т.п.), мясные блюда всегда имели неприятный запах и летом, и зимой. Треска, самое популярное здесь блюдо, всегда была с душком. Но это уже в традиции местных жителей трескоедов — тресоцька (тресочка) обязательно должна быть с дусоцьком (с душочком). Игорь долго не мог привыкнуть к этому, но потом тресоцька с дусоцьком даже нравилась.

Наступили холода, и друзей переселили в барак. В вагончиках, утеплённых на зиму насколько это было возможно, остались семейные и девушки. Володьку, Игоря и Колю поселили в бараке с коренными рабочими СМП, где ещё оставалось место. Другой большой барак, разделённый на две части, был комсомольский, в котором жили холостые ребята и девушки, приехавшие все по комсомольским путёвкам. Мотыль остался в вагончике, где он к тому времени жил с Тamarкой, комсомолкой из Ленинградской области.

В памяти Игоря врезались неприятные утренние минуты, когда радио, которое никогда не выключалось, будило всех гимном. Вылезать из-под тёплого одеяла не хотелось. Но решимость побеждала всегда под звуки из радио: "На зарядку становись!". А под заунывное причитание из эфира: "Вдо-о-ох! Ви-и-и-дох! Вдо-о-ох! Ви-и-и-дох!" Игорь, умытый и одетый, уже бежал в столовую, после которой неприятные ощущения утра пропадали — начинался рабочий день. Хитрый Баран придумал, как сократить работу на час, используя разницу поясов времени. Железная дорога вся работала только по Московскому времени. И иногда, когда по какой-либо причине надо было укоротить рабочий день, Баран давал команду: "Шабаш! Мы же работаем на железной дороге? Значит, по Московскому времени. Пора домой!".

Работа на железной дороге не сложная, но всё же иногда необходимы некоторые навыки. Игорь долго не мог научиться забивать костыли. Рукоятка молотка больше полутора метров, ударная часть молотка узкая, и попасть по костылю с силой из-за плеча непросто. Бригада отмечала какое-то событие. Когда уже все прилично охмелели, кто-то подзадорил Игоря: "А вот забьёшь сейчас костыль?". Игорь взял молоток и, к своему удивлению, начал вгонять костыли в шпалы так, как будто бы занимался этим с детства. Он всё забивал и забивал до тех пор, пока все не собрались идти домой. Наутро, придя на работу, Игорь сразу решил проверить: "А повторится ли так, как вчера, но на трезвую голову?". Получалось очень хорошо. Баран не мог удержаться, как всегда, от своих постоянных шуток: "Ну, слава богу! А я уж думал, что придётся каждый раз тебе стакан наливать". Нельзя, например, с первого раза научиться правильно (безопасно) кантовать рельсы, или работать со штопкой с компрессором. От работы со штопкой (вроде отбойного молотка с плоским изогнутым концом для утрамбовки грунта под шпалы) пухли руки от вибрации и приходили на надутые резиновые перчатки. Потом опухоль спадает. Опыт приходит постепенно.

Молодость беспечна. Молодые всегда неоправданно, бесцельно рискуют, и только потом, и то не всегда, задумываются над тем, что уже случилось. Однажды бригада возвращалась с работы на ручной дрезине, на которой везли инструменты. Подъезжая к станции, заметили, что от станции навстречу трогается состав. Баран сразу велел снять дрезину и подождать. Но молодёжь решила рискнуть, совершенно не подумав. И дрезину погнали навстречу поезду до ближайшей стрелки. На стрелке стали переставлять тяжёлую дрезину на рельсы, ведущие на боковую ветку. Игорь смотрел на спасительный габаритный столбик, за которым поезд уже не зацепил бы их дрезину. Машинист непрерывно давал громкие, страшные короткие гудки. Ребята со всей силой толкали дрезину навстречу несущейся машине, чтобы успеть проскочить за столбик. Едва успели! Паровоз пронёсся на расстоянии нескольких сантиметров от дрезины.

Во всей Кизиме была только одна дорога, которая от станции вела на большой домостроительный комбинат, выпускающий сборные деревянные дома. Других дорог не было. Все, кто жил в бараках, на работу, в магазин, или к друзьям в вагончики ходили по железнодорожной насыпи. Это было опасно. Сходить с крутой и высокой насыпи при приближающемся поезде, а потом возвращаться наверх было неудобно и тяжело, а машинистов раздражала и бесила близость к паровозу пешего человека. И они имели привычку отпугивать пешеходов струёй горячего пара, спускаемого из-под колёс. Заезжавшийся пешеход мог оказаться враз вымокшим от пара, или даже получить серьёзные ожоги, что случалось не раз. Если надо было возвращаться с работы с соседней станции, или просто идти куда-то далеко, то пользовались проходящими поездами как транспортом (как трамваем, или метро). Для этого надо было уметь запрыгивать и спрыгивать на ходу с поезда. У Игоря это получалось хорошо: надо было только хорошо упереться ногами в подножку, приняв почти горизонтальное положение, сжаться пружинкой и с силой ногами оттолкнуть вагон туда, куда он идёт. Таким образом гасится скорость, и ты встанешь на землю, как вкопанный. Однажды бригада шла с работы от станции. Все были очень усталые и навеселе. Забрались в трогающийся от станции поезд. Неожиданно состав развил сразу против обыкновения очень большую скорость. Надо было спрыгивать. А была зима, и глубокий сугроб в том году покрывал очень крепкий наст. И тут кто-то заметил, что скорость слишком велика, и если наст не выдержит и провалится, то ноги будут сломаны. Все стояли в растерянности. Если не покидать состав, то он может завезти на сотню километров. И Игорь решился на риск, рассчитывая на мягкое приземление, благодаря сильному толчку, гасящему скорость, как он делал это не раз. Игорь крикнул: "Делай в точности как я!". И прыгнул. Наст выдержал. Все попрыгали следом. Вышло удачно для всех. Опять пронесло!

Но один случай закончился бедой. Это было на маленьком полустанке, где поезд останавливался очень редко. Один парень родом из-под Смоленска решил обязательно вернуться

с работы пораньше. Поезд был проходной, скорость большая. При первой попытке парня отбросило в сторону, но он упрямо, не обращая внимания на крики друзей, бросился во второй раз. Когда рука его сорвалась с поручня, парень ударился головой в бусу, а нога оказалась под колесом. Несчастный лежал с закрытыми глазами, бледный как полотно. Нога его в резиновом сапоге была согнута под неестественным углом. Смельчак потерял ногу. К сожалению, он был не единственной жертвой из Кизимы, попавшей под колёса поезда.

Игорь заметил, что Коля, с которым они питались сообща со времён их совместной работы в бригаде Гриши, постепенно от него отделился. И вёл себя Коля последнее время как-то странно — стал молчаливым и задумчивым. Однажды, когда бригада после обеда собралась, как всегда, на станции, Коли не было. И к вечеру он так и не появился. Дома ребят ждала новость. Кто-то видел человека в приметной зелёной кепке на станции. Коля был с двумя чемоданами и выглядел очень толстым. Жадина напялил на себя по паре пальто и костюмов. Многие, из живущих в бараке, обнаружили пропажу: кто не досчитался денег, кто костюма, кто пальто, кто часов. У Володьки пропала его любимая зимняя шапка с кожаным верхом. Он только тихо зло сказал: "Вот гад!". Мотыль на следующий день вдруг неожиданно спросил: "А знаете, где его возьмут?". И сам же, не дожидаясь ответа, заключил: "Дома! Он же дурак!". Действительно, приезда Коли уже ждала милиция у него дома. Привезли его через две недели на суд в СМП. Игорь с Володькой на суде не были, но видели, как вели Колю. Тот шёл под конвоем в своей ядовито-зелёной кепке, согнувшийся почти до земли и с опущенными глазами.

В начале зимы в барак к ребятам зашёл бригадир Гриша и попросил помочь донести чемоданы до вокзала. Гриша ехал в отпуск. Двое комсомольцев, которые изъявили желание помочь отпускнуку, вернулись сердитые и поносили Гришу за жадность. Чемоданы его оказались такими неподъёмными, что еле хватило сил донести их до вокзала — оба были наби-

ты одними бутылками с водкой. Ребята рассчитывали, что отпуски на радостях отблагодарит за их помощь как следует. А тот дал им чекушку, спасибо не сказал и уехал.

На имя руководства СМП пришла телеграмма из Ленинграда от дорожной милиции: "Из прибывшего поезда Воркута-Ленинград снят труп с признаками алкогольного отравления, с документами на имя рабочего Вашего СМП и двумя пустыми чемоданами". Гриша напился, наконец, так, как хотел — он сгорел от водки. В ту злополучную зиму это была не единственная жертва зелёного змия.

Среди рабочих "старожилов", прибывших из Великих Лук вместе с СМП, была одна примечательная личность — это "связист", как коротко его звали, потому что он ходил всегда в чёрной форменной шинели "спецсвязи" (специальной службы, занимающейся перевозкой секретной почты). Одевался "связист" в то, что было на нём. Больше у него ничего не было — он всё пропивал. Спился "связист", работая в хорошо оплачиваемой этой самой "спецсвязи", откуда его и выгнали за пьянку. У него была семья. Зарплату ему в руки не давали — получала жена. И если только жена недоглядит, муж всё пропивал: деньги, если найдёт, вещи жены или детей, и даже мебель — всё, что подвернётся.

В этот роковой день бригада Барана возвращалась с работы. Все шли из железнодорожной столовой навеселе, отмечив чей-то день рождения. Вдруг их догоняет Володька с возгласом: "Вот вы-то все как раз и нужны!". В руках у него две огромные авоськи, набитые бутылками с водкой. Заметив удивлённые лица ребят, Володька пояснил: "Томка родила! Декретные получила! "Ножки обмыть" приглашает! Заходи все в вагончик!". Томка — это девушка Володьки, с которой у него была любовь еще на 101 километре под Лугой. В вагончике всей бригаде было тесно так, что не только сесть, стоять было негде. Томка показала новорождённого малыша, и после поздравлений, пожелав "обмыть ножки" как следует, ушла от тесноты в соседний вагончик к девушкам заниматься своим потомком. В те времена водку рюм-

ками не пили, пили стаканами, наливая обязательно до краёв. После второго стакана весёлый Баран в своём репертуаре начал поздравлять Володьку, называя его молодым папой. Тот шутку понимал, но стал доказывать, что он ни при чём, так как шесть месяцев назад был ещё на зоне. Все это знали, но делали вид, что не верят. Володька даже стал злиться, что вызывало общий смех. Так под общее веселье многие начали потихоньку уходить. Даже опытный Баран, который никогда не отказывался от лишнего стакана, ушёл, посчитав, что водки здесь слишком многовато. Когда остались Володька с Игорем, да одноглазый Коля, у которого был один глаз стеклянный, вдруг пришёл "связист". Хоть он и не имел отношения к бригаде Барана, у него было какое-то чутьё на водку — он всегда чувствовал, где можно выпить на халяву. Игорь уже к тому моменту ничего не соображал, всё было, как в тумане. Коля спал, уронив голову на стол. А Володька, который, начиная "обмывать ножки", в отличие от других был ещё совсем трезвый, потому держался и всё разливал и разливал. "Связист", когда выпивали очередной стакан, видя, что Коля спит, а стакан его полный, спрашивал Колю: "Ты не будешь?". И не дожидаясь ответа, "связист" опрокидывал ещё и налитый тому стакан. Игорь уже не помнил, как вышел на улицу по нужде, упал торчком головой в сугроб, да так и остался не в силах подняться на ноги. Игорь, наверняка замёрз бы, но на счастье его заметил живущий через пару вагончиков с семьёй "пионер". "Пионером" в бригаде звали в шутку здорового детину Павла Морозова. Кличка эта казалась всем весёлой, благодаря контрасту между крепкой фигурой Павла и детским образом известного его тёзки "героя-пионера" Павлика Морозова. "Пионер" водку пил вместе со всеми, но никогда не напивался — он знал меру. И поэтому ему часто случалось приходить на помощь перебравшим без меры друзьям, как в этот раз. Павел сгрёб Игоря в охапку, занёс его, окоченевшего, одеревеневшего от холода, в вагончик, и усадил у тёплой плиты. Когда Игорь оттаял, конечности его в тепле, наконец, смогли разогнуться, он был положен на кровать под одеяло.

Наутро Игорь был "никакой". Он смотрел на серое зимнее небо и не понимал: "Что это? Зачем это? Зачем эти вагончики? О чём говорят эти люди? Как он тут оказался? И зачем?". Его ничего не волновало. Все вокруг о чём-то говорили. До Игоря доходили отдельные слова: "Весь чёрный. Огонь изо рта. Врач. Сгорел". Он не понимал и не хотел понимать то, о чём говорили — ему было всё равно. Хотелось только пить. Наконец, к Игорю медленно, постепенно начинало возвращаться сознание, и он, в конце концов, понял, что случилось.

Позже, так же, как и Игоря, "пионер" подобрал в снегу "связиста" и, чтобы тот не замёрз, отнёс его в свой вагончик. Всю ночь "связист" тихо стонал. Когда Павел посмотрел на него, то заметил, что изо рта у него светилось слабое синее пламя. Кто-то спросил: "Ты что, спичкой поджигал?". "Пионер" сказал: "Нет! Я до утра к нему не подходил". К утру "связист" затих. Когда настало время вставать на работу, Павел зажёл свет и ужаснулся: он буквально не узнал лежащего перед ним на полу человека, лицо которого было неправдоподобно чёрным и очень страшным. Позвали врача и жену несчастного. Врач засвидетельствовал смерть от алкогольного отравления. Когда стали утешать плачущую жену умершего, оказалось, что смерть его для неё была не столько горем, сколько избавлением от жизни с алкоголиком. А плакала она, жалея испорченные валенки, которые пришлось разрезать, чтобы снять с окоченевшего трупа.

Только что, за месяц до этого события, тоже чуть не случилось несчастье. Проходя на работу мимо вагончиков, Игорь встретил Мотыля, и они вместе решили зайти к девушкам за Володькой, который почему-то опаздывал. В вагончике пахло гарью. Все спали. Двоих удалось разбудить, а других пришлось вытаскивать на крыльцо. Первые двое на воздухе тут же тоже потеряли сознание. Все они угорели от рано закрытой задвижки на трубе. К счастью, все постепенно отошли и пришли в сознание. Только вот головы у них болели до вечера.

Зимой жизнь в бараках была скучная. От нечего делать Володька занимался приручением мышей. Он привязывал

корочку хлеба на нитке и тащил на себя. Вконец обнаглевшая мышка бежала за корочкой до самой Володькиной руки. Но поймать её не удалось ни разу. Раззадоренный Володька сидел часами в засаде у норки (щели в полу), и, когда добыча высывалась, охотник в упор колот её сделанной для этого иголкой, привязанной к палочке. Быстрота реакции мышки поражала воображение Володьки — он ни разу в мышку не попал. Из всех развлечений были в Кизиме — танцы в клубах, в зоне и на станции, да ещё на станции иногда было кино. На танцы ходили только комсомольцы и только самые молодые. А в кино, как помнил Игорь, они были всего несколько раз. Запомнился ему один забавный случай. В кино друзья пришли после того, как изрядно выпили. Игорь никак не мог сосредоточиться на том, что происходило на экране, а в глазах к тому же всё двоилось. Игорь закрыл один глаз — двоиться перестало. Он обрадовался этому своему открытию и решил поделиться им с Володькой. А тот отмахнулся от друга — ему хотелось спать. Игорь решил поделиться хоть с кем-то своим важным открытием — надо же помочь и другим. Впереди сидели два солидных человека. Игорь, решив помочь им, спросил: "Не двоится ли у них в глазах?". Те ответили, что нет, не двоится. Но Игорь, не поверив им до конца, посоветовал: "Если всё-таки задвоится, то надо закрыть один глаз, тогда будет всё отлично видно". Когда Игорь повторил свой совет, те ответили: "Хорошо, хорошо! Мы обязательно так и сделаем!". Разговор этот происходил в кино достаточно громко. На другой день вся бригада долго потешалась: "Ну! Расскажи ещё раз, как ты учил начальника СМП с главным инженером кино смотреть одним глазом!".

Самым популярным и азартным досугом была игра в карты. Играли чаще всего в очко и, как правило, в комнате Володьки с Игорем. Помещение было самое просторное, а соседи по комнате были постоянно в командировках. Играли все ради развлечения и по мелочи. Володька, позёр, желая показаться опытным игроком, лезвием бритвы по вечерам срезал тонким слоем кожу с кончиков пальцев. А удивлённому Игорю сказал, что на ощупь будет узнавать любую карту. И, дей-

ствительно, у него это почти получалось. Володька под контролем Игоря на ощупь узнавал карту в колоде чаще, чем ошибался. Но, когда садились играть, он выигрывал часто, но не всегда. Игорь играл честно, а выигрывал чаще — ему везло. Два раза он выиграл достаточно много. Играло человек десять, и все в азарте шли ва-банк (на всё). Получилось так, что, когда он банковал, все проиграли. Кроме кучи денег, Игорь выиграл один раз дамские "швейцарские золотые часы", а в другой раз - гармошку. На радостях они с Володькой устроили себе праздник: сидя на кровати, упираясь друг в друга ногами, они играли на "трофейной" гармошке Володька растягивал меха, а Игорь нажимал на кнопки. Получалась какофония, но зато громко. Володька пел любимую свою песню:

Дочь рудокопа Джаней, вся извиваясь как змей, ...

Песня его очень гармонировала со звуками гармошки. У Володьки не было слуха совсем, и песни его были на один мотив, точнее, без мотива. Однажды Игорь спросил друга: "Зачем ты поёшь, если тебе медведь на ухо наступил? У тебя все песни одинаковы". На что Володька сказал, что мелодии он знает и помнит, но вот только тогда, когда сам поёт, у него получаются почему-то не так, как он хочет. Выигранные часы исправно ходили, и Игорь отвёз их Валентине Ивановне, когда ездил в Лугу на праздник, сказав ей: "Проверь! А вдруг правда золотые". Когда мать снесла часы в мастерскую, ей, конечно, посоветовали их выбросить, как только остановятся — они правда швейцарские, но дешёвая штамповка.

С приездом "комсомольцев" на стройку между ними и молодёжью, приехавшей из Великих Лук и считающей себя "старожилами" (хозяевами), отношения с самого начала были натянутыми. Старожилы считали себя ребятами-ухарями, которых должны все бояться. Как любил говорить один из них: "Пьяный скобарь страшнее танка". И по вечерам, когда "старожилы" напивались, затевали пьяные скандалы. Особенно выделялись два крепких парня Саша и Паша, любившие показать свою силу. Игорь зашёл к ребятам из бригады в комсомольский барак, когда туда ввалились Саша с Пашей. Паша,

вооружённый кочергой, кого-то искал, только забыл — кого. Уходя, он мимоходом кочергой, как саблей, расколол пополам большой круглый стол, разбив графин и лампочку, и ушёл, оставив хозяев без света. Такие "гости" появлялись в "комсомольском" бараке всё чаще, и терпение ребят кончалось. И однажды, вернувшись из вагончиков от девушек, Володька с Игорем узнали о побоище, которое организовал Мотыль. Он пришёл в барак к "комсомольцам" после очередного посещения их "гостями" и сказал: "Ребята, хватит! Бери кто, что может! Пошли учить!". Сам Мотыль взял подвернувшийся топор. Досталось тогда многим "старожилам", особенно Саше и Паше. Одному из них Мотыль попал топором по руке, другому по месту, тому, что ниже спины. Оба ходили ежедневно вместо работы на перевязки две недели. Зато в бараках прекратились пьяные скандалы. Прекратились совсем.

Но один раз Игорь попал в своей комнате в глупую ситуацию, повздорив с одним из "старожилов". Тот куражился, перебрал, видимо, "лишку", и своей назойливостью долго выводил из себя всех, кто играл в карты. Особенно от него доставалось двоим безобидным парням, за которых некому было вступить — они были сами по себе. Одного звали Женька. Это был типичный маменьки сынок, совершенно ни к чему не приспособленный. Его вещами, да и деньгами, пользовались те, кто был понаглее. Один такой попросил у Женьки померить унты, самые настоящие унты, какие носят полярники. Попросил, да так и отходил в них всю зиму — Женька был безропотный и добрый. Интересно было то, что отец его был большим начальником в управлении СМП, которое находилось в Вельске. Отец Женьки всю жизнь разъезжал по командировкам и, видя, что сын его вырос без мужского глаза разгильдяем, решил отправить своё неразумное чадо на трудовое перевоспитание, как бы в ссылку. А чтобы недоросль был под присмотром, отец устроил его на работу в одно из своих СМП в Кизиме. Через три года Игорь встретил случайно этого Женьку в Питере на Загородном. Каким был Женька разгильдяем, таким и остался. Папаша, видно, с трудовым перевоспитанием опоздал. Второй жертвой пьяного

"старожила" был безответный "железнодорожник", бесменно облачённый в железнодорожную форму. Он, действительно, раньше работал машинистом, пока его не выгнали за пьянку. Ни Женька, ни "железнодорожник" не в состоянии были осадить распоясавшегося "старожила". Остальные, игравшие в карты, терпели, но уже назревала буза. Сам Игорь не играл, и решил помочь игрокам, препроводив бузотёра в его комнату. Но тот ещё больше разошёлся. В коридоре они завозились, упали. Игорь оседлал взбесившегося буяна. И тут в коридор вошла толпа "старожилов", и тот, что брыкался под Игорем, вдруг заорал: "Ребята, спасите! Наших бьют!". Кто-то из вошедших пнул мимоходом валенком Игоря в голову, а из комнаты послышалось звяканье чего-то железного. Игорь, поняв всю опасность, мигом очутился в тёмном углу за открытой нараспашку входной дверью барака. Мимо протопали шаги. Через какое-то время преследователи стали возвращаться, ругаясь: "Ушёл! Как сквозь землю провалился!". Подождав, когда вернутся все, Игорь, раздетый, пошёл в вагончики к друзьям — домой возвращаться было нельзя. В вагончике у Тамарки Игорь застал и Володьку, и Мотыля. После вопроса: "Что это он раздетый?" — ему пришлось рассказать обо всём, что случилось. Мотыль только сказал: "Пошли! Разберёмся!". Когда они пришли в комнату к "старожилам", то человек пятнадцать, сидели тихо, молча ожидая. Мотыль сказал Игорю: "Стань у двери!". Он, обойдя всех по очереди, каждый раз спрашивал Игоря: "Этот?". Он не ждал ответа, а ударял каждого по физиономии, кого кулаком, кого каким-то неестественным образом, не разгибаясь, ногой. Ни один из тех, что "страшнее танка", даже не приподнялся с кровати, оставаясь сидеть на месте с разбитым лицом. Уходя последним, Игорь услышал угрозы в свой адрес, но он не обратил внимания на это, зная, что страх перед бешеным видом Мотыля у них никогда не пройдёт.

Для Игоря осталось необъяснимым доброжелательное отношение к нему повидавших всякого в своей жизни бывших эзков. До этого у него были расхожие понятия об уголовном мире, почерпнутые из кинофильмов и из уличных разгово-

ров "пацанов", о дворовых приклатнённых авторитетах, о воровских законах и воровской этике. По этим понятиям его должны были втягивать в преступный мир, обучать воровству и воровским законам. Но ничего этого не было, а, скорее, наоборот, Игоря никогда не посвящали в свои какие-то тёмные дела, которые случались, как он подозревал. К Мотылю два раза приезжали в гости двое старых друзей по зоне. Одного из них, как запомнилось Игорю, звали Валька Жирный. Это был немолодой, с сиплым простуженным голосом, приобретённым, вероятно, на лесоповалах, маленький юркий мужичок. В отличие от первого, второй был молодой здоровяк с красной сальной физиономией и с толстыми губами. Вот те, наверное, соблюдали воровские законы и нигде не работали, а постоянно гастролировали, промышляя по поездкам, как предполагал Игорь. Гости приезжали, два-три дня пили с Мотылём и уезжали. На Игоря друзья не смотрели сколько-нибудь свысока, как на желторотого юнца, бестолкового и неопытного. Раз уж его приняли в компанию за своего, он считался равным во всём. О жизни на зоне никогда никто не распространялся. Только иногда, когда собирались все вместе на застолья в вагончике, песни пели те, что поют на зоне. Женщины больше любили свои песни: "Женская зона страшнее, чем тюрьма ...", или "Листья жёлтые медленно падают в нашем старом забытом саду...". А однажды Володька в разговоре поведал Игорю, что в уголовном мире все люди делятся на воров, мужиков и бл...ей. Последних позже в прессе стали обозначать более мягким, почти литературным словом — "суки". Воры — это те, кто следует всегда воровским законам, или "живут по понятиям". Следить за соблюдением этих законов, разрешать возникающие споры должны особые авторитеты — "воры в законе", слово которых непререкаемо. Мужики — те, кто работают, которые могут добиваться примерным поведением досрочного освобождения, которые могут обратиться, если необходимо, за защитой к воровскому авторитету, но не могут, например, сотрудничать с администрацией. Как понял Игорь, мужик — тот, кто чужого не возьмёт, но и своего не отдаст. Суки, или бл...и — это те, кто

не признают воровских законов, и делают только то, что им выгодно (выслуживание перед начальством, предательство "своих"). Отсюда смертельная вражда между ворами и суками, которая, в конце концов, приводила к столкновениям, кончающимся увечьями и убийствами. Администрация в таких случаях вынуждена была собирать, отделять бл...ей и переводить их в другой лагерь. Но тут часто срабатывала тайная "лагерная почта", и в новом лагере сук уже ждали во всеоружии. И опять начиналось побоище. Правда ли всё это, и так ли всё в лагерной жизни на самом деле, Игорь, конечно, не знал, но так он тогда всё это представлял из услышанных им рассказов.

Один раз Игорь был поражён, когда в момент безденежного безделья Мотыль вдруг достал маленький, с ладонь, томик Есенина, который, оказывается, возил всегда с собой, и стал читать всем отдельные стихи:

Ты жива ещё, моя старушка!

Жив и я. Привет тебе! Привет!

Мотыль, бешеный Мотыль, который тянул не один срок, и стихи — как-то у Игоря в голове это не укладывалось. И где он взял этот томик, которого в продаже тогда не было, и Есенина никто в то время не знал — Есенин был под запретом

Девушки из компании с большим уважением относились к ребятам, считая себя обязанными проявлять о них женскую заботу во всём, что для Игоря было, кстати, в отношении стирки одежды. Игорь пользовался уважением друзей. У него была привычка рассуждать и задавать такие вопросы, на которые не было ответов, или находить неожиданные выходы из жизненных ситуаций. За это Игоря прозвали "философом" и часто прислушивались к его мнению.

В СМП работали два немых. Тот, что постарше, работал в бригаде Барана. Это был противный старикашка, жадный и вредный. Когда приходило начальство, он обязательно начал выслуживаться, жалуясь на что-нибудь, что неправильно сделано: что пили водку на работе, или с работы рано ушли. Но его никто не понимал, говорить-то он не умел, кроме од-

ного: "А-ба-ба-ба!". Его так и звали — Абаба. В столовой в каске Абаба не мог назвать то, что ему надо заказать. Сначала он просил каждый раз Игоря помочь ему. Чаще всего он показывал, виляя ладошкой, плывущую рыбу — она самая дешёвая. Потом Абаба переключился на комсомольца Генку. Генка его не любил, а не знал, как от зануды отвязаться. Кто-то посоветовал: "Возьми ему что-нибудь подороже, и он отстанет". Генка пробил шницель, и Абаба переключился на другого. Молодой немой был высокий, жилистый и грамотный. Он умел писать, понимать по губам всё, что люди говорили, и даже сам говорить некоторые слова. Играя в очко, он чаще всего ставил только на рубль, протягивая свою закрытую карту на руке и смешно произнося тонким металлическим голосом: "Рррубль! Рррубль! Рррубль!", за что его и прозвали — "Рубль". Абаба не мог обходиться без молодого друга, который кому угодно и что угодно мог сказать или написать. Абаба после работы постоянно ходил за ним следом.

В начале лета Игорю приснился странный, страшный и зловещий сон. Он оказался в маленькой комнате, в которую он никогда и не заходил, где жили Рубль и Сашка мотовозник (водитель мотодрезины). В комнату вдруг ворвался бригадир Гриша, который предстал во сне расплывчатой жуткой тёмно-синей фигурой. Они с Рублём сцепились в неистово-злой драке. Всё это происходило в полной тишине. Игорь зажался от страха у стены на кровати, поджав ноги, чтобы его не зацепили. Они всё продолжали, и хотелось исчезнуть, быть подальше от этого ужаса. И тут Игорь проснулся. По инерции, продолжая думать о сне, он размышлял: "С какой стати ему снятся малознакомые люди?". Когда сон окончательно его оставил, Игоря вдруг как током ударило: "Гришу же ещё зимой похоронили! Его же давно нет!". Стало опять как-то не по себе. Через пару недель вдруг люди у барачков услышали громкие тревожные гудки паровоза. Напротив зоны стоял состав, там, где он не мог останавливаться. Что-то там случилось. Люди пошли посмотреть, и увидели там страшную картину. Бегунки паровоза, маленькие передние колёса, сошли с рельс, видимо, при торможении. Посреди рельс лежали кус-

ки тела. От большого куска окровавленного ещё тёплого мяса шёл лёгкий парок. Ужасал запах, как от парного мяса только что забитой коровы на бойне. Рядом на рельсах стояла целёхонькая четвертинка водки. Это всё то, что осталось от Рубля. Он шёл один домой из магазина по пути, и не мог услышать гудков паровоза. Обычно немые узнают приближение поезда по вибрации земли. Но на этот раз Рубль не услышал — он был пьян. Рядом с останками на рельсах сидел Абаба. Он плакал, тихо причитая: "Аба-ба-ба-ба-ба!". Сашка мотовозник стал, как мог, его утешать — Абаба потерял единственного близкого ему человека. А тот, пытаясь объяснить что-то Сашке, всё показывал без конца то на себя, то на вывернутую, раздавленную ногу Рубля. Наконец Сашка понял. Абаба дал свои ботинки несчастному на время, чтобы сходить в магазин. Теперь его ботинок нет. Абаба плачет — ему жалко ботинок.

Возвращаясь с места катастрофы, Игорь вдруг вспомнил свой сон: жуткую тень Гриши, бесшумно метущуюся в драке тень Рубля, и ему снова стало страшно.

В январе бригаду Барана откомандировали на строительство узкоколейки в лесу по договору с домостроительным комбинатом, по которому комбинат обязывался поставить сборные дома для СМП. До места, от которого надо было начинать узкоколейку, надо было добираться по готовой уже узкоколейке на дрезине. Ехали от комбината в маленьких вагончиках вместе с рабочими комбината, едущих по другим своим делам. Несколько раз по пути вагончики сходили с рельс, и приходилось всем вылезать, поднимать вагончики и ставить обратно на рельсы. Вместе со всеми ехало важное начальство комбината и СМП для определения на месте объёма работ по укладке пути. Когда поднимали соскочившие вагончики, начальники сидели внутри. Вдруг один из рабочих комбината закричал им: "А Вы что, бл...и, расселись! А ну, вылезай, поднимай!". Начальники молча, покорно подчинились. Это Игоря очень удивило. Но таковы были эти архаровцы, вербованные рабочие комбината. Это сплошь молодые

парни, в основном с Украины, которые имели какие-то грешки на родине и скрывались от милиции и от грехов подальше, вербуясь на далёкие стройки, леспромхозы и прочие работы. У разъезжающих по стране вербовщиков был план, они закрывали глаза на многое, вылавливая рабсилу любыми путями. Эти архаровцы вели себя, как хотели, говоря, что советской власти здесь нет. Действительно, на всю Кизиму, где большое строительство железной дороги, большой домостроительный комбинат, сама железная дорога вместе с депо и деревня, был один участковый милиционер. Летом, если шёл ночью дождь, наутро один из магазинов у леса оказывался ограбленным. Милиционер не мог каждую ночь караулить только этот магазин.

Маленький паровозик "кукушка" ходил по узкоколейке до "станции" Первомайская, состоящей из двух домиков, в которых жил сторож, охраняющий вывозимый лес для комбината, и отдыхали машинисты и рабочие, занимающиеся отгрузкой древесины. Вот от этой "станции" и надо было прокладывать узкоколейку дальше до леспромхоза. Работа по постройке такой маленькой дороги с почти игрушечными рельсами оказалась непривычной. Надо было самим валить деревья, вырубая просеку. Часть деревьев распиливали на шпалы. Шпалы бросали прямо в болото, сплошь усеянное высокими, почти по пояс, кочками, которые, крепко промёрзшие, просто срубали топором. Изготовленные тут же шпалы были различной толщины, и приходилось их уравнивать: где что-то подкладывать, а где вырубать мёрзлую землю или мох, прежде чем укладывать шпалы.

Володька вызвался быть "костровым" — он с самого утра разводил большой костёр и целый день поддерживал огонь. Каждый перекур все собирались у костра, где у огня грелись и сушили рукавицы, и от нечего делать, трепались. В основном, слушали Барана, который много повидал в жизни и побывал на фронте. Но когда его спросили: "А каково там, на войне?". Баран сказал, что ничего не помнит — он всю войну занимался снабжением, и с первого дня на фронте до победы пил "не просыхая" с одним перерывом, когда его за пьянку

сослали на какие-то лесозаготовки. Там Баран с такими же, как он, штрафниками жили в землянке трезвые и голодные, работая целый месяц почти круглосуточно. А запомнился ему с войны только один случай.

Стояли они где-то под Калининградом. Фронт уже был далеко впереди. На железнодорожных путях стояли брошенные немцами составы, среди них цистерны. Никто не знал — что в этих поездах. В то время было не до них. Однажды при бомбёжке осколками пробило цистерны. Когда налёт закончился, вдруг солдаты со всей округи бросились к цистернам. Из пробитых осколками цистерн струями били фонтанчики. Это был спирт. Ручьи спирта текли по льду, протапливая в нём канавки. Солдаты черпали из этих ручейков, чем могли, наполняя спиртом котелки и фляги, а некоторые черпали снятым тут же сапогом. Всех разогнала созданная срочно по приказу охрана. Расслабленные после боёв в спокойной тыловой зоне солдаты желали только отдыха и искали развлечения. Все ждали очередного налёта, но фронт удалялся, и бомбёжек ждать не приходилось. И тут выручила солдатская смекалка. Кого-нибудь одного отсылали подальше от цистерн, и тот издалека стрелял, делая маленькую дырочку в цистерне. Солдаты спокойно, без лишнего шума подходили по очереди к заветной струйке, набирая спирту столько, сколько надо.

Увлекаясь своими байками, Баран мог рассказать то, что ему не следовало бы говорить. За одну историю его могли бы поколотить друзья, если бы догнали. Он однажды проснулся утром после большой попойки. Жена его огорошила: "Посмотри! Что ты вчера спьяну наделал!". Оказывается, он среди ночи, не соображая спросонок, открыл шкаф, в котором в ведре держал запас колотого сахара, приготовленного на бражку ко дню своего рождения. Жена не успела его оттащить вовремя. Думая, что открыл дверь туалета, Баран использовал ведро в качестве ночного горшка. Разглядывая утром это ведро, он увидел жёлтый, слипшийся большой комок. Что было ему делать? Выбросить жалко, сахару больше нигде не достанешь, а времени до дня рождения было в обрез. Тут кто-то из слушателей спросил:

- Ну! И что же ты сделал? — Баран, не подумав, сказал:

- Что сделал? Да поставил бражку! — Сказал и осёкся, как споткнулся. Наступило, вдруг какое-то странное молчание. Первым его нарушил 'Пионер':

- Так это тот твой день рождения, что был летом? То-то голова тогда очень болела! — Баран, сказав,

- Да! — вдруг понял то, что он своим языком наговорил, и бросился через сугроб в лес. За ним рванулись "Пионер" и милиционер-Вася с громким возгласом:

- Вот, гад! — Вася был действительно когда-то милиционером, пока его не выгнали за пьянку. Они под общий смех всех остальных в бригаде долго гонялись за бригадиром, так и не поймав его. Баран, хоть и был старше своих преследователей, оказался шустрее их.

На работу и обратно бригада тратила несколько километров по проложенной тропинке в сугробе. Жили в выделенной леспромхозом комнате с кроватями в два этажа, как в армии. Питались в столовой тем, что ели лесорубы. Пища была самой простой и очень дешёвой. Каждое утро сдавали на день по три рубля с человека (2,20 стоила пачка Беломора). Особенно необычным был завтрак, какой невозможно где-нибудь ещё увидеть — большая глубокая алюминиевая миска полная манной каши на воде, заправленной доброй порцией подсолнечного масла. Но в обед уже было нечто условно-мясное. Вечерами делать было нечего, кроме, как топить печку и играть в очко. За день все так уставали от тяжёлой работы и от дороги через сугроб, что сразу после столовой большинство засыпало. В феврале намело столько снегу, что до леспромхоза нельзя было добраться, а бригада ждала аванс. Когда деньги кончились совсем, ребята решили идти сами. Метель замела проложенную ими же тропинку. Шагая по сугробу, приходилось высоко задирать ноги — это было тяжело. В темноте временами не было видно даже просеки — можно было совсем потерять направление и заблудиться. Наконец, вдали, среди просветов деревьев показались огоньки. Это была Первомайская —

идти сразу стало легче. Их ждала неожиданная радость — на "станции" стоял паровозик с вагончиками. Дальше можно было доехать. Все бросились к "кукушке". Володька забрался от радости верхом на паровозик, Игорь машинально, не думая, последовал за ним. Они уселись плотно между горбами, которые были, как у верблюда, на этом маленьком чуде техники. Игорь думал, что машинист их сейчас прогонит. Но неожиданно раздался свисток сзади у Володьки где-то за его лопаткой, и паровозик тронулся. Машинист, видимо, решил их, нахалов проучить. Сначала ехали не быстро, и страху не было. Но вдруг "кукушка" разогналась под гору. Игорь, вспомнив то, как, когда ехали сюда, вагончики соскакивали с рельс. И вот тут стало страшно. Яркий фонарь светил только прямо, рельс не было видно — всё под снегом. А по бокам была чёрная пропасть. Но это продолжалось минуты три — дорога пошла в гору, и паровозик замедлил ход.

К весне работать стало легче. Днём грело солнце, а ночами стоял мороз. Образовался крепкий наст, и ходить по лесу стало так легко, как по асфальту. Расчищать снег для просеки было даже приятно. Игорь вырубал лопатой метр на метр, и раз — кубометра сразу нет, и дело пошло очень быстро. Ещё раз — и в спине вдруг что-то оборвалось так, что незадачливый лихач не мог пошевелиться. Кое-как Игорь добрался до леспромхоза. Никакого врача здесь не было — он не знал, как быть дальше, так как даже пошевелинуться уже не мог. Но пришли ребята и устроили праздник. Игорь, конечно, подключился. И за разговором и весельем постепенно забыл о своей спине. Вспомнил, когда с головной болью шёл на работу, — боли в спине никакой не было. Местные рабочие подсказали, как напрямую выйти на железную дорогу прямо к семафору. Оказалось, что это совсем недалеко, и по крепкому насту бригада стала ходить на работу прямо из дома. Вскресте бригаду отзывали с узкоколейки.

Тяжёлая работа, неустроенная жизнь, эти очереди в столовки за котлетами с душком иногда вызывали у ребят тоску.

Хотелось чего-то нового, свежего. Хотелось куда-то. Хотелось приключений. И Володька с Игорем ехали в Котлас, ехали просто так на выходной. А два раза ездили в Ленинград.

В канун "7 ноября" вдруг совсем неожиданно ударил мороз. Да не просто мороз, а мороз в 40 градусов. Игорь вышел на работу в кепочке. И никакой зимней одежды у него, и у Володьки тоже, не было. Бригаду привезли в тот день на работу на границу станции, чтобы сменить там семафор. Работа велась вручную, и большая толпа народа нужна была только для того, чтобы держать и натягивать тросы для поднятия семафора. Почти всё время уходило на подготовку и на закрепление тросов. Ребята больше ждали, чем работали, а стоять без движения было вдвойне холоднее. Бедный Игорь прыгал на месте, держась за уши, как сумасшедший. Наконец, работа была закончена, и, видя, что большинство рабочих одето, мягко говоря, не по сезону, начальство отпустило всех домой. Игорь с Володькой быстро так, как только смогли, добрались до станции и сели в вагон поезда Воркута-Ленинград.

Большую часть пути друзья проводили в вагоне-ресторане. Володька пижон. Он вёл себя, как завсегдатай ресторанов, пытаясь изображать хорошие манеры. Игорю было это немножко смешно, но он не возражал, подыгрывая Володьке. А тот говорил: "Давай на этот раз будем пить только водку — она здесь хорошая". Игорь не возражал. И они долго сидели перед налитыми рюмками, спокойно беседуя. И, действительно, торопиться-то некуда.

В Ленинграде было тепло, относительно, конечно. Игорь, нигде не задерживаясь, поехал в Лугу. Увидав его, Валентина Ивановна ахнула: "А я только вчера отправила тебе посылку!". Она отослала в посылке всё то, что нужно было для зимы. Пока мать хлопотала, выискивая то, что можно было ещё найти из тёплой одежды для сына, Игорь в это время с удовольствием уплетал домашний мамин обед, которого не пробовал долгое время. Время было в обрез — надо было возвращаться. Провожая сына, Валентина Ивановна сказала с укором, усмехаясь: "Выходит так, что ты приезжал только пообедать?".

Игорь заехал сразу к Володьке. Тот, встретив его, спросил: "Ты что? Опять раздетый?". Пришлось рассказать ему об отправленной посылке. Володька выручил: он одолжил ему морскую шинель брата и подарил, заодно, Игорю шарфик. Шарфик был белый, очень оригинальный, связанный из шёлковых волокон, извлечённых из парашютных строп. Он ещё много лет хранился у Игоря. Шинель не скоро могла понадобиться брату, который отбывал большой срок на зоне. Она была Игорю длинновата и узка, но в ней было тепло. Они с Володькой по просьбе Мотыля заехали ещё к его матери и затем отправились на вокзал.

Посылка пришла только через две недели. Игорь тут же на почте переоделся в то, что было в посылке: зимнюю шапку, свою "скобарку" и присланные тёплые подшитые валенки. И тут же на почте продал какому-то мужичку лишние валенки, купленные ещё в ДЛТ, и они с Володькой и с шинелью подмышкой пошли довольные в магазин, чтобы обмыть долгожданную посылку.

Следующий вояж друзей на "1 Мая" получился с приключениями. На этот раз в вагоне-ресторане Володька предложил: "Давай теперь будем пить только вино. А то каждый раз перебираем лишку, а вино всё же послабже. Да и погода жаркая". Действительно, погода в последний день апреля была отменная, и в Вологде, где поезд стоял долго, друзья вышли в привокзальный ресторан в одних рубашках, оставив пиджаки в поезде. В ресторане друзья расслабились и чуть не прозевали объявление об отправке поезда. На бегу Игорь замешкался, пропуская какую-то тележку, и в поезд запрыгнул уже на ходу. Найдя свой вагон и свои места, Игорь опешил — Володьки не было, вещей не было, а были какие-то незнакомые люди, к которым он стал предъявлять претензии. На шум пришли проводники, но ясность внести не смогли, пока один из проводников не спросил Игоря:

- Ты куда едешь-то?

- В Ленинград! Куда же ещё?

- Ну! А поезд-то идёт в Архангельск! — почему-то обрадовано сообщил проводник.

Всё встало на свои места. В Вологде все поезда приходят и отходят в одну сторону, так что перепутать поезда легко. Проводники посоветовали выйти на первой остановке и пересесты на встречный, который будет через час. Игорь вышел на первой остановке. На крутой горе стоял один домик — это оказался вокзал. Игорю повезло дважды — у него с собой были деньги, и на вокзале был маленький буфет. Обрадованный горе-пассажир заказал себе “сто пятьдесят” и стал ждать встречного.

В Вологде на Ленинградский поезд Игоря без билета не пустили. Объяснений слушать не стали и отправили объясняться к начальнику вокзала. Тот, выслушав рассказ Игоря, обещал помочь, и велел ему подождать, пока он свяжется с поездом, где остались вещи и его билет в карманчике пиджака. Через некоторое время начальник вокзала сказал, что вещи Игоря сняты с поезда в Бабаево. Билет не нашли, и поэтому начальник помочь ему не может. В одной рубашке Игорю на вокзале было холодно — не лето всё же. Дрожа от холода, он пошёл искать гостиницу.

С утра, бесцельно теряя время, Игорь болтался на вокзале. К вечеру, минуя проводников, он сел на Ленинградский поезд и тут же попал в руки ревизоров. Когда выписывали штраф на 25 рублей, Игорь так, на всякий случай, сказал: “Вот Вы меня наказываете, а ведь я Вам дорогу строю”. К удивлению Игоря, это подействовало на ревизора, и он участливо объяснил: “Что же ты сразу не сказал? Но я уже успел испортить бланки — так уж выпишу штраф. А ты не расстраивайся. Когда придёт тебе из Ярославля требование на оплату, то если найдёшь свой билет, отошлешь свои объяснения с билетом письмом в Ярославль. И всё будет в порядке”. Впоследствии так всё и произошло. Когда Игорь вышел в Бабаево, там ему отдали вещи и рассказали, как Володька буйнил — не хотел отдавать чемодан Игоря, пока его самого чуть не забрала милиция. Билет был на месте — приключение на этом закончилось.

Как и при первом приезде в совхоз времени хватило только на то, чтобы повидаться с матерью и братишкой, передать

Вадику купленные для него по дороге ботинки и, конечно, отгесться вкусной домашней пищей.

Первый раз на "экскурсию" в Котлас поехали в начале зимы всей Лужской компанией с девушками. В поезде пели песни и пили. Когда выходили с поезда, ребята уже мало что могли видеть. Девушки, конечно, ходили по магазинам, а ребята сразу попали в ресторан. Игорь в тот приезд совсем не помнил Котласа. Зайдя в туалет у вокзала, он вдруг услышал гудок паровоза и, решив, что это его поезд, бросился на вокзал. Ухватившись за поручни вагона отходящего поезда, попытался открыть дверь. Дверь была закрыта. Стучать было неудобно — руками надо было держаться. Он кричал, но слышать его было некому. Город проехали, кругом только лес. Руки на морозе замёрзли. Игорь клял себя за то, что сразу же не спрыгнул с поезда. Он знал, что перегоны здесь по 25 километров. И выдержат ли окоченевшие руки? Эх! Были бы хоть какие-нибудь перчатки.

Наконец, поезд остановился на станции. Проводница открыла дверь и помогла Игорю подняться в вагон — скрюченные руки не действовали. Он пошёл по вагонам искать друзей. И, действительно, поезд был тот, друзья нашлись. Оказывается, никто и не заметил, что Игорь отсутствовал. На полу между ногами лежал Володька, который спал на третьей полке и оттуда упал. Его не стали поднимать — опять упадёт. Когда Игорю налили стакан, только тогда заметили, что замерзшие его пальцы не разгибаются. Девушки захлопотали все сразу: пальцы тёрли водкой, согревали дыханием, закутывали во что-то шерстяное. Пальцы очень ломило — хоть кричи. Но они ожили, стали работать. Все выпили за спасение бедняги и его пальцев.

Раза два или три Игорь с Володькой ездили вдвоём в Котлас на "культурный отдых". В большом гастрономе их развеселили надписи отделов: "рыбный продавец", "мясной продавец", "штучный продавец", "хлебный продавец" ... Интересен был большой базар, на котором было всё, и всё было свежее. Люди с Кавказа продавали вино по 5 рублей за пивную

кружку — пей, не хочу. С этим вином случилась история, о которой все знали в СМП. Одна бригада из СМП (но не из Кизимы) ехала в командировку куда-то в Ухту и по дороге остановилась в Котласе "отдохнуть". Один из этой бригады, Вася, решив попробовать южного вина, сунул продавцу два трояка, взял кружку, ждёт сдачи, и слышит: "Эй! Что стоишь? Нэ мишай другим!". Вася робко заикнулся насчёт рубля сдачи. "Продавец возмущённо взорвался: Какой сдача? Рубль? Ай, дарагой, кокой ты мелочный! На тэбе твой рубль!". Васе стало стыдно за то, что никто не мелочный, а он такой жадный, и он не стал брать рубль, а отошёл с кружкой в сторону. Нагулявшись по Котласу, пока не надоело, бригада отправилась на вокзал. И тут Васе вздумалось выпить вина на посошок. Он подошёл к уже знакомому продавцу и стал шарить по карманам — мелких не было, только трёшка и рубль. Вася подумал, что продавец же не какой-нибудь там мелочный, и протянул ему рубль с трёшкой. Продавец возмутился больше, чем в прошлый раз: "Ай! Ты что мне даёшь? Видишь, здэс написано — пять? Э-э! Какой ты крахабор!". Вот тут Вася не стерпел: "И так я мелочный — и эдак я крохабор? Ах ты, гад!". И Вася врезал, как мог, кавказцу, целясь в нос. Тот истошно, почему-то писклявым голосом, завопил. Как из-под земли появились усатые ребята и бросились на Васю. Но Вася был не один. Сбежалась вся бригада и началась драка. Когда прибыла милиция, на земле остались двое: одного отвезли в больницу, а другой был мёртв — оба кавказцы. Вся милиция Котласа занялась поиском бригады. Завели уголовное дело. Стали искать на основной работе. Их там не было, в командировку тоже не приехали. Периодически милиция наведывалась то на работу, то в место командировки. Начальство не знало, куда подевалась целая бригада. Ходили слухи о том, что бригаду отправили тайно в очень дальнюю командировку. А кто его знает?

Игоря с Володькой привлекал только ресторан, находящийся на втором этаже большого деревянного здания прямо у пристани. Подходя к нему, друзья слышали ссору двух пьяных: "Да кто ты есть? Беременный моряк из Котласа?". Иго-

рю понравилось такое выражение. Оно подчёркивало, наверное, презрительное отношение к моряку, который плавал по реке, а не по морю, и только пять месяцев в году, — какой это моряк? В Котласе в морской форме ходили многие. По Северной Двине летом ходило много пароходов. В ресторане было всегда тихо, по всем углам стояли пальмы. В большие окна с высоты хорошо была видна скованная льдом река. Друзья заказали для начала ароматные сибирские пельмени и графинчик водки. К столу подошёл вежливый такой мужичок, и завёл разговор: “Вот Вы едите пельмени. Ну! Что это за еда? А вот раньше, в стародавние времена, больше ели сало. Как навернёт молодец шмат сала в полкило! Морда красная! Всё то самое, ну, сами понимаете, крепче железа! Аж горит! Плюнешь — шипит! В снег сунешь — шипит! Девки табуном так сзади и бегают!”. Друзья посмеялись — им байка понравилась. Володька налил рюмку весёлому мужичку, от закуски который отказался наотрез. Рассказав ещё пару анекдотов, тот ушёл к дальнему столику у окна, откуда через десять минут раздался смех. И там мужичку наливали рюмку. Есть такие люди, которые сразу почему-то вызывают к себе расположение. И мужичок пользовался этим. Когда друзья позже снова посетили этот ресторан, мужичок опять был там. Очевидно, он постоянно промышлял здесь, зарабатывая своими байками желанную рюмку. И вообще, народ здесь в Котласе, как заметил Игорь, был доброжелательный, спокойный, степенный, не то, что бирюки в Кизиме, или крикливые торговцы на базаре.

Лето 1957 года выдалось жарким. Под жарким солнцем многие из бригады сгорели. А тут ещё вышла работа — разгружать новые шпалы, пропитанные всегда креозотом. Пыль креозота покрыла вспотевшие от пота тела. Сожжённые загаром, покрытые ядовитой пылью креозота тела — это ад, невыносимый под жарким солнцем. Работали в основном на перегонах, где вода была только в болотах — жажда мучила постоянно. Если набрать в ладошку болотной цвета чёрного кофе воды, видны десятки кишаших букашек и козявок, ко-

торые снуют, извиваются, виляют и передвигаются всякими немислимыми способами. Но ребята нашли выход — процеживали этот суп с живыми клёцками через носовые платки и пили. И, удивительно, никто не умер, и даже ни один живот в бригаде не заболел. А у Игоря ко всем этим бедам добавилась ещё одна.

В полувагонах (вагонах без крыши) люки при выгрузке груза (сыпучего) открываются снизу. Обычно сильным ударом лома по рычажку они открываются легко. Но однажды рычажок заело, и Игорь, увлѣкшись, всё бил и бил по рычажку. Люк открылся неожиданно, и удар пришѣлся по пальцам, которые держали лом. Игорь посмотрел на свой сплюсненный кончик пальца — из него торчало что-то неестественно белое, а крови долго не было. Несчастный стал уже терять сознание, когда вдруг хлынула кровь. Это произошло, к счастью, недалеко от станции, Игорь побежал в медпункт, зажав палец. Врач перевязала рану, но освобождения от работы не дала: "Подумаешь! Тоже мне, рана! Да ещё и рука левая. Работать можешь!". Врачиха осталась в наследство ещё со времѣн лагеря, и привыкла работать с заключѣнными. А по пустякам заключѣнному, если он сам держится на ногах, освобождения от работы не положено, ну, если только его не приносили на носилках. И Игорь, пока не зажила рана, работал одной рукой.

Работать стало полегче, когда бригаду перебросили для помощи строителям, устанавливающим сборные дома, сделанные на комбинате. Здесь была вода и тень, где можно было бы отдохнуть от жары, хотя бы на перекуре. Дома в этих краях, где вечная мерзлота и болота, ставились не на фундамент, а на вкопанные в землю бетонные столбы в два с половиной метра. Верхний мягкий слой земли был неустойчив, подвижен и не держал дома. Устойчивость и надёжность была ниже — в вечной мерзлоте. Бригада копала ямы и устанавливала в них столбы. Верхний мягкий слой земли копать было просто и быстро. Но через метр начиналась мерзлота — надо было браться за лом. Работа стопорилась. Ребята нашли выход — разбивали столб пополам и закапывали только половинку.

Работа сразу пошла быстрее. Вторую лишнюю половину столба топили в болоте.

На этой работе Игорь неожиданно получил один полезный жизненный урок. Рядом с ним яму копал старичок, рабочий с комбината. Игорь с жалостью посмотрел на него: старик спокойно, не спеша, очень аккуратно подравнивая края, выбирал землю из ямы так, как будто стремился сделать яму очень ровной и красивой. Игорь подумал: "И сколько он будет так копать? К вечеру-то хоть закончит свою яму?". Игорь больше на старика не обращал внимания — было некогда. Он закончил работу быстро, и тогда обернулся: "Сколько же старик успел выкопать? Успел ли дойти до половины?". Игорь не поверил своим глазам: старик закончил свою яму раньше и уже даже успел выкурить сигарку. Это казалось необъяснимым. Спрашивать было как-то неудобно, но Игорь всё же выразил старику своё удивление. Старик весело с удовольствием объяснил: "Сынок! Ты молодой и сильный, зато я в своей жизни перекопал землицы — не перемерять, а тебе, видать, ямы копать не приводилось. А я умею это делать. Смотри! Ты нарыл кучу земли раза в три больше, чем я — это лишняя работа. Так что ж ты хочешь?". В его словах заключалась истина: даже в самом простом деле, даже в таком, как работа лопатой, необходима сноровка, нужен опыт.

За год тяжёлой работы на дороге Игорь, как и многие молодые, такие же, как он "комсомольцы", приобрёл опыт немалый. Однажды в конце лета бригаде на дальнем перегоне пришлось заниматься распланированием балласта, выгруженного с думпкаров, саморазгружающихся платформ (вагонов-самосвалов). Думпкар — кучу в 50 тонн песка надо было разбрасывать ровным слоем по площадке на длину одного вагона (25 метров). На перекуре ребята, как всегда, балагурили. Вася "милиционер", лёжа на тёплом песке, вдруг спросил: "А вот сколько надо времени, чтобы разбросать один думпкар?". Все заспорили. Подал голос Баран: "Ну! Кто за час вдвоём разбросает 50 тонн? До вечера отдыхаете! А бригада угощает!". Баран посмотрел на Игоря с Володькой: "Ну! Орлы! Глаза боятся — руки делают!". Он эту любимую свою пого-

ворку повторял почти каждый день. Володька с Игорем согласились, взяли лопаты. Баран добавил: "И не халтурить! А в магазин уж, если за час закончите, сами прогуляетесь!". Друзья встали с двух сторон кучи: "Раз-два! Раз-два! — кидать надо было далеко и точно, чтобы второй раз кидать не пришлось. — Раз-два! Раз-два! — ни одного лишнего движения, ни одного лишнего шага. — Раз-два! Раз-два!". Весёлая бригада, видимо, решила подшутить над друзьями, но веселья у них не получилось. Игорь с Володькой спор выиграли.

С далёкого перегона бригаду отправили назад в Кизиму, кроме Мотыля, который остался командовать вновь созданной бригадой, относящейся уже к другому участку. Участком этим руководил прораб, бывший зэк, маленький чёрненький человечек с резким как бы металлическим голосом. У них с Мотылём установились странные, непонятные для посторонних отношения, отношения людей, понимающих друг друга без слов. Их можно было бы считать лучшими друзьями, пока не наступал день закрытия нарядов. Когда приходил этот день, они с парой бутылок водки закрывались в вагончике и начинали спорить по каждому пункту наряда. Крики спорщиков были слышны далеко от вагончика, а затем переходили в драку, точнее, побои. Бил, конечно, Мотыль. Когда наряд окончательно подписывался, противники мирно допивали водку. Каждый раз упрямый прораб, зная, что его там опять будут бить, шёл в вагончик настырно, чтобы не терять своё я — он не привык сдаваться. Потом Мотыль нашёл "новый прогрессивный метод" работы. Он познакомился с бульдозеристом из ближайшего леспромхоза. Как только приходил очередной состав думпкаров, кто-нибудь бежал за бульдозеристом, который быстро разравнивал трактором весь песок, а Мотыль два дня поил тракториста. Бригада только разравнивала следы от гусениц. Работа выполнена — ребята пили водку.

В жаркую летнюю пору, ребята вдруг узнали, что, оказывается, в Кизиме была речка, в которой можно было купаться. От станции до речки было далеко, но в выходной времени не было жаль на то, чтобы искупаться и полностью рассла-

биться после жары и тяжёлой работы. Вода в реке была почти чёрная, болотная и очень холодная. Берега были такие крутые, что выбраться на берег смог бы не каждый. Речка была очень глубокой. Нырнувший Игорь дна не достиг, наткнулся на большие коряги, и, напугавшись их, вылетел наверх. Но в одном месте была небольшая песчаная коса, где между берегом и наносом песка было мелко. На этом месте, как лягушки, собравшиеся в одно место весной, бултыхались ребята и женщины. На высоком берегу реки одиноко стояла банька, которая была хороша тем, что после жаркой парилки можно было броситься сразу в холодную воду реки, чего нельзя было сделать, посещая баню на станции. Однажды Игорь, бросившись таким образом в холодную воду, чуть было не утонул. Доплыв до середины реки, он внезапно почувствовал слабость — руки и ноги отказывались шевелиться. Обернувшись, он увидел, что на берегу не было ни души — в тот день была ненастная погода, а Володька, окунувшись, видимо, сразу ушёл. Кое-как доплыв до берега, цепляясь за траву, которая всё время рвалась и рвалась, Игорь потерял сознание. Приходя в сознание, в полузабытьи он выбрал пучок травы покрупнее, чтобы его не отнесло течением, уцепился за него, и тогда уже спокойно стал дышать. Силы постепенно возвращались. На четвереньках Игорь с трудом выполз на берег и, шатаясь, как в тумане побрёл в парилку. Там Володька что-то ему говорил, что-то спрашивал, но Игорь ничего не понимал. И тут вдруг ему стало тепло, стало так хорошо, так приятно! И даже стало понятно, что говорит Володька: "Ты что улыбаешься? Что там такое случилось?". Володька принёс из предбанника стакан водки. Игорь выпил — и тут уж стало совсем хорошо.

К концу лета Игорь с друзьями виделся редко. С Мотылём он вообще больше не встречался. Тот в Кизиму не приезжал, работая со своей бригадой на далёком перегоне. А Володьку Игорь видел только на работе. Тот постоянно пропадал со своей новой подругой, молодой спортсменкой-комсомолкой. Они жили в малюсенькой комнатке в домике у входа в зону.

Комнатку им выделило начальство, заботливо относившееся к молодым парам. У Володьки отношения к спортсменке были серьёзные. Осенью они поженились и уехали в Магадан, откуда Игорь получал письма от друга, когда уже служил в Армии.

В столовой на станции работала очень бойкая повариха, которая в шутку постоянно выражала симпатии Игорю, громко предлагая, например, прийти к ней вечером, или сходить в кино, или что-нибудь в этом роде. Игорь чаще молчал, или что-то там обещал. Эти громко сказанные шутки и молчание Игоря веселили не только поварих, но и ребят, которые поддерживали разговор по теме. Но это были не совсем шутки: Октябрина, как звали повариху, тихонько на раздаче подкладывала под гарнир то лишнюю котлету, то шницель, а то давала дополнительную порцию второго, чего Игорь и не заказывал. А вот это ему уже нравилось, особенно, перед самой зарплатой. А Октябрина не нравилась. Ребята корили: "Ну сходил бы хоть раз в кино с ней, нахал. Чего тебе?". Октябрина была очень упорной. Когда она встретила Игоря вместе с другой девушкой, то всё равно продолжала свои шутки и подкладывала под гарнир аппетитные сюрпризы. Той другой девушкой была Рита, которая работала в столовой в зоне. Они встречались в столовой по ночам, где она дежурила, присматривая за топящейся плитой. Там иногда оставались котлеты, и всегда был сладкий кофе, что очень было кстати, особенно, перед зарплатой. А Рита Игорю не нравилась, а понравилась ему другая, с которой он стал проводить всё своё время с середины лета. А проводить время с любимыми ребятам было негде. Была в зоне маленькая пустующая банька, но она была одна, и всё время кем-нибудь занята. На улице же летом здесь было столько комаров, сколько Игорь никогда не видел — вечером от комаров даже воздух был густой, а выходить на улицу после захода солнца можно было только с большими ветками в обеих руках. В комнатах у девушек проводить ночь было очень неудобно. Но всё больше, всё чаще появлялись новые молодые пары к удовольствию начальства, которое поощряло и поддерживало желания создавать семьи. Семейные люди —

более ответственные и надёжные работники. Когда Женька из бригады Барана решил жениться, ему с молодой женой начальство выделяло вагончик, а он предложил Игорю с его подружкой вместе поселиться в отдельном вагончике — подружки были давно близко знакомы между собой. Теперь у Игоря всегда был домашний обед и отличное место для отдыха, кроме чего ему больше ничего другого было и не надо, только что оставалось ходить на работу.

Жизнь “комсомольцев” в Кизиме входила в рамки осёдлости. Однажды Игоря отыскивали бойкие девушки, активистки-комсомолки, и пристали с вопросами: “Ведь ты же комсомолец? А комсомольский билет у тебя остался? Ты же не закончил школу? Так?”. Комсомольский билет у Игоря был, но последний комсомольский взнос он заплатил ещё в школе, как ученик — 15 копеек в месяц, перед тем, как её бросил. Ему не хотелось платить, как положено — определённый процент от зарплаты за полтора года, за пустое дело. Игорь послал активисток-комсомолок подальше. Но на то они и активистки, чтобы “да не настоять на своём?”. И Игоря уговорили, в конце концов, заплатить комсомольские взносы за полтора года (как школьнику по 15 копеек), восстановив его в “комсомольских правах”, а, заодно, уговорили записаться в вечернюю школу в 10 класс.

Но судьба распорядилась по-своему. Игорю пришла повестка из военкомата.

АРМИЯ

Дорога Игоря в армию начиналась с Котласа. От Котласа призывники должны были плыть на пароходе в районный центр Черевково на последнюю (да и единственную) медицинскую комиссию. Из Кизимы народу было много. На пароходе все пили и пели, кроме одного. Саша, которого когда-то вместе с его другом Пашей Мотыль “учил” топором, не пил даже пива, зная о нестабильности своего давления и опасаясь, что

он не пройдёт комиссии, и его тогда не возьмут в армию. А в то время к человеку, не отслужившему в армии, относились подозрительно, как к дефективному, особенно девушки.

На комиссию призывники прибыли навеселе, но комиссию все прошли успешно, кроме одного. Это был бедный Саша, которого давление всё-таки подвело. И, когда на обратном пути, на пароходе весь народ праздновал своё "посвящение в новобранцы", Саша напился (теперь уж всё равно) больше всех и начал плакать пьяными слезами, представляя, видимо, как он вернётся в свою деревню забракованным.

В Котласе "покупатели" в лице офицеров с сержантами, представляющие свои воинские части, по заранее составленным спискам начали отбирать "товар". Переключка шла долго. "Товар" — отобранных по спискам новобранцев, строили, знакомили с сержантами, отводили в барак с двухэтажными нарами, и велели ждать. Пока стояли на переключке, Игорь вдруг почувствовал озноб, жар, слабость. Добираясь до нар, он ощутил, что ноги его не держат. Игорь подумал, что простудился на пароходе, и что всё скоро пройдёт. Но становилось хуже. Случайно узнав, что раньше, чем через сутки, их с места не потревожат, Игорь решил податься в Кизиму. От вокзала в Кизиме до своего вагончика он шёл, шатаясь, — сил уже не было. В их вагончике было тепло и уютно. Но умеренная температура была за сорок. Ему тут же сделали "пунш" — стакан горячего, крепкого, сладкого чая наполовину с водкой. Согретый этим "пуншем", он уснул.

Утром Игорь вернулся в Котлас. Чувствовал он себя хорошо — "пунш", к удивлению, очень помог, но во рту у него отчего-то зудело и ныло, зубы все шатались. Игорь сплюнул — кровь. Мелькнула мысль: "Наверное, цинга". И только он подумал, что надо бы к врачу, как пришла команда: "По вагонам!".

В теплушке Игорь в ознобе забился подальше на нары. Сил не хватило даже на то, чтобы бросить последний прощальный взгляд, проезжая мимо Кизимы. Весёлый, смеющийся крепыш, видимо, чтобы подбодрить Игоря, протянул ему стакан водки со словами: "На! Вампир! Взбодрись!". Тот сначала ра-

зозлился на слово "вампир", но сразу понял шутку — губы его были постоянно красные от запёкшейся сочащейся крови (сущий вампир). Водка обожгла рот, как кислота. Оказалось, что Игорь не мог ни есть, ни пить, и не только водку, но даже и воду — рот его представлял собой сплошную кровоточащую рану. Поезд их надолго задерживался на запасных путях каких-то станций. Новобранцы тогда бегали в магазин "за горючим", и пили, угощая лейтенанта и сержантов. Им было весело, а Игорю, который из-за боли не мог ни есть, ни пить, радоваться было нечему. Но, неожиданно, как в награду за все его напасти, судьба даровала ему радостную весть — их везли в Ленинградскую область. Для всех это было "куда-то там", а для Игоря это было "почти домой". От разоткровенничавшегося после выпивки сержанта он узнал номер воинской части, и где она находится — это Громово Приозерского района. Наконец, поезд прибыл в Питер, и после трёх дней пути остановился в тупике на Сортировочной. Говорят, что человек может обходиться без еды месяц, а без воды до двух дней. Так это неправда — Игорь не пил уже трое суток, и мог бы терпеть ещё. Это заметили все, и лейтенант тоже. Лейтенант, у которого болела голова от изрядного количества, выпитого в дороге, собрался в город и взял с собой Игоря. На Московском вокзале в медпункте несчастному больному долго обрабатывали рот чем-то похожим на синьку. И сразу же — боли, как не бывало. А молодой неопытный бестолковый лейтенант приехал в город, оказывается, для того, чтобы "отпроситься по болезни" домой. Найдя военного коменданта на Финляндском вокзале, он получил хорошую выволочку с обещанием трибунала за оставление подчинённых без присмотра. Игорь слышал за дверью громкий крик коменданта, и ему стало жалко беднягу лейтенанта.

Лейтенант и Игорь сели на электричку, держа курс на Сортировочную. И тут Игорь подумал: "Чтобы быть в Питере, да не навестить знакомых? Да нет уж! Дудки!". Перед самым объявлением об отправлении электрички он вышел, якобы покурить, в тамбур, и выскочил из вагона. Поезд тронулся, увозя лейтенанта.

- Это что за старик спит у нас на полу? — это сказал вернувшийся с работы старший брат Жигана. Сам Жиган уже целый год служил в армии. А на полу спал Игорь, отсвечивающий белесой стриженной головой, действительно, смахивающей на седую голову старика. Сон сморил его мгновенно, как только он попал в уютную домашнюю обстановку после трёх бессонных ночей в теплушке. А на пол Игорь лёг потому, что был облачён в лохмотья, в то, в чём ходил на работу: в шаровары, испачканные в глине, и в стоптанные сапоги, просящие каши. Так в те времена было принято у призывников снаряжаться в армию. То, что было одето на рекрутах, нигде тогда не хранилось, а просто выбрасывалось. А демобилизованные brave солдаты из армии возвращались домой в форме. Смех по поводу "старика" разбудил Игоря. Стол был уже давно накрыт, и вся семья Жигана, правда, без него самого, стала отмечать проводы "ещё одного солдата" в армию. Игорь, к счастью, оказывается, мог уже не только пить, но даже как-то жевать — хотя зубы его ещё шатались. Но после трёхдневной голодовки, от выпитого одного стакана водки он так захмелел, что едва держался на ногах. Брат Жигана отвёз Игоря на Кушелевку, откуда отходили тогда поезда на Приозерск, водрузил его на верхнюю полку вагона и попросил попутчиков разбудить в Громе.

В Громе Игорь подошёл к офицерам на зелёном газике и назвал воинскую часть. Те подивились "откуда взялось такое потрёпанное чудо", долго расспрашивали, развеселились всему рассказанному Игорем, и наконец сказали: "Садись! Тебе повезло! Мы как раз, туда!".

Его высадили на КПП и велели ждать. Хмель у Игоря всё ещё не прошёл, и он всё что-то рассказывал и рассказывал, не умолкая. Дежурные солдаты КПП, с любопытством окружив его плотным кольцом, весело смеялись. Потом кто-то там позвонил по телефону, и ему сказали, чтобы шёл прямо в клуб, где и переночует. Когда он проходил мимо аккуратно ухоженного здания (это потом оказалось — штаб полка), курящий офицер на крыльце окликнул: "Эй! Ты кто такой! Ко мне бегом марш!". Игорю очень не понравилось такое к себе хамс-

кое обращение, и он ответил прямым текстом: "Пошёл ты на ...!". И, не останавливаясь, пошёл дальше. Офицер что-то кричал срывающимся до писка голосом, топя ногами, но следом не побежал.

В клубе Игоря удивила скукота и унылость лениво передвигающихся солдат. В дальнем полутёмном углу играли в бильярд. Остальные несколько человек отрешённо смотрели на сцену. Там шла репетиция, видимо, к какому-то празднику. Солдаты пели песню:

Мы порою писем ждём крылатых,
Вспоминая девушек знакомых,
Это ничего, что мы солдаты
Далеко ушли от дома.

Песня Игорю понравилась. Неожиданно, все сразу ушли, Игорь улёгся на стульях первого ряда и уснул.

Разбудил Игоря утром какой-то сержант:

- Вы кто такой? Как Вы сюда попали? — Удивило Игоря то, как он обращался, как-то официально — на Вы. Вопрос был дурацкий, и он ответил так же.

- Ночью тут луна проплывала. Вот я оттуда и свалился. — Сержанту ответ, видимо, не понравился.

- Вот Вы лежите, а я ведь старше Вас, и пред Вами стою?

- Так в чём же дело? Ложитесь рядом, будем лёжа разговаривать! — Сержант резко повернулся и ушёл. Очень хотелось есть, и Игорь пошёл к штабу. Вчерашний офицер сказал коротко: "Ходи голодный! Иди отсюда!". Слышавший это солдат, посоветовал Игорю: "Сейчас этот дежурный по части сменится, а новый мужик хороший — подойди к нему". Так Игорь и сделал.

В огромной столовой повар взял мятую, гнутую алюминиевую тарелку, и с размаху шлёпнул ложку жидкого пюре на воде, которое расплылось по всей тарелке тонким слоем, и сунул туда зелёную солёную помидорку с червоточинкой. На изумлённый вопрос Игоря: "Это всё?", повар ответил, что хлеб надо взять в хлеборезке, а чай в чайнике на столе ещё горячий. Через окошечко хлеборезки важный солдат просунул два тонких кусочка хлеба и полтора кусочка (а за ужином

один) сахара. Игорь, сидя за столом, задумчиво с недоумением уставился на всё это перед собой: "Разве можно выжить при таком питании? Да я же через неделю с голоду умру!". Пробегаящий мимо солдат наверно угадал его мысли, и успокоил, сказав, что сегодня понедельник. А по понедельникам "ефрейторский" (разгрузочный) день, когда пища вегетарианская.

Вот так и началась для Игоря армейская жизнь. Жизнь весёлая, полная приключений. Со службой ему очень повезло — он удачно попал в хорошее место.

Идти Игорю было некуда, и он с любопытством наблюдал за занятиями физкультурой свежестриженных новобранцев. Большинство из них были, по всей видимости, с Кавказа. Они весело смеялись, вероятно, глядя на его нелепый, не к месту, вид, а он смеялся, глядя на их неуклюжесть — из всего взвода только трое смогли до конца, не упав, пройти по буму. Особо выделялся один жирный неповоротливый увалень, которого все постоянно окликали: "Эй! Лаврентий!". Иногда называли "Лавреном", или "Лаврентием Павловичем". Увалень был мегрелом, имя у него было совсем другое, а звали его так в честь знаменитого земляка-мегрела Лаврентия Берия — они, действительно, были похожими, только молодой не носил очков. А Лаврен не отзывался, молчал и только снисходительно улыбался. Когда новобранцы ушли, Игорь подошёл к брускам и попытался отжаться на руках. И вдруг, "о, ужас" — он не смог отжаться и пары раз. Он всегда думал, что тяжёлый физический труд на железной дороге закалил его, как, например, работа с кувалдой молотобойца, но, видимо, не каждый физический труд способствует закалке и наращиванию мышц. Игорь прибыл в армию невероятно ослабленным физически. Но может быть, ещё сказалась болезнь в дороге и трёхдневное голодание в теплушке.

Пришёл солдат, подозвал Игоря и проводил к бане, где его ждал старшина, который выдал ему солдатское обмундирование. Когда Игорь стал раздеваться, подскочил какой-то солдат и попросил отдать ему ремень, другой — выпросил сапо-

ги. А на вопрос "на кой ляд они ему, такие стоптанные и дражные?", солдат сказал: "На сдачу. Эти сдам, а получу новые". Всё это для Игоря было в диковинку — интересно. А когда после бани он стал одеваться, солдаты с любопытством смотрели на него — одежда для него была непривычной. Воротник, пуговицы, ремень — всё было как-то не на тех местах. Отворот шинели стоял дыбом и никак не хотел отгибаться. Подошёл смеющийся солдат: "Нет, дорогой! Теперь будешь носить вот так!". И застегнул полы шинели Игорю на все крючки.

По выходе из бани Игоря вдруг встретило громкое "Ура" — это только что прибыли весёлые попутчики из Котласа. И с марша — сразу в баню. На следующее утро Игоря привели в штаб. Там, видимо, разбирали дело лейтенанта, привёзшего призывников из Котласа. Тот, оказывается, на Сортировочной свою команду не нашёл, и всю вину свалил на Игоря, сказав, что он весь день ловил беглеца по трамваям, автобусам, и чуть ли не по крышам. Спросили Игоря: "Правда ли это?". Игорь смотрел на лейтенанта, на его болезненный, жалкий вид, и ему стало жаль беднягу. Он подтвердил, что так всё и было — "а что ему?". Майор, видимо, старший, подумав, сказал Игорю: "Ох! И трудно же тебе будет служить. Иди в казарму!". Майор ошибался — служба хоть и была с приключениями, но трудной не была.

Служба в армии всегда начинается с карантина. Новобранцев учат наматывать портянки, подшивать подворотнички, чистить пастой пуговицы и бляхи, мыть полы в казарме, чистить сапоги. Но главное в учёбе новобранца — это выполнение команд. Команды должны выполняться быстро и слаженно, для чего они без конца повторяются для всех, если кто-то, хотя бы один, замешкался: "Головные уборы снять! Садись! Встать! Головные уборы одеть! Головные уборы снять! Садись! Встать! ... ". И так без конца.

По утрам после подъёма зарядка в нижних рубашках с пробежкой по пять километров туда и обратно в любую погоду. За малейшую провинность (пререкания, разговоры в строю и многое другое) следует объявление наряда вне очереди —

это персональное наказание (мытьё полов, уборка туалета и многое другое). И, конечно, "строевая подготовка" — бесконечная маршрутовка строем с песней. Днём новобранцев выводили на работу: таскать камни, песок, брёвна в лесу. Работа была часто надуманной тяжёлой и бессмысленной: одна команда, например, переносила гору камней — другая назавтра возвращала её обратно.

Служба в карантине была нудной и тяжёлой, но иногда и весёлой. Перед тем, как отправить новобранцев на работу, старшина каждый раз объявлял: "Кто больной, выйти из строя!". Все ребята с Кавказа, как один, выходят из строя. Старшина их отправляет в санчасть. А когда там выясняется, что все до одного симулянты, старшина всех их строем отправляет на самую тяжёлую работу, на всю неделю. Один из ребят с Кавказа, таким же образом вышел из строя, назвавшись опытным портным со стажем. И ему дали задание перелицевать парадную шинель самого "бати" (так называют командира полка). Неделю он наслаждался "свободой" — сидел в своём армейском ателье, ходил, когда и куда хотел, таскал из столовой горы хлебных мякишей "для очистки распоротой шинели". А через неделю "опытного портного" отвели на десять суток на "губу" (гауптвахту), а шинель отнесли в городское ателье.

Наиболее грамотных новобранцев, к которым причислили и Игоря, после прохождения карантина направили на учёбу на 6 месяцев в школу операторов РЛС (радиолокационные станции) в Приозерск.

Попав в армию, Игорь, к своему удивлению, заметил, как разительно отличаются люди, прибывшие из разных областей страны. Например, обидчивые, заносчивые кавказцы всегда во всём стремятся схитрить, как те "больные", или "мастер-портной" в период карантина. И в первое время службы они держатся всегда "особняком" от других. Как-то раз, проходя в казарме мимо сушилки (жаркое пространство, наподобие шкафа, над специальной печью для просушки мокрой одежды для всей роты — этакая огромная духовка 2х2 мет-

ра), Игорь услышал странный звук. Звук шёл непонятно откуда, как из-под земли, и похож был на заунывное церковное пение. Игорь, внимательно прислушиваясь, пошёл на звук, и открыл дверь в помещение сушилки. Там из самой сушилки торчали подошвы сапог — пар 20 — 30. Это ребята с Кавказа грелись, тоскуя по дому, они пели родные песни. Позже, когда Игорь после школы операторов служил уже в роте, был такой случай с одним "салагой" (солдат первого года службы) Гришей Абрамяном. У Гриши выросла (после "призывной" стрижки под ноль) курчавая пышная шевелюра, а длинные волосы носить в армии не положено. Гриша гордился шевелюрой, и стричься не хотел. После многих бесполезных напоминаний старшины, за дело взялись "старички" (солдаты третьего года службы). Пока двое "старичков" держали "салагу" на стуле, третий выстриг "дорожку" машинкой ото лба до затылка. Бедный Гриша визжал и выл. Игорь недоумевал: "Неужели этот Гриша думал, что "старички" стерпят, чтобы какой-то "салага" позволял себе то, что не дозволено им? И зачем этому Грише так уж нужна шевелюра?"

Много было ребят из Белоруссии и откуда-то с Волги. Белорусы, те, что из деревень, в основном из западных областей, были какими-то чужими, пугливыми, осторожными, прижимистыми и скучными. Ребята, призванные из городов Гомеля, Минска, Одессы, сразу становились для Игоря своими — они все понимали друг друга с полуслова (и без слов). Это были весёлые парни. Это были друзья. Это были "свои".

Через год службы различия между солдатами, откуда бы они ни приехали, пропадали. Служба в армии сплавливает людей.

В школе изучались такие дисциплины, как электротехника, радиотехника, радиолокация и различные солдатские науки. Были и дежурства (очередные наряды) по роте, и по кухне, и караульная служба. Каждое утро после утренней зарядки в одних рубашках (и зимой тоже) все отправлялись на завтрак. После завтрака начинались занятия в классах. Согревшихся после холодной зарядки, насытившихся после завтра-

ка курсантов неизбежно тянуло на сон. Почти у каждого был свой способ спать незаметно. Игорь, например, подкладывал под локти резинки, чтобы локти, упирающиеся в подбородок, не разъезжались, а рыжий Жора Железовский, на зависть другим, умел спать с открытыми глазами. Преподаватели, конечно, пресекали такое безобразие, как сон на занятиях, в плохом настроении они могли и наказать — объявить наряд вне очереди. Самым неприятным нарядом было мытьё полов в казарме в личное время, или ночью. Полы в казармах мылись и натирались мастикой каждый день. Большинство преподавателей в школе операторов были офицеры-фронтовики, загнанные на это преподавание принудительно из-за нехватки молодых кадров. Они относились к работе как к временной, тяготились ею, и любили, как и их курсанты, расслабиться и пошутить. Излюбленной шуткой в борьбе со сном была такая. Тихим голосом преподаватель объявлял: "Внимание! Только для тех, кто спит!". И во весь голос давал команду: "Встать!". Тут все спящие, не услышавшие первой части команды, вскакивали под общий смех остальных. Один раз оконфузился Игорь. Он заснул так крепко, что захрапел. Услышав такое, преподаватель поднял вверх палец, что означало: "Внимание! Тишина!". В полной тишине чётко был слышен храп Игоря, пока кто-то не выдержал и засмеялся, что вылилось в общее веселье, а любитель крепкого сна заработал наряд вне очереди.

К каждому празднику Валентина Ивановна присылала сыну в конверте с письмом немного денег. Игорь стал думать о том, как бы отпраздновать Новый год. Для этого он сговорился с Олегом (из Минска), который мог пронести водку, так как, будучи на гражданке прорабом, имел деликатное поручение руководить постройкой дома для одного офицера. На праздник для курсантов школы устроили культурное мероприятие: праздник в пустующей на период каникул городской школе-интернате. Ёлка там уже была, осталось только привести строем всех солдат школы операторов, да выставить у выхода посты, чтобы ни одна душа не вышла на улицу.

Водку Олег принёс и спрятал. И перед построением на "праздничный" поход в школу, они выпили пол-литра в пустом классе. По дороге строем в город Игорю вдруг вспомнилась гражданка. И вдруг накатила такая тоска: "К чертям этот строй! К чертям этот марш! К чертям эту армию!". Так захотелось выпить! А денег уже нет! Рядом шёл Сергиенко с их взвода. У него деньги были, и они договорились, что, как придут на место, Игорь пойдёт в магазин. В толчее Сергиенко потерялся. Кто-то сказал, что он в наряде в гардеробе. Но там его не оказалось — куда-то вышел. В гардеробе скучали незнакомые ребята. Узнав, зачем Игорю Сергиенко, они сказали: "Да зачем тебе Сергиенко? На, деньги и иди в магазин, если, конечно, пройдёшь". Игорь шёл мимо поста у выхода с таким независимым видом, что глупые ещё "салаги", думая "значит так и надо", даже никак не отреагировали на него. Игорь так же свободно вернулся. Ребята выпили все за Новый год. Пришли их друзья, и к Игорю: "А ещё сможешь?". Игорь "смог" точно так же, как и в первый раз. А друзей оказалось много. И все просили заслать "гонца". Игорь уже не помнил, в который раз он возвращался из магазина, раздетый, с бутылкой и четвертинкой в карманах, когда его окликнул какой-то майор: "Товарищ рядовой! Вы почему не по форме? Почему раздеты?.. А-а-а!?... Да Вы ещё и пьяны?!". Это после Игорь узнал, что майор — преподаватель их школы по химической защите. И что он добрый и весёлый человек, с хорошим чувством юмора, за что его солдаты уважали, и звали за глаза "Химдым". Майор взял у Игоря бутылки, забросил их в сугроб и приказал идти за ним. Игорь уже мало что соображал, его тянуло к бутылкам, что были в сугробе. Майор оборачивался: "Куда? А ну, за мной!". Игоря снова само собой разворачивало, и как магнитом опять тянуло к сугробу. Майору это надоело: "Иди впереди меня!".

Пока майор отчитывал на входе горе-охрану, шатающийся Игорь поднимался по лестнице. И тут перед ним возникла щеголеватая фигура старшего лейтенанта. Это был военный комендант города. Комендант, при виде такого небывалого безобразия, чуть не потерял дар речи: "Эт-то что такое!

Из какого взвода? Фамилия! Документы!". На шум подбежали несколько сержантов. Кто-то услужливо сказал: "Они ещё присягу не приняли. Если и есть, то только комсомольский билет". Сержант достал из кармана Игоря билет и протянул коменданту, тот, прочитав фамилию, сунул билет обратно в карман. Игорь этого не заметил, перед глазами его всё расплывалось, и он стал требовать от старшего лейтенанта свой комсомольский билет: "Не имеете права трогать мой билет!". Игорь упрямо настаивал, хотя ему сказали, что билет вернули. Но он настаивал, и двинулся на коменданта. А тот не выдержал и врезал "нахалу" по физиономии. А вот этого Игорь уже стерпеть не мог и, собравшись с силами, дал сдачи раз, и ещё раз. Тут же на него со всех сторон набросились сержанты. Их было много, они мешали друг другу, и поэтому не могли долгое время ничего сделать — Игорь упирался, изворачиваясь между ними. Собравшиеся, все, кто был на празднике, уже начали смеяться и улюлюкать. Наконец, плотный сержант, оказавшийся боксёром, догадался ударить Игоря в сплетение.

Его привели наверх в кабинет. За столом сидел полковник (командир школы), а рядом лейтенант, взводный Игоря с виноватым видом. А Игорь уже был неуправляемым, и себя совсем не контролировал. Полковник смотрел на него расширенными глазами, как на живого снежного человека.

- Ну что? Что ты вылупился? — это относилось к полковнику, а, обернувшись к лейтенанту своего взвода, Игорь сказал. — А ты не бойся! Тебя я никогда не трону! — Ребята своего лейтенанта уважали. И тут вошёл комендант. Игорь рванулся к нему: "А тебе, гад...!". И ещё раз заехал старшему лейтенанту по лицу. Взводный оттащил его, и с помощью тех же сержантов Игоря увезли на "губу".

"Губа" находилась в школе операторов (две камеры для арестованных) в караульном помещении, где отдыхали смены часовых, выставляемых на ночь. Там Игорь взбесился, разум его отключился, и он ничего не помнил: как разломал "самолёт" (нары для сна арестанта, складывающиеся к стене и закрывающиеся днём на замок); как разбил стекло в окошке

под самым потолком; как выбил филёнки двери, пытаюсь выбраться из камеры. Его возвращали обратно и связывали. Связывали неумело — он развязывался и вылезал снова. Далеко полночь Игорь начал приходить в себя из-за холода от разбитого окна. Он уже стал различать лица. И, когда его связывали последний раз, запомнил почему-то одного, которому обещал отомстить обязательно. С одной этой мыслью — отомстить, он упорно, молча, стал освобождать руки. Возился долго, в тишине все уже заснули крепким сном. Наконец, выбравшись из дырки в разбитой им двери, Игорь тихо вышел, посмотрел на пирамиду с автоматами, но выбрал почему-то карабин, и, взяв его на плечо прикладом вверх, открыл дверь. Там на сплошных нарах торчали одни сапоги спящих солдат, ожидающих своей очередной смены заступления на пост. Игорь искал своего обидчика. И только он увидел его глаза, полные ужаса, и замахнулся прикладом, как сзади навалились два сержанта, вышедшие, на его счастье, в это время из своей каморки. Его опять связали.

Игорь стал приходить в себя, и сказал, что ему нужно в туалет. Выводной (конвойный) пошёл за автоматом, чтобы сопроводить арестанта, а Игорь ждать не хотел, вышел в тамбур и стал снимать крючок, держащий дверь на улицу. И тут перед ним возникла фигура дежурного по части. Это был немолодой фронтовик, капитан, бывший боксёр крепкого сложения, отвечающий за спортивную подготовку в школе. Капитан опешил: "Куда!?...". Игорь ответил что-то, примерно, "куда надо", и попытался отодвинуть капитана "чтобы пройти". Дежурный был, видимо, в очень плохом настроении - "кому понравится дежурить в Новогоднюю ночь?" - и вдруг сорвался. Он стал наносить удары "как боксёр", но очень слабые, стараясь, наверное, не нанести травмы, или не оставить следов от ударов. Игорь съёжился, закрылся, уворачивался и, неожиданно ответил ударом. И очень удачно попал — прямо в глаз. Капитан-боксёр долго ходил потом с синяком под глазом. Дежурный оторопел, не находя слов, стоял с открытым ртом. Потом выдавил: "Стрелять таких надо!". И, молча пошёл в караулку. А Игорь, сопровождаемый конвоиром, вышел на улицу.

В камере было очень холодно — в разбитое Игорем окно задувал ветер, принося маленькие новогодние белые снежинки. Сидящие в соседней общей камере, выловленные из "самоволки" в городе "старички", постучали в стенку и заботливо осведомились: "Ну, как там? Что-то ты притих. Холодно?". И тут же посоветовали попросить сержанта перевести его к ним в общую камеру, где тепло.

В камере Игорь сразу попросил закурить. Один из "старичков" протянул ему недокуренную самокрутку: "На, докури". И сразу все уставились на него, улыбаясь, в каком-то ожидании. Игорь глубоко затянулся и .... Дыхание у него спёрло — ни вдохнуть, ни выдохнуть, рот открылся, воздуха не хватало. "Старички" весело смеялись. Один, хвастаясь, сказал: "Это мне свой домашний самосад из дома прислали. Настоящий!". "Старички", взбудораженные своими ночными, праздничными приключениями, спать не хотели, болтали, поучая заодно уму-разуму "салагу". Игорь узнал, что попавшему в первый раз на "губу" положено принять "присягу". Избирается суд: судья, прокурор, защитник и палач. Каждый делает своё, положенное ему дело. Наконец, палач приводит к присяге присягающего новичка, которого остальные члены суда держат с оголённой задницей. Палач отбивает удары (сколько назначил судья) ложкой по голому месту. Игорю сказали, что ему давать присягу не будут — он прошёл уже крещение достойно сегодня ночью. Присяга считается принятой.

Утром сержанты позвали Игоря в каморку начальника караула. Его спросили: "Помнит ли он то, что натворил вчера?". Игорь помнил только кое-что, но очень смутно. Сержанты растолковали ему, что его, вероятно, ждёт трибунал. Что его осудят на несколько лет и отправят в штрафбат, где срок службы не засчитывается. После отбывания срока вернут служить снова на три года. Но на следующий день Игоря выводил на прогулку и в туалет "старичок", видимо очень опытный, который "по большому секрету" сказал: "Ты ничего не бойся. С тобой ничего не сделают". Объяснил он это так. Во-первых, ты присягу ещё не принимал, и судить тебя не имеют права. А, во-вторых, ЧП обязательно скроют от высокого начальства,

чтобы не выносить "сор из избы". Каждое ЧП — это пятно на авторитет части (и командира), и всё дело постараются замять.

Через три дня Игоря отвели в штаб. Там сидело всё командование школы, комендант и, к изумлению виновника ЧП, Валентина Ивановна, которую телеграммой вызвали из Луги. Мать плакала, напуганная перспективой наказания сына. А сына долго клеймили важные офицеры, разбирая его преступления. Потом они остались для вынесения решения, а преступника с его матерью отвели в отдельную комнатку на разговор, чтобы Валентина Ивановна повлияла на сына. А что мать могла сказать? Она только плакала.

Объявили решение: посадить Игоря на десять суток в одиночку, где он и сидел; принести извинения коменданту города и сержантам за нанесение оскорблений. Капитан — боксёр в этот перечень не попал, скрыв, видимо, происшествие в караулке. Ему, наверное, стыдно было признаться, что какой-то жалкий "салага" поставил ему "фингал". Игорь тут же принёс извинения старшему лейтенанту, который остался недоволен приговором: "Вот так?! Дал по физиономии! Извините. И на этом всё?!...".

Первое серьёзное приключение Игоря закончилось. Он отсидел свои десять суток "строгача", и потянулись размеренные будни учёбы в школе операторов. Кроме занятий в классах были и другие дела солдатской службы: дежурства взвода по кухне, по уборке территории от снега, сутки караульной службы (часовыми на посту), строевая подготовка, "химзащита" и другое. Часто проходили спортивные мероприятия. Ещё вначале в честь праздника "7 ноября" был объявлен праздничный сюрприз — культпоход на Ладогу (всего-то километров семь) для ознакомления с красотами местной природы. Построили все три роты с противогазами и дали приказ: "Противогазы одеть! Бегом марш!". Ладогу увидели, пожалуй, только офицеры — они бежали без противогазов, и их глаза не застило потом, в отличие от курсантов — "какие уж тут красоты". Тяжелее приходилось на лыжных соревнованиях на 30 километров. Раньше на 30 километров Игорь

никогда не ходил, и решил попробовать испытать себя — пройти всю трассу честно, не пропустив ни одной контрольной точки. Таких "честных" было мало (только лыжники-разрядники). И Игорь прошёл, но это было один раз. На следующих соревнованиях он уже срезал добрых две трети трассы, сидя в кустах, ожидая заранее намеченный ориентир — рыжую голову Жоры, заметную издали. Увидев "ориентир", Игорь ещё подумал: "Что-то так быстро?". Но часов не было, раздумывать не стал, и резво бросился вдогонку. На финише Игоря встретили под весёлые аплодисменты. Глядя на обессиленного гонкой, опустившегося на колени, финиширующего следующего лыжника, капитан — боксёр, кивнув на Игоря, ехидно сказал: "Вот! Учись! Человек перекрыл норму мастера! И стоит! Вон, какой бодрый!". Аплодисменты со смехом повторились. Игорь поискал глазами вокруг — рыжий был не Жора, он был из другого взвода.

Другие гонки были не на время, но с сюрпризом, в противогозах. Сюрприз был в том, что по всей дистанции были спрятаны в кустах посты с газовыми шашками — шутка весёлого "Химдыма". Спрятанные в кустах коварные помощники "Химдыма", завидев гонщика со снятым противогозом или с болтающейся отвинченной трубкой, бросали тому под ноги шашку с ОВ (отравляющим веществом). Шашка взрывалась, и оплошавший лыжник хватал в лёгкие ОВ, тут же падал в сугроб, корчась в слезах от приступа кашля. Игорь на этот раз не сплеховал, привязав предусмотрительно верёвочкой отвёрнутую трубку противогоза внутри сумки, чего не было видно сидевшим в засаде, и шашку под него не бросали.

Следующий весёлый случай тоже был связан с лыжами. Взвод выполнял тренировочную лыжную прогулку в ближайшем лесочке. Те, кто до армии не видел лыж, учились на крутой канаве тому, как преодолеть её, не падая. И тут Игорь очень крепко навернулся и чуть было не вывернул ногу. У него сломалась лыжа. Выбираясь из канавы, Игорь, неожиданно для себя, подумал: "А почему бы ему не "посачковать"? Ведь многие стараются использовать любую возможность. А повод есть! Все же видели, как он летел в яму. Мог бы и ногу

сломать". И он медленно, усиленно хромя, поплёлся пешком в казарму, держа в руках обломки лыж.

Целую неделю Игорь "просачковал": ходил только на занятия в классы, его "хромоте" верили, и он мог не ходить на утреннюю зарядку, в наряды, мог пропускать строевые занятия. Но так долго продолжаться не могло, а как выйти из этого положения — Игорь не знал. Когда сержант, при распределении нарядов по кухне, сказал: "Хватит! Пойдёшь в наряд истопником! В классы не приходите!". Игорь стоял в опустевшей казарме в растерянности, не зная, что же делать дальше, когда пришёл дежурный по школе. Это был "Химдым". А тот распорядился быстро: "Или иди в санчасть и принеси освобождение! Или марш на кухню! Это приказ!". После долгого раздумья Игорь решил, что придуривать хватит, и понуро побрёл на кухню. А там незнакомые ребята, заступающие в наряд, заготовливающие, как это положено, дрова для топки на свою смену, поносили последними словами какого-то нахала-разгильдяя, который обязан был бы давно прийти. Игорь сообразил, что этот нахал — это он. Подойти и объявиться нахалом, было уже неудобно и некрасиво. Он развернулся и пошёл в санчасть. В голове была только одна мысль: "Что он там скажет? Эх! Вот если бы нога болела?". Игорь лёг на спину и со всего маха ударил пяткой по пеньку. Ноге стало больно. Но через десяток шагов боль прошла. Выбрав пенёк поострее, он стал с остервенением колотить по нему пяткой. Повторив эту операцию по пути ещё два раза, Игорь, довольный своей находчивостью, действительно, натурально захромал.

Врача в санчасти в этот день не было. Пятку осмотрел фельдшер. От ударов по пеньку на пятке образовалась посиневшая вмятина. Малоопытный помощник доктора признал нарыв и записал на операцию через два дня, выписав направление. Сначала Игорь забеспокоился: "Возьмут и разрежут здоровую его пятку?". Но, поразмыслив, успокоился: "Можно же сказать потом, что само всё прошло. Да ещё можно и "посачковать" до конца недели. И на кухню, слава богу, идти теперь не надо".

Ребята во взводе подобрались все очень дружные и весёлые. Одессит Горбенко, смуглый, длинный, флегматичный на первый взгляд, был душой взвода. Для каждого случая у него имелся анекдот, или одесская байка. Когда взвод шёл на очередную чистку картошки для следующего дня, Горбенко поручалось "своё" дело: он играл на гитаре и пел "Мурку" и "Костю моряка". Пел как-то по-своему, что всем нравилось. Хоть картошка и чистилась в барабане (не вручную), но работы оставалось много (дочищать, довыковыривать) — целая домашняя ванна горой. А за песней время проходило незаметно и весело.

В учебное расписание входило занятие по химической защите, которое проводилось в специально вырытой землянке. "Химдым" запускал туда взвод в противогазах, взрывал шашку с ОВ, и начинал давать вводные команды: "порвана маска", "разбито стекло", "порвана трубка". Самым неприятным было последнее: надо было отсоединить трубку, и коробку с фильтром привинтить непосредственно к маске, задержав перед этим дыхание. Потом обязательно сделать выдох. В большой тесноте и спешке сделать всё это удавалось не всем. Тот, кто не успевал, поневоле делал вдох, и сталкивался с большим мучительным испытанием. Так не повезло и Горбенко. Вдохнув газа, он, преодолевая хрип и кашель, начал орать: "Товарищ майор! Откройте дверь! Товарищ майор!". "Химдым" дверь открывать не собирался, напротив, он старался подольше подержать опростоволосившихся, чтобы те навек запомнили, что такое ОВ. Горбенко издал боевой клич (штрафных батальонов): "Товарищ майор! Ё... в рот!". И ринулся на майора, как в атаку. А тот, расставив широко руки и ноги, загородил дверь. Горбенко, видимо, решил проскочить между широко расставленных его ног. "Химдым" сжал ноги и ... выехал верхом, как на коньке-горбунке, на бедном Горбенко, который не мог остановиться ещё метров десять. Следом наружу высыпали все, и попадали тут же, корчась, кто, задыхаясь от кашля, а кто - от смеха.

Каждые десять дней в Армии посещают баню, куда солдаты в назначенный день ходят строем колонной. Перед Иго-

рем в строю шёл Савчук, которого друзья звали Сава. У Савы была странная походка: когда тело его было уже впереди, нога каким-то образом задерживалась, оставаясь ещё позади. За ним шёл Игорь и постоянно натывался на ногу, а Сава решил, что он это делает умышленно, и это его не на шутку взбесило. На следующий день дело чуть не дошло до драки. Сава был настроен решительно: "пойдём, выйдем", а у Игоря ни злости, ни желания ссориться не было, и он погасил конфликт, сказав: "Тебя тут только ещё не хватало! Это после новогоднего-то ЧП! Поговорим через пару месяцев, когда всё утихнет!". Слова были сказаны очень спокойно, как бы в шутку, и Саву убедили — он остыл и после этого почему-то очень "зауважал" Игоря. Они стали в дальнейшем большими друзьями. Во взводе были примечательными две пары неразлучных друзей: два неуёмных шутника, Железовский и Пашковский, и двое тех, над кем больше шутили — Хамлюк и Хомяк. Последние были очень разными, и было непонятно, что могло бы их связывать: долговязый Хомяк был спокойным и молчаливым, Хамлюк, напротив, был маленьким, шумным и задиристым, которому всегда кто-то мешал. При построении, как обычно, получалась в спешке маленькая толчея, и почти каждый раз был слышен голос Хамлюка: "Не толкайся! А то сейчас так толкну, что весь строй повалится!". Один раз он выполнил свою угрозу. И, действительно, в тесном строю каждый неизбежно натывался на стоящего перед ним, и так как ногу отставить было некуда, падал не него. Получался эффект домино, и весь взвод оказался на земле в грязи, а на ногах остался один Хамлюк, победоносно взвизгивающий на всех остальных. Среди многих шуток часто повторялась одна: кто-то ночью менял местами сапоги Хомяка и Хамлюка. При команде "подъём" действовали строгие правила: солдат должен стать в строй полностью одетым за короткое время, засекаемое сержантом. За задержку кого-либо наказывался виновник или весь взвод. Хамлюк одевался вовремя, а Хомяк, конечно, обуться не мог — сапоги друга были на три размера меньше. Страдал от этого чаще всего весь взвод — всем приходилось снова раздеваться - "отбой", и опять одеваться - "подъём".

Конечно все догадывались, что это проделки Жоры и Пашковского. Но не пойман — не вор.

Наконец пришёл срок окончания школы операторов. Предстояла сдача экзаменов. Перед строем взвода в коридоре торжественно был представлен председатель экзаменационной комиссии. И тут с Игорем произошёл казус. Дело в том, что солдаты в строю здороваются по-разному. Редко кто полностью выговаривает, как положено: "Здравия желаю товарищ (пусть) капитан!". Многие произносят короче: "Здрав! Жлав! Товар! Китан!". А некоторые, как Игорь, для стройности хора и красоты резкого звучания произносят проще: "Гав! Гав! Гав! Гав!". Когда поздоровались с председателем, в наступившей торжественной тишине вдруг громко прозвучало отдельно: "Гав!". Это Игорь не заметил из-за спины впереди стоящего, что здороваются не со старшим лейтенантом, а с капитаном, и получилось лишнее "гав". Откуда ему было знать, что председателю вчера только повысили звание, и его чин стал короче на один "Гав!". В серьёзной обстановке никто не смеялся, и Игорь подумал, что не заметили. Но сержант после экзаменов не без ехидства сказал: "Ты чего это на капитана гавкаешь?". В последнюю ночь во взводе случилось ЧП. Весь личный состав взвода проснулся с синими ушами и другими частями лица, разрисованными чернилами. Взводу была отменена утренняя зарядка, чтобы хватило время отмыться до торжественного построения в честь окончания школы. Но чернила не смывались. Только четверо из взвода не были запачканы чернилами: сержант, Игорь, Железовский и Пашковский. Виновников не надо было искать. Руки были в чернилах только у "взводных шутников". При общем построении "Химдым" не удержался: проходя мимо взвода, тихо заметил: "А во-от он! Взвод синеухих!".

Перед общим строем полковник произнёс напутственную речь, поздравил курсантов с успешным окончанием школы операторов, пожелав успешной службы в своём полку. В конце объявил по десять суток ареста Железовскому и Пашковскому.

Взвод привезли в полк: Жору с Пашковским сразу отвели на "губу", а остальных разместили в палатках в ожидании распределения по ротам.

РОТА

Игоря с Савой распределили в Приозерск. Рота была расположена рядом (через лесок) со школой операторов, и кормиться они должны были в той же столовой, куда ходили полгода. Игорь тогда ещё не знал, как ему повезло с новым местом его службы.

Предшественником рода войск, в которые попал Игорь, как следовало по солдатским легендам, передаваемым от призыва к призыву, были ВНОС (Войска Наблюдения Оповещения и Связи), которые существовали перед войной. Солдатами в шутку ВНОС расшифровывались так: "Выспался, Наелся, Опять, Спать". Точки ВНОС были рассредоточены по всей границе. Но к пограничникам они не относились. Точку обслуживало несколько человек, которые дежурили по очереди на вышке. На вышке стояло сооружение наподобие большого граммофона, который поворачивался во все стороны. Приложив ухо к "граммофону", дежурный "слушал" небо. Если появлялся самолёт, дежурный по шуму его моторов устанавливал всё, что можно о нём (тип, скорость, местоположение и так далее), и передавал данные по инстанции. И всё. Вот такой была ПВО.

Точки располагались в глухих местах в лесу, где было много грибов, ягод, рыбы, дичи. С пропитанием проблем не было. Кроме того, интересным было одно обстоятельство. Домашний скот финны не пасли — коровы, овцы гуляли, где хотели по лесу. А так как животные государственных границ не признавали, то часто пересекали кордон. Солдаты их отлавливали и в назначенном месте вечером передавали хозяевам. Благодарные хозяева снабжали за это солдат провиантом: моло-

ком, мясом и прочим, Жизнь на точке была курортной, если не считать скуки. Но вот перед финской кампанией межгосударственные отношения испортились, и границу полностью закрыли. Коровы и козы, конечно, этого знать не могли, и шлялись по лесу, как и прежде. Передавать скотину хозяевам было нельзя, и приходилось оставлять коров и коз себе. Мяса на точке стало уже в избытке. Но это было очень давно.

Во времена службы Игоря роты полка были разбросаны по всей границе, неся круглосуточное дежурство РЛС по охране воздушного пространства страны. Каждое утро при заступлении на дежурство командир роты перед строем заступающей на сутки смены зачитывал приказ: "Приказываю заступить на дежурство по охране воздушных границ Советского Союза!". Но в Приозерске у роты постоянного круглосуточного слежения за небом не было, а была своя задача: обслуживание полётов своего аэродрома. Работали только тогда, когда были полёты, или по специальному приказу (по тревоге). Это было очень интересно — работать "вживую" в прямом контакте с аэродромом. Кроме взвода операторов, были взводы связистов и механиков. Народу в роте всегда не хватало. Те, что были на суточном дежурстве или работали, если были полёты, или отдыхали, не имея права ни на минуту отлучиться из роты. Еду им в тарелках приносили из столовой свободные от дежурства. В прихожей казармы была плита для подогрева остывшего обеда. Свободная от дежурства смена после обеда ложилась спать (как положено перед нарядом) — предстоящее дежурство могло оказаться без сна (все сутки). Если нет работы, то дежурящая смена тоже могла спать. Часто бывало так, что вся рота после обеда спала. Активная жизнь в роте была до обеда: политзанятия, собрания, учёба (повышение квалификации), хозработы и многое другое. Коротко всё это называлось — "повышение боевой и политической подготовки". После обеда офицерам в роте, чаще всего, делать было нечего, кроме одного оперативного дежурного, который отвечал за готовность роты и за боевую работу точки. В послеобеденное время солдатам хватало свободы и време-

ни для того, чтобы поиграть в мяч, порыбачить на Вуоксе, просто позагорать, а то и чей-нибудь день рождения отпраздновать, закрывшись на станции (РАС), соблюдая, конечно, конспирацию. Рота жила, можно сказать, большой дружной семьёй, не особенно отягчённой казарменным положением и казарменной дисциплиной, какой положено быть в Армии. Главным в жизни роты была работа по обеспечению полётов. Хождение по ночам в "самоволку" было редким явлением, так как общения с гражданским населением и так хватало — они жили рядом (за забором). Иногда ребята делали ночные набеги на огороды. Приносили в вёдрах молодую картошку и ранние огурчики (как деликатес), варили на плите, и, соблюдая субординацию, будили по очереди лакомиться сначала "старичков", потом второй год, а потом уж и "салаг". А один раз сняли (украли) со столба в городе мощный колокольчик (громкоговоритель). Музыка пластинок звучала постоянно с чердака казармы, далеко оглашая окрестности. В "самоволку" по ночам бегал, наверное, только неутомный Сава, у которого появилась девушка в городе. Внешность Савы была внушительной: круглая как мяч большая голова, розовые, как у ребёнка, щёки почти без признаков растительности на лице, большой рост, несоразмерно большие кулаки, первый разряд по боксу и по детски наивный взгляд. Его вид, его застенчивая улыбка как-то не вязались с его взрывной, деятельной натурой. Всегда активный Сава часто выступал на собраниях, оттого его и выбрали комсомольским вожаком роты. Игорь был в курсе всех дел друга — Сава ему во всём доверял, делился своими секретами, любил слушать советы Игоря, хотя в них совсем и не нуждался. В стороне от роты на берегу Вуоксы в зарослях кустов стояла радиостанция, где несли дежурство радисты. Место было непроходимым со всех сторон. Рядом был маленький островок, где радисты прятали угнанную откуда-то лодку. За бурной рекой была большая закрытая территория лесозавода. Сава по ночам с применением лодки таскал доски, горы которых лесозавод хранил у самой воды. Он находил каким-то образом строящихся покупателей, и продавал им доски по дешёвке. Делал это Сава "ради спортивно-

го интереса", а деньги решил пожертвовать на свадьбу сержанта радистов, который собирался жениться, как только придёт приказ о его демобилизации. Невеста была из соседнего с ротой дома. Саву "засекли" и стали подкарауливать сторожа лесозавода. Два раза по нему даже стреляли. Вот это-то и надо было Саве — это уже настоящие приключения. В конце концов, кончилось тем, что Саву не раз поймали в "самоволке" и на продаже досок. Его увезли на "губу" в полк в день свадьбы сержанта. Сержант, уезжая на родину с молодой женой, заехал к Саве попрощаться, подарил пачку "беломора" и извинился за то, что про него в свадебной суматохе на радостях забыли. Сава обиделся — на полсвадьбы заработал, и ... пачка "Беломора".

В роту иногда прибывало внеплановое пополнение. В Армии была негласная практика: когда приходил приказ в какую-либо часть "для формирования новой части направить лучших военнослужащих туда-то", то там собирали и отправляли разгильдяев, от которых хотели избавиться. Так в роту попал Слепчук, у которого сроки отбывания на гауптвахте, когда подсчитали, превосходили весь общий срок пребывания его, вообще, на службе в Армии. Дело в том, что на "губу" фактически не всегда сажали — записывали взыскание в личное дело и всё (люди необходимы для работы). И получалось так, что срок наказания ещё и не закончен (человек числится на "губе"), а разгильдяй зарабатывает уже следующее взыскание. До приезда в роту Слепчук успел отслужить во всех родах войск (на флоте, в авиации, артиллерии ...) — так от него все хотели избавиться. А в роте он прижился, и спокойно отслужил до конца — так ему здесь понравилось. Когда ребята его как-то спросили: "Как же можно заработать столько губы?". Он ответил: "Да очень просто! Выхожу, например, из казармы. Навстречу офицер, и с вопросом, почему, мол, честь не отдаёшь? Я его посылаю на х..., вот тебе и "губа"!". Таким же образом появились и другие "лучшие военнослужащие", Валкочев и друг Игоря Вилька. Валкочев, карел (скорее, Валконен), невысокого роста рыжий крепыш, в ширину больше, чем в высоту, очень сильный и очень, как все силачи, добродушный.

Вилька, носящий модное во времена его рождения имя (Владимир Ильич ЛЕНИН) в честь Ленина, был лучшим другом Игоря. Он носил усы, был небольшого роста, но очень крепкий, да к тому же имел разряд по боксу.

Замполитом в роте был старший лейтенант Галкин, делом которого было регулярное проведение политзанятий в роте. Это был бывший фронтовик, ушедший на фронт, не доучившись в школе. С грамотой у него были проблемы, и он долго учился заочно в средней школе, дошёл до десятого класса, и пятый год никак не мог его закончить. На политзанятиях он читал по газете или по бумажке. А получалось это у него неважно. Когда Галкин произносил, например, "косметическая ракета", или хунвейбины, где первый слог у него звучал, как самое известное неприличное русское слово, все его слушатели весело смеялись. Вот тут Игорь с Савой и с Вилькой и затеяли устраивать каждый раз из скучного политзанятия весёлое представление. Они просто задавали Галкину такие вопросы, на которые тот отвечал невпопад, но по должности своей обязан был на них отвечать. Когда в роте шли политзанятия, из казармы смех раздавался, не прекращаясь. Слух о "весёлых" политзанятиях дошёл, каким-то образом, до полка, а это уже было "политическое дело". Но сделать ничего было нельзя — ведь ребята задавали, пусть часто глупые и не по теме, но безобидные и простые вопросы (не придраться). Галкина давно собирались уволить в запас, но он оттягивал время, просил оставить. Он ничего не умел делать и боялся "гражданки". Кроме того, у него был большой грех — он пил. Один раз его подобрал в канаве патруль без чувств и без сапог, которые кто-то стянул с пьяного. Его жалели, он просил дать возможность закончить школу. Так и тянулись его годы в Армии. Позже Игорю было стыдно за глупость — ведь они же, не подумав, издевались над безобидным и добрым старшим лейтенантом.

Когда у Игоря пошёл второй год службы, в роту прибыла смена молодых первоодок — "салаг", и новоиспечённым сержантам — "старичкам" надо было установить свой авторитет

для поддержания дисциплины и порядка, а некоторые из них, любящие "показать", как это всегда водится, своё "Я", старались чересчур. И возникали некоторые трения (позже это называлось "дедовщиной"), но всё это тогда было больше в шутку. "Старички" все объединились. "Второй год", особенно троица друзей: Игорь, Сава и Вилька, "салагами" себя признавать не хотели, и вели себя независимо и вызывающе, что "старичкам" не нравилось. И они обещали троице применить меру воспитания путём "загнуть" (ложкой по голому заду, как "присяга" на "губе"). Всех остальных в роте (кроме дружной троицы) всё это не касалось — они, по мнению "старичков", вели себя прилично, как надо. Хотя "старичков" было больше, они троицы друзей побаивались, а друзья старались держаться всегда вместе. И однажды, когда вся троица была на станции, Игоря вызвали по телефону, сказав, что его ждёт старшина. Он, не учув подвоха, пошёл в казарму и попал в засаду. А там ожидающие его "старички" разом накинулись на него. Они завозились, и в свалке оказалось так, что голова Игоря очутилась между прутьев кровати, а назад пройти не могла. Он оказался в смешной дурацкой позе. Это Игоря так взбесило, что он взревел: "Убью!". Наверное, рёв его получился впечатляющим, что все сразу расступились. Игорь в бешенстве схватил подвернувшуюся табуретку и занёс над головой. Перед ним вдруг возник спокойный, как всегда улыбающийся, Валков: "Ты что? Ты что? Ты что?". Игорь мог бы опустить табуретку на голову кого угодно, но только не на Валкова, успокаивающий голос которого сразу охладил его. У них были особые дружеские отношения.

Один раз для свободной смены в какой-то праздник устроили культпоход в город. Замполит Галкин привёл строем довольных счастливых на площадь, приказал вернуться без опозданий на то же место в назначенное время, и дал команду разойтись. Игорь с Валковым, не сговариваясь (так получилось), понимая друг друга без слов, сразу зашли в магазин и, конечно, взяли водки. Встал вопрос, из чего пить, чем закутить и где? Валков, не слушая вариантов Игоря, твердил: "Идём! Идём!". Завернули в какой-то дом, попросили стакан-

чик. Игорь дёргал друга за рукав: "Неудобно. Пошли!". А друг, не обращая внимания на Игоря, уже расположился за столом. Игорь понимал, что Валкоев рассчитывает на хорошую закуску и хорошую выпивку: "кто же не угостит бедного солдата в праздник?". Из комнаты вышел молодой парень, которого хозяин представил женихом дочери. Когда все вместе принёсённую гостями водку прикончили, хозяин кивнул жениху: "Принеси...! Там в комнате". Парень принёс бутылку какого-то красного вина и стал ковырять сургуч на горлышке. Разговорились. Валкоев с хозяином болтали о воинской службе, а парень всё возился с пробкой. Игорю стало как-то неловко — хотелось уйти. А парень всё возился с пробкой. Валкоев терпеливо болтал с хозяином, не обращая внимания на друга, который уже устал дёргать его за рукав, намекая, что пора уходить. Наконец, когда парень незаметно куда-то исчез, а непокорная бутылка куда-то пропала с глаз, Валкоев сдался, и друзья попрощались с хозяином. Другим поневоле пришлось отправиться снова в магазин. По дороге Игорь смеялся над другом, как тот чертыхался и плевался, гневно кляня "гостеприимных хозяев". Но урок пошёл не впредь. После магазина Валкоев опять свернул на улицу, уже по другую сторону площади. Не вникая в протесты Игоря, его упрекам и укорам, друг опять только твердил: "Идём! Идём!". В доме, куда Валкоев затащил друга, чета супругов радушно встретили неожиданных гостей. Муж сразу спросил: "Бывали ли они когда-нибудь в Ярославле?". Услышав от Игоря, что он был там одно лето в гостях, хозяин обрадовался, стал называть его земляком, и разговор завязался. Когда Валкоев достал принесённую из магазина бутылку, хозяин протестующе замотал головой: "Вы что, ребята, нас так обижаете? Кто у нас гости? Вы или мы? Я же сам был служивым! А ну-ка спрячь свою бутылку!". Жена хозяина уже несла на стол графинчик с чем-то ярко красным. Это был отличный домашний самогон, настоящий, по всей видимости, на клюкве. В этом доме были совсем другие люди. Казалось, все они давно друг с другом знакомы. У них нашлись общие интересы, общие темы в разговоре, который затянулся так, что друзья чуть было не опоздали к общему сбору на

площади. В самый последний момент Игорь с Валковым пристроились к общему строю. Замполит Галкин шёл на пути в казарму рядом с Игорем и его другом, которые шли не в ногу, шатаясь и часто спотыкаясь. Замполит волновался (не встретить бы патруль) и через каждые пять шагов тихо повторял: "Игорь не качайся! Игорь не качайся!". Валкову, видимо, это надоело, и он сказал другу: "Скажи ему, что он дурак!". Игорь молчал и до самой казармы не проронил ни слова. Замполит не обращал внимания на слова Валкова и продолжал повторять: "Игорь не качайся", а Валков возмущался: "Ну что ты молчишь? Скажи ему, что он дурак!". И так до самого конца пути на каждое "Игорь не качайся" следовало: "Ну что ты молчишь? Скажи ему, что он дурак!". Галкин не стал докладывать о происшествии, и друзьям всё сошло с рук.

На третье лето своей службы "старички" устроили два небывалых ЧП. В первый раз они всей компанией снарядились на рыбалку на озеро. Подготовились основательно, одолжив у кого-то сеть и телегу с лошадью для доставки сети к озеру, и отправились в ночь. Взяли с собой на все деньги водки, соли и хлеба, рассчитывая закусывать ухой из пойманной рыбы. На озере развели костёр, и сразу же выпили за удачу. Спихватились — закусить-то нечем. Отправили троих в деревню за чем-нибудь съедобным. Когда разулись, то, оказалось, что вода очень холодная, и кто-то предложил выпить ещё для "согреву". Тут вернулись трое добытчиков, которые принесли трёх кур, а по дороге спрятали их в кустах, чтобы не мешали ловить рыбу. Выпили для "согреву", и ... нисколько не согрелись. Решили выпить, как следует — с закуской. А закуску, как не искали, не нашли — темно, и спрятанные куры, как сквозь землю провалились. Предварительно выпив ещё, пошли снова в деревню за новой добычей, и принесли двух кроликов — уж что подвернулось. Но, как ни старались, разделить кроликов не получалось — никто этим прежде не занимался. Остатки истерзанных кроликов с клоками шерсти и грязи бросили. Выпивали, закусывая хлебом с солью, забыв про сети, лошадь, и вообще про рыбалку. Когда хлеб кончился, ничего не оставалось, как только занюхивать водку короч-

кой или травкой. Рано утром вернули лошадь хозяину, не дотронувшись ни разу до сети.

Игорь поразился: какими скрытными оказались "старички". Ни один человек в роте совершенно ничего не заметил, и никто не догадывался о происшествии, пока не закончилось следствие. Хозяева пропавшей живности вызвали милицию, которые нашли кур, остатки кроликов и "логово разбойников". В роту приехали следователи из Армии. "Старичков" по одному стали вызывать на КП, а зачем вызывают, они никому и ничего не рассказывали. Только раз посмеялись над Валковым, который всегда говорил хорошо, а когда волновался, то путался в русском языке: "Я кур в кусты поставил, а пришёл — кур пропал". Так все "старички" были перепуганы — ведь следователи были из Ленинграда. Но закончилось всё не так страшно. Только сержанта радистов разжаловали.

Второе ЧП случилось опять с большой пьянкой "старичков". Они в начале последнего лета своей службы решили отпраздновать вместе свою демобилизацию. А так как сроки демобилизации для каждого разные, то был уговор: проводы устроить, как только придёт приказ на первого из "старичков". Они тщательно, долго готовились в тайне от всех. На своём острове, куда никто не ходил, гнали потихоньку самогон. Но неожиданно в конце июля пришёл приказ: отправить на уборку урожая на целину Валкова, откуда, как стало известно от ротного, он уже назад не вернётся. Чтобы не обижать друга, было решено считать, что демобилизация началась.

Игорь проснулся рано утром от какого-то шума. В воздухе витал дух большой пьянки, как когда-то на севере после полудня. У кровати на полу лежал Ваня в блевотине, по лицу его ползали мухи. Рядом стоял капитан и качал головой. Он сказал Игорю: "Вот смотри! Смотри, смотри! Вот какво перепивать! Красиво?". Капитан был обескуражен — Ваня был у него на хорошем счету. У зеркала стоял Слепчук и, рассматривая в зеркало свой синяк, разговаривал сам с собой: "Ничего, Слепчук! Крепись, Слепчук!".

Для Игоря, как и для всех, происшествие было неожиданным — конспирация у "старичков" была опять на высоте.

Оказывается, "старички" гуляли всю ночь. Сначала они между собой спорили, потом перессорились, а потом и вовсе передрались. Всё это было на улице, сопровождалось благим матом, криками и воплями. Жители, живущие в соседних домах, натерпелись страху, не понимая, что происходит, но, к удивлению, жаловаться в полк на этот раз не стали. Ротный тоже в полк не докладывал — если вдруг посадят на "губу" почти половину роты, то обеспечивать полёты будет некому.

Соседи из близлежащих домов иногда жаловались на собаку, которых держали ребята в роте. Два пса постоянно сидели на цепи. На радиостанции нёс службу Рекс. Это была умная овчарка. Солдаты приходили, отслуживали свой срок, уезжали домой, а Рекс оставался и исправно нёс свою службу. Все солдаты для него были свои — он никогда не лаял на рядового, если даже видел его впервые. Все же остальные для Рекса были чужие, которым подход к радиостанции был закрыт. Офицеры тоже были чужие, особенно старший лейтенант Доброплясов, начальник радиостанции. Не один призыв сменился за время службы старшего лейтенанта и Рекса. Солдаты менялись, а они оставались, но друзьями не стали. Доброплясов пытался подружиться с Рексом, но тот был непреклонен — офицер - это чужой. Так уж его воспитали когда-то взрослые, наверное, ребята. Радистам это было очень удобно: их никогда нельзя было застать врасплох. Можно было и поспать, и выпить, например, да мало ли, что ещё. Рекс был всегда на часах.

Вторым псом, который сидел на цепи был Пират, хозяевами которого считались операторы. Иногда ребята от нечего делать ссраивали Рекса с Пиратом. Это были смертельные враги. Рекс был поменьше, но старше и опытней и побеждал чаще. Пират был глупым непредсказуемым псом волчьей масти, большой и сильный — красавец. Ребята иногда в хорошую погоду играли в волейбол. Пират мяч не переносил, рвался с цепи до тех пор, пока не падал без сил и не мог уже даже пошевелиться, но если срывался с цепи, то от мяча оставались только мелкие клочки. И опять надо было покупать в складчи-

ну новый мяч. Наконец нашли цепь, которую он не в силах разорвать, и которая сгодилась бы для буксировки танка. Но всё это не помогло. Пират рвался, будка разломалась, и он с половиной будки на цепи настиг-таки мяч, не оставив от него ничего. У кого-то возникла идея отучить Пирата от мяча навсегда. Вынесли полевой телефон, разряд которого, если крутануть его ручку, не может спокойно вынести и человек. Один зажим воткнули в землю, другой же присоединили к намоченному мячу, и выпустили Пирата. Дрессировщик сидел наготове крутить ручку зуммера. Как только Пират трогал мяч, оператор крутил ручку. Касаясь мяча, Пират с визгом от него отлетал. Но он повторял наскоки снова и снова, визжа, подывая и рыча. И, наконец, то ли мяч подсох, то ли отсоединился, но он оказался в зубах победителя. И опять мяча не стало. Уничтожение мячей было для Пирата невинной забавой. Он, иногда попадая за пределы забора, наносил серьёзный ущерб соседям, на что они и жаловались в полк. Пират загрыз несколько кур. Один раз, решив поиграть с бельём, развешенным сушиться, изорвал его и извалял в грязи, за что ротному пришлось платить. Но когда он завалил телёнка и чуть не отгрыз ему ногу, соседи предъявили ультиматум. Ротный, подчиняясь приказу из полка, выставил двух хозяев пса за ворота, пригрозив разжаловать сержанта, если он ещё раз увидит Пирата. Ребята пошли и продали "красивую овчарку" за пять рублей. Через неделю новый хозяин привёл Пирата назад: "Деньги возьмите, но заберите и собаку. Она у соседей всех кур передавила!". Ребята даже тогда, когда им было предложено двадцать пять рублей, взять Пирата, конечно, не могли.

Когда Игорь только прибыл, в роте была небольшая лайка, хозяином которой считался ефрейтор Пинчук. Собачка была добрая, ласковая, но после жалобы соседей на собак, из полка приказали навести порядок: "развели свору". Пират с Рексом были оправданы, так как сидели на цепи и несли караульную службу. А бедной лайке не повезло. Ефрейтор получил приказ: "Убрать!". Девать её было некуда — решили утопить. Хозяин со слезами на глазах повёл собачку на мост, привязал ей камень на шею и столкнул в Вуоксу. Пинчук плёлся назад с

опущенной головой, на вопрос, заданный друзьями ещё изда- лека "ну как", он молча, безучастно махнул рукой. А когда кто- то крикнул ему: "Обернись назад!". Ефрейтор остолбенел — к нему бежала, виляя хвостом, его жертва с верёвкой на шее. Пинчук наклонился, обнял своего преданного друга и чуть не расплакался. Ротный был непреклонен: "Тогда застрелите!". Желающих исполнить приговор не находилось. Но один все же нашёлся. В роте был некий Брынзалов, явно с садистскими наклонностями. Как-то раз, стоя ночью на посту, от нечего делать, он проткнул штыком котёнка, и, визжащего на шты- ке, показывал его через оконное стекло дежурившим на КП планшетистам. Те в страхе шарахались, а Брынзалов смеялся над их страхами. Ему и предложили застрелить собачку Пин- чучка, он с готовностью согласился. Когда "исполнитель при- говора" целился, лайка сидела, спокойно виляя хвостом, и пе- чально смотрела так, что наблюдавшим казалось: она всё по- нимает и приготовилась умереть "раз так надо". Ефрейтор похоронил преданного друга в кустах на берегу, и долго в за- думчивости, молча сидел у холмика.

На некоторое время в роте появился ещё один пёсик, Ша- рик, который увязался за Валковым, да так и приехал вместе с ним в роту. Это был старый знакомый всех новобранцев, прошедших через карантин в полку, которого можно было смело считать полковым псом. Он умел мастерски преодоле- вать полосу препятствий, предназначенную для обучения каж- дого молодого солдата. Сержанты полка не утруждали себя показывать на собственном примере, как преодолевать поло- су препятствий. Сержант перед строем новобранцев объяв- лял: "Тому, кто справится с полосой препятствий быстрее Шарика, будет предоставлен месячный отпуск с поездкой на родину!". Подозвав Шарика, сержант давал команду: "Делать как Шарик! Смотреть внимательно! Шарик, вперёд!". Шарик срывался с места: проползал по коридорчику под колючей проволокой, пробежал по буму, перепрыгивал через щит в виде стены с окном, перепрыгивал яму с водой ... . Он не умел де- лать только одно — он не умел бросать гранату. Шарик был добрый и мирный, в роте он был дружен и с Пиратом, и с Рек-

сом, и даже когда они сцеплялись в смертельной схватке, Шарик бегал рядом, не обращая внимания на драку псов, так же как и они на него.

Когда оперативным дежурным заступал сам капитан, он приводил с собой ещё одну собаку. Это был сеттер — умный охотничий пёс. Хотя ротный предупредил, что его нельзя кормить, но ребята не могли удержаться, чтобы не принести ему потихоньку чего-нибудь вкусного. Сеттер хлеб почти не ел, а прятал кусочки — не пропадать же. Пёс был умный, и на глазах у посторонних никогда не зарывал куски, чтобы не выдать тайники, и периодически проверял свои запасы, а память у него была хорошая. Но сеттер не мог понимать свойства стекла, и не знал того, что за ним наблюдают из окна. Вот ребята и играли с ним, украв заначку пса и наблюдая потом за его действиями. Сеттер при очередном обходе обнаруживал пропажу, долго раздумывал: "не может такого быть", и начинал поиск снова, проделывая одному ему известный путь, хранимый, видимо, в памяти. Убеждался опять в том, что заначки нет, и начинал снова и снова. Ребята в это время наблюдали всё это из окна — это было любопытно и весело. Умному пёсику не могло, вероятно, прийти в его собачью голову, что заначку украли. Такого понятия в собачьей голове, наверное, не было.

Командиром взвода операторов был лейтенант Саша. Так его звали все солдаты по-свойски, потому что он и был своим. Даже старшина иногда на него покрикивал. Саша был наивным, добродушным и расхлябанным, постоянно всё что-нибудь терял, или забывал. Кто-то ему посоветовал: "Ты, чтобы не забывать, записывай в блокнотик". Саша так и сделал, ему совет понравился — помогает, но через три дня он этот блокнотик потерял. Так как лейтенант был бесхитростным, то не мог найти причину, чтобы вернуться от севера, и его отправили служить за полярный круг. Через несколько лет после армии Игорь неожиданно встретил лейтенанта на Лиговке. Оказалось, что они живут рядом (меньше трамвайной остановки). Саше служба далась тяжело. Он по разгильдяйству получил два раза несоответствие (задержка присвоения оче-

редного звания), как виновник ЧП. Один раз солдат отморозил ноги, а второй — солдат застрелился из Сашиного пистолета. Но до майора он всё же дослужился.

На место Саши прислали лейтенанта Геншина, который был старательный служака, но уж чересчур, и часто из-за излишнего своего рвения он попадал впросак. В школе операторов лейтенант был командиром взвода. Игорь слышал о нём тогда лишь только благодаря одному случаю. Будучи дежурным по школе, Геншин решил подловить на ротозействе одного из часовых на посту, чтобы проучить его за отсутствие бдительности. Он незаметно подкрался в темноте к часовому и навалился на него сзади. Но тот сам подмял лейтенанта, сел на него верхом, и стал свистком (по инструкции) вызывать смену. Геншин взмолился: "Это же я! Я дежурный по части! Не вызывай караул! Я приказываю!". Солдат знал устав лучше, чем его командир: к часовому никому (хоть генералу, хоть маршалу) нельзя подходить, кроме разводящего, да и то только при произнесении пароля. За бдительность и правильные действия солдат получил благодарность от полковника, а Геншин, кроме весёлых пересудов по всей школе, - взыскание (за нарушение устава). Второй случай с Геншиным произошёл позже. О нём Игорю рассказали, когда он служил некоторое время в Элисенвааре, где до него служил так же и лейтенант перед тем, как приехал в Приозерск. Там Геншин во время дежурства, получив данные от своего оператора о неизвестной цели, которая пересекла границу, двигаясь очень медленно, в панике поступил необдуманно. Он сразу, не выяснив обстоятельств, поднял тревогу на всю Армию. В воздух поднялись истребители. В конце концов, выяснилось, что это была стая гусей. Геншин проявил, хотя и не обдуманно, и бестолково, но всё же бдительность, и его не наказали. Но смеялись над казусом с гусями и операторы, и лётчики всего округа.

Вот с участием этого лейтенанта и случилось беспрецедентное ЧП у Игоря с Вилькой. В день дежурства Геншина по роте Игорь с Вилькой надумали вечером выпить, и послали третьего в магазин, условившись с ним, чтобы водку в роту не приносил до вечера, спрятав по дороге в лесу. Чтобы не дер-

жать закуску в казарме, Игорь посоветовал по телефону Вильке принести к нему на станцию всё то, что нужно для вечера, предупредив, чтобы тот нёс всё это незаметно. Но Вилька не внял совету, и, размахивая руками, в которых держал кружки, консервы, хлеб, не торопясь, важно шествовал к станции у всех на виду. Всё это видел из окна КП лейтенант Геншин. Лейтенанта солдаты не любили за вредность. Он тоже не оставался в долгу. Даже как-то раз он сказал Игорю, что ещё в школе он его ненавидел, что было удивительно и непонятно для Игоря — ведь тогда, в школе, они между собой вообще не встречались. Следом за Вилькой на станцию влетел Геншин со словами: "Где водка!". Он жаждал поймать, наконец, разгильдяев с поличным. Ребята, видя, что лейтенант оплошал, довольные улыбались. А тот стал обыскивать: все углы, рундук, всю кабину водителя. Ребята начали уже громко ехидно смеяться, победно глядя прямо на него. Геншин вышел из себя, стал опрашивать каждого — кто и что тут делает. Двое на законных основаниях занимались приёмкой и сдачей смены, Игорь по обязанности контролировал порядок приёмки-сдачи. А вот Вилька не успел придумать себе причину, и тем самым дал повод Геншину сорвать на нём злость. Лейтенант злорадно заорал на него: "Вон отсюда!". Тут уже Вилька не выдержал: "Пошёл на х... сам отсюда!". И лейтенант вlepил ему в ухо. Игорь, предугадывая то, что дальше последует, зная силу поставленного Вилькиного удара, успел крикнуть: "Стой! Не надо!". И Вилька только приподнял Геншина, и только бросил его за рундук в угол. Подошедшему (на свою голову) не ко времени старшине, лейтенант с визгом кричал: "Будешь свидетелем! Будешь свидетелем!". Геншин ушёл, а старшина стал выяснять — что же всё-таки тут произошло, так как он сам не успел ничего увидеть. Вдруг пришли автоматчики из школы и увели Вильку на "губу". Игорь был возмущён, но не знал, что предпринять. Он то входил в казарму, то выходил, твердя вслух самому себе: "Что же делать? Что же делать?". И тут подвернулся Слепчук с советом: "А ты знаешь, у него у жены день рождения? Он ходил домой обедать! Наверняка сто то грамм выпил! Так что, он сам пьяный!". Хотя какая-то, но это была зацепка для Игоря, и он решил действовать.

Ротный был в отпуске, командира замещал Доброплясов, и Игорь пошёл к нему в офицерский домик, стоящий рядом с ротой, и с порога заявил: "Вы тут отдыхаете, а у Вас оперативный дежурный пьяный на дежурстве!". Старший лейтенант лежал одетый и в носках на кровати и молчал, видимо, слова до него не доходили. Зазвонил телефон. Звонили, видимо, из полка. Старший лейтенант отвечал в трубку односложно, только одной фразой: "Есть, товарищ подполковник!". Вдруг он произнёс: "Да со мной всё в порядке, я просто лежу, и мне неудобно лёжа говорить". И тут Игорь услышал из трубки крик: "Как? Вы что, лежите?! Это я с Вами разговариваю стоя, а Вы передо мной лежите?!". Доброплясов вскочил, вытянулся по стойке смирно, и бодро, громко отчеканил: "Виноват, товарищ подполковник!". Игорь поневоле рассмеялся. Хотелось сказать: "Так он же всё равно не видит. Чего перед трубкой вытягиваться?". Наконец, старший лейтенант, обернувшись к Игорю, сказал: "Хорошо! Иди! Я сейчас приду!".

Доброплясов был из тех людей, которые всего боятся - "как бы чего не вышло", - и всегда и от всего старался увильнуть — только, чтобы было всё тихо, чтобы его никак не касалось. Если бы был капитан, то он решил бы всё быстро, просто и сразу. А Доброплясов растерялся. Когда он вызвал Игоря на КП, там были ещё Геншин и старшина. Лейтенант был в большом расстройстве, перемещался по КП из угла в угол и жалобным голосом причитал: "Ну что я сделал? Что я вам такого плохого сделал? Я же ни грамма не выпил!". Напуганный старшина постоянно твердил: "А я тут при чём? А я тут при чём?". Всё это взбодрило Игоря, и он твёрдо настаивал: "Пьян!". Когда лейтенант сказал, что он готов на экспертизу, Доброплясов, желая, видимо, откреститься самому от проблемы, сделал всё наоборот. Он отправил всех на экспертизу: лейтенанта — за своим алиби, Игоря — контролировать, старшину — как понятого.

Когда пришли в милицию, там сразу направили, как выразился один из милиционеров, придурков к начальнику ГАИ, и, предупредив, что у того выходной, дали его домашний адрес. Начальник ГАИ никак не обозвал их, но с раздражением

сказал так: "Моё дело заниматься транспортом. А вы идите подалее! Вон рядом роддом! Идите туда!". Начальник ГАИ был, конечно, человеком с юмором, но трое ходоков юмора не поняли и пошли в роддом. Там из всех окон выглядывали молодые мамочки — к кому же это идёт целая военная делегация? Молоденькая вежливая дежурная медсестра после уговоров согласилась дать заключение по обследованию, полученное путём "дыхни в стакан". Игорь запротестовал: "Какая же это экспертиза? Прошло много времени, выпито не очень много, и надо определять точнее, по анализу крови". Геншин был готов на всё, чтобы доказать свою правоту, и предложил даже поехать в полк. Но тут старшина вспомнил, что в крепости есть военный госпиталь, и "комиссия" направилась туда. В госпитале полковник отнёсся к делу со всей серьёзностью. Он долго беседовал с каждым по отдельности. Игорю врач сказал, что он не установил того, что лейтенант пьяный, и даст соответствующую справку с печатью. А кто кого ударил, это не его дело — тут будут разбираться те, кому положено.

Кончилось всё это тем, что Игоря обвинили в клевете, и вместе с Вилькой отвезли в полк "на губу", объявив им по десять суток "строгача". Сидеть одному в камере скучно, но они с Вилькой нашли способ общаться через стенку. Потом Игорь предложил способ, как скоротать время — они написали жалобу в штаб округа, где просили разобраться по справедливости: "Как можно допустить, чтобы в наше время в Советской Армии офицеры позволяли рукоприкладство в отношении солдат?". Жалоба сработала, к их удивлению, очень быстро. Назавтра же из Ленинграда приехал следователь, кажется, из военной прокуратуры. Каждое утро их приводили в маленькую комнатку в штабе. Они сначала не понимали, о чём шёл длинный разговор с вопросами, ответами, касаясь всего, даже международного положения, пока следователь не сказал прямо, что он хочет того, чтобы они забрали своё заявление. А им этого совсем не хотелось — им нравилось ходить на беседы, уговоры, споры, убеждения, на что уходило по полдня. А это лучше, чем сидеть в это время в одиночной камере. Через неделю узникам объявили амнистию в честь праздника "1 Мая".

Игорь с Вилькой сразу забрали свою жалобу и отправились в роту. На этом приключения друзей закончились. А как сказало ЧП на службе Геншина и Доброплясова, Игорь не знал — солдатам о таких делах знать не положено, да и не очень-то это интересно. Конечно, они пострадали — слуханное ли дело, чтобы солдат водил на экспертизу своих командиров, но, в конце концов, они же сами сделали так. А Геншина вскоре перевели в другую роту.

Когда друзья вернулись в роту, была отличная весенняя погода, и они на радостях решили отпраздновать своё освобождение. В лесу их ждала спрятанная тогда ещё водка. По пути на обед друзья свернули в лесок и расположились на согретой солнцем полянке, после камеры одиночки тепло и солнце душу радовали вдвойне. Выпили сначала четвертинку, разговорились, вспоминая последние события. И тут, как из-под земли, неожиданно возник перед ними старый знакомый Игоря капитан боксёр. Он с ехидной улыбкой, как бы удивлённо, спросил: “А что вы тут делаете? Водку пьёте?”. Игорь держал уже откупоренную бутылку за спиной, пряча от глаз капитана. А тот, решив поиграть с ребятами, стал кругом обходить компанию. Игорь, пряча бутылку, перемещал её вокруг себя. Капитан, соответственно и Игорь, повторили ещё раз этот “манёвр”. Капитану игра эта, видимо, надоела, он протянул руку: “Ну, хватит! Давай сюда бутылку!”. Но взяв бутылку, капитан игру не кончил — он предложил задачку:

- Или я звоню вашему капитану? Или выливаю водку, и капитану не звоню! Выбирайте!

- Вылить?

- Нет!

- Звонить?

- Нет!

- Вылить?

- Нет!

Капитану такая игра надоела, и он спокойно, медленной струйкой, издевательски глядя на ребят, опорожнил всю поллитровую бутылку. Компания возвращалась с полянки, чертыхаясь и кляня себя за ротозейство. Роковая бутылка удо-

вольствия не принесла. Кто-то из ребят заметил: "Это божья кара! А чёрт с ним — не велика потеря, переживём!".

Ротному, в конце концов, надоели "весёлые политзанятия" и другие "художества" троицы друзей, и он решил просто избавиться от разгильдяев. Сначала отправили Саву служить куда-то в Сибирь. Игорь больше с Савой не встречался. После случая с экспертизой Вильку отправили в Якутию. Настала очередь и Игоря — пришёл приказ перевести его на точку в Элисенваару. Для него это был крах. Несколько лет назад в армии допускалось и даже поощрялось учёба солдат в вечерней школе. В год призыва Игоря в армию это было запрещено. У Игоря давно была задумка: попробовать упросить капитана разрешить ему закончить десятый класс. Надо было немедленно действовать, и он пошёл к ротному. Тот к просьбе отнёсся с пониманием, но, сказал он, приказ уже есть, отменить его поздно, "что ты думал раньше?". Капитан обещал подумать, но поставил непременное условие: Игорь должен был стать лучшим солдатом в роте во всех отношениях. Расчёт ротного был понятен: если самый отъявленный разгильдяй вдруг становится лучшим служакой, то это несомненно повлияет на всех, и спокойствие и дисциплина в роте будут обеспечены. А кроме того, капитан высоко ценил Игоря как специалиста (опытного оператора). Так что надежда вернуться в роту была.

Служба в Элисенвааре представилась Игорю как сонное царство. Солдаты маялись с утра до вечера от безделья, лениво, медленно передвигались от казармы до столовой и обратно. Единственное развлечение — это игра в шахматы и в домино. Постоянно гоняли уже всем надоевшие пластинки. Положительным было только одно — в роте хорошо кормили (по норме пограничников), а спать было можно когда угодно. И вся рота только ела и спала, спала и ела, и всё. Разговаривать между собой уже было не о чем — всё уже говорено, переговорено. Единственное событие, о котором ещё иногда вспоминали, было ЧП, произошедшее ещё летом. Шофёр, привёзший начальство в роту на козелке, был раздавлен колёсом

при ремонте собственного автомобиля, сорвавшегося с тормозов под уклон и проехавшего по горлу хозяина. Солдат сразу погиб. А перед этим погиб солдат, которого пригласили на местную свадьбу. Его в драке зарезали кухонным ножом. Игорь встретил здесь старых знакомых ещё по школе операторов. Ребята вспомнили, как в школе, при укладке небывало огромной поленицы дров высотой с двухэтажный дом, на глазах сотен человек задавило их товарища. Гигантская поленица неожиданно стала медленно падать от сильного ветра. Увидев это, сотни человек отбежали, а один остался. Ему кричали, он не слышал, и погиб. Два дня три роты разбирали гору дров, чтобы достать тело. Игоря удивляло то, как часто в армии случались эти трагедии. Молодые цветущие ребята нелепо, ни за что, гибли в мирное время. А родители их получали известия: "Погиб при исполнении воинского долга".

В Элисенвааре дежурство было круглосуточным. Но на дежурстве скука была ещё невыносимее. Самолёты в небе здесь появлялись редко. Два раза в сутки в одно и то же время, между одними и теми же точками финской территории летал молоковоз, как называли его ребята. А может быть, и на самом деле он возил молоко, но, может быть, и почту. Летал молоковоз очень медленно. Игорь по старой привычке давал данные на каждом обороте антенны. Планшетист на КП взмолился: "У нас так часто не дают. Зачем? Ну, хотя бы, через два оборота. У меня на планшете точка на точку налезает". Игорь стал давать данные реже — стало ещё скучнее. Он засыпал на ходу. И только один раз пришлось поработать. Молоковоз вдруг раздвоился. Под его прикрытием появилась новая цель, которая передвигалась с большой скоростью прямо к границе. Появились наши МИГи, и нарушитель, повернув на север, вскоре ушёл назад через границу.

Скука в Элисенвааре становилась невыносимой. Игорь жалел ребят, которые обречены служить здесь три года. Он понял — насколько ему повезло со службой в Приозерске. Но, наконец, пришла радостная весть — его возвращали в роту в Приозерск. Капитан сдержал своё слово. По возвращении в

роту капитан сразу вызвал Игоря и напомнил ему об уговоре. Игорь, получив справку через Валентину Ивановну об окончании девятого класса, подал заявление в вечернюю школу. Осталось подумать — как стать лучшим солдатом в роте.

Среди "старичков" был один тихий, но мудрый, по сравнению с другими, ветеран. Его взяли в армию на три года позже положенного после отсрочки по семейному положению — он был женат и имел ребёнка. Звали его все ребята уважительно — "Старина". К его советам прислушивались все. Хотя его к мятежной троице друзей и не причисляли, он принимал самое активное, может быть, главное, участие во всех проделках друзей. Сам он никогда громко не высказывался, но, порой, тихонько толкнув в бок Игоря, с хитрой улыбкой заговорщицки что-нибудь подсказывал, советовал. Старина сказал как-то Игорю: "Если ты возьмёшь слово на каком-нибудь собрании и выступишь о чём-нибудь, не важно о чём, то тебя сразу зауважают и ребята, и начальство. А ещё раз выступишь, то ты сразу станешь активистом. Ты сразу станешь хорошим, и примером для других". Игорь не согласился и вообще отмахнулся. Старина настаивал: "А ты попробуй! Вот увидишь! Слабо? Ну, давай посмотрим!". Игорь согласился — что ему, жалко? И, действительно, к нему стали относиться как-то по-другому после пары выступлений. Старина победно ликовал — он оказался прав: "Ну, что? Я же говорил! Всегда слушай стариков! Не пожалеешь!". Игорь не понимал, чего смеётся Старина, чему радуется, и зачем ему эти эксперименты. Когда служба "старичков" подходила к концу, ротный, вызвав Игоря на КП, предложил, неожиданно, ему вступить в партию. Игорь удивился и отказался. Капитан, помолчав, сказал: "А ты не торопись, не торопись и подумай! Хорошо подумай! Иди!". Игорь уже стал забывать об этом разговоре, но как-то обмолвился о предложении капитана при Старине. Тот неожиданно сказал: "А что? Ты возьми, да и согласись! А чего тебе? Давай! Не пожалеешь!". Через некоторое время Старина вспомнил о разговоре и, хитро подмигивая и смеясь, стал подначивать: "Что! Испугался? Я знал, что ты не решишься!". Стари-

на опять с довольной улыбкой победно посмотрел на Игоря. И тут Игорь почему-то обозлился на ветерана, на его довольную усмешку: "А вот сейчас пойду и подам заявление!". Игорь пошёл к капитану и написал заявление о приёме его в ряды КПСС. Когда шёл уже последний год службы, когда Игорь уже ходил по вечерам в городскую вечернюю школу, его приняли кандидатом в члены КПСС. Новый кандидат с досадой думал: "Вот, Старина! Сам-то, небось, давно "в кругу семьи" в своём Ростове!". Но назад Игорю уже пути не было, да и никто же его за руку-то не тянул. Недовольным вступлением Игоря в КПСС оказался один Геншин. Он протестовал, написав рапорт командиру полка и заявление в партком части. Но его никто не слушал. От Саши, когда Игорь встретил его уже после армии, он узнал, что Геншин ушёл со службы в армии совсем.

Когда "старички" демобилизовались, рота пополнилась молодой сменой, новыми "салагами". Теперь Игорь стал "старичком", командиром отделения операторов, а потом до конца службы замещал командира взвода. Молодое пополнение было из Средней Азии. Операторами они работать не могли — их образование было для этого недостаточным, и по-русски многие говорили плохо. Был один такой Мамадражабов, который совсем ни на каком известном в роте языке не говорил (он был киргизом), или просто притворялся. Его, с лёгкой руки старшины, все стали звать — Чудо. Сказать одним словом — с ним было весело - "и смех, и грех". Пробовали поставить Чудо на ночь часовым: одевали ему тулуп, совали в руки автомат, и выталкивали на улицу. Через две минуты он приходил в казарму, спокойно снимал тулуп, ставил в угол автомат, и молча шёл к постели. Чудо снова одевали, выводили, говорили и по-узбекски, и по-казахски, что ему надо делать, но он был киргиз. Он снова возвращался в казарму. И так повторялось без конца. Когда надо было что-то делать: работа, собрание, построение — Чудо надо было приводить за руку. Понимал он безошибочно только одну команду "строиться на обед", чтобы идти свободной смене в столовую, Чудо первым был в строю, хотя никто ни разу ему не говорил, куда пойдёт

строй. Иногда Чудо делал непонятные вещи: выдвигал тумбочку к окну и, положив на неё полотенце с угла на угол, становился на колени, и, сложив руки на груди, надолго неподвижно замирал. Оказывается, как сказал его земляк, он молился. Чудо ни с кем никогда не разговаривал. Но капитан с ним всё же каким-то образом объяснялся, где жестами и знаками, а где, подбирая и повторяя много раз простейшие слова. Ему прислали составленное кем-то специально для него письмо из дома, в котором говорилось, что дома у Чуда остались одинокие престарелые родители, за которыми требуется уход. А в таком случае он не может служить в армии как единственный кормилец. И Чудо просил ротного содействовать тому, чтобы его комиссовали. Капитан послал запрос в военкомат по месту жительства Чуда. Когда из этого военкомата пришёл ответ, у ротного с Чудом состоялся, примерно, такой разговор:

- Ты говоришь, что ты единственный у родителей. Но у тебя же есть ещё старший брат?

- Да, есть. Но он живёт далеко в Сибири! И у него своя большая семья!

- Вот тут написано, что есть ещё сестра?

- Да, есть. Но она живёт в другом городе и не может часто приезжать к старикам!

- А ещё, тут написано, что есть брат, который живёт с родителями?

- Да, есть.

- Так, что же ты про него ничего не сказал?

- А Вы же про этого брата не спрашивали!

Капитан не мог удержаться. Капитан хохотал. От такого служак не было бы никакой пользы, кроме лишних хлопот, и ротный составил рапорт так, как надо, и Чудо, в результате, уехал домой. Весело было не только с этим Чудом.

Однажды Игорь шёл к казарме, и ещё издали услышал громкий крик: "Потэхын! Потэхын!". Это кричал Саатов. Он был, пожалуй, самым грамотным из тех, кто прибыл в роту из Узбекистана, откуда его призвали, не дав окончить автодорожный техникум. Саатов кричал, стоя спиной к казарме, задрав

голову к небу. Рядом, за его спиной выглядывал из раскрытого окна Потехин, весёлый парень из Питера, который, сдерживая через силу смех, без остановки повторял: "Саатов! Кричи громче! Ещё громче!" И тот старался: "Потэхын! Потэхын!". Игорь стоял и ничего не понимал. Оказалось, что, подозвав Саатова, Потехин сказал ему, что будет настраивать телевизор, а передач сейчас по телевизору нет, и звука нет. А чтобы настроить в телевизоре звук, нужно, чтобы он был. Вот он и предложил Саатову кричать в сторону антенны, чтобы был звук, необходимый ему для настройки.

В начале службы, ещё в карантине, среди новобранцев ходили слухи о том, что тот, кто идёт в операторы, очень рискует здоровьем — можно стать импотентом или получить рак. Всё это оказалось чистейшим вздором. Хотя опасность в этой работе, конечно, была. Ребята попробовали поднести случайно подвернувшуюся мышку к излучателю антенны. Мышка, действительно, протяжно пискнула и протянула ножки. Кто-то сказал, что лошадь тоже сдохнет. Но лошади у ребят не было, но на самих ребят излучение никаким образом не влияло. Игорь сам сидел часами при работе "ногами в передатчик" со снятой крышкой (чтобы быстрее настраивать, когда надо, на ходу), где, если поднести неоновую лампочку без каких-либо контактов, (просто в руке) она загоралась от высокого в том месте напряжения. Но опасность была. Опасность удара током от контакта (прикосновения). Один раз лейтенант Саша возился с передатчиком. Вполоборота к нему рядом сидел Игорь. Вдруг он услышал какой-то неясный шум и короткий вскрик Саши — то ли "А!", то ли "У!". Игорь повернулся — Саши нет. Его как ветром унесло. И вдруг лейтенант поднимается на четвереньках по ступенькам в машину, громко ругаясь — он ничего не успел понять, что случилось. Он видимо нечаянно коснулся чего-то в передатчике. Позже Игорь узнал, что так бьёт током высокого напряжения (мышцы выпрямляются). Хуже, когда бьёт током низкого напряжения, когда мышцы резко сокращаются, пальцы намертво сжимаются, что и приводит часто к гибели человека. Игорь столкнулся с тре-

мя такими случаями в последний год службы. При этом он обратил внимание на один странный факт: во всех трёх случаях жертвы произносили одно слово — "мама". Нет, не девушки, не дети, а здоровые мужики звали: "Ма-м-а!". Это случайно, или так бывает всегда? Для Игоря это так и осталось загадкой.

Первый случай произошёл, когда в роту приехали специально ребята проводить годовую профилактику на станции. Сержанту не понравился степенный, важный, дутый "салага", шедший мимо, и он надумал немного его поучить, он же не знал, что Кошелев отличный, скромный парень, и что у него просто такая важная походка. Сержант кивнул помощнику, который сразу пошёл в их специальную машину, чтобы устроить, видимо, не раз повторяемую ими шутку. Сержант крикнул Кошелеву: "Эй! Идешь мимо! Захвати-ка сюда по пути пылесос!". Пылесос у них был неисправен — одна фаза попала на корпус, и, если вставить вилку так, а не иначе, пылесос оказывался под напряжением. Бедняга попался, он взял пылесос в руку, и его начало трясти. Пытаясь отбросить пылесос, Кошелев тряс рукой, но руку свело в судороге, она не разжималась. Тогда-то он, с округлившимися от неожиданности и страха глазами, издал возглас отчаяния: "Ма-а-ма!". А сержант с помощником, вышедшим, держа в руках вилку от пылесоса, весело смеялись.

Второй случай произошёл позже, когда прошёл ураган, и столб, через который в казарму подводилась радиотрансляционная сеть, накренился, но не упал, зацепившись за забор. Провода провисли до земли. Радио молчало. И вот, любивший всегда во всём порядок, сержант Сорокин, решил произвести ремонт. Принёс для этого дюралевую лестницу и, ставя её к стене, коснулся проводов. Вдруг его затрясло, и он необычно низким голосом выдавил: "Ма-ама!". Игорь стоял рядом, он ничего не успел сообразить, но думать было некогда, и он бросился к Сорокину. Ноги его, хоть он и был в сапогах, загудели — земля била током, руку, которая только коснулась гимнастёрки Сорокина, свело мелкой дрожью. Игорь отскочил назад. Затем с разбегу ударил ногой со всей силы по лестнице.

Лестница упала, Сорокин вместе с ней. Его подняли и отнесли в казарму. Ребята собрались у злополучных проводов, обсуждая случившееся и пытаясь объяснить небывалое явление. Конечно, дело в проводах. И тут появился старшина. Он, не дослушав объяснений о том, что тут случилось, поднял руку со словами: "Что вы тут сказки мне рассказываете? Это же радио! Я же знаю, что тут тридцать вольт!". Двадцать человек хором гаркнули: "Стой!". Но было уже поздно — старшина схватил зависший над землёй провод. Падая, как-то съёжившись, он прохрипел сиплым басом: "Ма-ама!". Игорь крутился вокруг. Ни подойти близко, ни дотронуться до старшины было невозможно — всё било током. Лицо и руки бедняги почернели, голос уже был тихим: "Ма-ама!". Кто-то подал Игорю палку. Ему как-то удалось намотать провод на палку, и он рванул её, ободрав руку старшине "до мяса". Кто-то уже вызвал "скорую", и позвонили электрикам в службу сети. Старшина не дышал, и его отнесли домой. До вечера все в роте ходили в скорбной тишине, мысленно прощаясь со старшиной. А вечером он вдруг явился с головой и руками, замотанными бинтами. У него только очень болели голова и руки — "смазка в суставах сварилась", как пояснили ему врачи. А электрики потом сообщили, что из-за урагана в радиосеть попало где-то на линии при аварии силовое напряжение 380 вольт.

Игорю нравилась боевая работа. Она была живой. Оператор контактил по связи непосредственно с руководителем полётов. Часто при общении приходилось ругаться, порой, и матом. Это случалось, например, тогда, когда какой-нибудь лётчик забывал включать ответчик, дающий сигнал — "свой", или беспечно нарушал запретную зону, или границу. Или, наоборот, когда оператор путался в данных. Руководители полётов и опытные операторы (как Игорь) поневоле заочно хорошо знали друг друга по фамилиям. Однажды опытным операторам, в качестве поощрения и для пользы дела, устроили экскурсию на КП аэродрома, чтобы показать "живую" работу КП при полётах. Игорю было интересно встретиться очно и поговорить со старым знакомым, руководителем полё-

тов, узнав предварительно, что сегодня дежурит Шаров. А когда ему показали: "Во-о-он тот, что стоит у планшета — подполковник Шаров". Игорь подойти постеснялся. Он же думал, что руководитель — ну, от силы капитан, а навязываться в друзья к подполковнику — это уже неприлично: "Работа работой, а табачок — врозь!".

Боевая работа была интересной и тяжёлой. Всё то время, пока идут полёты, оператор должен передавать данные непрерывно, громко, чётко и очень быстро (скороговоркой), иначе можно перепутать цели. Прерваться и отдохнуть нельзя. По нормативам "на отлично" оператор должен сопровождать одновременно не менее пяти целей, но их часто бывает в небе гораздо больше.

Как было приятно, открыв дверь машины, утром после ночи непрерывной работы вдохнуть свежего воздуха, и расслабиться под утренними лучами солнца. Голос за ночь садился так, что слова произносились только шёпотом, и слышались словно не свои, а чужие. Голова кружилась, как у пьяного. Это от озона, выделяемого разрядниками передатчика, как при грозовых разрядах, бушевавших непрерывно целую ночь напролёт.

В начале службы Игоря нашу ПВО больше всего докучали запускаемые американцами воздушные шпионы-шары. Они летали высоко и были плохо видны. Сбивать их лётчикам было тяжело из-за большой разницы в скорости самолётов и медленно летящих шаров. Часто нарушалась граница и самолётами. Нарушения границы вредные американцы приурочивали почти всегда по советским праздникам (на 1 Мая и 7 Ноября) — они-то эти праздники не праздновали. Один раз в конце своей службы Игорю довелось участвовать в работе при совершении важной серьёзной провокации. Поднятая ночью по общей тревоге, одеваясь на бегу, дежурная команда быстро прибыла на станцию. Когда Игорь включился в работу, нарушитель уже пересёк границу. В воздухе уже были десятки истребителей. Но самолёты, заполнившие всё видимое на экране пространство, почему-то летали хаотично по разным направлениям, как слепые. Это удивляло Игоря, и он, не сдержавшись, высказал на КП своё раздражение. Планшетист с

КП полка пояснил: "Нарушитель идёт на большой высоте — он недосыгаем. Достать его могут только новые СУ, но они за-секречены, и взлетать могут только по специальному приказу из Москвы. Придёт приказ, и его собьют. И мы ждём приказа". Игорь следил за обстановкой в воздухе, давая данные по всем целям. Нарушитель шёл на юг. Цель проследовала над Приозерском, дальше над Ленинградом до Луги и, повернув в сторону залива, ушла из зоны видимости в нейтральную зону. На следующий день, как узнал Игорь, новые СУ настигли нарушителя уже в нейтральных водах, обстреляли, но сбивать не стали. За обстрел самолёта в нейтральных водах правительство получило ноту протеста, за что, видимо, пришлось оправдываться дипломатам. Это то, что стало известно Игорю. Обо всём, случившемся этой ночью над Ленинградом, мало кто узнал — газеты об этом не писали. Но о другом случае, произошедшем в эту же ночь, узнал весь мир. На юге страны был сбит точно такой же самолёт, а лётчик его Пауэрс был взят в плен. Дня через два в роту пришёл приказ по армии. Капитан перед строем роты зачитал приказ, в котором сообщалось о случившемся инциденте под Свердловском, и предписывалось провести во всех подразделениях ПВО разбор боевой ситуации для случая на юге. Ситуация там была точно такой же, какую наблюдал Игорь со своего экрана, с той лишь разницей, что там, на юге, нарушитель вторгся вглубь территории на большее расстояние. Высотные истребители СУ поднялись там тоже с большим запозданием только тогда, когда уже было решено сбить нарушителя ракетой. Приказ ракетчики исполнили мгновенно. Шпион был сбит. И вот тут-то перед ракетчиками и появилась новая цель. Цель шла без ответа. Видимо, лётчик забыл включить ответчик, а это значит для ракетчиков, что цель чужая, и они сбивали самолёт. Свой самолёт. Когда появилась следующая цель, и тоже без ответа, ракетчиков, слава богу, успели остановить, и второй жертвы не было. При уничтожении цели ракета взрывается при каком-то приближении к ней, и прямое попадание не обязательно. Так и был сбит Пауэрс, который выбросился с парашютом. Свой же самолёт был сбит прямым попаданием — лётчик погиб.

Зимой последнего года проходили важные общевойсковые учения, на которых Игорь особо отличился. В воздухе одновременно находилось не менее полусотни целей, на КП роты работал сам капитан и проверяющий капитан из штаба. После окончания учений ротный сразу же позвал Игоря на КП. Они с проверяющим капитаном так по-свойски радостно благодарили его за проведённую работу, что Игорь даже подумал: "Уж не собираются ли они налить ему стакан?". Но стакана, конечно, не налили, а сказали, что получилось так, что все остальные операторы запутались с целями, и пришлось всю работу переключить на одни только данные Игоря до конца учений. Капитаны не скрывали, что для них результаты этих учений скажутся большим плюсом для их продвижения по службе, и этим они обязаны Игорю. А ему сказали, чтобы ждал серьёзной награды. И, действительно, через неделю Игорю предложили награду на выбор: или медаль, или занесение его фамилии в Книгу Почёта части. Ротный сказал, что занесение в Книгу Почёта значительно весомее, а, кроме того, в этом случае полагается десятидневный отпуск. Игорь выбрал, конечно, Книгу Почёта. Для вручения награды его вызвали в штаб полка. Там ему в торжественной обстановке зачитали приказ и вручили грамоту. В приказе говорилось, что Книга Почёта части велась в войну, куда заносились в то время имена отличившихся воинов, в большинстве своём погибших в боях. В мирное время пополнение списка полковых героев прекратилось. И вот решили список Книги Почёта возобновить в мирное время, и Игорь оказался в этом списке первым после войны. В грамоте указывалось, что его фамилия занесена в Книгу Почёта части под номером один в списке для мирного времени. Игорь сразу поехал в отпуск.

Валентина Ивановна приезжала навестить Игоря за время его службы раза три. И один раз, когда из письма матери сын узнал о том, что в санатории под Приозерском в Кузнечном отдыхает Вадик, он встретился и с ним. На втором году службы Игоря приехала Валентина Ивановна и неожиданно спросила, что он скажет, если она выйдет замуж. Игорь знал мать, и догадывался, что она для себя уже всё решила, а, будучи не-

решительной, только искала у сына поддержки. Он так прямо и сказал ей: "Ты же всё сама решила, и поступай так, как считаешь нужным". Она оставила свою казённую комнату и переехала в дом в деревне к новому мужу. Туда и приехал Игорь в отпуск. Там в доме ему не понравилось, особенно то, что Вадику, как заметил Игорь, было там не очень-то хорошо. Друзья Игоря почти все разъехались, и в совхозе было скучно. Но отпуск — есть отпуск, вольная домашняя жизнь, но время пролетело быстро, и надо было возвращаться в казарму.

Капитан сдержал своё слово — Игорь всю зиму, каждый день посещал вечернюю городскую школу. Он уже повзрослел, и учёба, к удивлению, давалась ему легко, даже было интересно — весь материал он запоминал на уроке. Игорю легко давались все школьные предметы. Даже по химии, физике и немецкому у него были всегда высокие оценки. Забавный случай произошёл с математикой. У учительницы по математике была одна привычка. В конце почти каждого урока она давала какую-нибудь задачу с условием: тот, кто первый её решит, получает в журнал пятёрку. А первым всегда решал задачу Игорь. Это привело к порочной практике — Игорь в течение полугода совсем не выходил отвечать урок к доске: "Зачем? Если в журнале напротив его фамилии стояли одни пятёрки, которых хватило бы на троих?". И вот, за несколько уроков до конца последней четверти по программе шла трудная теорема, доказательство которой было непонятным и сложным. После того, как трое, из вызванных к доске, получили за эту теорему по двойке, учительница, сказав классу, чтобы учились тому, как надо доказывать теорему, вызвала к доске Игоря. А Игорь подвёл учительницу. Он урока не знал, он отвык учить что-либо дома, да ещё в последние дни учёбы. И она, пообещав вызвать его в следующий раз, поставила двойку. Игорь не поверил обещанию, учить не стал, и получил ещё одну двойку. Это всё повторилось, в точности, и в следующий раз. Теперь уже Игорь, на всякий случай, прочитал злополучную теорему. Упрямая учительница всё-таки опять его вызвала и, не совсем удовлетворённая его ответом, сказала: "Дру-

гому бы поставила хорошую оценку, а тебе поставлю ещё двойку!". К счастью, занятия в школе кончились, а несколько двоек на среднюю оценку в четверти не повлияли — столько пятёрок было у Игоря в запасе. Экзамены в школе Игорь сдал все на отлично и получил аттестат зрелости. И, вообще, весь последний год службы он чувствовал себя свободно и вольготно. Каждый день, посещая школу, Игорь свободно ходил в город. Даже в баню он ходил не строем со всеми, а в общее время за деньги, и тогда, когда хотел. Солдатских денег он получал достаточно — за должность и за классность (за оператора 1 класса) у него выходило 150 рублей (против 30 солдатских). Этого вполне хватало и на папиросы, и на бутылку, которую он любил брать после бани.

Наступило последнее лето службы в армии, Игорь стал тяготиться службой и, как большинство "старичков", по традиции начал отсчитывать дни до демобилизации. В его служебную обязанность входило заступление на сутки оперативным дежурным по роте. В роте было на то время всего три офицера (три сменщика Игоря), которые могли заступать на боевое дежурство, так что у Игоря было три дня свободных. Он маялся от безделья. В то лето была хорошая погода, и проводить время с удочкой — было одно удовольствие. На одном из ответвлений Вуоксы было одно такое мелкое место, где ветром вывернуло с корнями большую осину, упавшую в воду. Под стволом осины быстрое течение вымыло глубокую яму, образовавшую бурлящий омут. Игорь, продравшись сквозь ещё зелёные ветви сваленного дерева, решил посмотреть: "Нет ли чего-нибудь, или кого-нибудь в такой удобной глубокой яме?". В искажённом виде от завихрений потоков воды мелькнули неясные тени — там что-то было. Игорь трясущимися от нетерпения руками стал протягивать к яме конец лески с крючком между зарослей веток. И, как только забросил конец лески с наживкой в воду, сразу же ощутил тяжесть добычи. Он потянул, но тонкая леска не выдержала и оборвалась, как только улов показался из воды. Это был язь величиной не меньше килограмма. Игорь, дрожащий в азарте, бегом побежал в казарму. Там он стал искать толстую леску и большой

крючок. Нашёлся только тройник и леска от спиннинга. Отломав один большой крючок от тройника, намотав леску с ним на палец, Игорь бегом помчался к омуту под осиной. Тени в омуте уже не мелькали, но он с надеждой ждал, наблюдая, как сильное течение мотает где-то там, в глубине, из стороны в сторону его крючок с шитиком. Вдруг леску на пальце сильно рвануло — попался огромный окунь. Почти каждый день Игорь в одних трусах шёл на свою яму, накопив по пути в куче перегноя больших червей-выползков. Прохожие из соседних домов удивлялись тому, как довольно улыбающийся Игорь, уходя на реку с пустыми руками, возвращался, неся в руках три — четыре огромных, больше килограмма, живых окуней. Потом пошли грибы, и Игорь почти с утра до вечера в те дни, когда он не дежурил, пропадал в лесу, принося к вечеру ведро грибов. Грибы можно было бы жарить, но вдруг оказалось, что этого никто не умеет делать. Все "салаги" были с юга — они грибов в глаза не видели. Один лучший друг Игоря, Толик из Питера, вызвался, но когда Игорь спросил его: "Как он будет это делать?". Тот сказал, что надо отварить, а потом жарить, что так всегда делает его мать. Игорь возразил: "Отваривать совсем не надо". Они заспорили, и кончилось тем, что грибы пошли в кучу в канаве у забора за каптёркой старшины. Каждый раз, принеся из леса как трофей ведро грибов, Игорь тут же сваливал их туда же, куда выбрасывал до того выловленную рыбу. И к моменту демобилизации Игоря выросла огромная куча рыбы и грибов, кишашая червями.

По существующим в то время правилам первыми подлежали демобилизации те, кто призывался из дальних северных краёв. В следующую очередь шли те, кто подавал документы для поступления в вузы в этом году. Из вузов приходили вызовы на воинскую часть, которые были основанием для демобилизации будущих абитуриентов. Игорь призывался с севера, и ожидал приказа о демобилизации его в первую очередь. Когда ему случилось ехать в полк для приёмки новой станции для роты, Игорь неожиданно повстречал в поезде бывшего ротного, который служил теперь в полку. Капитан поинтересовался, как его дела, и Игорь посетовал на то, что все его

мысли только о демобилизации. Ротный посочувствовал ему, но ничего не сказал. А незнакомый офицер, передающий ему новую станцию, огорчил Игоря окончательно: "Раз он замещает командира взвода и ходит оперативным дежурным, его, наверняка, не отпустят из армии до конца года, так как офицера для замены должности взводного найти сразу невозможно и хлопотно. Легче придержать демобилизацию Игоря". И вот однажды, когда Игорь готовился заступить на дежурство, неожиданно пришёл приказ на демобилизацию Полонского, призванного из Белоруссии, который вовремя отослал документы на поступление в вуз. Игоря так захлестнула обида и чувство несправедливости к нему, что он, плюнув на всё, захватив на всякий случай свою грамоту, тихонько через кусты незаметно проскочил на шоссе, поймал попутку и поехал в полк. Шофёр попался какой-то сумасшедший — он нёсся по шоссе так, что на каждой кочке Игоря, стоящего в кузове, подбрасывало, и он большую часть пути находился в воздухе над днищем кузова до самого Громова.

Прибыв в полк, Игорь наглым образом буквально ворвался в кабинет командира полка. На его беду командиром полка недавно был назначен новый человек — он не знал Игоря. После того, как Игорь представился и изложил свои претензии, полковник заявил ему, что он в данный момент находится в самоволке и подлежит аресту, на что получил ответ: "Самоволки в кабинете командира полка не бывает!". Взяв трубку телефона, полковник позвонил в роту. Ротного замещал в то время замполит, сменивший год назад бедолагу Галкина. Полковник задал вопрос: "Где находится в данный момент его подчинённый?". Замполит спокойно ответил, что Игорь инструктирует наряд, принимая оперативное дежурство по роте. Не мог же старший лейтенант знать, что оперативный дежурный за считанные минуты оказался в кабинете командира полка.

В кабинете присутствовал замполит полка, который сказал, что Игорь не заслуживает каких-то прав или преимуществ на быстрое решение вопроса демобилизации, тем более что у него много старых грехов. И вот тут Игорь сорвался: "Ах!

Я уже стал плохим! А это что? Липа?...". Он достал свою грамоту и демонстративно порвал её, бросив клочки на пол. Замполит подскочил на месте, изменился в лице и начал орать. Он вспомнил всё: и ЧП в школе операторов, и срыв политзанятий, и поклёп на Геншина, и то, что они знали о его тайном посещении вечерней школы и закрывали на это глаза. Подполковник, наконец, успокоился. А Игорь очень пожалел, особенно позже, что, не подумав, стгоряча, лишился такой памяти об Армии, какой была бы грамота о занесении навечно в Книгу Почёта части.

На этот раз его никак не наказали, а отпустили на своё дежурство. Игорь смирился и опустил руки: "Ох! И служить ему до самого января".

Однажды в конце августа, еле поднимая от усталости ноги, Игорь подходил к казарме, неся из леса очередное ведро грибов. Вдруг из КП выбежал дежурный планшетист и, призывно размахивая какой-то бумагой, стал что-то кричать издали, радостно подпрыгивая на месте. Игорь ускорил шаг: "Неужели?...". Да! Это пришла на него телефонограмма! Ближе к вечеру позвонил капитан и посоветовал ему прибыть в полк, в строевую часть, чтобы получить документы как можно раньше — его ещё могут остановить и вернуть. Игорь догадался, что, возможно, его демобилизацию "устроил" капитан, который был проверяющим на учениях, и который служил в канцелярии строевой части. Игорь последовал совету своего капитана, и поверил в реальность своей свободы только тогда, когда добрался до Соснова и сел в электричку.

В электричке Игорь предался размышлениям. Он вспоминал, как они с Вилькой иногда уединялись (чаще с бутылкой) на станции, где никто не помешает, и коротали время за долгими разговорами "за жисть", иногда, "зафилософствуясь" так, что терялась, порой, нить разговора. Это им нравилось — солдат спит (или болтает), а служба-то идёт. Однажды зашёл разговор обо всех офицерах — "кто есть кто?". Поневоле, Игорь выделил тех, кто заслуживал уважения у ребят: "Химдым", капитан боксёр, замполит Галкин, ротный. Они были

строгими, но всегда справедливыми и какими-то "своими". Они никогда не ставили себя выше солдата: "Ну, должность обязывает. Я должен приказывать, а ты исполнять. И всё. И ничего, как говорят, личного". Их всех что-то объединяло. Но что? Когда Игорь задумался об этом, вдруг понял: "Тьфу ты! Да что же я! Они же все фронтовики!". Всё встало на свои места. Замполит Галкин не держал обиды на глупых шутников, и не писал рапортов, как Геншин, а капитаны (ротный и капитан из штаба) не бросали слов на ветер, когда говорили Игорю, что они ему обязаны — они отблагодарили его с лихвой. Потому что они были фронтовиками — они были из того самого времени, когда люди были другими. В дальнейшем, к сожалению, Игорю не приходилось сталкиваться с такими людьми. Пришло другое время — люди изменились. Люди стали другими.

ГРАЖДАНКА

- Кошечка ты моя! Да где ж ты, падла, вчера была? — Слова эти произнёс грузный немолодой человек, инвалид с одной ногой. Голос его звучал особенно громко в тишине раннего утра на пустой ещё улице, по которой Игорь с друзьями спешили в столовую, возле которой стоял инвалид вместе со своей женой. К ней и были обращены его слова. Жена инвалида, хрупкая маленькая женщина, работала в этой столовой, и была знакома ребятам, как и её муж-инвалид, который постоянно ошивался в столовой, или возле неё, и обязательно с кем-нибудь разговаривал и всегда очень громко, перекрывая и гомон в столовой, и шум на улице, и грохот проходящих поездов. Другим не было слышно то, что тихо говорила маленькая, съёжившаяся притихшая женщина. Голос инвалида гремел:

- Что-о-о? В Кавголово? Да за это время можно доехать до Кавголово, напиться, проспаться и назад приехать!

- Что? Бить будешь? Бить будешь? — просящий голос женщины, еле слышный, дошёл до ребят.

- А-а ты-ы-ы как думала?!

Продолжение разговора друзья уже не слышали. Завернув за угол, они вошли в столовую. Столовая эта была на Днепро-

петровской улице для железнодорожников (для поездных бригад), и работала почти круглосуточно, закрываясь на уборку только на пару часов глубокой ночью. Это заведение было очень удобно для ребят — близко, и по пути на работу. Там они каждое утро завтракали, там можно было и поужинать в любое позднее время, когда всё прочее было уже закрыто. По ночам столовую наполняли всякие тёмные личности. Игорю запомнился один такой туineaдец, как тогда назывались подобные типы. Запомнился он тем, что часто сидел там за столом в немыслимой застывшей позе под таким углом, что было непонятно: почему он не падает? Туineaдец медленно, не меняя позы, подносил ложку горохового супа от тарелки до рта за такое время, за которое другой посетитель заканчивал полностью весь свой обед. Гороховым супом этот туineaдец заедал какие-то таблетки. Это был наркоман. Но наркоманов было в те годы ещё мало, в основном столовую посещали алкоголики, которые употребляли содержимое пузырьков, приносимых с собой из аптеки. Каждое утро под лестницей у входа в столовую лежала гора (высотой в метр) таких пузырьков. Это была, в основном, лимонная настойка. Как-то раз, уже позже, Игорь с Вилькой, который вернулся из Армии на месяц раньше друга, проходили мимо аптеки, что на Загородном. Делать им было нечего, шли просто так — никуда. Игорь заметил в витрине аптеки те самые пузырьки, что по утрам лежали горой под лестницей в столовой. Он поведал Вильке про алкоголиков и горы пузырьков под лестницей. Потом предложил: "А что, если попробовать этой лимонной настойки? Что будет?". Вилька засмеялся и вдруг сказал: "А давай!".

Когда пробивали чеки в кассе аптеки, кассирша презрительно буркнула: "Ходите тут без конца, алкаши несчастные!". Взяв два пузырька, приниженные друзья торопливо прошмыгнули вон из аптеки. Придя в общежитие, где жил Игорь, друзья разлили пузырёк по стаканам, разбавили водой. Содержимое стаканов побелело и нагрелось, но постепенно стало прозрачным. Выпитая жидкость Игорю не понравилась, особенно её отвратительная горечь. Через минуту он вдруг заме-

тил, что затылок его как-то съёжился. Потрогав его, Игорь почувствовал, что макушка головы его онемела. Он спросил Вильку, что чувствует он? У того тоже свело затылок. В это время пришёл с работы кровельщик Колька, проживающий в этой же комнате общаги, и начал переодеваться. Предложенный ему оставшийся второй пузырьрёк, похоже, Кольку обрадовал: "Давай!". Одновременно переодеваясь, выпив зелье, закусывая на ходу, торопясь куда-то по своим делам, он всё же обратил внимание на то, как пристально смотрят на него друзья. На вопрос: "Как он себя чувствует?", Колька, озадаченный таким странным вопросом удивлённо помолчал и, махнув рукой, сказал: "Да ну вас! Хорошо чувствую! А что? Даже отлично!". Друзья этими словами были озадачены, но всё же сделали вывод: "Не стоит пить всякую гадость! Попробовали — и достаточно!".

Первые две недели в Питере Игорь искал работу: постоянно слушал объявления о работе по радио, искал объявления в газетах и на улице. Помог ему отец Жигана, работавший когда-то шофёром директора в одном РСУ. Так Игорь определился с жильём и с работой. Жить он стал в общежитии на Днепропетровской улице, а работать его определили на растворный узел — готовить на мешалке раствор для строителей, работающих по объектам района.

Главной целью Игоря было — поступить в университет на матмех. Но в текущем 60-м году он опоздал — экзамены в вузы уже были закончены. Готовиться к экзаменам следующего года было ещё рано. Игорь, взяв ещё раз справку из незаконченной им школы в интернате за девятый класс, попытался пойти в вечернюю школу, чтобы времени зря не терять, освежить, закрепить знания школьной программы, да и получить, заодно, второй аттестат зрелости. Тогда можно было бы сдавать экзамены сразу в два вуза, на случай провала в одном. Но, отходяв две недели в школу, Игорь бросил эту затею — надоело. Потом он попробовал заняться спортом, для чего пошёл в какое то (запомнювал) спортивное общество. Там его посмотрели, сказали, что из него будет толк, и посоветовали

заняться штангой или боксом. Но после первой же разминки "под счёт раз-два, три-четыре" среди мальчиков, многие из которых ещё школьники, Игорь понял, что спортом ему заниматься поздновато. Ему оставалось только одно: навещать в гости, посещая то Жигана, то Вильку, и от безделья пить водку, или играть в очко в общаге.

Почти каждый выходной Игорь ездил в Лугу к Валентине Ивановне. Мать жила теперь в собственном доме. Жизнь с новым мужем в доме, в котором побывал Игорь во время отпуска из армии, не сладилась. Комнатка в совхозе была, конечно, уже занята, и жить Валентине Ивановне с Вадиком стало негде. Вот и пришлось ей, собрав денег с миру по нитке, купить старый дом в деревне. Она надолго залезла в долги. Игорь, который был тогда ещё в армии, тоже занял у друга Толика две тысячи на год, которые теперь надо было отдавать. Поэтому сейчас на питание он почти ничего не тратил, привозя, как когда-то в интернате, продукты на неделю от матери. Зато Валентине Ивановне с Вадиком в новом доме было хорошо. Как-то случайно в ремонтирующемся доме на чердаке Игорь среди хлама подобрал берданку (гладкоствольное ружьё с винтовочным затвором), но без затвора. Увидев у Игоря берданку, кто-то из ребят в общаге вспомнил, что у него дома где-то валялся старый затвор от винтовки. Затвор хорошо подошёл к берданке Игоря — получилось нормальное ружьё 12 калибра. Игорь привёз берданку и отдал Вадику, который охотился со своими друзьями на уток, а один раз даже подстрелил зайца.

Иногда с Игорем в Лугу ездил Жиган. В одной из таких поездок с ними приключилась история. Это было на 7 ноября. Друзья вместе со случайно примкнувшим к ним старым знакомым, жившим когда-то вместе в одном доме, в честь праздника гуляли "хорошо". Витька работал шофёром, жил в Луге, приехал на праздник к отцу, и звал друзей в гости к родителю в соседнюю деревню, где их ждёт целый молочный бидон бражки. После выпитой в изрядном количестве бражки Игорь смутно помнил то, что было дальше. Они шли к ав-

тобусной остановке, чтобы вернуться в совхоз. Витька их провожал. Вдруг компания местных ребят набросились на Витьку — у них с ним были какие-то старые счёты. Жиган, заступаясь за друга, бросился на самого рослого, схватил его за горло, повалил в канаву и сел на него верхом. Самого Жигана оседдала, какая-то, видимо, подруга поверженного, и, истошно визжа, вцепилась в его волосы. Игоря несколько человек, окружив кольцом, оттеснили на огороды. Он хотел прорваться на помощь к друзьям. Но как только он наносил удар одному из нападавших, то тут же получал несколько ударов сразу со всех сторон — противников было много. Тут Игорь увидел в руках одного из нападавших большой кол, выломанный из забора. Игорь метнулся к забору, в руки попала длинная жердь, замахнулся ею и вышел на дорогу. В это время к остановке подошёл автобус. Яркий свет от фар осветил всю улицу и разбегающихся в разные стороны нападающих. Из автобуса выскочил человек. Это был Сашка Шпиндель. Сашка появился в совхозе, когда Игорь учился в интернате. Появился он, вернувшись после отсидки. Голос у него был скрипучий, очень грубый и сиплый, какой бывает только после многих лет работы на лесоповале. Шпиндель был очень весёлый человек, и постоянно чудил. И в этот раз он был в своём репертуаре. Увидев драку из автобуса, будучи навеселе, Сашка выскочил на улицу, призывно поднял вверх руки и громко весело прокричал: "А ну, ребята! Стукните и меня разок!". Разве могло ему прийти в голову, что после таких весёлых бодрых слов, кто-то действительно его стукнет? А стукнул его Игорь. Выскочив на дорогу из темноты, разъярённый, он увидел перед собой только одного человека. Игорь не узнал в нём Шпинделя, и не слышал, что тот кричал, а просто стукнул жердью того, кто был перед ним. Сашка упал, тут же вскочил и запрыгнул в автобус, крикнув: "Отдайте хоть шапку то!". Какая-то женщина подняла кепку и сунула Сашке в руку. Шофёр автобуса, видя, что больше никто не садится, закрыл двери и тронулся с места.

Даже через много лет, завидев друг друга ещё издали, Игорь с Сашкой улыбались, вспоминая, конечно, тот весёлый

случай. Сначала Игорю было как-то неудобно, но Шпиндель подмигивал, и понимать его можно было только так: "Молодец! Получилось весело!". Сашка не обижался — ведь сам же крикнул: "А ну, ребята!".

После того, как друзья в тот злополучный день после драки, обойдя все дома в деревне в поисках обидчиков, никого не нашли, они поостыли и отправились в совхоз. Валентина Ивановна, увидев их, ахнула: друзья были с синяками и царапинами, плащи их были в грязи, в крови и порваны так, что привести в порядок их было уже невозможно.

До этого случая Игорь, когда бывал пьяным, вёл себя тихо, спокойно, и только улыбался. Однажды на какой-то праздничной рабочей (корпоративной) вечеринке, одна из сотрудниц даже сказала ему в шутку: "Если бы ты был моим мужем, я бы каждый день наливала тебе стакан! Чтобы ты был бы такой же (как сейчас) тихий и спокойный, и всё время только улыбался!". Но после того случая в Луге у Игоря случилось что-то, видимо, с "тормозами". Не раз Игорь, чаще всего с Вилькой, попадал в шумные истории, почти всегда с выяснением отношений с милицией, после которых они нередко попадали в отрезвитель. Один весёлый случай запомнился хорошо.

Была хорошая весенняя погода. Игорь пришёл с работы "навеселе". Было скучно, и он решил навестить Жигана, прихватив с собой бутылку. Уже на обратном пути, когда Жиган провожал друга, они проходили мимо небольшого скверика на Восстания. Там большая компания молодёжи, столпившись вокруг скамейки, пела песни под гитару. Игорю хотелось веселья. Он вошёл в скверик и, широко раскинув руки, с радостным возгласом, чуть не упав на компанию, ринулся на поющих. Девушки с визгом разбежались в разные стороны, а за ними и остальные. Остался на месте только один, тот, что с гитарой. Игорь удивлённо спросил:

- А ты что сидишь? Ты что? Не боишься? — на что тот спокойно ответил.

- Не боюсь! А чего мне бояться?

- Тогда давай драться!

- Давай!

Гитарист поднялся и отвесил Игорю оплеуху. Игорь упал. Жиган, видя такое дело, схватил "за грудки" обидчика — они завозились. Поднявшийся Игорь, плохо соображая, не видя ничего перед собой, заехал тому, кто был ближе всех. Это был Жиган. Он обернулся, и такая обида прозвучала в его голосе: "Ах, ты! Я же за него! А он ...!". Теперь Жиган схватил "за грудки" Игоря. Они завозились. К этому времени опомнившаяся компания стала подходить, окружая друзей, намереваясь, видимо, проучить наглецов, испортивших им песню. Вмешался гитарист: "Не надо! Не надо! Пусть повозятся между собой! Интересно!". Игорь понял свою ошибку — он же заехал оплеуху Жигану. До него дошла комичность ситуации. Он громко хохотал. Жиган не сразу, но тоже успокоился и попросил гитариста помочь довести Игоря до своего дома — тот уже плохо стоял на ногах. Поддерживаемый с боков гитаристом и другом Игорь, наконец, вышел из сквера. В нескольких метрах от них на проезжей части стоял милиционер. Из рук его пытался вырваться какой-то пьяный мужичок. Игорю было всё ещё весело. Проходя мимо милиционера, он задорно, как бы мимоходом, крикнул: "Э-эх!". И фуражка милиционера, сбита рукой Игоря, отлетела на тротуар и покатилась. Пьяный мужичок, пользуясь ситуацией, стал усиленно рваться из рук. Милиционер опешил и растерялся, рук не хватало: за что хвататься (и фуражка, и мужичок, и сумасшедший наглец)? И он остался держать пьяного, посылая вслед Игорю слова, задыхаясь от бесконечного, беспредельного возмущения: "Ну и дура-ак! Ну и дура-ак! Ну и дура-ак!".

Растворный узел, где работал Игорь, был расположен рядом с проходной. Часто в работе были простои: то самосвалы, развозящие раствор, долго задерживались, то кончались цемент, или известь, или песок. Тогда время приходилось коротать, порой до полудня, в проходной, куда всегда заходило перекурить, погреться, или просто передохнуть много народу. Люди "травили" байки, анекдоты, задерживаясь часто в проходной надолго.

Самым разговорчивым был вахтёр Курилович, который работал в РСУ с давних времён мастером, а, уйдя на пенсию,

остался работать в проходной. За всё то время, которое мастер Курилович работал в РСУ, он каждый день с работы вёз домой что-нибудь полезное для постройки дачи: то доску, то пакет гвоздей, то раму, то пару кирпичей. И так по кирпичику, по досточке, по железке, ничего ни разу не купив за много лет, он собрал и построил дачу. Люди удивлялись его терпению и настойчивости, не веря тому, что, таская по кирпичику в день, можно построить целый дом. Люди над ним смеялись, постоянно над ним шутили. Но он всё-таки построил, а люди по многолетней привычке продолжали шутить, хотя вахтёр давно уже с работы на дачу ничего не таскал. Один раз, сменившись с вахты утром, Курилович отправился на свою дачу. По дороге, ещё в трамвае, он почувствовал: "что-то рюкзачок его слишком тяжёл". Прибыв на Финляндский вокзал, он заглянул в рюкзак: там лежали два кирпича. Возмущённый вахтёр не поленился приехать назад в проходную, и поднял невероятный шум, выясняя — кто над ним опять шутит так несправедливо (он же давно дачу уже построил)? Конечно, никто не признался, только под шум общего смеха кто-то негромко заметил, что, наверное, какой-то добрый человек, подумав, что Курилович по рассеянности забыл положить кирпичи, решил ему помочь.

Всё, что любил рассказывать болтливый вахтёр, касалось старого довоенного времени так, как будто позже его и на свете-то не было. Если на проходной кто-либо заводил разговор о войне, блокаде, и позднем времени, всегда разговорчивый вахтёр становился безучастным или вовсе выходил на улицу.

В своё время Курилович был активным идейным коммунистом — строителем нового справедливого общества времён продотрядов и продразвёрсток. Он участвовал в составе продотрядов, когда отбирали хлеб у крестьян, и получил ранения от взбунтовавшихся хлеборобов, пытающихся вернуть отобранный хлеб. Курилович гордился этими своими ранами и своим героическим прошлым. А одно его повествование относилось к 38 году, которое приводило Игоря к некоторому раздумью, и поэтому хорошо запомнилось.

Курилович со своей женой пришли из кино. По воле злой судьбы-насмешницы они смотрели фильм о произволе, творящемся в ту пору в Гитлеровской Германии. Там среди ночи к мирно спящим гражданам врываются в квартиру люди в чёрных плащах и чёрных шляпах. Переворачивая всё в квартире, делают обыск и уводят бедных арестованных хозяев квартиры. Когда Курилович с женой, приготавливаясь ко сну, обсуждали увиденное в фильме, в дверь позвонили. И чета Куриловичей как будто ещё раз увидела кино. Только это было уже не кино — это была действительность. Глаза отказывались верить тому, что видели "как в кино". Нежданные гости тоже были в чёрном, тоже что-то искали в квартире. Забрали почему-то с полки книжного шкафа только один томик Ленина. Забрали и Куриловича. Его на чёрном "воронке" отвезли в "Большой дом". Там в переполненном народом подвале было очень душно. Все молчали — никто ни о чём не говорил, никто ничего ни о чём не спрашивал. Люди совсем не разговаривали. Стояла гнетущая тишина. Курилович сначала думал, что произошла какая-то нелепая ошибка, потом понял, скорее, догадался по виду окружающих его людей, что так же, наверняка, думал каждый из них. Беспрепятственно открывалась дверь подвала и выкрикивались фамилии — вызывали на допрос. Курилович сначала надеялся, что вот сейчас всё разъяснится, что он ответит на вопросы и его отпустят. Но вопросов не было, был только громкий окрик: "Признавайся!". Он хотел спросить: "В чём при...". Но не успел закончить, как получил удар, и его тщедушное тело полетело в угол. Потом Курилович понял: меньше слов — меньше ударов. Он молчал. Каждый день допрос. Каждый раз: "Признавайся!"

Куриловича выпустили. Он не сказал, почему. Но Игорю показалось так, что он догадывается — почему. Вахтёр тогда, наверняка, понял, наконец, то, чего от него хотят. Он, скорее всего, "признался". И тогда новые "гости" заполняли злоеущий подвал. Кто-то из них потом "признавался" и вышел, а кто-то нет, и ... попадал в лагерь.

Вернувшийся Курилович тут же узнал, что жена его заболела, и находится в психбольнице. Соседи рассказали, что, как только забрали мужа, она поехала в Москву, чтобы найти правду у "самого товарища Сталина". Она, как старая большевичка с дореволюционным стажем, пыталась попасть на приём к Сталину, как самому справедливому человеку, прихватив с собой все, какие были, документы, подтверждающие её заслуги перед революцией. Но её не пропускали, долго "водили за нос", пока она не поняла, что над ней просто издевательски смеются: "Много вас тут таких!". Она вернулась в Ленинград. Весь мир для неё рухнул и перевернулся вверх ногами. Смысл всего сущего для неё поменял ориентацию — жена Куриловича не выдержала и попала в психбольницу, откуда она уже не вышла. Там она вскоре и умерла.

Игорь невольно обратил внимание на то, что пока он служил в армии, жизнь очень изменилась. Изменились люди, которые стали какими-то другими. Другим стало, например, отношение людей к своей работе. Ему казалось, что все стали больше уделять внимание тому, чтобы заработать побольше, а приложить усилий поменьше. К этому, конечно, стремились все и всегда, но раньше это, как бы стесняясь, не выставляли напоказ. А теперь это стало главным, теперь этого не стеснялись. Люди стали, грубо говоря, как бы немного хитрее и ленивее, чем три года назад. После тяжёлой работы на строительстве дороги на севере, Игорю казалось, что люди теперь просто перестали нормально работать. Работники растворного узла, где он работал, могли часами ждать машин или материалов для раствора, потому что кто-то что-то просто забыл, а рабочие могли просто заболтаться часами в проходной. Этого никто не замечал, это было нормально. Игорь, от нечего делать, "за стаканом" поделился однажды этими мыслями со знакомым, работающим на Кировском заводе, а как, мол, там, на серьёзном производстве? Получил ответ: "А то же самое. Да, как и везде". И знакомый, которого звали Толик, показывая на своё забинтованное горло, рассказал заодно про собственную оплошность, чуть не ставшую для не него роковой.

Толик работал токарем на громадном карусельном станке, на котором точили гигантские детали. Сменщик сдаёт Толику смену, а деталь продолжает крутиться. Смена Толика кончается — деталь так и продолжает крутиться. Из-под огромного резца ползёт непрерывно медленно завивающаяся большими кольцами стружка толщиной в палец. Задача Толика — просто смотреть за работой станка, а в случае чего - выключить. И всё. В ночную смену делать нечего, в цехе почти пусто. От скуки Толик переправляет, медленно перебирая руками, непрерывную ленту стружки за спину через плечо. Горячая стружка обжигает руки. Неожиданно стружка петлёй завернулась вокруг его горла. Рука Толика потянулась к выключателю, но скользнула мимо. А кольцо острой горячей стружки, постепенно сжимаясь, сдавило горло. Выходя из-под резца, стружка, обвивая плотным кольцом шею несчастного Толика, разворачивая его вокруг себя и отодвигая всё дальше и дальше от станка, не могла сама остановиться. В голове мелькнуло: "Конец!". Но, к великому счастью, мимо случайно проходил рабочий, который выключил станок, сбегал за помощниками, которые с большим трудом сообща освободили пленника от металлической петли с острыми, обжигающими, режущими краями. Раны на шее Толика смазали, перевязали, и через день всеми всё забылось, как будто ничего совсем не случилось — мелкий незначительный случай (какой-то дурак сунул голову туда, куда не надо). Обошлось — и ладно.

Главные изменения в стране произошли в верхах. В стране начались реформы. Государственные люди, заслуженные люди, знаменитые люди лишались государственных привилегий: канули в лету персональные дачи, персональные шофёры, которые по рынкам да по магазинам развозили жён чаще, чем самих государственных мужей. Появился излишек бывших персональных машин — их продавали по дешёвке, только своим, конечно. Однажды брат Жигана, который был каким-то там активистом по профсоюзной части, неожиданно, предложил Игорю: "Давай в складчину купим с тобой ЗИМ! Почти новый, и всего за 800 рублей. Есть такая возмож-

ность — продаётся в гараже исполкома". Предложение Игоря удивило и развеселило, но шутка это была, или нет — он так и не понял. Конечно, цена была маленькой, самый дешёвый Москвич стоил тогда 9000 рублей, но и 800 было бы для них (для двоих) не под силу. Да и зачем Игорю машина?

Отобранные у заслуженных людей дачи передавались, чаще всего, детским садам. Из РСУ в конце весны направлялись бригады строителей для переоборудования таких дач под выездные (на лето) детские сады или ясли. На одной такой "переданной" даче, как узнал Игорь от удивлённых строителей, было снято, или оторвано всё, что можно. Не было дверных ручек, выключателей, лампочек, рам, и даже обоев. Видимо, бывший хозяин, обиженный и злой, ничего не хотел оставлять "врагу". Строители удивлялись тому, что хозяином этим, оказывается, был всем широко, всемирно известный композитор.

Старые управленческие кадры, которые привыкли к привилегиям, постепенно вытеснялись. Они, обиженные и недовольные, потихоньку уходили (кто на пенсию, кто по болезни, кто по другим причинам ...). Им на смену приходили новые, молодые, деловые, инициативные управленцы, которые уже не могли рассчитывать на государственные дачи, персональные машины и другие блага (и не надо!). Они свои блага стремились получить своими руками — дачи, квартиры и машины они хотели иметь не государственные, а собственные, которые никто не отберёт. В этом стремлении им готовы были "помочь" очень многие. Те самые многие, которые были зависимы от них, от их подписей, от их согласия, от их благорасположения. Появились "жизненные формулы", такие, например, как: "ты мне — я тебе", "хорошие люди должны помогать друг другу". Именно тогда, в 1960 году и появились эти "хорошие люди" — НОВЫЕ ЛЮДИ. Игорю виделось это так, именно так — в 1960 году.

На растворном узле Игорь работал вместе с двумя девушками. Иногда к ним подключали ещё маленькую горбатенькую старушку, работающую обычно по двору. Старушка эта

была старательная, трудолюбивая, тихая и безответная. Она пережила блокаду, и порядки военного времени остались у неё в голове навсегда. Старушка привыкла безропотно делать то, что прикажет начальник. То, что скажет он — это и есть единственный закон. Однажды Игорь застал её плачущей. Оказалось, что старушка хотела уйти на давно заслуженную пенсию, а начальник РСУ не отпустил, да ещё и накричал на неё. Возмущённый самоуправством начальника Игорь попытался объяснить старушке, что по закону ей просить никого не надо: "Подала молча заявление, и через две недели иди, гуляй". Старой женщине такое было непонятно — "начальник же сказал". Пришлось Игорю попросить парторга, чтобы тот просто приказал старушке написать заявление. Только так она и ушла, наконец, на пенсию.

Для женщин в авральные моменты работа на узле была тяжела. У Игоря возникла идея: двое молодых ребят вполне могли бы справиться с работой на узле, а женщин тогда можно было бы перевести на объекты, где им в женской компании трудиться веселее и легче. Игорь в случайном разговоре поделился этой мыслью с прямым своим начальником, которого все звали Сан Саныч. Сан Саныч был начальником механического цеха, и возглавлял, одновременно, парторганизацию РСУ (был парторгом). Парторг, к удивлению Игоря, отнёсся к идее серьёзно, она ему сразу понравилась — он тут же, не мешкая, дал "добро". Игорь нашёл напарника из соседней комнаты общаги, и они начали работать вдвоём. Ребята рассчитывали так: "Раз они стали работать вдвоём, заменив троих, то и заработок их, соответственно, должен стать больше". Какими же они оказались наивными! По окончании месяца заработок вдруг оказался меньше обычного, хотя объём работы был больше, чем в прошлом месяце на троих. Их же попросту надули! Разъярённый Игорь пошёл к Сан Санычу. А тот поведал о том, что есть такое понятие, как "Плановая экономика социализма":

"Всё, что делается предприятием — делается по плану. План состоит из нескольких главных показателей, которые надо выполнять. За невыполнение показателей плана следуют на-

казания, а за выполнение и перевыполнение — начисляется премия предприятию и исполнителям. Есть такой важный плановый показатель как фонд заработной платы.

Когда мы начисляем зарплату, то стараемся примерно придерживаться, как можем, того объёма работы, который сделан, но не всегда это получается. На этот месяц такой план, что если я вам заплачу больше, то получится перерасход фонда заработной платы. В следующем месяце получите больше".

Игорь не поверил парторгу, обиделся, оскорблённый обманом, и ушёл с растворного узла. Колька кровельщик предложил: "Пойдём работать к нам кровельщиком! Если не пугает рискованная и тяжёлая работа, не задумывайся! А я тебя обучу! Специальность хорошая. Всегда нужная!". Так Игорь получил новую, хорошую дефицитную специальность, которая оказалась очень кстати, особенно, в будущем, когда наступили тяжёлые времена безработицы.

В конце первого же месяца работы Игоря в РСУ его подозвал Сан Саныч: "Почему не становишься на партийный учёт? Зайди ко мне сегодня! Заплатишь взносы, и поговорим об общественной нагрузке для тебя!". Слабая надежда на то, что вдруг забудут о том, что он кандидат в члены КПСС, рухнула — надо платить взносы, надо ходить на собрания. От нагрузки Игорь отговорился: "Времени нет! Надо готовиться в вуз, по выходным надо ездить в Лугу, помогать надо матери!". Добрый Сан Саныч не настаивал.

Когда кончился годовой испытательный срок пребывания Игоря в кандидатах в члены, пришло время вступать в ряды КПСС. В райком Сан Саныч привёл двух своих подопечных. Вступающая в кандидаты девушка волновалась, поминутно заглядывала в устав, нервно ёрзала. Игорю, глядя на неё, было смешно — ему было всё равно.

За длинным столом, во главе которого в торце восседал секретарь райкома, по сторонам вдоль стола сидели члены бюро, а напротив секретаря посадили Игоря. Сан Саныч, сидящий в сторонке, немного позади Игоря, представил подопечного. Первый вопрос задал секретарь:

- Какие общественные нагрузки несёт кандидат? — выручил Сан Саныч:

- Он у нас учится в Вузе, поэтому мы его освобождаем, ничем не нагружаем.

- В каком вузе?

- В университете — пришлось вступить Игорю.

- В каком?

- В Ленинградском, в каком же ещё? У нас один университет! — Игорь осёкся, уловив по выражениям лиц окружающих, что к такому вольному тону здесь, видимо, не привыкли. В разговор вступила молодящаяся блондинка с пышной причёской — модной в то время "Бабеттой". Игорь, глядя на неё, для себя прикинул: "Наверняка, профсоюзная активистка, работник торговли — они все похожие". Дама важно, назидательно заметила:

- Ну, как же?! Есть ещё, например, Университет Марксизма-Ленинизма! — Больше ни о каких университетах ей, видимо, никогда слышать не приходилось. У Игоря чуть было не сорвалось: "Нашла тоже университет!". Но он сдержался, вежливо промолчал. Седой, солидный мужчина справа спросил:

- А на каком факультете?

- На матмехе.

- На мехмате, наверное?

- Нет! мехмат — это механико-математический факультет в Москве, а у нас математико-механический — матмех. — И тут вступила неугомонная блондинка, желая поставить точку "последним своим словом":

- Не-ет! Что вы, товарищи!? Махмет! Махмет называется! — Мужчина слева, решив, вероятно, что как раз время сместить тему, спросил:

- Скажите! А кто у нас в стране Председатель Совета Министров? — Игорь, обиженный таким дурацким вопросом — вопросом для октябрёнка (за кого они его принимают?), сердито, растерянно молчал. Всё бюро в ожидании смотрело на него. Секретарь понял ситуацию:

- Да он зна-ает...! Ну?... Да скажи ты им!

- Хрущё-ёв! — протянул недовольно Игорь, и все хором одобрили:

- Пра-авильно! — Секретарь, пытаюсь, наверное, реабилитировать всю свою компанию, подобрал каверзный вопрос:

- А кто Председатель Совета Министров РСФСР? — Секретарь попал в точку. Он угадал — этого-то Игорь действительно не знал, и опять молчал. Кто-то решил помочь:

- Ну? ... Ну? ... На поле похоже!

- Полянский! — выпалил догадавшийся Игорь, и все разом хором выдохнули:

- Пра-авильно!

Сан Саныч, хотя и привык к подобным здесь процедурам, всё это время смущённо улыбался, и, наконец, когда все вопросы к кандидату закончились, вздохнул с облегчением. Все дружно проголосовали "За". И Игоря, как принято по традиции, дружно поздравили со вступлением в члены КПСС.

В те времена ходил анекдот: "Создавая человека, Бог надделил его тремя качествами: умом, честностью и партийностью. Но, поразмыслив, решил, что сразу все три качества для одного человека будет много. И порешил Бог так, чтобы каждый обладал только двумя из трёх этих качеств. И с тех пор повелось — если человек имеет два качества из этих трёх, то он никогда не может иметь третьего". Анекдот этот исходил явно от радиостанции "Свобода", или "Голоса Америки". Эти обожаемые диссидентами анекдоты всегда были плоскими, корявыми и злобными, но про партийность человека было подмечено, пожалуй, метко.

В последние годы КПСС насчитывала двадцать миллионов своих членов. Партия изначально и всегда считалась рабочей (пролетариат — гегемон). Но рабочие особо не горели желанием вступать в ряды КПСС — в партийных рядах рабочих было очень мало. Игорь и вторая подопечная, представленные Сан Санычем на бюро, были люди, скорее, случайные. Игорь — в споре со своим другом Стариной написал заявление сгоряча. А девушка достигла той поры своей жизни, когда такие, как она, готовы на что угодно, хоть душу дьяволу продать, хоть с крыши прыгнуть, только бы выделиться.

И тогда на неё обратит внимание тот, единственный, которого она мучительно ищет. В дальнейшем, как дошло до Игоря, она устроилась на работу, сделав другой крутой поворот, официанткой торгового судна дальнего плавания.

В партию стремились, в основном, интеллигенты, то есть люди с высшим образованием — ИТР (инженерно-технические работники). Если кто-либо из рабочих изъявлял желание стать коммунистом, то его принимали сразу - "только заикнись", а для ИТР существовал лимит на приём в партию — существовала даже очередь. Спустя несколько лет, когда Игорь работал в почтовом ящике (п/я № ...), один его знакомый, инженер Дима, ждал своей очереди долго, больше пяти лет. Как только подходила очередь Димы, тут срочно вместо него (по лимиту) надо было принять вновь назначенного какого-нибудь начальника. Нельзя руководителю быть беспартийным — не принято!

Но и выйти из партии просто так, по своей воле, было нельзя. Человек, лишившийся членства партии, вызывал недоверие, подозрение. Для людей же занимавших значимые посты, лишение партийного билета было равносильно краху всей жизни. Для Игоря это не было проблемой, пока он был рабочим, но, получив высшее образование, он должен был стать инженером (ИТР). Тогда членство в партии должно было иметь значение, а лишение членства явилось бы пятном в биографии (в анкете). В отделах кадров, в режимных отделах и в других контролирующих службах разбираться было не принято: "Раз выгнали из партии, значить было за что!".

Если человек задался целью сделать свою карьеру несмотря ни на что, то, вступив в члены КПСС, он значительно увеличивал свои шансы. Но если член партии не очень стремился "выбиться в люди", ставя свою карьеру и благополучие главной целью жизни, возведённой в принцип, то он часто имел от своего членства больше неприятностей, становясь нередко "мальчиком для битья", а то и "козлом отпущения". Где-то в начале 80-х Игорь исполнял разовое партийное поручение — занимался проверкой уплаты членских взносов коммунистами своего отделения НИИ в рамках специальной

партийной кампании. В результате проверки выяснилось то, что многие коммунисты "забыли" заплатить взносы с доходов, полученных "на стороне" (не на основной работе). Неуплата взносов коммунистом (начисляемых с любых доходов) согласно уставу — серьёзный персональный проступок коммуниста. В число неплательщиков попал начальник отделения, которому, как начальнику — ответственному лицу, грозили большие неприятности. И вдруг оказалось, что виноватым во всей этой истории стал, каким-то образом, парторг. Парторга переизбрали. Игорь поинтересовался у него: "Как же так? Ведь было же специальное постановление о том, что «член КПСС, как сознательный честный гражданин, как коммунист, должен сам честно декларировать свои доходы без унижительного контроля. Никаких ведомостей, или списков! Коммунист должен нести личную персональную ответственность за ошибки, или обман». А как же ты оказался виноватым?". Парторг объяснил без утайки, как другу: "Ну и что? Ну, получил выговор! Ну, выгнали меня из парторгов! Зато семья моя переехала в новую квартиру без проблем! А ты что думал? Я даром подставил свою жо...?".

Надолго запомнилась Игорю публичная экзекуция, устроенная ему на большом партийном собрании. Он провинился, попав в вытрезвитель, — не такая уж большая беда, не будь он в партии. Игорь получил строгий выговор по партийной линии. После этого его угораздило ещё и потерять партийный билет, за что положен тоже строгий выговор. Второго строгого выговора не бывает — дальше грозит исключение. Игоря вызвали на трибуну в большом зале, где народу было сотни три (было, так называемое, кустовое собрание). Большого позора Игорь никогда не испытывал — "публика неистовствовала". Выступающие измывались над ним, как хотели, не жалея эпитетов, клеймили, не подбирая выражений в адрес его, позорящего высокое звание коммуниста. Но, в конце концов, Игоря простили, взяли "на поруки", ведь исключение из партии — это ЧП, а ЧП никому не нужно.

Игорь не знал, как давно появилась такая формула жизни: "я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак", но она действо-

вала, и будет действовать долго. Начальники всегда не любили подчинённых инициативных, упрямых, несговорчивых, слишком самостоятельных и особенно принципиальных членов партии.

Как-то Игорь с подругой были в гостях у её дяди Паши. Там в спокойной обстановке "за стаканом" дядя Паша рассказал свою историю.

Павел работал на заводе, работал хорошо, знал хорошо производство. Ему предложили вступить в партию, он подал заявление. Сначала его назначили мастером, а затем и начальником цеха. Но через несколько лет Павел стал вдруг неудобным для начальства: то выявит финансовые нарушения, то вскроет обман рабочих, то даст предложение, выгодное заводу, но не выгодное руководству. Его предупреждали, чтобы вёл себя тихо, чтобы не брал на себя лишнего, чтобы не совал нос, куда не надо, чтобы всегда помнил — "начальству виднее". Павел был упрям и, уверенный в своей правоте, попытался искать поддержки в парткоме, затем в райкоме, но партия, в лице таких же точно "своих" людей, была не на его стороне. Начальство выискала причину, и его перевели снова в мастера. Тут, не ко времени, у Павла случилась неприятность: у него пропали документы вместе с партбилетом. Ему объявили строгий выговор и перевели в слесари. Павел обозлился и решил бросить поиски правды, спрятал дома новый партбилет, пришёл и объявил, что опять его потерял — пусть исключают. Думал: "Исключат, отстанут, забудут и дадут спокойно доработать до пенсии". Но его не исключили. Долго клеймили позором, ругали, как могли, но взяли, точно так же, как и Игоря, "на поруки", выдали новый партбилет, и оставили в покое. Теперь его просто не замечали: как будто его нет, и не было. На любое его предложение, дельный совет, инициативу по работе, махали рукой — он стал "чужим".

- Вот так! — сказал Павел Игорю. — С начальством, с партией воевать, что против ветра сс...! Запомни!

Игорь согласился с Павлом: "Что поделаешь. Раз уж назвался груздем — полезай в кузов. Но совсем не обязательно становиться кому-то там «своим». И поспорить даже можно, если только делать это с умом".

УНИВЕРСИТЕТ

В конце весны 61-го Игорь с Вилькой начали готовиться к экзаменам в университет на матмех. У Вильки не было планов поступать в университет. Родственники советовали ему учиться на фармацевта. Игорь его убеждал: "Если и провалим экзамены на матмех, то, по крайней мере, стыдно не будет. Давай соберёмся с силами и попробуем. Может быть, и повезёт, а провалимся, дальше будет видно". Вилька согласился. Готовиться Игорь чаще всего приходил к Вильке. Там, в узком коридорчике, на самодельной школьной доске они, испачканные мелом, допоздна решали задачки. Наконец наступил важный момент в жизни друзей — они пошли сдавать экзамены в Ленинградский университет. Это благословенное время Игорю запомнилось хорошо.

Конкурс на матмех был по тем временам небольшой — всего, как помнится, два человека на место, которых было — пятьдесят. Но войти в это число счастливых было не просто — задачи были не типовые, задачи были сложные, конкурсные. Игорь, на всякий случай, одевался на экзамены в солдатскую форму: "А вдруг поможет?". Первый экзамен был главный — математика письменная.

В большой аудитории собралось больше сотни человек. Объявленные правила были простые. Следовало решить всего пять задач. За пять решённых задач — пятёрка, за четыре — четвёрка, за три - тройка, и так далее. Игорь взялся за дело не сразу, на него что-то нашло, прямо, заскок какой-то. Глядя в окно, он не ко времени зачем-то стал загадывать: "Если вспомню мелодию, то всё буде хорошо". Мелодия была из шедшего на экранах нового кино: "Там, где кончается асфальт". Эта мысль не давала думать. Наконец Игорь вспомнил, обрадовался и спохватился — прошло много времени. Две задачки он решил уверенно, в третьей сомневался в правильности решения, четвёртую до конца не закончил — не хватило времени, а за пятую даже не брался. В итоге получался про-

вал: двойка за две задачи, и очень слабая надежда на тройку. На следующий день вывесили результаты — список был очень короткий. Друзей в нём не было.

Игорь, убеждённый в том, что экзамены провалены, подавленный неудачей, долго размышлял над своей дальнейшей судьбой, и пришёл к твёрдому решению осуществить другой, ранее намеченный план: "Завтра же, или в ближайший день он пойдёт в военкомат и попросит направить его во Вьетнам. Там идёт война. Там нужны опытные операторы РЛС. Там он нужен". Придя к такому решению, Игорь, немного успокоившийся, присоединился к ребятам в общежитии, которые по какому-то поводу устроили себе праздник.

Когда сходили в магазин уже за следующей порцией кончившегося "горючего", вдруг пришёл Вилька и сказал, что был в университете, и что экзамен ими сдан. Оказалось, что их вариант был несравнимо сложнее другого — все пять задач из него решил только один человек. Остальные результаты пересматривали отдельно для каждого абитуриента, выбирая из них лучшие с таким расчётом, чтобы всех абитуриентов осталось пятьдесят человек. На следующих экзаменах много отсеялось ещё. Их места занимали те, кто на вступительном экзамене в другом вузе (в Герцена, или Политехническом) не добрали до проходного балла, но получили отличные оценки по математике. Игоря весть Вильки, конечно, обрадовала, но вот как он пойдёт завтра на экзамен с похмелья с больной головой?

Экзамен был устный по математике, голова со вчерашнего не соображала, преподаватель был настроен недружелюбно, но тройку Игорь получил. На следующих экзаменах ему, наконец-то, повезло: за сочинение и даже за нелюбимую физику он получил хорошие оценки, и ему хватило баллов для поступления. А вот Вильке одного балла не хватило, но в деканате ему посоветовали подать заявление на заочное отделение и, если он сдаст экзамены за первый семестр одновременно на оба отделения, то его переведут на вечернее отделение. Так Вилька и сделал. И после Нового года шесть лет друзья ходили на лекции на Васильевский остров, на матмех. Каждый вечер

после работы, спустясь с крыши, Игорь без задержки добирался домой, переодевался и ехал на лекции на одиннадцатом трамвае. После холода на крыше и усталости хотелось спать. У Игоря в трамвае было своё любимое место у окошка, возле вагонного жатого. Он прижимался в уголке, опираясь на одну ногу, подпирая её другой под коленкой, чтобы не упасть, если коленка подвернётся во сне. В таком устойчивом положении можно было спать. Несколько раз, заснув крепко, Игорь проезжал свою остановку. Вилька же ходил на лекции и обратно всегда только пешком, от самой "Техноложки" до "десятой линии". Иногда после экзамена или зачёта Игорь на радостях ходил с Вилькой пешком, после чего частенько обмывали вместе успех.

На самой первой лекции быстрой походкой в аудиторию вошёл молодой, курчавый, весёлый блондин, доцент Сенькин, и сразу с порога весело задал вопрос: "И сколько же вас здесь собралось? — услышав то, что их всех пятьдесят, доцент, подумав, сказал. — Хорошо! Пятьдесят, значит? Пятьдесят. Хорошо! А знаете, что из всех вас, здесь сидящих, закончат через шесть лет университет десять человек!". Этими словами он словно окатил всех новичков холодным душем. Но через шесть лет слова оказались пророческими. Действительно, в 1967 году из тех, что были в тот первый день на лекции, окончили матмех именно десять человек. Многие отсеялись после первого же курса, многие остались с "хвостами" на последующих курсах. Но курс пополняли отставшие от предыдущих курсов должники (с "хвостами"), люди, приехавшие из других вузов, из университетов других городов, и появились люди, уже получившие раньше высшее (не математическое) образование, желающие получить дополнительно знание математики, необходимое для их работы.

Преподаватели говорили о Сенькине, что он как сито "просеивает" всех первокурсников на первых своих лекциях, на которых выясняется: "Кто предрасположен, или нет изучать математику". Здесь он был большим специалистом. Доцент часто собирал задолжников всех вместе: и дневников (очников), и вечерников, и заочников — всех, у кого были "хвос-

ты". Так делали многие преподаватели, но не в таком массовом порядке. Работа шла полным ходом. Доцент сидел за столом, откинувшись на стуле. Времени не было даже покурить. Он сворачивал бумажный кулёчек и, стряхивая туда пепел, курил, не вставая с места. Вокруг него за столом сидели отвечающие: сразу двое, трое, а то и четверо, и говорили одновременно. Если кто-либо из них, смутясь, замолкал, чтобы не перебивать второго говорившего, то Сенькин тут же его подталкивал: "Вы говорите! Говорите! Я слушаю!". Видно было, как доцент доволен собой — он красовался перед совсем молодыми студентами. Он же тоже был молод, и он много знал, и он был талантлив. Доцент, конечно, уставал от таких затяжных массовых ликвидаций "хвостов", и становился раздражительным, особенно, если слышал бестолковые ответы студента. Он переживал за студента, за его ответы, за себя, за университет, за всю математику, и ... часто выходил из себя. Игорю запомнилась такая картина. Он, подготовленный к ответу, сидел рядом со столом преподавателя, ожидая своей очереди. Отвечал Коля, сокурсник Игоря. Коля был со странностями: вид у него всегда был рассеянный, неуверенный, задумчивый. Отвечая на вопрос Сенькина, он молча поднимал глаза в потолок, шевелил еле заметно губами, как бы считая в уме "про себя", и затем отвечал. Отвечал правильно. Доцента смутил его неуверенный вид, и он засыпал Колю вопросами. А Коля каждый раз поднимал глаза в потолок. Доцент не выдержал и сделал замечание: "Что Вы смотрите на потолок? Там же ничего не написано!". Коля покорно кивал головой: "Да! Да!". На следующем вопросе Коля опять поднял глаза на потолок, шевеля губами. Сенькин начал выходить из себя: "Я же Вам сказал! Не смотрите в потолок!". Коля виновато соглашался, но при следующих вопросах он так же поднимал глаза. Доцент покраснел и закричал: "Не смотрите на потолок!". Но Коля, видимо, по-другому не мог, иначе, наверное, он бы не смог ответить. Он опять смотрел на потолок. В конце концов, доцент сдался — он не мог тратить на одного столько времени. Резко, с раздражением взял зачётку, и поставил зачёт. Коля на все вопросы ответил правильно.

На матмехе, как, по крайней мере, показалось Игорю, все преподаватели были фанатиками своего дела. Стороннему человеку все они могли показаться чудаками. Наверное, нигде, ни в каком вузе, не было столько чудаков, как на матмехе, как среди преподавателей, так и в среде студентов, которые, прямо-таки поклонялись математике. Некоторые забавные случаи навсегда запомнились Игорю.

Героем одного такого случая был всё тот же Коля. Вилька с Игорем шли по коридору. Прямо на них, поминутно оборачиваясь назад, нёсся Коли, вынудив друзей прижаться к стене, чтобы избежать столкновения. Из-за поворота коридора следом вылетела доцент Чулановская с угрожающим видом, вооружённая стулом. Она сходу налетела на шедшего навстречу доцента Хавина:

- Что с Вами? Что с Вами? Что такое случилось?

- Вы знаете! Вы знаете? Он не знает производной от "е" в степени икс!

- Да - а! Это конечно .... Да - а! — то ли в шутку, то ли серьёзно согласился с ней доцент.

Производная от "е" в степени икс равна этой же величине "е" в степени икс, и не знать этого для доцента Чулановской было преступлением, что вызвало у неё такое негодование — она жила, как и многие преподаватели, в своём мире, в мире фанатиков, отдающих себя целиком своему делу — делу обучения студентов. Часто нерадивые студенты выводили из себя многих таких, преданных своему делу преподавателей, вызывая неуважение и гнев своих наставников. Но это не относилось к вечерникам — с вечерниками, взрослыми людьми, все преподаватели были корректны. А к самим преподавателям на матмехе с большим почтением относились все.

На матмехе была одна необыкновенная, примечательная личность — человек, которого знали все. К нему все обращались по-свойски — просто "Слава". Про него рассказывали, что он, будучи ещё школьником, уединялся на чердаке своего дома, и часами в тишине пытался представить себя в четырёхмерном пространстве. После окончания матмеха Слава

долгое время работал там преподавателем. Он был наивным, прямодушным, бескомпромиссным человеком, который мог бы сказать в глаза кому угодно, и что угодно, если, по его мнению, это было правдой, ведь истина же превыше всего. У него случился конфликт с коллегами преподавателями. И Славу обвинили в серьёзном проступке, и попросили, мягко говоря, покинуть университет навсегда. Но без матмеха он жить не мог, и, работая то в одном Вузе, то в другом, каждый вечер после работы приходил на матмех. Его всегда можно было увидеть в вестибюле, косолапо вышагивающим в задумчивости с руками за спину, поглощённым своими мыслями. К Славе можно было любому обратиться за помощью, он готов был ответить на любой вопрос по любой дисциплине. Этим пользовались преподаватели. Если надо было, например, принять зачёт у студента, а времени не было, то достаточно было позвать Славу и попросить: "Слава, прими зачёт вот у этих!". К радости студентов (сдать зачёт Славе было довольно просто), он тут же на месте, за столиком в вестибюле, задавал необходимые вопросы, часто сам же на них и отвечал, и проблема зачёта снималась быстро. А какой курс, какая дисциплина было неважно — Слава знал всё. Подпись его в зачётной книжке была действительно — её знали, ему доверяли.

Среди студентов ходили легенды о бывшем ректоре университета, знаменитом академике Александрове. В молодости будущий академик был талантливым, уверенным в себе преподавателем, и позволял себе иногда вольные шутки, как передавали студенты друг другу из поколения к поколению. Так ли было когда-то давно на самом деле — кто знает? Студенты — это студенты, могли и приукрасить.

Опоздав однажды к приёму экзаменов у заждавшихся молодого таланта студентов, будущий академик, не имея времени, нашёл простой выход. Обнаружив, что их аудитория уже занята другими, он выбрал двух помощников, дал им мел, провёл черту и сказал: "Пусть каждый, явившийся на экзамен, прыгнет от этой черты как можно дальше. А вы — сказал он помощникам, — отметьте результат прыжка каждого черточкой, и напишите напротив метки каждого прыгуна его фами-

лию. А я приду через полчаса". Все весело стали старательно, с азартом прыгать. Вернувшись, будущий академик разделил мелом чёрточки с фамилиями на полу на три части и объявил: "Те, кто умеют хорошо прыгать, не умеют хорошо думать! Давайте сюда ваши зачётки!". Все те, фамилии которых попали за дальнюю черту, получили за экзамен по тройке, те, кто не дотянул до ближней черты, получили по пятёрке, а остальные — по четвёрке. На этом экзамен закончился.

В следующий раз молодой кумир студентов, всегда спешащий куда-нибудь по своим важным делам, принимая экзамен, поступил совсем просто. Он неожиданно задал вопрос: "Кто уверен в том, что знает материал на пятёрку? Поднимите руки!". Руки подняли двое, робко, нерешительно: "Что на уме у преподавателя? Кто его знает?". Последовал приказ: "Положите зачётки сюда на стол!". Доцент продолжил: "А теперь те, кто уверен, что знает на четвёрку, несите, положите здесь рядом ваши зачётки!". Несколько человек поднялись — решили рискнуть. Все с любопытством напряжённо смотрели: "Что же задумал их кумир?". А молодой кумир студентов закончил так: "Я вам верю! Вот этим двум ставлю пятёрки! Вот этим - четвёрки! Остальные, подходите, поднесите ваши зачётки — получайте все по тройку!".

Теормех на курсе читал Тихонов, преподаватель несколько странный, о каких говорят — не от мира сего: рассеянный, поглощённый всегда чем-то своим. Он часто опаздывал на свои лекции, приходилось за ним ходить. Староста курса уже знал, где его найти: на первом этаже была маленькая лаборатория, в которой он проводил какие-то опыты, увлекался, забывал про всё — вот и опаздывал. Лекции Тихонов читал увлечённо, даже, можно сказать, с азартом. Фамилию Игоря он, несмотря на свою рассеянность, сразу почему-то запомнил, и обращался, как к знакомому два года, что было странно — преподаватели обычно не помнили по фамилии всех своих студентов, просто незачем. На третьем курсе после экзамена, взяв зачётку Игоря, Тихонов вдруг спросил: "А, где Вы учились до нас? — заметив, что вопрос его не понят, добавил, — из какого университета Вы перевелись?". Игорь удивился

и сказал, что учился только здесь с самого начала, на что Тихонов заметил: "Что-то я Вас не помню".

Понедельник — день тяжёлый. На первой лекции Игорь частенько засыпал на ходу. И тогда рука какое-то мгновение, как на кардиограмме умирающего, чертила сплошную ровную линию в конспекте. В понедельник первой лекцией была линейная алгебра, которую читал Борович. Читал медленно, монотонно, как робот: ровным голосом, от которого и тянуло ко сну. Не один только Игорь был раздражён такими лекциями. Но в результате, оказалось, что эти лекции были лучшими из всех — по ним очень легко было готовиться к экзаменам. В конспектах было всё чётко изложено — ничего лишнего, не возникало никаких вопросов. Один чудак, сокурсник Игоря Галкин, сдав все экзамены за первый курс, вдруг неожиданно, к изумлению всех своих однокурсников, попросил оставить его на первом курсе, объясняя это так: "Я чувствую, что чего-то недопонимаю. Я так не могу! Надо знать всё до конца! Прослушаю какие-то лекции ещё раз". Он хотел передать все экзамены на "отлично". Случайно Галкин попал на лекцию Боровича, где заметил, что он слышит те же слова, те же выражения, которые он слышал год назад. Галкин не поленился, и в следующий раз прихватил на лекцию прошлогодний конспект по линейной алгебре. И, действительно, лекция совпадала с конспектом слово в слово "до запятой".

Борович, конечно, не заучивал лекции наизусть. Много лет читая линейную алгебру, предугадывая возможные типовые вопросы слушателей, он невольно, автоматически пришёл к своему стандарту, близкому к идеальной лекции.

На матмехе читались лекции, не связанные с математикой. Это были обязательные предметы: иностранный язык, физика, философия и другие. Для многих эти предметы были обузой. Лекции были неинтересные — их плохо посещали. А сдавать экзамен было надо. Как же это давалось тяжело, Игорю особенно. Госэкзамен по немецкому языку он сдал только на пятый раз, а физику сумел сдать только благодаря тому, что удачно попал на пересдачу в самый канун Нового года в 23 часа 31 декабря. С философией тоже, конечно, были пробле-

мы, но было легче. Запомнился один опытный преподаватель философии, который интересно, с увлечением читал свои лекции так, что многие на курсе их посещали с удовольствием. Он старался представить философию как науку точную, объективную, говоря не раз студентам: "Философия — наука такая же, как математика!". Он проповедовал творческий подход, был противником шаблонов, и не любил механически заученных изложений материала на экзамене. И поэтому однажды Игорю на экзамене здорово повезло. На вопрос: "Что нового Энгельс ...". Игорь догадался, и, не дав закончить вопрос, поняв, к чему клонит преподаватель, сказал всего одно слово: "Труд!". Экзаменатору это так понравилось, что он молча взял зачётку и поставил пятёрку. Знал бы преподаватель: "Насколько знает «отличник» всё остальное?".

К концу первого курса Вилька неожиданно встретил на матмехе приятеля, с которым учился в школе. Приятеля звали Тараканов. Он, пока Вилька служил в армии, окончил институт и пришёл на матмех учиться на вечернем отделении математике, знания которой необходимы были ему для написания диссертации. Тараканов был уникальный человек. До десятого класса он был обыкновенным оболтусом, как и все его однокашники. Неожиданно для всех сверстников Тараканов на десятом году учёбы перестал появляться на улице, бывал только в школе, и стал учиться только на одни пятёрки. Пересдавая экзамены, какие требовалось за младшие классы, он окончил школу с золотой медалью. Вилька предполагал, что это результат влияния отца Тараканова, строгого серьёзного человека. Вилька считал, что Тараканов-сын превратился буквально в робота. Как-то он поспорил с ребятами: "Вот у меня совсем нет музыкального слуха — вы это знаете. А я научусь играть на баяне!". Все посмеялись шутке и забыли про этот разговор. А Тараканов через какое-то время принёс в школу баян и стал играть, причём, играл сложную вещь. И играл неплохо. Но играл он только по нотам — без нот перед глазами не мог сыграть ничего. Институт Тараканов окончил с красным дипломом. Он говорил Вильке так: "Вы все сидите ночами перед экзаменами. Сдаёте, провали-

ваете, пересдаёте, мучаетесь, а потом всё забываете! Это очень сложно! Вам трудно! Вы просто дураки! Я не мучаюсь! Я всё помню! Для меня на лекции всё понятно, потому, что всё то, что надо знать до того — я знаю, и сложного для меня ничего нет. Если что-то непонятно, я выясняю сразу, чтобы к следующей лекции знать. Запускать нельзя! Поэтому мне учиться просто! А вам нет!". Конечно, Тараканов прав, но так учиться, как он, другие не могут — всё давно запущено. Друзья это понимали. Вот может у Галкина так получится?

Когда Вилька с Игорем сдавали госэкзамены и защищали дипломы, Тараканов, досрочно сдав госэкзамены и защитив диплом на матмехе, в это время защищал диссертацию на своей работе.

Первый семестр учиться было очень тяжело, и Игорь уже серьёзно хотел бросить университет. Многие так и сделали. Но во втором семестре уже всё наладилось. После одного экзамена Игорь понял — что к чему. На экзамен по матанализу пришёл преподаватель и сказал так: "Главное, чему мы вас учим на матмехе — это не тому, чтобы вы все помнили теоремы и доказательства. Это всё забудется. Мы вас учим тому, чтобы вы могли свободно пользоваться литературой и другими материалами, чтобы вы могли уверенно отыскать и использовать нужный вам материал. Сегодня я вам разрешаю пользоваться, чем вы пожелаете: хотите шпаргалками, хотите учебниками!". Игорь был обескуражен, как будто из-под него выбили опору: шпаргалки нет — форы нет. Но после этого он понял: что именно нужно точно знать. Знать, помнить, а главное, понимать надо обязательно и точно все формулировки (теорем, аксиом ...) и определения, а уж остальное - шпаргалки. Теперь учиться стало легко и просто. Игорь быстро научился пользоваться шпаргалками. Никакой лишней работы по заготовке шпаргалок (на руках, мелким почерком на длинных бумажных лентах и тому подобное) он не делал — это глупо. К тому же для этого он был слишком ленив. Конспектируя лекции в аудитории, Игорь заранее предусматривал то, что листочки конспекта — это и есть его шпаргалки.

Сложив листочки разорванного конспекта, собранные по порядку соответственно порядку экзаменационных билетов, он доставал их незаметно на экзамене из кармана, отсчитав пальцами нужный номер. Оставалось только достать нужные листочки незаметно для экзаменаторов, и незаметно развернуть — листочки написаны одним почерком, и, конечно, одними чернилами. Игорь это делал, сидя лицом к лицу с преподавателем. Все шесть лет он сдавал так экзамены спокойно, почти без проблем.

Учащимся вечерних вузов дополнительно предоставлялся для сдачи экзаменов дополнительный десятидневный отпуск на каждую сессию. Это было хорошее время, особенно летом, когда Игорь, вооружившись конспектом, в силу своей непоседливости метался от садика к скверу, где можно было бы присесть на скамейку, и разбирал по косточкам свои теоремы. Зимой к экзаменам готовиться приходилось дома, чаще всего у Вильки.

У Вильки откуда-то появился знакомый старший лейтенант, который работал в Большом доме. Он учился заочно, и ему приходилось сдавать экзамены, в том числе и математику, в которой он не разбирался совсем. Вот Вилька и помогал ему, как мог. Когда старший лейтенант приходил к своему "консультанту", он почти каждый раз рассказывал разные малоизвестные истории, которые могли знать в Большом доме. Эти байки были интересными — Вилька очень доволен был своим знакомым. Потом они с Игорем смаковали вместе эти байки, рассказанные старшим лейтенантом.

В порту работал грузчик. Всё у него было хорошо: семья, дети, хорошая зарплата, но была одна проблема. Жила семья в маленькой комнате, дети рождались, росли, а спать им было негде. Можно купить холодильник, стиральную машину, мебель, а поставить некуда. Грузчик стоял на очереди на улучшение жилищных условий, но конца очереди было не видно. Он обивал пороги исполкомов, райкомов — толку было мало, ему отвечали: "Ждите! Все так живут! И ждут!". Как-то раз

на перекуре грузчик посетовал на свою тяжкую жизнь. Кто-то из собеседников возьми, да и посоветуй ему: "А ты возьми и напиши о своей беде в «Красный крест»!" — сказал в шутку, сказал и забыл. А грузчик задумался. Думал, думал, и написал — так, на всякий случай. И вдруг его вызвали на встречу с представителем международного Красного креста. Тот заявил, что по письму русского докера началась кампания в западной прессе под девизом: "Поможем несчастному русскому докеру!". В результате чего докеры собрали для "русского докера" ни много, ни мало, а миллион долларов, которые ему, представителю Красного креста, и поручено передать. И вот тут начались для соответствующего отдела Большого дома тяжёлые дни: "Советский человек — миллионер!/? Такого быть не могло! Но что делать?!". Грузчика "миллионера" постоянно стали вызывать в Большой дом на беседу. Его уещевали, уговаривали, предлагали любую квартиру, какую пожелает, любую машину, и многое другое, что он захочет. «Но "миллионер" упёрся: Зачем мне ваша квартира? Я могу построить целый дом, и не один!». Упрямого "миллионера" вызывали почти год на уговоры. Все сотрудники Большого дома в курилках, переживая за коллег, только и интересовались друг у друга: "Ну, как там дела с русским докером? Всё стоит на своём?". Наконец, русский докер, всё-таки сдался. Дали ему лучшую квартиру и многое другое, что он пожелал. А миллион он передал в пользу детдомовских детей.

Хождение иностранной валюты в СССР было под строжайшим запретом. Человек с долларом, оказавшимся в его кармане, лишался свободы. И вдруг случилось невероятное. Ответствующие службы КГБ выявили счета в швейцарских банках, которые принадлежали не кому-нибудь из смертных, а двум первым лицам — хозяевам города. Виноваты в этом были их жадные жёны, но они и сами, конечно, были причастны. Тогда их положено было считать государственными преступниками. Газетам не дозволено было в то время касаться подобных вопросов, а вот слухи в народе ходили. Встал щекотливый вопрос перед Высочайшим руководством: "Что де-

лать с преступниками?". Прощать, или замять дело нельзя — их примеру тогда сразу же последуют и другие. Судить, открывать процесс? Тихо не получится. А широкая огласка очернит, дискредитирует партию. Как же они, эти "преступники", мешали! Лучше бы их не было, или не стало совсем!

Титулованных "преступников" не стало. Первый, возвращаясь с дачи, "случайно" попал в аварию на сложном участке дороги и разбился вместе с шофёром. Второй вскоре после этого попал в больницу с инфарктом и позже умер по причине сердечного приступа. Таковы были официальные версии. Вилькин друг рассказал то, что знал сам, об аварии подробнее. Авария на дороге была точно спланирована. Был выбран участок дороги с крутым поворотом и с крутым обрывом. Люди в штатском остановили автомобиль, не обращая внимания на возмущение именитого хозяина, на его брань и угрозы, высадили шофёра, чем вынудили основательно подвыпившего хозяина самому сесть за руль. На намеченном участке встречные машины включили яркий, ослепляющий дальний свет — машина на повороте сорвалась с обрыва. Шофёру нашли где-то очень далеко хорошее место — он не был обижен.

В конце войны в одном из Ленинградских госпиталей некий выздоравливающий раненый Сидоров отпросился в город посмотреть на его достопримечательности, и просто погулять перед отправкой на фронт. Но вдруг оказалось, что его гимнастёрка имеет неопрятный вид — выцветшая, с заштопанными дырами, полученными при ранении. Глядя на его расстроенное лицо, сосед по палате, видимо, сжалившись, предложил: "А возьми до завтра мою! Я всё равно ходить пока не могу!". Гимнастёрка соседа была новенькой. На груди красовались медали, среди которых был орден Героя Советского Союза. Сидоров ступешевался на мгновение, но сосед его ободрил: "Не снимай! Не снимай! Что, они тебе мешают? Так ещё и лучше! Выглядишь орлом! Чем не герой?".

Сидоров хорошо провёл день, к вечеру попал на танцы. От девушек отбою не было — всем хотелось танцевать с героем. Он выбрал самую красивую. Они гуляли по набереж-

ной, и в конце договорились встретиться после войны, чтобы никогда не расставаться.

Кончилась война, Сидоров приехал к своей девушке. Они сразу поженились. Сидоров устроился работать на завод. Однажды молодая жена вдруг спросила: "А что ты не носишь Звезду Героя? Где твой орден?". Что было делать "герою"? Не мог же он признаться во всём? А вдруг молодая жена, узнав правду, бросит его? И Сидоров на заводе выточил звезду такую, какой ему запомнилась — по памяти. Пришлось, на всякий случай, сделать и соответствующий документ. Сидоров рассчитывал, что пройдёт какое-то время, и он признается жене в том, что он вовсе никакой не герой, а просто так уж получилось. Но не тут-то было — пошло всё не так. Как только стало известно, что на заводе среди простых смертных работает самый настоящий Герой Советского Союза, жизнь Сидорова круто изменилась. На каждом собрании его приглашают в президиум как почётного гостя, условия для работы у него лучше всех, путёвки в отпуск для него лучшие и в первую очередь, квартиру дали самую лучшую, тоже в первую очередь. Каждый год в отпуск Сидоров с женой неизменно ездит только на юг в самые элитные дома отдыха. Как-то, возвращаясь из отпуска, одна женщина с ребёнком, увидев, как легко без проблем, пользуясь льготой героя, Сидоров купил себе билет на поезд, попросила его купить билет и ей. С билетами на поезд было тогда очень тяжело. Ждать больше (сутки, а то и больше) женщина не могла — у неё заболел ребёнок. Сидоров пожалел её и купил ("достал") билет. Она просила его взять деньги в благодарность "за труды", но он не взял. На этот раз не взял. Прошло много времени. Сидоров привык к беспечной жизни, и стал всё чаще и чаще, особенно, когда отдыхал в отпуске, позволять себе расслабляться. И иногда доходило до того, что, увлечшись хорошими южными винами, он обнаруживал то, что нет денег на обратную дорогу. Вот тогда он уже не стеснялся брать деньги "за труды", и сам предлагал купить билет без очереди отпускникам, торопящимся домой. Собрав денег с "клиентов", Сидоров, таким образом, наскребал себе на билет, да ещё оставалось и на

похмелку на пару дней. Постоянно околачиваясь на вокзале, "герой", покупающий неоднократно билеты, часто в разные города, конечно вызвал подозрение. Сидоров примелькался. Подозревать "героя" у сознательных железнодорожников рука не поднималась, но, наконец, нашёлся знающий человек, и у Сидорова попросили документы, первый раз за много лет. Вот здесь и выяснилось, что "герой" липовый. Сидорова арестовали и привезли в Ленинград. В Большом доме, куда его часто вызывали на допрос, он рассказал всю свою историю, "герою" поверили и простили, но натерпелся он позора достаточно, и счастливая жизнь его, жизнь "героя", кончилась.

Все те, кто учился в вечерних вузах, должны были где-то работать, и, так как главным для всех вечерников была, конечно, учёба, то место работы выбиралось по возможности наиболее удобное во всех отношениях, не вызывающее каких-либо помех для учёбы. Ради главного иногда приходилось чем-то поступаться Игорь, например, жертвовал зарплатой, а Вилька, ради экономии времени нашёл работу на заводе рядом со своим домом. Перед армией ему пришлось работать в разных местах — где придётся. Специальность получить уже не было времени — всё равно скоро заберут в армию. Недолгое время Вильке довелось работать в очень необычном месте — на ЛВЗ (ликёроводочном заводе). Проработав там недолго кочегаром, он толком не мог вспомнить то, как он там работал, что он там делал — всё это время, пока не уволился, он постоянно был пьян. В кочегарку всё время заходили знакомые и незнакомые люди, чтобы распить бутылку без помех — там никто не мешал. Они каждый раз наливали и Вильке — им не жалко дармовой водки. На ЛВЗ каждый день увольнялась и столько же принималась на работу большая толпа народу. Удержаться, работая там, от того, чтобы не напиться на дармовщинку, мог не каждый, а человека, остановленного в достаточно пьяном виде на проходной, тут же увольняли, а на место уволенных назавтра набирали новых работников. Для того, чтобы пройти проходную не качаясь, а домой при-

быть "в праздничном настроении", некоторые "изобретатели-самоучки" нашли выход. Переодевшись после работы, такой ловкач выпивал залпом столько, сколько мог, и бежал бегом к проходной, чтобы до выхода из неё не успеть опьянеть через меру. Многие, конечно, из жадности хватали "на посошок" залпом лишнего, и тогда, миновав проходную, тут же теряли устойчивость в ногах. И напротив проходной на набережной всегда можно было видеть хотя бы одно обезд-виженное тело.

Проработав кровельщиком в РСУ год, Игорь понял, что учиться и жить в общежитии невозможно, и он устроился на работу кровельщиком в жилконтору (позже ЖЭК), где ему дали маленькую комнатку. Сначала Игорь работал так на Коломенской улице, а потом через год перешёл жить и работать на Лиговку. Жить, работая в жилконторе, было тяжело — зарплата кровельщика была маленькой (90 рублей в месяц), но зато у Игоря было своё благоустроенное жильё, стало удобнее готовиться к экзаменам дома, и было больше свободного времени. На Лиговке его поселили в комнате со всеми удобствами на четвёртом этаже огромного девятиэтажного дома с мансардами. Это был известный многим Питерцам Перцев дом. Знаменит был дом со времён НЭПа и Лёньки Пантелеева, как прибежище Лиговской шпаны. До сих пор ещё люди помнят песенки того времени: "На Лиговке малину завалили мусора". Дом был построен домовладельцем Перцевым в 1914 году как доходный дом, рассчитанный для самого широкого круга съёмщиков. А через три года грянула революция — бедный Перцев! Были в доме и шикарные квартиры, и комнаты для бедноты, объединённые в так называемые квартирные системы, представляющие собой широченный коридор с множеством комнат с квартирными номерами. В коридоре была не одна кухня, и не один туалет. По коридору всегда сновало много народу, как на улице. В таком же доме, называемом Пожарским (Лиговский 56), где тоже были квартирные системы, коридоры были такие широкие, что счастливые дети зимой катались там на велосипедах. Доля квартирных систем

в домах была небольшой — в Перцевом доме таковые были только в двух парадных. Использовались эти квартиры в качестве временного жилья (маневренный фонд). А всего квартир в Перцевом доме было около пятисот.

Окно комнаты Игоря выходило в глухой дворик, всегда закрытый на замок. Под окном, насколько хватал глаз, были одни крыши одноэтажных складских помещений. Людей там Игорь никогда не видел. Там были только кошки. Дикие кошки. Жильцы дома постоянно бросали на крыши объедки: остатки колбасы, рыбы, хлеб, куриные лапки и всё, что угодно. Пищи кошкам хватало. При первых лучах солнца Игорь любил наблюдать за жизнью кошек на крыше. В это время из слуховых окон высыпала стая котят — штук сорок, которые очень весело резвились так, что смотреть на них нельзя было без улыбки. Наблюдая за котятами, Игорь никак не мог определить — которые котята у какой кошки. Каждая кошка относилась ко всем котятам одинаково, котята также играли одинаково со всеми мамками. Неужели это такая кошачья коммуна? Неужели эти кошки живут одной семьёй? Солнце, наконец, поднималось выше, день вступал в свои права, люди просыпались. Как только хоть кто-нибудь из людей показывался в окне, котята исчезали на чердаке до следующего утра. Самым интересным было наблюдать охоту кошек на голубей. Привлечённые объедками голуби садились на нижнюю крышу. Наблюдающая за ними кошка с верхней крыши, с трёхметровой высоты, вдруг бросалась прямо на зазевавшегося голубя — промахов Игорь ни разу не наблюдал. Котята получали свежую дичь — вот почему кошки брезговали многими объедками с крыши? Диких кошек во дворе дома было много. Среди собак, которых тоже было немало, была одна маленькая чёрненькая Динка, которая постоянно была во дворе и считалась грозой кошек. Если кому-нибудь из мужичков становилось от безделья скучно, ему достаточно было крикнуть: "Динка! Кошка!". Динка оглядывалась — во дворе всегда был хотя бы один враг собачьего рода. Динка неизменно срывалась с лаем с места и полчаса под улюлюканье постоянно торчащих во дворе бездельников гоняла своего врага.

Но однажды враг не дрогнул, не побежал. Это был огромный грязный мордастый кот. Динка в замешательстве остановилась. Видя нерешительность Динки, кот сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее двинулся вперёд. Толпа бездельников ликovala — кот гонял Динку, грозу кошек, по двору. Во дворе была ещё одна достопримечательность — громадный, пушистый, белый как снег, котище. Старушка, хозяйка кота, иногда выводила его гулять на поводочке, как собачку. Кот, конечно, интересовался дикими кошками, но хозяйка его зорко, ревниво охраняла: "Фу! Пушок! Не подходи к ним! Они же грязные!". И Пушок целыми днями сидел без движения на подоконнике второго этажа (правда, очень высокого). И вот однажды Пушок разбился. Он сидел, как всегда, на своём подоконнике. Почти перед его носом крутился голубь на карнизе, и у кота проснулся давно потерянный инстинкт охотника. Пушок принял позу тигра в засаде. И в тот самый момент, момент прыжка, голубь вдруг оторвался от карниза в воздух. Кот уже не мог сдержаться и прыгнул. Они оба оказались на земле. Голубь тут же взлетел, а Пушок остался лежать, пока хозяйка не унесла его в дом.

Пушок прожил недолго. Это был невероятный случай. Когда в этом же дворе с 9-го этажа упала кошка, она визжала, лезла на стену в агонии, ноги её волочились, но она, в конце концов, выжила — вот это нормальная кошка. А Пушок всю свою кошачью жизнь просидел на подоконнике — мышцы его атрофировались. Это был уже не кот.

За людьми во дворе Игорю тоже было интересно наблюдать. На скамеечке время коротали за беседой в основном пенсионеры. Люди, проходящие мимо по своим делам, всегда подходили к ним поздороваться — их уважали. Одного из них Игорь про себя называл грибником. Грибник был изобретательным и деловитым. Каждое лето он ездил к родственникам в Белоруссию, где всё лето собирал грибы. Грибов там так много, что, привезя их сушёными и продавая зимой на рынке, грибник оправдывал дорогу до Белоруссии на следующее лето. А в городе он почти каждое утро тоже ходил

"по грибы" спозаранку, "чтобы успеть первым". А собирал грибник не грибы, а пустые бутылки, обходя "свои заветные места" на Московском вокзале. Выручки от сданной тары хватало на бутылку водки, и можно было угостить друзей на их скамеечке — и его уважали. Второй примечательной личностью был дед Китов. Голова его была седая, белее снега. Ему тогда было 103 года. Дед отдыхал на скамеечке, пока не приходили детишки из школы. Тогда он шёл в выделенную ему каморку в доме, где он вёл созданный им кружок, в котором ребята занимались выпиливанием лобзиком. Работал дед бесплатно — он просто не мог быть без дела. Ребятам это выпиливание очень нравилось, родители были, конечно, довольны ещё больше. А деда уважали не только детишки и их родители. Игорь часто подтрунивал над дедом Китовым, повторяя с ним один и тот же каждый раз диалог:

- Скажи дед! Почему все Титовы, а ты Китов?

- Как это? Титовы? Кто Титов? — каждый раз удивлялся дед.

- Да космонавт, например, Титов!

Дед каждый раз задумывался, качая головой, и ничего не отвечал.

Третьим уважаемым был дворник Наум. В любое время любой желающий мог подойти к нему со словами: "Давай выпьем!". В ответ как пароль звучали слова Наума: "На! Иди в магазин!". И он протягивал завёрнутые в бумажку, специально приготовленные для такого случая 75 копеек ("маленькая" стоила рубль 49). Наум всегда был готов составить компанию.

Квартира, в которой поселился Игорь, имела свою историю с почти детективным уклоном. В квартире после войны жил генерал. У него были сын и дочь, оканчивающие школу. У генерала была ещё квартира в Москве, и он жил там больше времени, чем в Питере, а дети жили почти без присмотра — делали, что хотели. Однажды сын с друзьями в большом подпитии закатились к знакомым в гости, где их не ждали. Произошла ссора, и компанию генеральского сыночка, попро-

сту говоря, выставили за дверь. Сыночек, так же, как и его папаша, был с большим гонором, взял дома пистолет генерала и вернулся к обидчикам с компанией. Во время потасовки сынок генерала передал пистолет своему другу, тот выстрелил и убил одного из обидчиков. Из Питера позвонили в Москву генералу, и, ничего не объясняя, приказали срочно явиться в Питер. Когда ему сказали в чём дело, он возмутился и горяча ляпнул, что, мол, из-за такого-то простого дела его оторвали от государственных дел экстренным приказом в грубой форме без объяснений? Тут уже возмутилось Питерское начальство и доложило обо всём высочайшему руководству в Москву. Кончилось тем, что генерала выперли из партии. А тот пережить этого не смог и застрелился. Сына посадили надолго, и осталась генеральская дочь в квартире одна. К ней подселили две семьи старичков, выделив им по десятиметровой комнате, а генеральской наследнице оставили большую комнату с маленькой спальней. Вскоре она вышла замуж за вновь испечённого молодого доктора наук. Он был историком. Ему повезло — он успел защитить диссертацию до смерти Сталина. В то время почти все диссертации историков были на тему о "Великом отце народов" — так было надёжнее, провал диссертации исключался. А вот другу нашего историка не повезло с защитой, друг опоздал — его тема была: "Роль Сталина в советско-китайских отношениях". Культ Сталина осудили, и бедный друг потерял по этой причине пять лет труда над диссертацией — плохо быть историком.

Историк был двухметрового роста, добродушный, безвольный, прижимистый и ревнивый (не без оснований). Молодую жену он называл Фуфой. Фуфа, как и положено генеральской дочке, была совершенно ни к чему не приспособленной. На кухне Игорь видел её только тогда, когда она, помыв голову в ванной, сушила волосы над зажжённой духовкой. Историк, тоже безрукий, готовил, как мог, на кухне сам. В коммунальных квартирах повсеместно был порядок: каждая семья по очереди отвечала за чистоту и порядок в квартире, а в конце своего срока сдавала очередь другому, сделав предварительно генеральную уборку. Каждый раз, когда сдавали убор-

ку "интеллигенты", как звали их соседи-старики, то неизменно каждый раз Фуфа говорила историку: "Ты знаешь? Я сегодня как-то плохо себя чувствую. Я, наверное, сегодня не буду убирать!". Она говорила это так, будто она всегда убирала, а вот сегодня не может. Между комнатой Игоря и спальней "интеллигентов" была раньше дверь, и из-за этого слышимость была чрезмерной. Не раз Игорь просыпался среди ночи, когда соседи в азарте разборок между собой превышали громкость. Каждый раз спор был об одном:

- Ты опять с ним встречалась! Я же сам видел!

- Нет! Нет! Мы встретились просто случайно! На этот раз правда случайно! — Утром Фуфа выходила на кухню, потягиваясь после сна. Историк уже приготовил завтрак из яичницы (всегда из яичницы). Он покровительственно спрашивал: "Ну что?! Есть будешь? — и, когда она отвечала — Да!", он, победоносно глядя на неё свысока, хмыкал: "Он победил! Она согласилась позавтракать! Она сдалась! То-то!". А она не думала, что он победил, она просто уплетала яичницу. Не ходит же ей голодной?

Как бы там ни было, но Фуфа оказалась в положении, и историк, решив, что им с будущим ребёнком будет тесно в коммунальной квартире, стал требовать в своём институте улучшения своих жилищных условий, то есть отдельную квартиру. Так появился другой сосед с женой и сыном-школьником, который работал в том же институте, что и историк. Новый сосед был очень обижен на историка. Он много лет ждал квартиру, стоя в очереди на улучшение жилищных условий, а историк в очереди не стоял. И вот, когда нового соседа вызвали в местком и там сказали, что очередь подошла, в профкоме находился ещё и историк. Председатель месткома сказал, что претендентов на квартиру двое, и один из них должен отказаться от новой квартиры. Новый сосед считал, что квартира должна быть его: он долго её ждал, и семья у него больше. Но историк молчал. Неловкое молчание затянулось до неприличия. У нового соседа совести оказалось немного побольше — он уступил. Историк переехал в новую квартиру, а преподаватель (статусом ниже) перебрался в бывшую

генеральскую квартиру. Через несколько лет этот второй сосед получил квартиру, а на его место вселился третий сосед Игоря (статусом ещё ниже) уже с двумя детьми.

Второй сосед считал себя интеллигентным человеком, знающим жизнь, любил поучать других, и был очень разговорчивым. Соседи-старички "интеллигентом" его, как первого соседа, уже не называли. Разговоры соседа на кухне Игоря несколько раздражали, но две истории-байки из жизни преподавателей его института понравились.

Два друга преподавателя собирали совместно материалы для кандидатских диссертаций. Один из них находил материал из книг, статей, докладов, выписывал или вырезал ножницами тексты, цитаты, приклеивал их на листочки и передавал эти листочки второму. Другой же из листочков собирал осмысленный текст, обрабатывал, komponуя таким образом материалы для диссертаций. Когда материал был полностью готов, второй соискатель неожиданно приносит другу хорошую бесплатную путёвку в дом отдыха на целый месяц: "Отдохни перед предстоящей тяжёлой работой. А вернёшься, тогда мы с тобой разобьём материал и примемся за работу. Материала уже достаточно!". Первый друг был удивлён царским подарком. У него сначала закрались подозрения: "Что бы это значило?". Но он отбросил сомнения и поехал отдыхать. Когда первый друг, отдохнувший и загорелый, вернулся из отпуска, его встретили коллеги ошеломляющей новостью: второй друг защитил два дня назад диссертацию, причём использовал весь их материал. Первый бросился к другу с намерением "набить ему морду". Но тот сказал: "Ну да, ты много сделал, и спасибо тебе. Но диссертацию писал я! Мы же с тобой конкретно не договаривались о том, как разделить материал. Моя диссертация могла оказаться не полной, и я для надёжности использовал всё. Я написал — ты помогал! Ты будешь писать — я помогу!". И первый друг всю работу над диссертацией начал сначала. Весь преподавательский состав института был возмущён хитрым, коварным предательским поступком. Но дело сделано — назад не вернёшь.

Другой случай произошёл также с двумя закадычными друзьями, и окончился трагедией. Один из друзей, кандидат наук, написал докторскую диссертацию. Ему помогал в этом, как мог, его друг, который уже был доктором наук. Кандидат отправился на защиту диссертации в Киев, прихватив, как положено, чемодан водки, чтобы на месте отпраздновать защиту, как заведено, вместе с оппонентами. Там его встретили с удивлением: "Мы Вас не ждали. Пришло письмо из вашего института, подписанное ректором, о том, что защита отменяется, и мы, конечно, уже уведомили оппонентов и Учёный Совет об отмене. Так что никто не приедет". Позволив своему ректору, кандидат выяснил, что письмо из института не посылали, и возвратился со своим чемоданом в Питер. Случай был небывалый, стали искать злоумышленника и, наконец, нашли — им оказался друг, тот самый доктор наук. Зачем он это сделал, то ли из зависти, то ли боясь конкуренции, он не сказал. Его поступок осудили на Учёном Совете и на парткоме, и предложили покинуть институт, то есть выгнали. Он уехал работать на Украину в смежный институт. Его приняли с распростёртыми объятиями, как редкого специалиста — его знали. Доктор уже начал читать лекции на новом месте. Но вот пришло его личное дело (для специалистов такого ранга личные дела присылались всегда по запросу, чисто формально, и всегда с запозданием). Доктора вызвали в горком и объявили, что с такой характеристикой здесь, и где-либо на Украине, он не нужен. Он уехал в Сибирь. Там доктора взяли на работу также с радостью, как известного специалиста. Он приступил к работе в институте, его избрали членом горкома, дали хорошую квартиру. Доктор вызвал семью из Питера, купил обстановку в квартире. Когда, собираясь в аэропорт, чтобы встретить семью, он решил навести "последний штрих" в квартире — повесить люстру, позвонили по телефону из горкома и сообщили, что пришло его личное дело. Доктора срочно вызвали в горком — он понял, зачем. Он знал, зачем, и чем это кончится. И когда жена приехала из аэропорта, бедняга висел на новой люстре.

Наладить быт в положении Игоря было не просто. Готовить самому обед дома, что он делал редко, времени не было. Питаться ему приходилось кое-как: то в забегаловке с самообслуживанием, где готовили плохо, и где надо было есть стоя, наспех; то в пирожковой или булочной обходиться кофе с пирожками; то ходил в котлетную на Марата, где были вкусные "мясокомбинатовские" котлеты. Там Игорь заметил странную закономерность. Сначала котлеты там были сочные и вкусные. Потом они становились всё меньше и меньше, чуть ли не вдвое, чем первоначально. Месяца через два котлеты вдруг снова стали большими и сочными. Игорь не удержался и спросил обо всём этом продавщицу. Она, ничего не скрывая, сказала, что пришла комиссия, устроила проверку, директора сняли и завели на него уголовное дело. Через полгода история повторилась — котлеты опять уменьшались, сняли следующего директора. Эта котлетная была какая-то заколдованная, она как будто вызывала непомерную жадность у своих директоров, как будто заставляла их делать из меньшего числа котлет большее ("мясокомбинатовские" котлеты отличались от всех других большим размером и качеством). Последующего директора тоже поймали на котлетах.

У Игоря была близкая подруга, которую он посещал очень часто. Когда она перешла работать в столовую, Игорь, придя к подруге, угощался уже не только котлетами, но и зразами, печёнкой, почками по-русски и многим другим, тем, что она приносила каждый день из столовой по рабочим дням. Столовая была рабочая и по выходным не работала, а повара на выходные питание выдавалось сухим пайком — считалось, что они питание своё оплачивают. Действительно, повара платили за питание на месте по три рубля в месяц. Каждую пятницу каждый работник столовой получал по килограмму масла (уже на три рубля), по килограмму-полтора мяса, и кое-что кроме того, но не все одинаково. Заведующая наделяла пайком каждого персонально: "Зина, ты на этот раз провинилась! Тебе масла не будет — сама знаешь за что! Галя, а тебе мяса на этот раз только полкило!". Подруга Игоря была в фаворе — она ловко торговала дополнительно пирожками

на Апраксином дворе. Когда подходил к ней контроль и требовал заборный лист (кажется, так это называется), она не терялась: "Ай! Ай! Ай! Забыла! Я мигом! Посмотрите за мармиткой (ящик-термос с пирожками)!". Она бегом бежала в столовую. Заведующая, увидев её из окна, ставила цифру, ту, правильную, которая должна быть, и несла документ отчётности навстречу, нарочито громко ругая за забывчивость свою подчинённую. Контролирующие верили — подруга Игоря была хорошей артисткой. Если контроль не подходил, то в заборном листе можно было поставить любую маленькую цифру, а разница тогда шла в карман заведующей.

В жилконторе вместе с Игорем работал плотником Валерка, который жил в подвале. С ним интересно было поболтать. В армии он служил на границе с Китаем высоко в горах. Граница всегда была спокойной, и оставалось только из любопытства наблюдать за Китайской стороной. Там шли межнациональные столкновения. Уйгурское меньшинство спасалось от притеснителей китайцев бегством. Они шли по горным тропам над пропастью цепочкой медленно, медленно. Валерка наблюдал за китайскими пограничниками. Они ходили парами — стрелок и заряжающий с одним на двоих старинным шомпольным ружьём с толстым шестигранным стволом на сошках. Заряжающий медленно забивал шомполом заряд, стрелок курил. Потом заряжающий садился на перекур, а стрелок устанавливал ружьё на сошки (треногу) и начинал целиться, направляя ружьё через пропасть в сторону цепочки уйгуров. Проходит минута, вторая, а стрелок всё целится. Валерке надоело ждать. Напарник его заметил: "Это он ловит на мушку сразу двух или трёх — экономит порох!". Действительно, грохнул выстрел эхом по горам — упали двое. Один в пропасть — другой на месте. Стрелок закурил, а заряжающий взялся забивать заряд для следующего выстрела. Цепочка уйгуров ни на секунду не задержалась, продолжая путь, перешагивая через тело своего товарища. Нашим пограничникам был приказ — не вмешиваться ни во что, но пропускать уйгуров на нашу сторону. Их в долине встречали, кор-

мили, сразу же помещали в карантин за колючую проволоку. Уйгурских девушек можно было встретить у речушки, куда они ходили, как и солдаты, помыться и постирать. У них ничего не было — они рады были всему, особенно мылу и хлебу. Они были очень рады, если солдаты приносили им что-нибудь, и тут же, отойдя за большой камень, расплачивались женскими ласками с истосковавшимися в глухомани солдатами. Уйгурам недалеко отводили землю, создавая их колхозы. Давали стройматериалы, продовольствие и семена. За один год они отстраивали себе деревню, сеяли и выращивали урожай, и за всё рассчитывались за один год. Работящий народ эти уйгуры.

Как-то выходя из Валеркиного подвала на улицу, ребята чуть не лишились жизни. Вдруг прямо в полутора метрах от Валерки что-то грохнуло. Звук был такой, как будто бы сверху с крыши упала плашмя дверь со странным, звонким, громким хлопком. Картина была ужасная — Валерку чем-то обрызгало, мимо головы Игоря пролетел, как оказалось потом, отрекошетивший от асфальта туфель. Это упала (выбросилась) женщина с шестого этажа. Это был за три года четвёртый случай самоубийства в Перцевом доме. Дом, видимо, был роковой.

Как-то в пасмурный день, когда делать было нечего, Валерка неожиданно спросил Игоря: "А хочешь килограмм колбасы и килограмм масла? Задаром! — Игорь, конечно, хотел. — Тогда поехали со мной в одно место к моей сестре в магазин! Она там работает". Магазин тот оказался далеко, где-то в Новой деревне. Когда добрались туда на трамвае, Валерка оставил Игоря ждать в сторонке, а сам подошёл к сестре выяснить обстановку. Вернувшись, сказал: "Для тебя сегодня не получится! Может быть, в другой раз! Да нам с тобой и килограмма хватит!". Оставив Игоря на месте, Валерка пробил в кассе сто граммов колбасы и столько же масла, и встал в очередь к прилавку, за которым стояла сестра. Она взяла чеки и отпустила брату килограмм колбасы и килограмм масла. Игорь на обратном пути поинтересовался: "А как же она? Ведь у неё же будет недостача?". Валерка засмеялся: "Какой

ты неграмотный! С этим всё в порядке. В торговле существуют правила списания потери товара на усушку, на утруску, на бой и прочее. Например, масло. Та видел, как разворачивают новый брикет? Масло сверху жёлтое, обветренное. Сверху всё это соскребается и списывается. Можно соскребать по-разному — можно больше, можно и меньше. А кто определит — сколько надо? А брикеты большие, за день их проходит много. Так что из сотни-другой килограммов проданного за день масла, одного килограмма никто даже и не заметит". Когда вернулись назад, Игорь по пути купил хлеба и "маленькую" (водки), Валерка нарезал всю колбасу, поджарил её на принесённом масле, и они сели пировать.

Такова была жизнь, такова была действительность. Директор котлетной и заведующая столовой наживались на пирожках, сэкономив на мясе для клиентов своих заведений, подруга Игоря приносила домой с работы котлеты и прочее, сестра Валерки колбасу и масло из магазина, да и Игорь с друзьями продавали иногда кровельное железо, а Курилович годами выносил из РСУ материалы для дачи. Таких людей называли "несунами". Этим занималось подавляющее большинство людей. Люди шутили: "С чем работаем, то и имеем!"; "всё принадлежит народу, мы народ — всё наше!". Рассказывали даже, что на каком-то заводе шутники потихоньку повесили плакат: "Ты здесь хозяин, а не гость — унеси хотя бы гвоздь!". С несунами боролся ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) — толку было мало. Кого-то, конечно, наказывали, но всех же не пересажаешь. Как-то один знакомый из ОБХСС сказал: "Да если поступать в нашей работе точно по закону, то всю торговлю, всех без исключения надо пересажать. А кто в магазинах тогда работать-то будет? Зарплата ведь у них небольшая!". И приходилось ОБХСС проводить политику сдерживания: тех, кто был слишком жадный и преступал определённую черту — отдавали под суд. Позже, работая в одном НИИ, Игорь имел общественную нагрузку — был ответственным по отделу за ДНД (добровольная народная дружина). В его обязанность входило: собирать

группы дружинников для дежурства по графику отдела; вести учёт дежурства дружинников; распределять отгулы членов ДНД в конце года. Иногда группы дружинников выделялись в помощь работникам ОБХСС. Работников все в магазинах знали — им нужна была скрытность. Разыгрывался спектакль. Трое дружинников делали покупки, а один стоял в дверях в зоне видимости работника. Когда покупки были сделаны, тот, что в дверях, махал платочком. Работник поспешал в магазин и объявлял: "Контрольная покупка!". Взвешивался товар, и продавцы были пойманы с поличным. Такая весёлая игра была всегда результативной — в каждом магазине всегда находились и мелкие, и крупные нарушения: обвес, обсчёт, пересортица и прочее были всегда. Составлялся протокол, подписывался дружинниками (для чего они и были нужны). Что делать дальше с протоколом, решал работник ОБХСС. Он мог порвать протокол, а мог и завести уголовное дело. Работники ОБХСС жили хорошо — они находили общий язык с "работниками прилавка", которые не боялись никого, и делали свои дела открыто. Племянница Игоря, к изумлению всех родных, поступила в торговый институт. Как студентка она проходила практику, работая в овощном магазине за прилавком. В конце каждого дня заведующая собирала всех работников: "Девочки, спасибо! Сегодня поработали хорошо! Подходите! Получите премию!". Такса была неизменной: девочкам по 3 рубля, зав отделом — 5 рублей, завмагу — 10.

Игорь жил, отдавая все силы учёбе, с прицелом на будущее. Ему казалось тогда, что закончит он университет, и всё само по себе встанет на место, а пока неустроенная жизнь его не очень волновала. Не волновало то, что ему приходилось изворачиваться, добывая себе на пропитание. Не волновало то, что приходилось одежду покупать самую дешёвую, например, носить ботинки всё это время, и зимой и летом, скороходовские за 9 рублей. Мебель в свою комнату Игорь купить не мог, он мастерил её сам из того, что подвернётся. Летом можно было заработать (подхалтурить где-нибудь) на крыше по справке "по совместительству", но такая работа

попадалась редко. Иногда Игорю позволяли оформить на полставки своего друга кровельщиком, а выполнять работу друга самому. Друг на работу не ходил, а приходил только получить деньги для Игоря (так делали многие), за что с каждой полочки Игорь покупал ему бутылку водки.

Все эти жизненные трудности казались мелкими. Будущее виделось радужным. Хрущёв провозгласил: "Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!". Что значит "при коммунизме" — никто не знал. Но все надеялись, Игорь тоже, что скоро жизнь всех улучшится. Хлеб в столовых уже был какое-то время бесплатным на столе (как соль, как перец, как горчица), и ходили слухи, что городской транспорт скоро станет бесплатным. Но народ не готов был "к бесплатному": хлеб на столе быстро засыхал, корки никто не ел, все просили принести "посвежее", и засохшего хлеба оказывалось намного больше, чем съеденного. Горы хлеба шли в отходы, на прокорм скоту, пока не отменили бесплатный хлеб.

И вот закончились шесть лет учёбы. В 1967 году Игорь закончил университет. Когда выпускники собрались в последний раз на вручение дипломов и значков с гербом, которые называли "поплавком" (или ещё по-другому — "я тоже не дурак"), декан вдруг объявил: "Перед тем, как вручить вам дипломы, я предлагаю последнюю теорему! Не пугайтесь!". Он сформулировал теорему Штейнгауза: "Пусть даны два человека. Им поручена какая-то работа. И если один из двоих математик, то он сделает эту работу лучше. А доказательство теоремы я предоставляю провести вам самим!". Шутка была понятна всем присутствующим, потому что они все были уже математиками, и получали сейчас дипломы, в которых написано: "Специальность — математик".

НОВЫЕ ЛЮДИ И СОВКИ

Когда Игорь проучился на матмехе четыре года, он, заявив, что должен теперь работать по специальности, ушёл из кровельщиков и нашёл себе работу инженера с окладом в 120

рублей. Здесь все друг друга звали по имени отчеству, кроме молодых лаборантов, или близких друзей. Так было принято. И Игорь с этого времени стали звать Игорь Сергеевич.

Устроился Игорь Сергеич в один очень старый ВНИИ (Все-союзный научно-исследовательский институт). Институт имел дореволюционную историю, где остались некоторые патриархальные порядки, и могло даже попасться на глаза старинное оборудование и приборы. Люди, работающие здесь, как показалось Игорю Сергеичу, были вежливыми, интеллигентными и добрыми. "Ниночка Владимировночка! Какой сегодня день?" — так часто обращалась к подруге немолодая уже сотрудница сектора, которую звали тоже, как подругу, Нина Владимировна. Она была одинокой женщиной, ей не о ком было заботиться кроме родного единственного племянника. И она готова была опекать любого, находящегося рядом, имея большой, нерастраченный за свою жизнь потенциал женской, материнской доброты.

Половину лаборатории составляла молодёжь. Многие из молодых, как и Игорь Сергеич, учились в вечерних институтах. Девушки лаборатории по какой-то причине выделялись своей молодостью, привлекательностью, миловидностью. Злые языки из соседних отделов поговаривали, что начальник лаборатории, принимая на работу, подбирает сотрудниц по внешности, как ценитель прекрасного. Возможно, что это так и было — девушки, действительно, были "одна к одной". И Игорь Сергеич с лаборантом Димой называли своего начальника между собой "Ценителем прекрасного", или просто Ценителем. А он (Ценитель), и на самом деле относился к молоденьким девушкам неравнодушно.

Одно время небольшой компанией молодые работники от нечего делать повадились играть в карты за столиком в маленькой комнатке среди приборов. От глаз начальства дверь закрывали на ключ, а карты раскладывали в открытом ящике стола, который можно было быстро задвинуть, если кто-нибудь постучит в дверь. Напротив комнаты, в которой закрывались картёжники, была дверь в кабинет начальника лаборатории. Ценителю, видимо, не давал покоя вопрос: "Чем же там занимается молодёжь, закрываясь на ключ?". Это его

очень волновало. Что он мог себе вообразить — ребята не могли знать, но Ценитель постоянно стучался в дверь. Войдя, он каждый раз с хитрой, многозначительной улыбкой заговорщика задавал вопрос: "А что вы тут делаете?". Внимательно, долго всё оглядывал и молча уходил, озадаченный: "Чем же они там занимаются? Какая же здесь кроется тайна за закрытыми дверями с молодыми девушками?". Компанию эта игра в дразнилки с начальником сначала забавляла, но, наконец, надоела. Лаборант Дима, когда в очередной раз вошёл Ценитель, молча выдвинул ящик стола с раскладом в незаконченной игре карт. Ценитель не мог скрыть разочарования: "А-а!? А он-то думал?". Улыбка сошла с лица, он быстро вышел, и больше ни разу в дверь не постучал.

Начальником сектора был плотный крепыш, весь какой-то квадратный с квадратной головой и квадратным задом. Приходя утром на работу, он плотно "влипал" своим квадратным задом в стул и почти не вставал с него до вечера. "Квадрат", как его звали между собой друзья Игоря Сергеича, выкладывал принесённую из дома большую стопку исписанных, перечёркнутых с одной стороны разноформатных листов бумаги для черновиков, и к вечеру их полностью исписывал, не поднимая головы. В обеденный перерыв Ниночка Владимировичка приносила ему горячий чай. Квадрат, не вставая с места, обедал тут же. Обедом его обычно были: кусочек хлеба, котлета и половинка яблока. Быстро прикончив этот свой обед, Квадрат тут же принимался за свои черновики. Он работал над докторской диссертацией. Игорь Сергеич с завистью смотрел на него: "Вот бы мне такую трудоспособность!".

Один раз Квадрат, заметив, как Игорь Сергеич, глядя в окно, надолго задумался, неожиданно громко возмутился:

- Как можно вот так бесцельно смотреть в окно и ничего не делать?!

- Так нечего же делать!

- Как это нечего делать? Читайте отчёт! Читайте отчёт! Или делайте что-нибудь другое. Что угодно! Да, что бы Вы ни делали, то всё это когда-нибудь да пригодится! — Вот с этим Игорь Сергеич не мог согласиться.

Отчёт (годовой) — это то, что лежало на подоконнике в виде нескольких томов (каждый том — год) в твёрдом добротном переплёте, это то, чем и заканчивался весь результат работы сектора за целый год. Игорь Сергеич читал эти тома, и заметил то, что они отличались друг от друга лишь десятком новых страниц, а поэтому, думал он, дюжина работников ничего, попросту, не делают, и однажды сгоряча, под злую руку, сказал об этом Квадрату напрямую. Тот не рассердился, не обиделся, а только спокойно сказал: "Вы, Игорь Сергеич, ещё молоды, в науке не работали, и пока не понимаете то, насколько важны эти результаты, эти цифирьки, как Вы говорите, над которыми мы бьёмся". Разгорячённый спором молодой математик не согласился и показал на окно, где рабочие прямо под окнами рыли большую канаву: "Вот эти люди работают! И я, и Вы это видите! Вот это работа!".

Квадрат уважал свою работу, он гордился комплексом аппаратуры, занимающим три комнаты, с которым работал сектор, уславившись постоянно этот измерительный комплекс. Иногда приходили гости, для которых начальник устраивал целую экскурсию, гордо начиная её словами: "Таких комплексов в мире всего три ...". Однажды по обмену опытом приехал гость из Чехословакии. Квадрат, как всегда, повёл его по комнатам, гордо начав: "Таких комплексов в мире ...". В конце чех сказал: "Да! Да! У нас тоже так есть! Только у нас два люди!". Гость имел в виду, что у них есть всё то же самое, только работников не дюжина, а два человека.

На заре советской власти появилась потребность в научных кадрах (старые, видимо, от революции разбежались). Срочно создавались рабфаки (рабочие факультеты), где молодые рабочие в ускоренном порядке получали высшее образование. Вот ВНИИ и был тогда укомплектован кадрами рабфаковцев. А отпрыски их, видимо, пошли по стопам отцов, потому что нигде более, чем в этом институте, не встречались столь экзотические имена, какие были модными в среде рабфаковцев. Рабфаковцы были благодарны своей судьбе и советской власти, и чаще других называли своих детей мод-

ными в то советское время именами: Октябрина, Индустриализация, Владлен, Марат — это в честь революции. Но и науку не забывали. Так в институте можно было встретить людей с именами Уран Васильевич, или Гелий Степаныч. Однажды институт всем составом выехал в однодневную поездку в подшефный колхоз на уборку картофеля. В тот день вся уборочная работа пошла коту под хвост. В колхоз обычно посылали одну молодёжь, которая стремилась к одному — хорошо, весело провести время. Так было и на этот раз. Каждый прихватил с собой то, что необходимо для веселья — закуску и всё прочее. Для начала, правда, немного поработали, а потом потихонечку компаниями разбрелись по кустам вокруг картофельного поля. Старшие (ответственные) групп сбились с ног, возвращая на поле разрозненные компании. Но пока они выдворяли народ на поле в одном конце огромного перепаханного пространства, на другом конце его другая компания успевала и выпить, и закусить, и песню спеть. Так бедные ответственные и бегали целый день до вечера от одного конца поля до другого, выгоняя на работу уже подвыпившие компании. Молодёжь провела время хорошо, особенно весело было в конце, когда пришло время возвращаться домой. При погрузке на машины, в которых приехали на субботник, долго не могли разобраться — кто с кем и на чём поедет домой. Когда, наконец, расположились по машинам и автобусам сами, вдруг начальники решили распределить народ по своему усмотрению. А начальников оказалось двое, и оба главные. Ими оказались Уран Василич и Гелий Степаныч. Видимо, по ошибке в спешке кто-то напутал в профкоме, давая им обоим одно и то же поручение. Каждый из них доказывал, что он главнее. Они друг другу стали отдавать категорические приказания. Это продолжалось долго, водители сигналили — всем хотелось домой. Молодёжь из машин улюлюкала, подзадоривая бойцов: "Сошлись два главных химических элемента! Уникальная химическая реакция! Кто победит? Ставлю бутылку — уран тяжелее и главнее!". Наконец передняя машина тронулась, водитель устал ждать команды. Оба "химических элемента" запрыгнули в машины на ходу. В такой ве-

сёлой поездке в колхоз Игорь Сергеич участвовал один раз — такие общие массовые поездки случались нечасто. Касаясь редких имён в институте, нужно сказать, что самым необычным именем было — Белая Ночь Васильевна. Пожилая женщина так за свою жизнь и не узнала, как пишется её имя. По совету “грамотных” друзей она писала своё имя “Белая Ночь” по-разному. То вместе одним словом, то через чёрточку ку оба слова с большой буквы, то просто через чёрточку.

Советские инженеры всей страны каждое лето недели на две по очереди обязательно ездили на работы в колхоз. Каждый НИИ имел свой подшефный колхоз, куда обязан был поставлять летом дешёвую рабочую силу. Молодым инженерам работа в колхозе очень нравилась. Для молодых это было счастливое беззаботное время в хорошей весёлой молодёжной компании при хорошей погоде в сенокосное время. Зарплата в институте шла, питание обеспечивал колхоз в виде очень дешёвых свежих продуктов, и, кроме того, колхоз платил за работу, правда, немного, но на выпивку хватало. По установившейся традиции в день приезда (привальная) и день отъезда (отвальная) всегда устраивались праздники. Первые колхозные командировки во ВНИИ Игорю Сергеичу хорошо запомнились, особенно вторая. Тогда колхоз выделил для своих шефов старую, непригодную к работе запалённую лошадь, серую в яблоках, заслуженную лошадиную пенсионерку. Оказалось, что из всех только один Игорь Сергеич умел запрягать. Его и назначили заведовать этим транспортом — лошадь с бричкой (а может двуколкой) на двух колёсах. В обязанность нового конюха входило: поить, кормить лошадь, для чего надо было косить растущий неподалёку молодой сочный овёс. Ещё Игорь Сергеич должен был помогать, чем можно, своим друзьям, выделенным заниматься кухней, отвозить свою повариху за продуктами в магазин в Красное село, а вечером ездить за колхозным молоком для всей команды шефов. Лошадь имела имя, то ли Белоснежка, то ли Беянка. Игорь Сергеич называл её по-своему — Блондинка. Он был поражён совсем не лошадиной сообразительностью Блондин-

ки, её характером, её хитростью. Когда её новый конюх нёс для неё ведро воды или охапку овса, лошадь тихо радостно ржала басом, как бы выражая благодарность. Она поест, попить любила. Но Блондинка не любила запрягаться. Игорь Сергеич с трудом заводил её задом между оглоблями. Когда он брался за одну оглоблю, вредная лошадь перешагивала ногой через вторую, и надо было начинать заводить её заново. Особенно трудно было надевать хомут. Блондинка начинала, как бы отмахиваясь от мух, поворачивать морду из стороны в сторону. А однажды, когда хомут был всё же надет, кобыла с досадыхватила своими зубищами Игоря Сергеича за плечо. Тот в сердцах врезал кобыле по-боксёрски прямо по морде кулаком. Блондинка обиделась, но стала теперь вести себя спокойно — не вертела головой, и стояла на месте во время запрягания как вкопанная. Она была запалённая — кто-то когда-то напоил её, вспотевшую после тяжёлой работы, холодной водой, после чего у лошадей перестают служить ноги, и они бракуются. Блондинку давно списали на колбасу, но её отстояли — она была дорога как память о тяжёлом послевоенном времени, когда мать-кобыла родила её, будучи единственной опорой (тягловой силой) бедного колхоза.

Транспорт Игоря Сергеича был тихоходный — ноги лошадь не держали, она часто спотыкалась, и один раз, упав на колени, разбила морду до крови. Жалко было Блондинку. Но она и сама старалась себя беречь, как могла. Однажды Игорь Сергеич ехал по делам в Красное село по шоссе. Мерно весело цокали копыта по асфальту: "цок-цок, цок-цок". Клонило ко сну: "цок-цок, цок-цок". Через прикрытые веки глаз виден старательно работающий лошадиный круп в такт цокота копыт: "цок-цок, цок-цок". Взгляд скользнул на дорогу, на колёса, которые медленно, медленно поворачивались, дорога навстречу не бежала, а еле ползла: "Что за чёрт! Блондинка! Да ты же сачкуешь! Что ты тут отплясываешь на месте! Давай, поехали!". Хитрая лошадь, когда почувствовала, что за ней нет присмотра, стала изображать бег, почти оставаясь на месте, еле приподнимая копыта. Так ей было легче. Игорь Сергеич тряхнул вожжами, бричка поехала с нормальной скоростью.

Таллиннское шоссе всегда было оживлённым. Тихоходная бричка мешала движению машин, и безопаснее ехать было по обочине. Но лошади легче было ехать по асфальту, и Блондинка постоянно так и норовила выехать на середину дороги. И один раз раздосадованный водитель, скорее всего нарочно, вскользь задним колесом машины зацепил колесо брички — бричку сильно трянуло. Это было опасно — надо было что-то придумать. Игорь Сергеич нашёл баночку краски и на спинке брички крупными красными буквами написал: "Не уверен? Не обгоняй!". Шутка водителям нравилась. Некоторые из них даже, что-то крича, с улыбкой приветливо махали руками. Теперь можно было не бояться.

Как-то раз Игорь Сергеич шёл запрягать лошадь. Обычно она была привязана к колышку на длинной верёвке. Подойдя ближе, он увидел, что колышек выпал, и верёвка лежала просто на траве. Игорь Сергеич наклонился, чтобы поднять конец верёвки с колышком. И вдруг конец верёвки отлетел в сторону метра на три. Пришлось снова наклониться, чтобы взять колышек. И опять колышек отлетел в сторону. Когда всё это повторилось несколько раз, Игорь Сергеич стал наблюдать за лошадьё. Блондинка спокойно щипала траву, но одним глазом пристально следила за действиями конюха. Как только он наклонялся к колышку, хитрая лошадь резко взмывала головой, и конец верёвки с колышком отлетал в сторону. Блондинка больше всего не любила запрягаться. А тут идёт её опекун, в руках у него нет ни ведра, ни охапки овса — значит, её ждут хомут и оглобли. А кому это понравится? Но Игорь Сергеич лошадку обманул. Он пошёл, глядя в другую сторону, не к концу верёвки, а к середине, наступил на неё ногой и спокойно взял в руки.

В Красном селе жило много цыган. Они были оседлыми и работали в колхозе. Первый раз Игорь Сергеич удивился, когда повстречавшийся по дороге цыган поздоровался с ним, как со старым знакомым, сняв перед ним шляпу с низким поклоном. Потом привык: он, оказывается, для всех цыган в Красном селе был своим, уважаемым человеком — у него же была своя лошадь.

После одной дождливой ночи Игорь Сергеич утром обнаружил, что Блондинка исчезла. Сразу подумал: "Украли цыгане!". Бросился искать в Красном селе, в колхозе. Подключились к поиску председатель колхоза с помощниками. Лошади нигде не было. Через два дня пришёл на помощь старый конюх, который был давно на пенсии. Искать уже больше было негде. Вот тут-то старый конюх вдруг сказал: "Стойте! Я, кажется, догадываюсь, где она может быть! Стойте здесь! Я сейчас приду!". Через полчаса он привёл лошадь. Оказывается, Блондинка три дня стояла в маленькой старой заброшенной баньке, там, где она родилась, куда никому и в голову-то не пришло заглянуть. Неужели лошадь тосковала по своему лучшему времени, по своему лошадиному детству? Выходит, что так — лошади не чужда ностальгия. Да кто же знает: "Что думает лошадь?".

Перспектив роста во ВНИИ у Игоря Сергеича не было. Вся работа в секторе сводилась к тому, чтобы провести раз в год измерения. Сами измерения длились пару недель, а остальное время в году уходило на обработку результатов измерений и на их подготовку. Игорь Сергеич занялся автоматизацией обработки измерений. Работа для математика была примитивной. После окончания учёбы Квадрат спросил: собирается ли дипломированный математик работать у них и дальше, на что дипломированный математик ответить не смог — ещё об этом не думал. Квадрат сказал, что если Игорь Сергеич обещает проработать ещё два года, то его завтра же переведут в старшие инженеры с окладом в 140 рублей — начальство, видимо, решало какие-то свои вопросы касательно штатного расписания. Позже Игорь Сергеич понял, что продвижение его тогда оказалось для него не подарком, а, скорее, медвежьей услугой. Не имеющий опыта в новой для него среде ИТР, он так и подумал, что так и принято, что подходит к тебе начальство и говорит: "Ты хорошо работал и заслуживаешь большего. И мы тебя повысим в должности. Не возражаешь?". Это оказалось далеко не так. Позже Игорь Сергеич узнал, что для того, чтобы хоть на немного повысить себе зар-

плату, работнику надо было приложить немало усилий. И, к сожалению, здесь нужен был не столько талант и трудолюбие, сколько совсем другие качества. Добросовестно проработав во ВНИИ, как и обещал, ещё два года, Игорь Сергеич подал на расчёт.

При увольнении с ним приключилась интересная история. По существующему порядку после подачи заявления на увольнение работник должен был отработать ещё две недели на предприятии. Игорь Сергеич это знал, но не знал того, какое число надо поставить в заявлении — дату подачи заявления или дату окончания двухнедельного срока? Он поставил текущую дату — так надёжнее, а кому надо, тот поправит. Квадрат, не думая, подписал заявление. Ценитель заметил ошибку, но тоже подписал, скорее всего, в пику нелюбимому им Квадрату, чтобы иметь возможность лишний раз отчитать его за оплошность. Довольный Игорь Сергеич получил пресловутый “бегунок”, и быстро, удачно обошёл все инстанции, получив обязательные подписи: парткома, профкома, бухгалтерии, библиотеки, какие-то АХО, склады и другие. Осталось только ждать. Когда Игорь Сергеич получил штамп в паспорт “уволен”, ему вдруг отказались отдать “трудовую книжку”, пока не принесёт письменное разрешение от начальника лаборатории. Кто-то заметил оплошность Ценителя, необдуманно спешно подписавшего заявление на свою же беду. Игорь Сергеич не хотел больше терять время и решил: “А ну их! Сами виноваты! Разберутся!”. Он вовремя сообразил, что надо сказать в отделе кадров: “Как Вы можете задерживать мою трудовую книжку? Я здесь теперь чужой человек! Вот паспорт! Я у Вас больше не работаю!”. Слова попали в точку — трудовую книжку отдали. Но в кассе деньги отказались выдать наотрез.

Этот незначительный инцидент запомнился Игорю Сергеичу потому, что в то время (1969г.) существовал ещё какой-то порядок — простой инженер мог добиться своей правоты, правда, с помощью прокурора. В дальнейшем история развивалась так. Игорь Сергеич работал уже на новом месте, и с

бухгалтерией ВНИИ мог связываться только по телефону. Там стояли на своём — требовали записку от начальника лаборатории, прекращали разговор, ничего не объясняя. Проходя по улице Белинского мимо городской прокуратуры, он решил зайти туда (почему бы и нет?). Советник юстиции (наверное, дежурный) вежливо выслушал посетителя. Спросил: "А вы были в районной прокуратуре?". Посоветовал: "Сходите сначала туда. А то как-то через голову получается. А когда уж там не получится, приходите к нам".

В районной прокуратуре было полно посетителей. Это были просители, которые покорно ждали очереди: кто искал снисхождения для подследственных родственников, кто разрешения на свидания с ними. Игорь Сергеич пришёл не просить, он пришёл требовать, и сразу напрямик направился к прокурору. Тот внимательно выслушал посетителя, и, неожиданно, задал вопрос: "А кто тот самый начальник? Как его фамилия?". Игорь Сергеич удивился такому вопросу, но назвал фамилию Ценителя. Прокурора вдруг как будто бы подменили — он сразу стал совсем другим человеком. Он сразу начал кричать на Игоря Сергеича, приплёл какого-то разгильдяя, который уволился и не сдал казённый фотоаппарат, и которого теперь надо искать. Возмущённый Игорь Сергеич не остался в долгу, и тоже повысил голос, выражая возмущение "грубым неправомерным отношением работников прокуратуры к честному труженику". Прокурор кончил разговор словами: "Иди и делай то, что тебе велено!". Изгнанный "честный труженик", проходя через большую комнату, где сидели прокурорские работники, получил вслед ещё кучу нелестных, громких эпитетов в свой адрес. Видимо, не привыкли здесь к таким "храбрым нахам". Просители в коридоре были тихими и покорными — они приходили сюда с поклоном: "Пусть кричат, только бы не отказали!". Уже потом Игорь Сергеич узнал, почему кричал прокурор. Знакомый из ВНИИ сказал, что отец Ценителя до пенсии был прокурором, то есть предшественником (боссом, наставником) районного прокурора.

В городской прокуратуре Игоря Сергеича принял другой дежурный, который не стал интересоваться о посещении рай-

онной прокуратуры, а сразу снял телефонную трубку. Он звонил в бухгалтерию ВНИИ, где ему что-то долго объясняли. Прокурор, похоже, оборвал разговор на полуслове, резко сказал: "Либо Вы даёте письменное обоснование на отказ выплаты, либо выплачиваете деньги сегодня же!". У кассирши во ВНИИ, когда она отсчитывала деньги, была такая угодливая улыбка, как будто Игорь Сергеич был сам прокурором.

Для окончивших вуз так называемых молодых специалистов, направляемых "по распределению", условия были одинаковы для всей многомиллионной армии выпускников — должность инженера по штатному расписанию: 90 рублей (с красным дипломом с добавкой). Дальнейшие перспективы, примерно, сулили: старший инженер 120 — 140, ведущий — от 160, и т.д. Во многих НИИ, которые называли "почтовыми ящиками" (п/я № ...), что впоследствии звали "оборонкой", дополнительно, регулярно платили премии (чаще квартальные). Туда шли работать программистами большинство выпускников матмеха. Для Игоря Сергеича наступили однообразные, невыразительные трудовые будни длиной больше двух десятков лет. За это время он успел поработать в трёх НИИ. Время как будто сжалось в один комок. Конечно, в его жизни были какие-то важные для него события, но ничего за это время не происходило такого, чтобы вызывало приятные воспоминания. Пора познания — молодость — прошла.

Игорь Сергеич влился в огромную массу "простых советских инженеров", живущих по заданному шаблону, являющихся частью огромной машины с огромным маховиком, с бесчисленным количеством различных шестерёнок, где винтики-люди просто занимают определённые места — единицы по штатному расписанию. "Простой советский инженер" — стало именем нарицательным, шаблоном (штампом) для шуток и анекдотов. Люди жили одинаково, ходили на работу, ездили летом в колхоз, одинаково регулярно отмечали все праздники, традиционно организуя застолья прямо на работе, где по всем коридорам всех НИИ обязательно сильно пах-

ло тогда винегретом, шпротами и чем-нибудь жареным — всем тем, что приносили коллеги-женщины из дома. Люди жили одинаково и думали одинаково, жили “как все”. Игорь Сергеич не думал “как все”, зная, что большинство людей — конформисты. Он причислял себя к нонконформистам, и считал, что человек должен всегда иметь обо всём своё мнение, и даже хоть какую-то, пусть убогую, пусть карманную, но свою философию. Он никогда не навязывал никому своих мнений. Он просто так видел то, что видел, так считал — и всё. Возможно, соприкосновение с математикой наложило отпечаток на его восприятие окружающей действительности. Главное для него — истина, как в математике, где суждения и выводы не зависят от человека, и где всё и вся начинается всегда только с предположения: “Допустим, что ...”.

Формирование образа мысли советского человека началось со Сталина, точнее с создания Сталинской элиты — элита всегда служит примером для масс. Сталин создал элиту как свою опору, на которую можно было опереться в его борьбе со старыми дореволюционными партийными друзьями-соратниками, конкурентами и врагами для него. Сталинская элита должна жить хорошо, должна иметь большие привилегии, но должна быть зависимой, и должна была постоянно бояться за своё место, за свою судьбу, за свою жизнь. Сталин создал надёжную для себя систему советских чиновников (партработников), которые иногда с гордостью называли себя профессиональными революционерами. Чиновники помельче равнялись на старших, те, которые ещё помельче, равнялись на тех, кто повыше, и так далее. И все вместе славил “Великого вождя”, соревнуясь в этом между собой изо всех сил. Народ, конечно, тоже стал подражать начальству. Так и был создан культ личности.

Сталин любил “свой народ”. Но что это такое — “народ”? Никто этого точно определить бы не смог. Можно только предполагать, как сам Сталин определил бы, что есть такое — народ:

Идёт праздничная демонстрация, все счастливы, кричат лозунги и радуются — это идёт народ.

Лозунг "народ и партия — едины" — это о народе.

Построили новый завод — это сделал народ.

"Дорогие братья и сестры!" — это к народу.

Отдельных людей можно было иногда отнести к народу: знаменитые артисты, писатели (некоторые), герои. Любовь Орлова, Чкалов, Стаханов, Челюскин — это народ. Это народ, который любил Сталин.

Но каждый взятый в отдельности из тех, что кричат "ура" на демонстрации, из тех, что строили в рекордные сроки завод, никакого отношения к народу не имеют. Эти люди могли думать, только лишь могли думать не так, как должен думать "весь Советский народ", а значит они не народ, а потенциальные "враги народа", потенциальные предатели "Советской Родины" и шпионы.

Такое понятие "советского народа" укоренилось при Сталине и осталось после его смерти. Каждый единичный элемент "народа" имел два лица одновременно (два в одном). Он - народ, и он же, тут же не народ, а, скорее, наоборот. Присутствуя на демонстрации, на митинге, на собрании, участвуя в выборах, он представлял "советский народ" и думал так, как должен думать "советский народ". От его имени, как от частички народа, от его лица (первого его лица) выносились и принимались решения, которые он с готовностью громко одобрял и поддерживал — "как все". Приходя к себе домой после демонстрации (митинга) "на кухню", он же (второе его лицо) думал так, как ему заблагорассудится, редко соглашаясь с тем решением, которое только что поддерживал от своего (первого) лица. Сначала каждый отдельный "советский человек" свои крамольные мысли (второго лица), если они, конечно, были, держал при себе. При Сталине высказывать мысли, не совпадающие с мнением "народа", которое прописывалось в газетах, кино и других средствах пропаганды, было очень опасно. Но после смерти Сталина люди "на кухне" в кругу своих родных и друзей выражали свои "неправильные"

(вольнодумные) взгляды сначала шёпотом, а потом и вслух. Но только "на кухне", только среди друзей, и только иногда (за рюмочкой). Это вечером.

А назавтра днём вольнодумец становился "как все" — частичкой виртуального "советского народа", полагая, что он один единственный такой "борец за правду". Поразительно, но точно так же, полагая, что он один такой единственный, думал каждый из миллионов "кухонных борцов", давно уже не верящих в "светлое будущее". Его больше беспокоили перспективы близкого будущего: получение квартиры в хрущёвке, приобретение машины и дачи на шести выделенных сотках (предел устремлений советского человека). А по части протестной борьбы за правду он "как все" довольствовался рассказами анекдотов, которых тогда было много:

Это что за Бармалей там залез на мавзолей.

Брови чёрные густые, зубы белые вставные.

Он и маршал, и герой, и писатель молодой.

Брежнев, действительно, был тщеславен. Он увешал себя орденами (четырежды герой), присвоил сам себе звание маршала, и "написал" (с помощью одного писателя) книгу мемуары "Малая земля".

А то, что думает "советский народ", знали точно только люди элиты. Это кто-то, именно из них, когда-то впервые высказал слова-заклинания: "Слава великому советскому народу — строителю коммунизма", "Народ и партия — едины", "Слава КПСС", "Под знаменем Ленина-Сталина, под руководством коммунистической партии — вперёд к победе коммунизма". И много, много других подобных слов, составляющих катехизис "советского человека".

Сталинская элита состояла из людей, действительно идейных, которые, в большинстве своём, действительно верили в "светлые идеалы коммунизма", и служили честно и бескорыстно этим идеалам. И детей своих они воспитали в том же духе. Это, бесспорно, правда — сыновья даже самой верхушки Сталинского чиновничьего аппарата с готовностью шли воевать наравне с другими воинами, и многие из них погибли на фронте.

И вот, в начале 60-х появляется новая элита, которая создавала сама себя, а не кто-нибудь другой. Она тоже должна жить хорошо так, как каждый сумеет сам, привилегии тоже каждый должен был добывать для себя сам (как сумеет), устойчивость своего положения каждый обеспечивал себе сам в жёсткой конкурентной борьбе с себе подобными. Старую Сталинскую элиту пополняли, постепенно заменяя её, новые люди. Они по инерции приняли и поддерживали существующий порядок, при котором образ жизни, образ мыслей виртуального "советского народа" оставался прежним. "Катехизис советского человека" не изменился. Новая элита должна была пропагандировать (по обязанности, по должности) коммунистические идеалы в обществе, как и прежде, но сами чиновники нового аппарата уже не поклонялись этим идеалам, заботясь больше о собственном благополучии, о собственном достатке. Главной ценностью нового чиновника, как они сами определяли, было умение его "работать с народом". Такой "новый человек" должен был уметь и знать, когда и что сказать громко перед "народом", и втихую без слов делать то, что выгодно для него и для такого же, как он. Это был новый тип (категория) людей, не объединённых формально, явно, открыто никак и ничем, хотя в большинстве своём состоящих, конечно, в КПСС. Эта категория людей не имела названия, они никогда не стоваривались между собой. Они кучковались (объединялись) стихийно на базе общих интересов, определяя интуитивно, как рыбаки рыбака, себе подобных: "свой человек", "хороший человек", "надёжный человек", "он не подведёт".

Игорь Сергеич про себя называл этот новый тип "новых людей" — "жёлтенькие". Возможно, с ним многие не согласятся. И пусть думают, как думают. Но Игорь Сергеич думает именно так, он видит это так.

Были красные с идеалами революции, были белые с идеалами белого движения, а вот теперь (пусть будут) жёлтенькие без идеалов, с одним стремлением в жизни — приспособиться по обстоятельствам с наибольшей выгодой лично для себя.

Жёлтенькие представляли собой широкий круг различного люда. От крупных, достигших высокого положения во властных структурах (до самых высших), кончая мелкими, работающими в торговле и сфере обслуживания (продавцы, официанты, банщики, массажисты ...).

Их всех объединяло одно — устремление всегда следовать "мудрому" правилу торгаша, известному с сотворения мира: "Если от многих взять по капельке (пусть по копейке) и отдать одному, то у того станет много (миллион)". Как взять? Кто же добром отдаст своё (хоть и копейку)? Никто, если это своё! А если это общее, конкретно ничьё?

Социалистический принцип бесплатного распределения благ давал возможность из общего (общенародного) сделать своё (личное). Для этого нужно было только стоять около "общей кормушки" (распределения) и уметь распределять (ты мне — я тебе), то есть надо было быть или стать жёлтеньким.

У жёлтеньких всё решалось через личные отношения между "своими", в основу которых легли принципы, известные в народе, как некие формулы.

"Ты мне — я тебе". Например, если ты прикрыл (развалил) уголовное дело на моего сына — я устрою тебе квартиру шикарную, и вне очереди. Это то, что позднее перешло в массовую эпидемию неприкрытого взяточничества.

"Волосатая рука", или "своя рука" — наличие у кого-то постоянной, надёжной поддержки высокого покровителя, имеющего мощные связи.

"Телефонное право" — оказание давления в форме простого совета по телефону со стороны высокопоставленного чиновника, вынуждавшего нижестоящего, зависимого чиновника совершить несправедное дело (нарушить закон).

"Блат" — полезные личные связи, знакомства, то, что роднит жёлтеньких. Такое понятие появилось давно, и в народе уже давно была поговорка: "блат выше наркома".

Жёлтенькие "своих" не сдавали. Если человек однажды попадал в "номенклатуру", уже имел связи, знакомства, умел

“работать с народом” — он становился “своим”. И, если он разваливал работу, или оказывался в неладах с законом, его по возможности выгораживали и подыскивали другое место — нельзя же обижать “своего”. Так жёлтенькие оберегали и защищали создаваемую, крепнущую со временем свою систему.

Критика системы жёстко каралась. Критиковать было можно, но только означив как: “Это отдельные недостатки, или отдельные личности”, но только не система.

Образ жизни жёлтеньких был примером для масс, и постепенно проникал в жизнь простых людей. Это бросалось в глаза, особенно в торговле, где достать импортный, или качественный товар — “дефицит”, было не просто. “Достать” — приобрести, используя блат, было престижно. Известна была тогда притча об иностранном туристе, который очень удивлялся тому, что: “На прилавках в магазинах у вас пусто, а придешь в гости к любому — на столе всё, чего душа пожелает. Удивительно!”.

По поводу дефицита Игорь Сергеич имел своё мнение, пусть, кто хочет — соглашается, кто хочет — нет. Но “дефицит создавался преднамеренно”, пусть даже и стихийно. Мелкие жёлтенькие извлекали на его существовании дополнительную наживу, скрывая ходовой товар, пользующийся особым спросом — дефицит, под прилавком. Для верхушки жёлтеньких дефицит служил больше рычагом политическим.

Во-первых, этот рычаг использовался для непопулярного, рискованного всегда для власть имущих, повышения цен. Пропадает из продажи кофе, или шоколад — народ ропщет. И вот, появляется кофе, шоколад, но уже по более высокой цене — народ ликует, люди рады, согласны и с такой ценой.

Во-вторых, рычаг использовался для создания недовольства масс экономикой социализма. Многих жёлтеньких раздражала существующая система — она не давала им развернуться с размахом. Они могли бы владеть многим, всем тем, что считается общенародным, и что фактически уже управляется их руками. А когда прилавки пустые, можно сказать народу, что в этом виновата экономика. Народ этому верит, он доверчив,

и никому не приходит в голову сомнение: "Как это так? Экономика, способная запустить первый спутник, первого человека в космос, спасовала перед производством колбасы или сигарет?".

Дефицитные атаки проводились периодически с перерывами в течение двух десятков лет. Сначала был дефицит на чай, потом на кофе, на шоколад, на мыло, на сигареты, много раз на водку, и, наконец, "на колбасу". Так постепенно, тихо приближались "лихие годы".

После того, как двое соседей Игоря Сергеича по квартире на Лиговке один за другим добились улучшения жилищных условий, их сменил третий сосед из того же института, где работали первые двое. Этот сосед Лапотников был поклонником жизненных принципов жёлтеньких, причисляя себя к тем, которые, по его определению, "умеют жить". Будучи ещё студентом, он был по какой-то причине любимчиком одного профессора, который устроил его работать в лаборатории института. Лапотников выполнял любые поручения профессора, и тот подарил любимчику старенький "Москвич", что и дало ему повод считать себя выше других (всяких там), которые, конечно, ему завидуют. И дачу он себе начал строить, при этом, как и "все умные люди", что "умеют жить", он использовал студентов для постройки своей дачи за обещание зачёта по лабораторной практике.

Идеалом, мечтой третьего соседа, был образ жизни одного выпускника их института Гоги, у которого гостил в отпуске Лапотников. Гоги жил в Тбилиси и работал директором ресторана. Где-то высоко в горах паслась принадлежащая Гоги большая отара овец. Сам хозяин бывал в горах редко, овец пасли нанятые им чабаны, которые привозили каждый день по барашку в ресторан. В ресторане велась двойная бухгалтерия. Фактически было два ресторана в одном. Один — государственный, в котором были обычный ассортимент блюд и обычная зарплата у сотрудников. Другой же, принадлежащий Гоги, был элитный, с повышенным качеством предлагаемых угощений и с высокой второй зарплатой от хозяина по-

варам и официантам. В первый день Гоги пригласил гостя с утра прокатиться: "Если хочешь, посмотри, как я работаю. Это недолго!". Они сели на чёрную "Волгу" и поехали на базар. Там Гоги накупил целую машину всякой зелени и привёз её в ресторан, где принялся за свою ежедневную "работу". Он отдал нужные распоряжения, отдельно по государственной части и отдельно по собственной. Затем сказал гостю: "Вот и всё! Работа на сегодня закончена! Идём спокойно отдыхать! Я угощу тебя сейчас своим вином!". Больше всего Лапотникову понравились подвалы. После войны в Питере в каждом доме были подвалы, в которых у каждого жильца дома было отгорожено своё место, где он хранил дрова для печки — паровое отопление было не везде. В Тбилиси, как поведал гостю хозяин, тоже у каждого был подвальчик, но только там хранились не дрова — подвальчик, или большой подвал, как у Гоги, был постоянно забит бочками с вином. Всё то время, пока Лапотников гостил у Гоги, они с утра (после базара) пили это вино и ели шашлыки. Третий сосед, закончив свой рассказ, немного помолчал и, вздохнув, с расстановкой сказал: "Вот это жизнь!".

Игорю Сергеичу было интересно наблюдать за рассуждениями Лапотникова. Забавляли его высказывания, наверняка от кого-то им позаимствованные "его философские" рассуждения. Любое дело его начиналось с мысли, иногда проносимой вслух: "А что я с этого буду иметь?". Чьё-либо мнение, высказывание, если оно противоречило "его философии", вызывало раздражение, укор: "А тебе это надо? А тебе что, больше всех надо? — или оправдание — кто себе враг? Никто сам себе не враг! Жить хорошо не запретишь!".

Жёлтенькие горды тем, что они умные — "они умеют жить", но своё это мнение они стараются не афишировать. А вот их жёны и подросшие отпрыски, которых уже никогда не отправят на фронт, а "отмажут" от армии и пошлют учиться в Оксфорд, сдерживать себя не желают. Они, уверовавшие в то, что им можно многое, чего нельзя всяким там прочим, часто подчёркивают то, что они особенные, они "люди

своего круга". Ко всяким прочим, тем, которые глупы, и поэтому "не умеют жить", они относятся неуважительно, даже, подчас, с презрением, а то и со злобой, если кто-то не преклоняется перед "людьми их круга", как они считают, из зависти.

Была ещё одна категория людей, которых раздражала существующая система. Они также неуважительно относились к таким, которые "не умеют жить". Таких людей можно было бы отнести, скорее, к жёлтеньким, хотя они и преследовались со стороны добросовестных чиновников. Это диссиденты, фарцовщики, теневики. Диссиденты называли себя борцами за свободу против тоталитаризма, а позже перешли в правозащитники. Они боролись в основном чужими руками, руками своих "союзников" — западных идеологов (на фронтах холодной войны), как правило, попросту говоря, за деньги, или за какие-либо иные свои выгоды. Фарцовщики и теневики прямо и просто (без выкрутасов и лицемерия) преследовали одну единственную цель — нажива с прямым нарушением существующих законов. Все жёлтенькие боролись за что-то своё, за справедливость тоже, но только правда и справедливость у них была своя.

Иногда в Перцевом доме в помещении маленького кинотеатра устраивалось заседание показательного выездного суда. Игорь Сергеич проходил мимо, когда уже объявили приговор по одному делу, и увидел поразительную картину. Осудили молодого хулигана, который ограбил пенсионера. На выходе мать осуждённого поджидала потерпевшего (пенсионера), чтобы "посмотреть в его бесстыжие глаза". Она кричала пенсионеру: "Из-за тебя сына моего посадили! Из-за твоей жадности! Ты пожалел какие-то свои жалкие копейки! Да на тебе! Подавись!". И она с "благородным негодованием", со "справедливым" гневом в горящих глазах бросила большую горсть монет в лицо пенсионеру. Вот так и понимали справедливость жёлтенькие.

В верхах, конечно, не все были жёлтенькими. Были чиновники и добропорядочные, добросовестно исполняющие свою работу без волокиты, без корысти. Сколько их было тех, либо

других? Никто не считал. Ни у кого на лбу не написано, кто есть кто. На виду все были одинаковы. Жёлтенькие делали свои дела никоим образом не "при всём честном народе", а только между "своими", под покровом "круговой поруки". Человек мог прожить всю жизнь и верить тому, что в обществе царят порядок и справедливость, "как в кино". А если вдруг всплывает иногда какое-то безобразие, то это легко объяснить — это "отдельные недостатки", допущенные случайно по недосмотру "отдельными людьми".

Со временем жёлтеньких в верхах становилось всё больше. Ряды чиновников пополнялись новыми, деятельными, практичными молодыми людьми, которые смолоду учились "работать с народом". Пополнение шло из комсомола — "молодой смены партии". Когда Игорь Сергеич с Вилькой ещё учились в университете, они у Вильки в гостях обмывали какое-то событие. Одним из приглашённых оказался, к удивлению остальных друзей, секретарь комсомольской организации ВНИИ Куртов. Комсомольский вожак оказался компанейским парнем, который не прочь выпить в компании и поболтать о чём угодно. Но это сначала, когда все были навеселе и очень добрые, а потом стало понятно то, что он не "свой", не открытый парень, не всегда всё говорит, и не всё говорит то, что думает. Из его разговоров незаметно проскальзывает неискренность, что не бывает между друзьями. Назавтра Вилька сказал: "Я бы с ним в разведку не пошёл! Он много пылит (пыль в глаза пускает)". Несмотря на старания Куртова играть "своего", друзья всё же заметили эту его игру, его лицемерие, его стремление только к одному — сделать себе карьеру, и его двуличие.

У Игоря Сергеича было, так уж сложилось в его жизни, много знакомых, которые сделали свою карьеру через комсомол или через партию. Схема карьерного роста молодого энергичного комсомольца несложная. Приходит молодой специалист на предприятие. Он активен, часто выступает на всех собраниях, особенно на комсомольских. Игорь Сергеич с другом Стариной опробовали подобное в армии на себе опытным путём. Молодого активного инженера комсомольцы выбира-

ют своим вожаком. Если вожак не теряет активности, его избирают выше, на следующую ступеньку. Все сверстники молодого активиста в эти годы думают о другом, или совсем не думают, так что конкурентов у энергичного комсомольца нет. И молодой активист становится, наконец, освобождённым секретарём ВЛКСМ предприятия. А это уже должность, благодаря которой он общается (имеет связи) с директором, Главным инженером и прочими "Главными". Нерасторопный сверстник, друг секретаря ВЛКСМ, трудится в поте лица, что-то изобретает, работает над диссертацией и добивается, оставив позади многих конкурентов, наконец, должности младшего или старшего научного сотрудника, но не больше, чем начальника сектора — это за пять или десять лет. Его удачливый друг, вышедший к тому времени из комсомольского возраста, должен подыскивать себе место, по выражению жёлтеньких, "перейти на хозяйственную работу". Но секретарь ВЛКСМ стал теперь номенклатурным работником — он умеет "работать с народом", имеет знакомства, имеет связи. А жёлтенькие своих не обижают. Ему подберут должность не ниже начальника отдела, что на две ступеньки выше, чем у его трудолюбивого, но нерасторопного друга.

Если кто-то подумает, что эта простая (комсомольская) схема доступна для любого, то он ошибается. Всё это просто, если: комсомолец предрасположен быть жёлтеньким; комсомолец не страдает излишней принципиальностью; комсомолец умеет что-то не видеть и не слышать, когда это надо; комсомолец должен быть "своим". Если он не станет "своим", то долго не проработает — его тихонько вытеснят, как "белую ворону".

Когда Игорь Сергеич работал в НИИ на Суворовском, у него был хороший знакомый Сеницын Валерий Николаич, который заведовал сектором, был кандидатом наук. Неожиданно ему предложили должность секретаря парткома НИИ, он поначалу отказался. Райком, непонятно почему, настаивал. Валерий Николаич понимал, что он не подходит на эту должность — она не для него, для неё он был слишком принципиальным, прямолинейным и не умел лицемерить. Райком продолжал настаивать, он согласился, но с условием, чтобы для

него оставили его прежнюю должность на будущее. Валерий Николаевич правильно сделал. Он проработал в должности секретаря парткома два года. Ему там было тяжело, первые полгода он ходил подавленный ("чернее тучи"). Синицын не стал "своим" для жёлтеньких и вернулся на своё место, на свою прежнюю работу.

Централизованная (плановая) экономика, единая для всех, была неповоротливой бездумной гигантской машиной, которой как воздух было необходимо постоянное усовершенствование. Жёлтеньким, в руках которых оказывалось всё больше рычагов, появление чего-то нового было совсем ни к чему. Зачем им надо было прилагать усилия, делать жизнь слаще для каких-то завистников, которые сами не "умеют жить" и другим мешают, когда самим то им, "умеющим жить", и так хорошо? Появилась "ржавая система", при которой бездумная гигантская машина ржавела, постепенно замедляя ход. При такой ржавой системе невозможно было разработать чёткие правила и инструкции, единые, годные для всех случаев жизни. Это часто поневоле вынуждало находить пути обхода (нарушения) существующих правил, что давало возможность находить лазейки жёлтеньким для обхода закона, или часто просто приводило к нелепостям.

Работая в НИИ на Суворовском, Игорь Сергеич был свидетелем одного забавного случая. В цехе вспомогательного производства стоял автомат газированной воды. Автомат был стандартный, но с заблокированным устройством приёма монет для включения порции сиропа. Рабочие пили простую газированную воду. Рядом в курилке какому-то курильщику пришла в голову идея подключить полностью автомат, чтобы можно было пить воду с сиропом за три копейки. Профорг цеха, куда обратились рабочие с такой инициативой, поддержал идею и собрал общее собрание, на котором решили: "Подключить автомат полностью, а деньги, собранные по три копейки за стакан воды с сиропом с каждого желающего выпить, использовать для покупки сиропа, нужного при следую-

щей перезагрузке автомата". Всем этим должен был заниматься профсоюз, то есть профорг. Все были довольны — вода теперь была сладкой, приятной. Стали заходить напиться даже гости и из других отделов НИИ. Профорг периодически изымал из автомата деньги и покупал новую порцию сиропа. У него оставались лишние деньги, которые он держал в сейфе у начальника цеха. У профорга появились лишние проблемы. Каждый раз ему приходилось разменивать мелочь на купюры, и начальник начал ворчать: "Когда ты их уберёшь, наконец! Сдай их куда-нибудь!". В профкоме института принять деньги отказались: "По какой статье мы их оприходуем? Иди в районный комитет! Там знают!". Там тоже не знали, велели написать объяснение, отругали и сказали, что будут думать над вопросом, и посоветовали выкручиваться самому, раз заварил такую кашу. Прошёл год, деньги копились, комитет молчал. Профорг, решив, что про "вопрос" просто забыли, собрал общее собрание, на котором решили поделить деньги между всеми членами профсоюза. И неожиданно его вдруг вызывают в профком и сообщают, что в районном комитете нашли нужную статью, и он может деньги сдать. А узнав, что денег у него уже нет, возмутились и заставили написать объяснительную. Через неделю профорга вдруг вызвали к следователю, который разговаривал с ним как с мошенником, а в конце сказал, что если он вернёт деньги, то срок ему дадут небольшой. Испуганный профорг крепко задумался, а вместе с ним думали и профком, и партком, и директор НИИ. Все вместе решили: "Профörgу лучше срочно уволиться куда-нибудь, да подальше от греха. Нет виноватого — нет спроса".

Ржавая система была беззащитна перед жёлтенькими. Появились некие новые неизвестные ранее понятия: "приписки", "толкачи" и другие. Приписки давали возможность получать поощрения, выгоды (премии, похвалу, повышение авторитета) за выполнение или перевыполнение плана работ, которые фактически не были сделаны, а приписаны в отчётности на бумаге. Конечно, сделать это (приписать) в одиночку было нельзя, а можно только в компании жёлтеньких, свя-

занных так называемой "круговой порукой". Иногда, почувствовав свою безнаказанность, такие компании переходили все границы (зарывались). Но контроль всё-таки был. Широко известен один скандальный случай, попавший в прессу. В Карелии (далеко от глаз людских) был сдан в эксплуатацию завод, а фактически, как писала пресса, построен был на то время только фундамент. Приписки наносили большой урон экономике в широких масштабах.

Толкачи, или доставалы — это специальные люди. Они имели особый талант, особенные качества, способности налаживать связи, договариваться, получать, "выбивать" то, что обычным путём было трудно. Они действовали обходным путём, через личные знакомства, в том числе и через взятки. Игорь Сергеич знал одного такого доставалу. Он приходил на работу только иногда (в день полочки — всегда), и ничего не делал (только болтал), очевидно, ожидая указаний для себя от начальства. Его держали на работе специально для особых поручений начальства. Он мог всё: достать дефицит, от импортного гарнитура для нужного человека до редкого уникального новейшего прибора для института; устроить отпрыска нужного человека в вуз; подписать нужный документ у недоступного высокого чина; и многое другое, то, что не по силам для простого смертного. Однажды срывался важный заказ, срок подошёл, а к сдаче изделия была готова только пустая коробочка. Доставала справился с проблемой, а потом хвастался в курилке: "Вот вы за полгода целым отделом не могли закрыть заказ, а я за два дня командировки в Москве сделал за вас работу один. Теперь премии вас не лишат. Скажите спасибо мне!". Если быть честным, заказ, конечно, остался. Доставала только выклянчил перенос срока сдачи, пригласив кого нужно в шикарный ресторан.

Работая недолгое время на заводе, Игорь Сергеич наблюдал интересный случай создания АСУ (автоматизированная система управления) на этом предприятии. Трое энтузиастов задались благой целью внедрить АСУ на производстве. Долго склоняли директора на это хорошее (модное тогда) дело. Директор, наконец, сдался, и согласился создать специальный

экспериментальный отдел, куда позже и устроился Игорь Сергеич. Энтузиасты-новаторы заключили договор с Рижским университетом на разработку программ для ЭВМ с привязкой их к конкретному заводу. В процессе сбора базы данных пришлось потратить немало сил и энергии. Надо было втроём переписать, пересчитать всю номенклатуру деталей, материалов и много, много ещё другой информации, что исчислялось тысячами и тысячами позиций. В результате этой работы неожиданно вскрылось то, что одной маленькой деталью был забит склад на пять лет вперёд, а её продолжали изготавливать — её выгодно было делать (цена большая, а работы мало). Узнав об этом, директор решил: "Всё! Убедили! Покупаем ЭВМ!". Хотя, если честно, в данном случае ЭВМ была здесь ни при чём. Да её ещё и не было. Для внедрения АСУ на заводе уже всё было готово. Программы были испытаны и практически работали. Начальники цехов получали по утрам оперативную информацию с твёрдым планом работы цеха на день, без которой уже не могли обходиться. Для полного внедрения всех частей АСУ оставалась меньшая и более простая часть работы. И всё это сделали три энтузиаста, которые могли бы с лёгкостью закончить работу до конца.

Завод приобрёл ЭВМ, и всё стало на свои места "как у всех", как и положено по инструкциям. Для ЭВМ должно быть специальное помещение, обслуживающий персонал для обслуживания (механики, электронщики) и программисты. Всего по штатному расписанию — 40 человек. Энтузиасты, обиженные, обойдённые с должностями, уволились. До Игоря Сергеича дошли слова, выражающие мнение директора завода. Он всем задавал вопрос: "Было у меня 30 бухгалтеров. Они худо-бедно справлялись с работой. Теперь у меня 30 бухгалтеров и 40 программистов со своей ЭВМ. Бухгалтеры работают, как и работали, в поте лица. Программисты на ЭВМ трудятся, не покладая рук. План, каким был, таким и остался. В чём же тут польза? Где же здесь собака зарыта?". Никто ему не смог ответить: "Где зарыта собака".

Хороший знакомый Игоря Сергеича рассказал историю своего родного дяди, главного инженера одного из промыш-

ленных гигантов Питера. Это был опытный специалист, известный не только в стране. Из верхов пришло распоряжение — определить стоимость и сроки на новый заказ. Требовалось создать совершенно новую машину-гигант. Старый специалист рассчитал стоимость, наметил возможные сроки и доложил в Москву. От него потребовали сократить вдвое срок и финансирование. Главный инженер хорошо знал, что это просто невозможно. Спор был недолгим — там, в Москве, возражений не терпели. На место главного инженера поставили бывшего его заместителя, который согласился со сроками и объёмом финансирования, прекрасно зная то, что задача нереальна, знал и то, что, когда потребуется, перенесут и сроки, и обеспечат финансами. В конце концов, так и вышло: сроки переносились дважды, и финансирование тоже увеличивали два раза.

Такая практика применялась очень широко. Во главе ржавой системы практически уже стояли жёлтенькие, часто малокомпетентные люди, которые подбирались не по деловым качествам, а благодаря связям и личным отношениям (как и везде к тому времени по стране). Не зная реального положения дел, такие руководители действовали методом давления, завышая максимально планы, занижая сроки и финансирование работ. Руководители предприятий, в свою очередь, делали обратное — старались занижить планы, завесить сроки и финансирование. И те из них, кому удавался обман, жили припеваючи. Если в бюджете к концу года у кого-то оставалась неизрасходованной сумма, то в следующем году бюджет урезался на эту сумму. И руководители старались к концу года израсходовать всё подчистую, тратя средства, не глядя, на что угодно, чтобы не урезали бюджет на следующий год.

А "всякие прочие", которые "не умеют жить", и иногда мешают жить другим, "конечно, из зависти" — это СОВКИ. Это многие миллионы простых людей: и тех, что верят ещё в "светлые идеалы"; и "кухонных борцов", и тех, кто про-
с т о
не умеет кривить душой (совесть не позволяет), и тех, кто

просто живёт и работает честно, и не хочет ничего видеть и замечать — плюёт на всё. Жёлтенькие совков не любили и боялись, и презирали, а иногда некоторые из них, нечаянно проговорившись, называли совков просто — быдло.

Самыми типичными совками были советские инженеры. Когда-то в довоенные годы инженеров не хватало. Инженер ценился, был обеспеченным человеком, он ходил на работу летом в белом костюме и белой кепке. Очень многие мечтали стать инженерами. В 60-е годы инженеров уже стало достаточно, но все продолжали стремиться стать инженерами, получить высшее образование — это престижно, это обязательно, к тому же это бесплатно. Первое дело в жизни — получить диплом, никто тогда не скажет, что ты неудачник. Вузы продолжали "клепать" инженеров, которые стали уже лишними, а рабочих на производстве становилось всё меньше, и их приходилось приманивать большим заработком. Рабочий стал зарабатывать больше, чем инженер. И получилось так, что человек учился, тратил на это 5-6 лет жизни, и всё это только для того, чтобы зарабатывать меньше — парадокс? Когда Игорь Сергеич работал некоторое время (четыре месяца) на заводе, ему попалась на глаза ведомость одного цеха. Его удивили суммы заработков рабочих за месяц, составляющих у большинства 300-400 рублей. В то же, примерно, время он случайно встретил знакомого кровельщика, который часто менял работу из-за своей "вредной привычки". Знакомый спрашивал совета: "Вот нашёл работу в двух местах. Куда лучше идти — на 250 рублей, или на 200 рублей? Там, где 200, делать почти ничего не надо". Игорь Сергеич тогда серьёзно задумался: "А может быть плюнуть на всё и вернуться в кровельщики?". Зарботок его был тогда в НИИ около 200 рублей, это вместе с премией. Кровельщиком он, не страдая "вредной привычкой", мог бы рассчитывать не менее, чем на 300 рублей.

Но нет! Жалко было времени, потраченного на университет, но главное — работать инженером было интересно, а это много значит (не хлебом единым).

В 70-80х годах ходил анекдот. Идёт папа с маленьким сыном. Мальчик спрашивает:

- Папа, что это за дом, такой большой и красивый?

- Это НИИ, сынок! В нём работают люди.

- А сколько их там работает?

- Человек пять, сынок!

- А что они делают?

- Пишут свои диссертации!

- Там же много народу, а что другие делают?

- Они ходят на работу. — Этот анекдот точно отражает существующее положение. Среди самих инженеров модным (и метким) было высказывание: "Они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем".

От Калининграда до Владивостока все НИИ имели единую (как в армии) структуру подразделений, прописанную в штатном расписании. Каждый сотрудник имел свои обязанности, определяемые должностной инструкцией согласно штатному расписанию. Он мог и должен был делать "от и до" то, что предписано его должностной инструкцией. Отсюда складывались внутренние взаимоотношения между сотрудниками — начальниками и подчинёнными. Все невольно вынуждены были подчиняться известному, сформулированному тогда весёлыми шутниками закону: "Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак". Отсюда вытекало продолжение: "Инициатива наказуема" (дурак не должен высовываться). В каждой шутке есть доля правды. Многие начальники беззастенчиво эксплуатировали своих подчинённых, согласно этим правилам. Если подчинённый проявил инициативу, заявив её от своего имени, то она наказуема, но если подчинённый представил её как инициативу начальника, то она (инициатива) поощряема. Ещё, например, вошло за правило то, что подчинённый, написав статью в журнал, в соавторы включал имя начальника. Многие использовали результаты работы подчинённых для своих диссертаций. А главное, то, что тот, кто не знал или не хотел знать всех этих правил, хотел быть независимым, рассчитывая только на свои способности и талант, мало имел шансов в продвижении по службе.

Миллионы простых людей-совков просто жили и не замечали, или не хотели замечать, происходящих перемен. За несколько десятилетий совки привыкли к той жизни, которая есть — "раз так есть, значит так и надо". Есть начальство — пусть оно и думает, "начальству виднее". Двуличие в советском обществе царило надо всем, вносило хаос в головы большинства людей, делая человека безразличным ко всему, что происходило вокруг него. Жёлтенький днём на работе был защитником завоеваний социализма, а вечером становился самим собой, ратуя за крах этой химеры. Виртуальный "советский человек" был только вечером "кухонным борцом за правду". А днём он становился "как все": послушным, равнодушным, легковёрным, доверчивым, аполитичным. Если кто-либо из друзей совка начинал проявлять активность, выражал недовольство существующими прядками громко и открыто "при всём народе", то он не находил общей поддержки, скорее, встречал осуждение: "Ты что? Самый умный? Тебе больше всех надо?". Тихо (в курилке) говори, пожалуйста, что хочешь, здесь все с тобой согласятся, но громко (принародно) не смей! Это не твоё! Будь "как все"!

Это было удивительное, уникальное явление! Масса народа (совков) относилась к самим же себе с каким-то уничижением, требуя от "своего" же безропотности, осуждая попытки отстоять, защитит себя от "чужих". Постоять за себя? Потребовать законности? Это у совков считалось чем-то неприличным: "Ишь! Какой нашёлся! Ты что, умнее других?". Откуда это? Может быть, это остался страх ещё со Сталинских времён? Или страх перед жёлтенькими, которые "болтливых баламутов" не жалуют и не прощают им их "выходки". Может быть и так. Но, как бы там ни было, в реальной жизни так было принято — "каждый сверчок, знай свой шесток". Так уж был воспитан "советский человек".

Бывали, конечно, случаи, когда болтливых баламутов оказывалась целая группа. Игорь Сергеич наблюдал интересную историю, когда работал в НИИ у Финляндского. Соседним

отделом заведовала супруга главного инженера НИИ. В силу своего характера она вела себя в отделе по-хозяйски, как на собственной кухне — кто же может спорить с женой самого главного инженера. Она вела себя с сотрудниками как с прислугой — могла и матом покрыть. Взбунтовались, наконец, сотрудники двух секторов её отдела полными составами — стали писать коллективные жалобы. Пока писали директору, в райком, обком, получали шишки: выговоры, лишение премий, понижения в должностях. Наконец, бунтари добрались до Москвы, а там, видно, волосатой руки уже не было — сработало. В институт приехал знаменитый Пельше. И бунтари получили удовлетворение — жену главного инженера уволили, но сам он (Главный) удержался. Два сектора бунтарей расформировали по другим отделам. В отдел, где работал Игорь Сергеич, попал друг его Шабалов, который, будучи в командировке в одном НИИ на Московском проспекте, неожиданно встретил высокомерную жену Главного. В "дружеской" беседе та ему сказала: "Ну, что? Вы добились своего? Радуйтесь! Кем ты был у меня в отделе? Начальником сектора. А сейчас ты кто? Только ведущий инженер. А я сейчас пока начальник сектора. А через полгода, когда всё утихнет, я стану опять начальником отдела. Не сомневайся! А ты навсегда останешься ведущим инженером! Запомни! Теперь, надеюсь, ты понял: с кем вы затеяли войну!"

Шабалов, так уж получилось, переехал жить на родину в Минск. Там его брат, занимающий высокую должность, взял Шабалова к себе в НИИ на работу и.о. начальника сектора (положенный испытательный срок), и, зная квалификацию и способности брата, обещал интересную работу и, соответственно, продвижение по службе. Шабалов был доволен и спокоен. Теперь не может ничто помешать в его работе, тем более что НИИ относится к другому ведомству, а он здесь новый человек. Но новый человек рано радовался. Через некоторое время его позвал брат и заявил: "Ты уж извини, но так уж получилось. Пришлось руководству согласиться с тем, что ты не прошёл испытательный срок для и.о. начальника сектора, и придётся перевести тебя в ведущие инженеры.

Ох, и крепко же ты насолил кому-то там! Придётся нам с тобой отложить наши планы годика на два. Я так уже договорился". Обширны и крепки связи у жёлтеньких. Свои обиды они помнят и не прощают

Подавляющее большинство совков жили своей жизнью. Поглощённые своими заботами, они ходили на работу, растили детей, ездили на юг в отпуск, по праздникам ходили на демонстрации, а в определённые сроки ходили на выборы. На демонстрации радостно кричали "ура", подспудно держа в голове только одну приятную мысль: "Сейчас это всё закончится, и тогда уже начнётся праздник — придём домой, и сразу за стол, пока водка не нагрелась!". Выборы, как некий привычный ритуал — тоже праздник, и тоже повод выпить. Если прийти на выборы пораньше, можно успеть кое-что "отхватить" дефицитное в специальном буфетике при избирательном участке. Например, импортное пиво, мандарины, апельсины, дефицитные сардельки, или колбасу, или бутерброд с красной рыбкой, или икоркой. Потом уже нетрудно исполнить и ритуал: отметить в списках и, не глядя, опустить бюллетень в урну. "А кто там кандидат — неважно. Какая разница — он там всё равно один. Кого в список занесли, того и надо — начальству виднее!". Если не относиться серьёзно ко всем этим ритуалам, игнорировать все прочие навязанные традиции, придерживаясь правила: "у них своя свадьба, у нас своя свадьба", то можно жить и чувствовать себя свободным, независимым, не теряя чувства собственного достоинства. Вот так и жило большинство совков.

Одни, жизненная позиция которых сводится к смыслу "у соседа корова сдохла — мелочь, но приятно", стремились, как могли, хоть каким-то боком пристроиться к жёлтеньким. Другие же, которых большинство, не хотели терять независимости, не хотели "кланяться и благодарить", не хотели кривить душой, не хотели пролезать в жизнь с чёрного хода. Они стремились своим трудом и талантом улучшать своё благосостояние. Для инженера был один надёжный, долгий и тяжёлый путь — защитить диссертацию.

Рыба ищет, где глубже, а совок пристраивается, как может. В НИИ на Суворовском работал программистом некий Деревский. Он всегда находился в активном поиске "где бы подзаработать". Рабочим разрешалось работать на стороне (в других организациях) по разрешению с постоянного места работы (по справке "по совместительству"). А вот ИТР (людям с высшим образованием) разрешалось работать на стороне только в одном случае — чтение лекций (преподавательская деятельность). Игорь Сергеич, например, несколько лет читал лекции в отраслевом институте повышения квалификации (ИПК). Но от этой работы было мало толку. Курс лекций был коротким (около месяца) и не постоянным (всего несколько раз в году). Деревский вёл различные кружки в школе. Летом, выпросив отпуск за свой счёт, вместе с женой учительницей и сыном они выезжали в пионерский лагерь. Им как сотрудникам выделяли каморку. Деревский был очень доволен — есть и "дача", и зарплата на целое лето. Но этого ему было мало — он уволился из НИИ. Он всё-таки нашёл своё счастье, или почти счастье. Он нашёл, наконец-то, своё место. Через два года Деревский встретился с бывшими сослуживцами из НИИ, которым и поведал свою необычную историю.

Уволившись из института, Деревский пристроился на автобазе, сдав специально для этого экзамен на права вождения автомобилем. Работа досталась ему, конечно, по благу. Он должен был выезжать на аварию, где бы она ни произошла, с участием шофёра автобазы, как официальный представитель базы для установления обстоятельств аварии на месте. Когда аварии случались редко, он месяцами (летом) сидел без дела (дежурил), но зимой, особенно в гололёд, иногда поспать ему удавалось не всегда. Выезжать на аварии приходилось не только в пределах города, но и в область, и дальше. Для поездок ему была выделена машина "каблучок", которую Деревский держал ради оперативности у своего дома как собственности. Вот тут-то и была вся соль его счастья. Имея много свободного времени, он развозил знакомым, и незнакомым, разные грузы. Клиентов было много, к нему записывались в оче-

редь. У него была даже своя такса: телевизор, например, тянул на 10 рублей, холодильник, стиральная машина — 25 рублей, но главный груз — это продукты, развозимые по магазинам и базам. Это, как правило, неучтённый товар, который на другом транспорте открыто не повезёшь, оттого и платили за перевозку хорошо. Директора магазинов — главная и постоянная клиентура Деревского.

Бывшие коллеги бывшего программиста поохали, поцокали языками, и позавидовали, и порадовались за бывшего товарища, а потом спросили: "Тебе повезло! Ты, небось, счастлив, наконец?". На что бывший товарищ, постояв в задумчивости вдруг неожиданно, к немалому удивлению друзей, прямо-таки ошарашил: "Де нет! Первый год я был на небесах. Купил хороший телевизор, магнитофон, холодильник и много всего другого. А дальше что? Жена хотела дачу, а я — нет. Не по мне это! Не хочу закабалить себя. Я же вижу, как эти дачники света божьего не видят — всё что-то делают, и делают, и делают! А зачем? А отдыхать когда? А машина и так есть, на работе надоела. Зачем же ещё? Хотел квартиру получше, да боюсь засветиться, а если спросят: "Откуда у тебя деньги?" Денег много, а радости нет! Вспомню, как бывало раньше: сяду в скверике, читаю книжку — хорошо! Отдыхаю! Схалтурю где-нибудь пятёрку — радостно, бегу в магазин. Стимул! А сейчас? Только и развожу всякие коробки, да телевизоры с утра до вечера. А зачем? Деньги-то всё равно девать некуда! Скучно! Тоска беспросветная!". Тут кто-то из друзей и предложил: "Так иди назад, к нам!". Вот тут Деревский и рассмеялся: "Да думал я уже! Не-е-ет! Теперь уж не смогу! Привык! Как же я смогу жить, получая за месяц столько, сколько сейчас имею за день? Не-ет!".

В больничной палате, куда попал однажды Игорь Сергеич, рядом лежал седой пенсионер Борис Ильич. В больнице всегда скучно — тянет на разговоры. Узнав из разговоров, что сосед, седой пенсионер блокадник, Игорь Сергеич поинтересовался у него, что тот помнит о блокадном времени? Удивительно — Борис Ильич ничего не помнил о том времени. Он

сразу же перевёл разговор в другое русло — он жаловался на "тяжкую свою долю", на те времена, когда он работал председателем месткома крупной строительной организации. Борис Ильич сетовал на то, что ему приходилось постоянно кому-то угождать, постоянно следить за собой, чтобы, не дай бог, не сболтнуть чего лишнего, и постоянно унижаться, как он выразился словами: "кланяйся и благодари, кланяйся и благодари". Игорь Сергеич был ошарашен: "Бедный жёлтенький жалуется на судьбу?! Ему ли жаловаться? Чего же он хотел? И на ёлку сесть, и ...?".

Работая председателем месткома строительной организации, Борис Ильич по обязанности периодически принимал участие в составе комиссии предприятия по распределению жилья между своими рабочими строителями. Комиссия устанавливала списки тех рабочих, лучших из лучших и остро нуждающихся (передовиков, многосемейных), кто из них достоин, на этот раз, получить квартиру. И по негласному принципу социализма "с чем работаем, то и имеем" члены комиссии, конечно же, не забывали и себя, включая тихонько-тихонько свои фамилии в списки остро нуждающихся. Когда вырос сын Бориса Ильича, он "устроил" ему трёхкомнатную квартиру, когда дочь вышла замуж — ей тоже трёхкомнатную, а когда подрос младший сын — и ему двухкомнатную. Он очень гордился собой и своими детьми, и при любом удобном случае рассказывал, сколько у кого из них собственных иномарок. И соседи по палате его уважали: "Вот, человек умеет жить! Вот, молодец! А сына какого вырастил! Майор! Начальник районного ГИББД!"

Один иностранный турист выразил своё мнение о жизни в СССР: "Я специально приехал в эту страну, чтобы посмотреть на людей, которые ради равенства жертвуют своей свободой". Возможно, можно и так смотреть на жизнь советских людей, которые были ограничены определёнными жёсткими рамками — все "под одну гребёнку". Жёлтеньким ограничения не давали богато жить, как они хотели бы, и как могли бы. Совки же были ограничены рамками шаблонных условностей,

правил поведения виртуального "советского человека". Все должны были одинаково жить и трудиться, зарабатывать и мыслить. Все были недовольны, но никто ничего не желал изменять, кроме некоторых. Все желали, пока только желали, перемен в жизни. Причём каждый понимал "перемены" по-своему — перемены в своём благополучии. И все те, которые желали перемен — были разрушителями, созидателей не было. Приближалось время развала страны.

В первый год после армии, когда Игорь Сергеич жил в общежитии, он на демонстрацию попал случайно. Друзья большой компанией с утра в честь праздника уже успели выпить. Девушки позвали, за компанию, на демонстрацию. Кто-то из ребят крикнул: "Пошли на демонстрацию! Ура!". И все пошли. Вышли на Невский. Игорь Сергеич стал смотреть на людей вокруг: впереди кто-то играл на гармошке, сзади пели песню, кругом красные транспаранты, воздушные шарик, портреты, дети на плечах у родителей, и все орут, просто орут — и всё. Игорю Сергеичу было непонятно: "Чего орут! Чему люди радуются? Куда и зачем они идут? Чего тут весёлого?". Стало скучно и холодно, захотелось выпить. Когда дошли до середины Невского, идущий рядом кровельщик Колька, толкнул в бок. Ему тоже стало холодно, и он не вытерпел: "Да ну его, это всё! Холодно! Ребята, у нас же водки столько ещё осталось! Пошли домой!". Вся компания с радостью развернулась и пошла в обратную сторону. Игорю Сергеичу тогда демонстрация совсем не понравилась, и он в следующий раз попал на это яркое шествие только через восемнадцать лет, когда ему предложили быть ответственным за это мероприятие, а искать причины для отказа было неудобно, так как он только что устроился на новую работу. Он должен был, как ему объяснили, раздать своим демонстрантам плакаты, лозунги, портреты, воздушные шарик, накачанные тут же гелием. От Финляндского вокзала шли мимо Авроры через Троицкий мост. Когда прошли уже Дворцовую площадь, к Игорю Сергеичу подбежал один бывалый демонстрант из института: "Где же ты пропадаешь? Тебя всюду ищут! Но не вол-

нуйся, я всё уже сделал!". Оказывается, Игорь Сергеич должен был собрать весь "инвентарь" (лозунги, транспаранты, портреты вождей) и погрузить всё на институтскую машину, а это ему забыли сказать — не учли его неопытность в этом "наиважнейшем" деле. И Игорь Сергеич оплошал, но зато подобных поручений, к его радости, ему больше не давали. И он больше на демонстрацию не ходил. "Зачем? Если уж так уж хочется — смотри по телевизору! На диване уютно. Захотел — закурил. Захотел — опрокинул стопку, да мало ли что ещё можно захотеть на уютном диване! Можно смотреть и Москву, и Ленинград одновременно!" Кстати, Игорь Сергеич заметил один интересный факт, наблюдая (когда нечего делать) по телевизору демонстрацию (других передач-то в это время всё равно нет): "Щёлк — Москва. Музыка буйствует! Народ пляшет и просто подпрыгивает, и все без умолку громко руют так, что приходится убавлять громкость телевизора. Все веселы, улыбаются и смеются. По рупору призывы не умолкают: «Слава труженикам Первого Московского часового завода! Ура-а!» Площадь взрывается рёвом: «Ура-а!». Щёлк — Ленинград. Здесь тише. Люди идут спокойно так, как будто чем-то озабочены. Призывы из рупоров звучат тихо, с перерывами, кажется, даже как-то лениво: «Слава труженикам Кировского завода! Ура!». Ответ слышен не сразу — как будто после некоторого раздумья, спохватившись, труженики завода нестройными голосами отзываются: «Ура!». Впечатление такое, что марши играют сами по себе, лозунги выкрикиваются сами по себе, а народ идёт сам по себе". Игорь Сергеич пытался уравнять звук телевизора на Московском и на Ленинградском каналах. Может быть, в этом дело? Нет! Впечатление прежнее: "Щёлк — Москва, Щёлк — Ленинград, Щёлк - Москва ... . Красная площадь буйствует, а на Дворцовой, если в сравнении, спокойствие и тишина". Почему? Может быть, народ разный?

На выборы народ ходил исправно, особенно старушки, которые так же, как их бабушки ходили в далёкое время спозаранку в церковь. Игорь Сергеич тоже исправно ходил "как

все". Однажды на общем собрании отделения НИИ его избрали председателем участковой избирательной комиссии. Он знал, что придётся работать до конца суток, а потом подсчитывать голоса избирателей, составлять протоколы. Ну, это ещё терпимо — что ж поделаешь, надо, так надо. Подошла Зоя, уже опытная в таких делах, начала его учить:

- В десять часов доложишь в районную комиссию, что проголосовало двадцать процентов избирателей,

- В двенадцать — что тридцать пять процентов.

- А как я узнаю, сколько процентов? Что я буду считать каждый раз?

- Какой ты бестолковый! Считать, конечно, ничего не надо. В общем, давай поговорим после обстоятельно. Тут ещё много чему надо тебя научить. Кроме докладов, ещё подсчёт бюллетеней, окончательные цифры. Ну, много ещё всяких тонкостей. До вечера!

И она ушла. Игорь Сергеич понял то, что всё это голосование — это большой спектакль, а он в нём должен разыгрывать роль, как пешка, как дурак. Ему это не нравилось. Ну, не хотел он быть ни пешкой, ни дураком. Он этого не любил. И почему именно он должен участвовать в спектакле? Пусть так заведено, пусть так принято, пусть! Пусть в спектакле участвует тот, кому это нравится, или кому это "по барабану". Но только не он. И Игорь Сергеич пошёл и заявил, что он отказывается быть председателем участковой избирательной комиссии. Его даже не спросили — почему? А быстренько собрали новое собрание отделения, где переизбрали председателя.

Иногда временами на Игоря Сергеича накатывал "зуд протеста". Тогда он писал в газету "Правда". Первый раз он писал о блокадниках, о тех, которые через тридцать лет после победы всё ещё жили в коммунальных квартирах, и о несправедливом, в связи с этим, распределением жилья. Надо отдать должное — "Правда" всегда обязательно (гарантированно) отвечала на письма. Но при этом письма пересылались неиз-

менно назад по инстанции, и если это была жалоба на кого-то, письма шли тому, на кого была жалоба, то есть жалобщица "сдавали", как правило, часто на расправу. Но Игорь Сергеич не жаловался — он как бы делал упрёк, скорее, требовал. Письма его отсылали в Ленинградский обком, куда "писаку" и вызывали. В первый раз Игорь Сергеич беседовал, лучше сказать, спорил о жилищном вопросе с человеком, вызвавшим его, без малого три часа. Вышел Игорь Сергеич из Смольного и задал себе вопрос: "Ну и что? А результат какой? Поговорили — и всё!". Да он же остался в дураках! Стало так обидно, что чуть слёзы не навернулись на глазах за свою беспомощность и глупость — этот чиновник его "заболтал", как мальчишку. Но потом он успокоился — ведь этот чиновник профессионал. Это его работа — таких "писак" проходит через него сотни, рука уже набита.

Следующий раз, когда на Игоря Сергеича накатила "зуд протеста", он опять дошёл до писем в "Правду". Он предлагал эксперимент, который, если очень коротко, сводился к тому, что конкретную работу (НИОКР) в своём НИИ можно выполнить с существенно меньшими затратами. Игорь Сергеич представил ТЗ (техническое задание) руководству с расчётом необходимой трудоёмкости, как положено (по существующим правилам). Работа должна быть выполнена силами сектора, что было согласовано и подписано в смежном отделе (как экспертами). После этого Игорь Сергеич представил ТЗ на эту же работу, которую предполагалось выполнить силами одного человека. Эксперимент заключался в том, что работа, которая обычно исполнялась силами сектора, должна была быть выполнена силами одного человека, что противоречило установленным традиционным правилам и нормам, но давало большую экономию. Предложение эксперимента было встречено в штыки в институте, в ведомстве и в Ленинградском обкоме. Дальше была опять "Правда", которая, как всегда, "отфутболила" письмо обратно в Ленинградский обком. Разговор с инструктором обкома был опять очень долгим. В конце его инструктор привёл довод, не лишённый здравого смысла, но спорный: "Хорошо! Ну, Вы успешно закончите свой эксперимент, и мы нач-

нём, как Вы предлагаете, создавать подобные эффективные ячейки, работающие по-новому с полной отдачей сил. Но где гарантия, что все из них, из этих эффективных ячеек, будут работать так же эффективно, не скатываясь к прежним правилам и нормам с большими затратами?"

Наивный Игорь Сергеич! Он не знал, на что замахнулся со своим экспериментом. Размышляя позже по этому поводу, он понял, что его предложение было заранее обречено. Он же по наивности (нечаянно) предложил вскрыть старый нарыв, прикрытия "скрытой безработицы", при которой и не требовалось эффективной работы от исполнителей ИТР — их было и так слишком много, а они должны быть все при деле согласно гарантии права на труд в СССР. Главное, чтобы все были заняты — тогда безработицы нет. Кроме того, Игорь Сергеич не учёл — с кем он имеет дело. Он имел дело с "командно-административным аппаратом", с этой огромной бездумной системой. И что ему, этому аппарату, что какой-то маленький "винтик" системы предлагает какой-то там ещё эксперимент? Да если кто-либо предложил бы, да хоть философский камень, да хоть вечный двигатель, а не какой-то там эксперимент, то и его погнали бы в шею. И ни один, даже самый большой "болт" (аппаратчик) не поддержал бы никакого предложения маленького "винтика", пока не поступили бы указания сверху. Всё делалось только "по указанию сверху" — "я начальник, ты дурак". Знал ли обо всём этом Игорь Сергеич?

Конечно, знал! Знал, но писал в "Правду". И писал не он один. Когда Игорь Сергеич дискутировал на тему эксперимента с инструктором обкома, тот обмолвился в разговоре, что в "Правду" за прошлый год пришло более миллиона писем. Игорь Сергеич написал семь писем. Он писал, когда накатывал "зуд протеста". Его тяготил тот фальшивый мир, в котором он жил, и он не мог не писать. Он не мог переносить фальши — такой уж был характер. Если человеку все вокруг будут постоянно говорить, что он корова, то рано или поздно он замычит. Игорь Сергеич не хотел мычать, он хотел сказать, что он человек (хоть кому, хоть в пустоту) — вот и писал.

Игорь Сергеич всегда помнил тот воинский эшелон в Серееде, когда весь эшелон хором пел "Катюшу". Среди тысяч солдат этого эшелона наверняка была девушка по имени Катюша. Легко было себе её представить. Катюше шестнадцать. Она приписала себе пару лет, чтобы успеть попасть на фронт до конца войны. На фронте у неё любимый, от которого уже год нет вестей. Она мечтала о встрече с ним, или отомстить за него, если он погиб. Вернулась ли Катюша с фронта? Ведь тогда ещё шли жестокие бои.

Прошло полвека. И вот перед нами другая Катюша, которая себя называет Кэт. Кэт тоже шестнадцать, у неё тоже есть "бойфренд", который "откосил" от армии, и которого Кэт обожает — он даёт ей "травку", или "колёса", без чего нельзя. Какая же дискотека или тусовка, если тебя не "торкнуло". Кэт с бойфрендом на концерте Майкла Джексона. Они ловят "кайф". Кэт визжит во всё горло — она в экстазе. Визжат все вокруг. Кэт от Майкла "тащится". Все вокруг "тащатся" от Майкла — Майкл это "клёво". Когда-то были в стране национальные герои: Чкалов, Папанин, Олег Кошевой, Жуков, Гагарин. Для последнего поколения это скучно, это не "клёво". Они "фаны" Майкла Джексона, он их национальный герой. Кэт с бойфрендом принадлежат уже к другой культуре, чуждой Катюше.

Есть что-нибудь общее между Катюшей и Кэт?

Нет! Ничего нет! Связь поколений оборвалась.

Чем выделялось поколение Катюши? У этого поколения была гордость за себя, было чувство собственного достоинства. Игорь Сергеич это знает — он видел этих людей тогда, когда они возвращались с победой. Есть такое короткое, простое, но важное слово МЫ. Это слово объединяло тогда сотни миллионов людей. Они говорили: "МЫ выстояли! МЫ победили!". Они говорили это с гордостью. Победа досталась очень нелегко, поколение потеряло десятки миллионов самых крепких и молодых своих представителей, не оставивших после себя потомков. Победа стала возможной только потому, что было то поколение, которое знало это слово МЫ.

Последнее поколение, поколение Кэт, этого слова МЫ не знает, не знает совсем. Если они и произносят "мы", то это может относиться только к своей "тусовке", и не дальше. И гордиться последнему поколению нечем — это вымирающее поколение.

Будет ли ещё такое поколение, как поколение Катюши?

Будет! Если люди проснутся и вспомнят простое, но важное слово МЫ! Ведь корни, древние корни народа где-то очень глубоко остались! И должны появиться люди такие, какие были тогда.

А люди тогда были другие.